ISSN 0869-6063

Номер 4

Октябрь - Ноябрь - Декабрь
2001

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Главный редактор
В.И. Гуляев

http://www.maik.ru

"НАУКА"
МАИК "НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА"

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2001

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2001 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2001

К юбилею Анны Ивановны Мелюковой
В. Г. Петренко, И. В. Яценко 5

Предскифские древности Молдавии в трудах А.И. Мелюковой
М. Т. Кашуба 13

Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о "Старой Скифии" Геродота)
А. И. Мелюкова 20

Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища)
Г. И. Смирнова 33

"Уйгаракский аргумент" в контексте дискуссии о генезисе звериного стиля скифской эпохи
М. Н. Погребова, Д. С. Раевский 45

Были ли ленская и ангарская тайга прародиной скифов Причерноморья и Северного Кавказа?
Н. Л. Членова 53

Греческие амфоры из Краснокутского кургана
А. Ю. Алексеев 69

Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье
А. В. Симоненко 77

Тель Хазна I: итоги новейших исследований (1997–2000 гг.)
Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Ш. Н. Амиров 92

ПУБЛИКАЦИИ

Керамические комплексы раннего железного века – поселение Язево-1 (лесостепное Притоболье)
Н. П. Матвеева, Т. М. Потемкина, И. Ю. Чикунова 114

Большой курган эпохи скифской архаики на Киевщине
С. А. Скорый, О. Б. Солтыс, Ю. А. Белан 124

О фракийских влияниях в курганных материалах скифского времени на Среднем Дону
В. И. Гуляев 138

По поводу реконструкции головного убора из Рыжановского кургана
Е. Е. Фиалко 144

"Забытый" курган из раскопок П.Д. Либерова
Е. И. Савченко 153

Элементы культа очага в погребальной обрядности населения Предкавказья в сарматское время
Ю. А. Прокопенко 162

ИСТОРИЯ НАУКИ

Необычная судьба книги о первобытном человеке
А. А. Формозов 168

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

^{14}C et Archéology (^{14}C and Archaeology). Actes du 3ème Congrès International / Evin J., Oberlin C., Daugas J.-P., Salles J.-F. Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. XXVI (Supplément 1999 de la Revue d'Archéometrie). Rennes, 1999
Я. В. Кузьмин 171

Н. А. Гаврилюк. История экономики степной Скифии VI–III вв. до н.э. Киев, 1999
Н. Н. Крадин 173

В. И. Вихляев. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000
К. А. Смирнов 176

ХРОНИКА

VIII Международный научный семинар
"Интеграция археологических и этнографических исследований" (Владивосток, 2000)
С. С. Тихонов 179

Шестой международный симпозиум по эллинистической керамике (Волос, 2000)
И. И. Вдовиченко 180

Конференция "Древние ремесленники Приуралья" (Ижевск, 2000)
В. И. Завьялов 184

Памяти Анатолия Ивановича Кубышева (1938–2001)
Ю. В. Болтрик, С. А. Скорый 187

Авторский указатель журнала "Российская археология" за 2001 г. 189

Contents

Number 4, 2001

The jubilee of Anna Ivanovna Melyukova
V. G. Petrenko, I. V. Yatsenko 5

Pre-Scythian antiquities of Moldavia in the works by A.I. Melyukova
M. T. Kashuba 13

New data on the Scythians in Dobrudgea (on "the Old Scythia" by Herodotus)
A. I. Melyukova 20

The Hallstatt component in early Scythian culture in North Pontic forest-steppe (according the material from Nemirovo fortified settlement)
G. I. Smirnova 33

"Uigarak argument" in the context of discussion on Scythian animal style genesis
M. N. Pogrebova, D. S. Raevsky 45

Was the taiga on the Lena and Angara rivers the original territory of the North Pontic Scythians?
N. L. Chlenova 53

Greek amphorae from Krasnokutsky burial mound
A. Yu. Alekseev 69

The European Alans and the Alans-Tanaitians in North Pontic region
A. V. Simonenko 77

Tell Hazna I: the recent excavations' results
R. M. Munchaev, N. Ya. Merpert, Sh. N. Amirov 92

Publications

Pottery assemblages of the Early Iron Age from stratified dwelling site Yazevo I (forest-steppe area of the Tobol basin)
N. P. Matveeva, T. M. Potemkina, I. Yu Chikunova 114

A big burial mound of archaic Scythian epoch in Kiev region
S. A. Skory, O. B. Soltys, Yu. A. Belan 124

On Thracian influences in burial mounds material of Scythian time from the Middle Don basin
V. I. Gulyaev 138

On reconstruction of the head-dress from Ryzhanovka burial mound
E. E. Fialko 144

"Forgotten" burial mound from the excavations by P.D. Liberov
E. I. Savchenko 153

The elements of hearth worship in burial rite of the population of the North Caucasus' piedmont in Sarmation epoch
Yu. A. Prokopenko 162

History of science

Unusual history of the book on primitive man
A. A. Formozov 168

Critics and bibliography

^{14}C et Archéology (^{14}C and Archaeology). Acted du 3ème Congrès Internation / Evin J., Oberlin C., Daugas J.-P., Salles J.-F. Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. XXVI. (Supplément 1999 de la Revue d'Archéometrie). Rennes, 1999
Ya. V. Kuzmin 171

N. A. Gavrilyuk. The history of economy of Steppe Scythia In the 6th–3rd cc. B.C. Kiev, 1999
N. N. Kradin 173

V. I. Vikhlyaev. The origin of the ancient Mordva culture. Saransk, 2000
K. A. Smirnov 176

Chronicle

The VIIIth International scientific seminar "Integration of Archaeological and ethnographic investigations" (Vladivostok, 2000)
S. S. Tikhonov 179

The Sixth International symposium on Hellenistic Pottery (Volos, Greece, 2000)
I. I. Vdovichenko 180

Conference "Ancient artisans of the Ural region" (Izhevsk, 2000)
V. I. Zavyalov 184

In memory of Anatoly Ivanovich Kubyshev (1938–2001)
Yu. V. Boltrik, S. A. Skory 187

Author Index, 2001 189

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 5–12

К ЮБИЛЕЮ АННЫ ИВАНОВНЫ МЕЛЮКОВОЙ

© 2001 г. В. Г. Петренко*, И. В. Яценко**

** Институт археологии РАН, Москва*

*** Московский государственный университет*

Мы, коллеги и друзья, поздравляем дорогую, всеми нами любимую и глубокоуважаемую Анну Ивановну с ее четвертым двадцатилетием. Именно двадцатилетием, потому что ее жизнеутверждающей энергии, оптимизму и творческой активности может позавидовать любой из молодых ученых. Для нас Анна Ивановна являет собой пример высокого служения науке, принципиальности, беззаветной преданности делу, которому она отдает всю свою жизнь. Огромная эрудиция, стремление бескорыстно передать свои знания и опыт другим сделали ее лидером не только российских, но и украинских и молдавских скифологов.

А.И. Мелюкова родилась 14 декабря 1921 года в Москве. Отец, И.А. Мелюков, был скульптором-орнаменталистом, заведовавшим в 1930-е годы оформительской матерской Академии архитектуры, где разрабатывались эскизы декора общественных зданий. Он много работал в содружестве с академиком архитектуры И.В. Жолтовским. Среди значительных работ И.А. Мелюкова можно отметить создание декоративного убранства зданий театра Красной Армии и бывшего американского посольства. И.А. Мелюков умер еще до Великой Отечественной войны. Можно думать, что именно он передал Анне Ивановне способности к изобразительным видам искусства, которые очень помогали ей в работе над археологически материалом, позволяя делать хорошие зарисовки вещей и использовать их в своих печатных работах.

Ее мать, М.И. Мелюкова, воспитывала двух дочерей (Анну Ивановну и младшую сестру Ирину Ивановну) и образцово вела домашнее хозяйство с соблюдением лучших традиций и устоев патриархальных русских семей. Для характера Марии Ивановны Мелюковой были присущи большая доброта и отзывчивость, сочетающиеся с высокоразвитым чувством справедливости и принципиальностью. Нельзя не сказать, что в формировании личности Анны Ивановны Мелюковой, очень ответственного, скромного и всегда уважаемого окружающими людьми человека, большую роль сыграли воспитание и личный пример ее матери.

В 1939 г. А.И. Мелюкова, закончив среднюю школу, поступает на первый курс Исторического факультета МГУ. Интерес к исторической науке, как не раз говорила сама Анна Ивановна, возник у нее под влиянием школьных уроков, проводившихся в старших классах учителем истории Н.Н. Пикусом, который был выпускником истфака МГУ.

Анна Ивановна Мелюкова.

В ноябре 1941 г. университет был эвакуирован. Анна Ивановна остается в Москве. Она работает в 1941–1942 гг. травильщицей в артели Мосметизсоюза, а с марта по ноябрь 1942 г. – лепщицей в скульптурно-лепном комбинате "Всекохудожник". С возобновлением работы университета в Москве в ноябре 1942 г. Анна Ивановна возвращается к занятиям на историческом факультете и специализируется на кафедре археологии.

Надо сказать несколько слов о работе в военные годы кафедры археологии, открытой на историческом факультете всего за два года до начала войны. Несмотря на трудности военного времени, преподавательский коллектив кафедры серьезно занимался подготовкой специалистов – археологов для работы в будущее мирное время. На это уже обращал внимание В.Л. Янин, написавший: "Война не приостановила, а даже акти-

визировала профессиональный рост преподавательского коллектива, рассматривавшего свой труд как высокий патриотический долг" (Янин, 1999. С. 5). Кроме того, В.Л. Яниным было отмечено, что в результате слияния Университета и МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории) произошло "пополнение состава кафедры профессором Б.Н. Граковым и учителем учителей В.А. Городцовым".

У А.И. Мелюковой годы занятий в университете, как и у всех студентов военной поры, были связаны не только с учебой, но и с выполнением целого ряда общественных работ, вызванных необходимостью помощи фронту и обеспечения жизни населения тыла. Анна Ивановна принимает участие в первом длительном "трудовом фронте", организованном университетом по сенозаготовкам в Рязанской области. Здесь было много трудностей: тяжелая, непривычная с длительным рабочим днем работа; а главное заболевание многих, и в том числе Анны Ивановны, малярией. Но в то же время здесь существовал большой и дружный молодой студенческий коллектив, в котором все помогали друг другу преодолевать невзгоды. И таких работ было много. Одной из них был "трудовой фронт" по заготовке дров для отопления Москвы. Здесь, на распилке 8–12-метровых бревен с 7 утра до 19 вечера работала бригада А.Ф. Медведева, одним из членов которой была Анна Ивановна.

На кафедре А.И. Мелюкова с большим интересом занимается скифо-сарматской археологией под руководством профессора Б.Н. Гракова. В его же экспедициях проходит и полевую археологическую практику. Об этих экспедициях своего учителя было подробно рассказано ею на страницах "Российской археологии" (Мелюкова, Яценко, 1999. С. 215–220). В 1945 г. она защищает дипломную работу на тему "Погребальные сооружения скифских царских курганов на территории Нижнего Поднепровья", и в этом же году поступает в аспирантуру при кафедре археологии.

Тема диссертации, "Вооружение, войско и военное искусство скифов", предложенная Анне Ивановне ее руководителем Б.Н. Граковым, увлекла ее, и к концу аспирантуры вышли из печати ее первые работы (Мелюкова, 1949; 1950). Успешная защита состоялась 25 января 1950 года. Оппоненты высоко оценили обсуждаемую диссертацию и рекомендовали к печати. В.Д. Блаватский, отметив большую тщательность аналитической работы, проведенной А.И. Мелюковой с материалом, и надежность предложенных датировок выделенных ею типов оружия различных категорий, с уверенностью сказал, что будущая книга станет настольной для него самого и всех исследователей, занимающихся археологией железного века Восточной Европы и в той или иной мере касающихся оружия. Жизнь полностью подтвердила его предсказание. Эта первая большая работа исследовательницы, написанная более 50 лет тому назад, но изданная несколько позднее в серии "Археология СССР. Свод археологических источников" (Мелюкова, 1964), была выполнена на столь высоком уровне, что до сих пор большинство скифологов пользуются созданной ею классификацией скифского оружия и выводами о его датировке, происхождении и распространении. Хотя со временем и вносились некоторые уточнения в разработку отдельных видов скифского вооружения, однако кардинальных изменений в общую систематизацию скифского оружия, предложенную А.И. Мелюковой, они не внесли. Развернувшаяся в 90-е годы XX в. дискуссия о датировке памятников раннескифской культуры, казалось бы, должна была способствовать и значительным изменениям в датировке скифского оружия и особенно наконечников стрел, в сторону их значительного удревнения. Однако в 1998 г. А.И. Мелюкова показала на ряде конкретных примеров неправильность новой датировки верхней границы стрел келермесского типа рубежом VII–VI вв. до н.э. и правомерность тезиса о продолжении их существования по крайней мере до середины VI в. до н.э. Но наука не может стоять на месте и это понимание новизны, учет новых мнений, столь свойственные исследовательнице, а также значительное накопление источников по данной теме, произошедшее за последние годы, побудило Анну Ивановну вновь обратиться к изучению оружия. В настоящее время ею разработана новая, более дробная классификация мечей, которая способствует выявлению локальных особенностей этой категории предметов, а подробное картографирование всех вариантов, проведенное совместно с В.Б. Ковалевской, открывает перспективы в изучении очагов возникновения и производства, пространственного распределения их по хронологическим этапам (Ковалевская и др., 1998. С. 29–32).

Несомненно, очень важным периодом в жизни Анны Ивановны была учеба в аспирантуре под руководством выдающегося педагога, крупнейшего скифолога Бориса Николаевича Гракова, идеи которого оказали на нее большое влияние. Как уже говорилось, студенткой она слушает его лекции, участвует в возглавляемых им экспедициях, а после окончания аспирантуры и до самой смерти Бориса Николаевича она – ближайший сотрудник и друг ученого. Анна Ивановна не только принимает участие в экспедициях, проводимых учителем в степной зоне Северного Причерноморья (на Никопольском курганном поле, Каменском городище, Солохинском могильнике), но и становится соавтором Б.Н. Гракова, разделяя и развивая его научные взгляды.

В 1952 г. они выступают с совместным докладом, опубликованным позже в виде статьи (Гра-

ков, Мелюкова, 1954) на Всесоюзной скифской конференции. В докладе было предложено новое понимание основных вопросов скифской истории, основывающееся на более детальном рассмотрении письменных источников и углубленном изучении как добытых ранее, так и новых археологических данных. Выдвинутая ими концепция определяла Скифию как располагавшуюся только в степной зоне Северного Причерноморья и Приазовья общность, объединенную не только политически, но и единством происхождения, языка, материальной и духовной культуры. Памятники лесостепной зоны рассматривались как принадлежавшие нескифским племенам, имевшим различное происхождение и отличную от скифов культуру. Близкие скифским элементы культуры этих племен объяснялись распространением "скифской триады" (единство оружия, конского снаряжения и звериного стиля). Для Северного Кавказа, где памятники скифской культуры в то время были известны в основном только в бассейне Кубани, исследователи допускали присутствие скифского этнического компонента, подтвердившееся раскопками и исследованиями последующих лет. Концепция ученых надолго определила направление научной мысли московской школы скифологов.

Обратим внимание на личный вклад молодой исследовательницы в содержание упомянутой статьи. А.И. Мелюковой был написан раздел о культуре лесостепных племен, без которого доклад не мог состояться. В этом разделе была дана краткая характеристика каждой из групп памятников лесостепи Северного Причерноморья, большей частью выявленных в то время другими исследователями, но главное, что ею впервые было проведено их последовательное сравнение между собой. Более того, в круг ранее известных памятников на территории Северного Причерноморья А.И. Мелюкова вводит новую группу, названную Молдавской, памятники которой тогда только начинали обнаруживаться в лесостепном Поднестровье. Впервые была намечена характеристика этой группы и отмечена ее близость по погребальному обряду северо-западной (Западно-Подольской) группе, а по керамике – памятникам Румынии и Болгарии. Также новым моментом является и включение в характеристику Западно-Подольской группы (известной ранее только по курганам) сведений о только что открытых многочисленных поселениях и редких городищах. Это уже был результат первого этапа той научной работы, которую А.И. Мелюкова начала по исследованию памятников этих территорий.

С этих позиций в большой статье, вышедшей в 1958 г., Анна Ивановна подошла к изучению наиболее спорных с точки зрения происхождения и мало изученных в то время групп памятников, расположенных на крайнем западе и северо-западе в лесостепной зоне Среднего Поднестровья, совершенно верно оценив перспективы исследования этого региона.

Собрав с предельной полнотой и проанализировав весь имевшийся на тот момент материал, касающихся не только скифского, но и предскифского периодов на этих территориях, исследовательница, наряду с общеисторическими выводами о производстве, социальной структуре изучаемых обществ, обратилась к вопросам происхождения и взаимодействия впервые очерченных ею групп памятников с сопредельными культурами. Намеченные А.И. Мелюковой в этой работе ареалы культурных групп и пути передвижения населения не претерпели существенных изменений, а лишь детализировались ею, а впоследствии и другими исследователями, и в первую очередь Г.И. Смирновой, в части, касающейся голиградской группы, по мере накопления материалов, добытых в значительной мере раскопками и разведками самой исследовательницы. В этой и последующих работах (Мелюкова, 1961), А.И. Мелюковой были выделены и описаны три группы памятников начала железного века в лесостепной Молдавии: 1-го типа поселения под Кишиневом, 2-го типа поселения и могильника у с. Шолданешты, 3-го типа поселений Сахарна-Солончены, определены их датировка и культурная принадлежность. В 1972 г. с учетом новых данных ею были внесены лишь незначительные коррективы в соотношение и хронологию этих групп, не изменившие прежней характеристики, и сделаны дополнения, касающиеся синхронизации их с памятниками Румынии и Украины.

Самостоятельная раскопочная деятельность Анны Ивановны начинается с участия в работах Молдавской экспедиции, руководимой Т.С. Пассек. С 1954 г. А.И. Мелюкова – руководитель самостоятельного отряда скифской археологии этой экспедиции. И с этих пор наряду со скифской степной тема северо-западных и западных границ скифского мира и взаимоотношения скифской и фракийской культур и истоков этих отношений становится основной в ее полевых исследованиях. В период полевых сезонов 1954–1960 гг. руководимым А.И. Мелюковой отрядом скифской археологии молдавской экспедиции были открыты и исследованы десятки поселений и могильники периода раннего железного века.

Детальное изучение каждого из раскопанных и разведанных памятников и сравнительный анализ, которые начинались уже на страницах отчета, а в дальнейшем оформлялись в виде частных и обобщающих статей, имели своим итогом создание целостной исторической картины передвижения носителей культуры фракийского гальштата и их взаимодействия с населением среднеднепровского лесостепного Правобережья.

Разведки по правому берегу Днестра и раскопки городища Тудорово I помогли выявить отличие

степных районов Молдавии и близость их степным районам Северного Причерноморья, а само Тудорово I поместить в период между сабатиновскими и белозерскими памятниками.

В этот же период А.И. Мелюковой раскапывались памятники и других эпох, среди которых следует отметить впервые обнаруженные в Молдавии курганные захоронения усатовской культуры с разнообразным инвентарем, включающим металлические вещи и уникальный сосуд с резным изображением животных, а также работы на Олонештском курганном могильнике, где было обнаружено богатое сарматское погребение II–III вв. н.э.

С 1961 г. начинаются работы Западно-Скифской экспедиции института археологии Академии наук, бессменным руководителем которой А.И. Мелюкова была более 20 лет.

В 1961 г. ведутся разведки по левому берегу Днестра, раскопки на двух поселениях у с. Граденица Одесской области IV–II вв. до н.э. Было выяснено, что Нижнее Поднестровье в IV–III вв. до н.э. являлось районом непосредственного и тесного взаимодействия между скифами и гето-фракийскими племенами. С 1962 по 1969 годы работы были сосредоточены на поселении и могильнике у села Николаевка Овидиопольского района Одесской области. Это были первые комплексные исследования бытового и погребального памятников IV–III вв. до н.э. на побережье Днестровского лимана. Результаты раскопок стали предметом специального монографического изучения памятников в работе "Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка", вышедшей из печати в 1975 г.

В 1970-е годы А.И. Мелюкова возобновляет раскопки в Молдавии. Продолжаются раскопки и разведки на памятниках типа Сахарна-Солончены. Исследуется курганная группа у с. Буторы с разновременными погребениями, преимущественно киммерийскими и скифскими.

Обозначив какую-либо тему, Анна Ивановна никогда не успокаивается на достигнутом, продолжает пристально следить за развитием исследований в этой области, и если новые факты опровергают или как-либо изменяют высказанные ею положения, она вносит соответствующие корректировки. Так, в отдельной статье (Мелюкова, 1969) и в книге "Поселение и могильник у с. Николаевка" (Мелюкова, 1975) А.И. Мелюковой была высказана мысль о том, что граница между гетами и скифами проходила по Днестру. Появление новых фактов побудило ее к пересмотру этого вывода. "Теперь совершенно очевидно, что не только в эпоху, известную Геродоту, в VI–IV вв. до н.э., но и в IV–III вв. до н.э. граница скифского царства на западе проходила не по Днестру, как я полагала раньше, а по Нижнему Дунаю и Пруту" – пишет Анна Ивановна, развивая это положение и критически рассматривая другие факты скифо-фракийских взаимоотношений в свете новых фактов (Мелюкова, 1995).

Особое внимание А.И. Мелюкова уделяет вопросам хронологии и соотношению памятников (Мелюкова, 1972). Отдельное место, хотя и в контексте основного направления исследований, занимают ее работы по звериному стилю (Мелюкова, 1972; 1976; 1999). Все работы исследовательницы характеризуются глубиной анализа и широтой привлеченного сравнительного материала.

Итогом многолетних исследований явилась вышедшая в 1979 г. монография "Скифия и фракийский мир", защищенная в качестве докторской диссертации. Она охватывает обширный круг вопросов взаимоотношения двух соседних разноэтничных массивов племен скифов и фракийцев. Актуальность этой темы была обусловлена отсутствием детальной проработки всех сравниваемых памятников. В литературе имели место различные точки зрения как на фрако-киммерийские, так и на фрако-скифские взаимоотношения, например от точки зрения М.И. Ростовцева и В. Пырвана о мощном факторе скифских завоеваний, прервавших развитие гетских племен, до положения И. Нестора и Д. Берчу о спорадическом характере скифских вторжений, не сыгравших сколько-нибудь значительной роли в развитии культуры гето-даков. Детальное рассмотрение всех категорий материальной культуры и прежде всего керамики как наиболее массового материала из поселений и погребений, дало Анне Ивановне возможность выявить не просто наличие или отсутствие, а степень сходства как форм, так и орнаментации сосудов, и как следствие этого анализа определить, с какими именно группами фракийской общности оказываются близкими отдельные группы населения степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, а также выявить истоки тех форм, которые оказали влияние на развитие керамического комплекса той или иной группы памятников, как скифских, так и фракийских.

В результате А.И. Мелюковой удалось обоснованно доказать, что археологические материалы не подтверждают присутствие сколько-нибудь значительных групп фракийцев в степной зоне Северного Причерноморья как в предскифский, так и в скифский периоды. Кочевники, сами воспринимая отдельные черты фракийской культуры, в основном являлись распространителями ее, вплоть до Северного Кавказа. Заимствованные черты как в Скифии, так и во Фракии наиболее явственно проступают в аристократической среде в силу неизменных и постоянных контактов как военных, так и мирных, включая торговлю и межэтничные браки. В то же время в развитии племен среднеднепровской лесостепи фракийцы сыграли значительно большую роль и, в частности, в сложении комплекса чернолесской культуры. Признавая вслед за А.И. Тереножкиным для

основной массы населения лесостепного Правобережья наличие местной этнической основы, возможно, протославянской, Анна Ивановна полагает, что без присутствия здесь фракийского этнического элемента в чернолесской культуре не могло произойти формирование черной лощеной керамики, обряда трупосожжения с захоронением в урнах и каркасно-глинобитного способа домостроительства. Высказанные ею положения оказались столь надежно и доказательно подкреплены детальнейшим анализом источников, что основной итоговый вывод о том, что два изучаемых ею этноса представлены двумя разными культурами, "каждая из которых имела независимое от другой происхождение и самостоятельное развитие", после ее работ становится незыблемым.

Вторым направлением исследований Анны Ивановны всегда оставалась собственно скифская археология. А.И. Мелюкова внесла большой и серьезный вклад в изучение "царских" курганов, выпустив в 1981 г. монографию "Краснокутский курган". Эта книга впервые представляет полную публикацию материалов, происходящих из Краснокутского "царского" кургана, более других пострадавшего от разрушения и разграбления. Курган был раскопан в 1860 г. И.Е. Забелиным и кратко опубликован С.А. Семеновым-Зусером.

Прежде всего подчеркнем осуществленный исследовательницей полный сбор доступных к моменту написания работы архивных данных и всех вещей с их многочисленными фрагментами, хранящихся в Гос. Эрмитаже. Изучение всех "мелочей" или, точнее, деталей, в частности места в могиле воткнутых в землю наконечников копий, позволили А.И. Мелюковой дать более конкретную и полную характеристику погребального обряда. Тщательный анализ вещевого материала также обнаружил очень интересные данные для характеристики изучаемого кургана. Примером могут служить полученные результаты изучения сохранившихся фрагментов погребальных повозок. Автору удалось восстановить некоторые их детали и показать элементы, отличающие краснокутские повозки от большинства известных скифских, а именно черты, связывающие их с фракийскими и гальштатскими, а также черты, отличающие их от последних. Столь же тщательно и результативно проведенное исследование всего инвентаря подтвердило и более фундаментально обосновало уже сделанное ранее в науке определение о принадлежности Краснокутского кургана к группе "царских" погребальных памятников степной Скифии. Оно позволило уточнить время создания кургана, которое автор помещает в период после сооружения кургана Чертомлык, но несколько ранее Александропольского. Новым явилось выделение вещей, характерных для фракийцев (удила, псалии) и предметов, отражающих тесное взаимодействие фракийского и скифского искусства (украшения головных уборов).

Следует отметить, что всем работам А.И. Мелюковой присущ историзм, а именно рассмотрение раскапываемых или изучаемых на данный момент памятников на широком фоне известных по письменным источникам исторических процессов, происходивших на данной территории.

В 1989 г. под редакцией А.И. Мелюковой вышла из печати коллективная монография "Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время" в серии "Археология СССР", в которой все главы и разделы, касающиеся общеисторической обстановки в Северном Причерноморье в предскифский и скифский периоды, и разделы, посвященные письменным источникам, расселению племен и существенной части собственно скифской материальной культуры, написаны ею лично. Существующие точки зрения изложены с предельной объективностью и комментариями, отражающими их дискуссионность или понимание автором исторических процессов, происходивших в Северном Причерноморье в IX–III вв. до н.э.

А.И. Мелюкова, углубленно и целеустремленно занимаясь изучением расположенных в степной и лесостепной зонах западных областей Северного Причерноморья и древностей Балкано-Прикарпатского района, всегда проявляет большой интерес к новым разработкам дискуссионных проблем науки о скифах и возникающим новым концепциям. В качестве примеров можно отметить ее участие в круглом столе "Дискуссионные проблемы отечественной скифологии", в совещании по проблеме "скифо-сибирского мира" и в Международном "круглом" столе "Ранние скифы и их культура". В дискуссии 1980 г. А.И. Мелюкова поддерживает развиваемую авторами обзорной статьи мысль о полицентризме формирования культур скифского или скифо-сибирского мира (Яценко, Раевский, 1980. С. 102–117), впервые высказанную М.П. Грязновым (1978). Этот круг культур с объединяющими их чертами исследовательница рассматривает "как новообразование, возникшее в результате многих исторических причин, связанных с экономическим и социальным развитием племен Евразии в период окончательного освоения железа" (Мелюкова, 1980. С. 125).

В докладе на совещании по проблеме "скифо-сибирского мира" представлено уже более подробно обоснование этого положения. В нем акцентируется внимание на различном происхождении конкретных категорий вещей, входящих в круг элементов, объединяющих культуры скифо-сибирского мира, и показано, что в культурах скифо-сибирского мира "соединились элементы разного происхождения" и поэтому сами культуры могут рассматриваться как новообразования.

Во время раскопок Толстой могилы. Слева направо: А.И. Тереножкин, А.И. Мелюкова, В.Г. Петренко, Б.Н. Мозолевский.

Этот построенный на археологическом материале вывод, как отмечает сама автор доклада, "противоречит представлениям тех исследователей, которые связывают появление элементов сходства в культурах скифо-сибирского мира и происхождение скифов только с последовательным процессом проникновения больших масс азиатских народов в Северное Причерноморье" (Мелюкова, 1993. С. 28). Приведенные данные свидетельствуют, что А.И. Мелюкова выступает последовательным оппонентом сторонников "центральноазиатской гипотезы" происхождения скифской культуры и скифов.

Живо откликаясь на все новое, что появлялось в скифской археологии, Анна Ивановна всегда стремилась увидеть это воочию, как говорится, "подержать в собственных руках". Так было при открытии Б.Н. Мозолевским "Толстой Могилы" – памятника мирового значения. Немедленно ею было принято решение выехать на место раскопок, с тем чтобы в деталях рассмотреть уже вскрытую к ее приезду боковую могилу с погребением знатной скифянки с ребенком в окружении слуг и стражников. Приезд Анны Ивановны был важен и для раскопавшего курган Б.Н. Мозолевского, который с большим вниманием прислушивался к ее пожеланиям во время обсуждения памятника вечерами в гостиничном номере.

Так было и когда встал вопрос о необходимости помощи и консультаций при раскопках другого значительного скифского памятника – кургана 1 у хут. Красное Знамя, раскапывавшегося одним из авторов – В.Г. Петренко. Анна Ивановна первой вызвалась поехать в поле, принимала самое непосредственное участие в раскопках и своими ценными советами помогала пониманию этого сложного уникального памятника раннескифской культуры. Будучи к этому времени уже крупным ученым, ведущим специалистом в области скифской археологии, Анна Ивановна никогда этого не только не подчеркивала, но и стремилась ничем не выделяться в работе и жизни экспедиции.

Много сил отдает А.И. Мелюкова популяризации научных знаний. Ею написан большой раздел в книгу История Молдавской ССР, целый ряд статей и заметок в Большую Советскую, Детскую и Историческую энциклопедии, Итальянскую энциклопедию по археологии и ряд других изданий. Всего же ею опубликовано более 100 научных работ, среди них шесть монографий.

Человек неравнодушный, она принимает самое активное участие в общеинститутских делах. В течение многих лет А.И. Мелюкова была ответственным секретарем журнала "Советская археология", членом Ученого совета, членом Полевого комитета, членом оргкомитетов, как общеинститутских, так и конференций по скифо-сарматской археологии, редактировала большинство книг и сборников по скифской тематике.

Ею подготовлено семь аспирантов, четверо из них успешно защитили кандидатские диссертации. Она и сейчас руководит аспирантами, среди которых хотелось бы особенно выделить С.Б. Вальчака, успешно разрабатывающего тему "Вооружение и снаряжение боевого коня в предскифский период". А скольких людей своими доброжелательными и в то же время строгими отзывами напутствовала Анна Ивановна в начале, да и не только, их творческого пути, щедро делясь своими обширными знаниями и побуждая к тщательному отбору, максимально полному и точному анализу и интерпретации источников, остужая горячие головы от поспешных выводов.

Следует отметить также тесные контакты А.И. Мелюковой как в экспедиционном, так и в исследовательском плане с научными силами Украины, среди которых ее друзья и коллеги, такие крупные специалисты, как А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, А.М. Лесков, Г.Т. Ковпаненко, Е.В. Черненко, И.К. Свешников, Л.И. Крушельницкая, Б.А. Шрамко и многие другие ученые. Она постоянно участвует в обсуждении научных работ украинских и молдавских ученых, откликаясь на них отзывами в печати, выступая оппонентом на кандидатских и докторских диссертациях.

А.И. Мелюкова активно сотрудничает с зарубежными учеными. Украина высоко оценила тот весомый вклад, который А.И. Мелюкова внесла в изучение древностей населения юга Восточной Европы эпохи раннего железа и, в частности, древней истории Украины, Молдовы и России в X–III вв. до н.э. В 1994 г. Анна Ивановна становится лауреатом премии "Золотой скиф", учрежденной институтом археологии НАН Украины и Киевской Академией Евробизнеса.

Она – признанный авторитет в мировой науке. Ею много сделано по археологии раннего железного века стран Юго-Восточной и Восточной Европы. Перу Анны Ивановны принадлежит раздел "Скифы и сарматы" в "Cambridge History of inner Asia", глава "Скифы в юго-восточной Европе" в книге "Nomads of the Eurasian steppes in the Early Iron Age" и ряд статей в изданиях Болгарии, Германии и других стран.

Свой юбилей Анна Ивановна встречает новыми творческими успехами, активно разрабатывая тему "Скифская культура в Центральной Европе". По этой теме ею исследованы пути распространения памятников скифской культуры в Европу, основное сосредоточение которых наблюдается на Трансильванском плато и на Большой и отчасти Малой Венгерской низменности, хронология продвижения, исходные территории и характер взаимоотношений скифского и местного населения в каждой из этих групп. При этом Анна Ивановна успешно полемизирует с западноевропейскими учеными (З. Буковским, Я. Хохоровским и др.) по целому ряду вопросов, касающихся продвижений скифов и распространения скифской культуры в Центральной Европе.

С нетерпением ждем монографии по этой теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. 1953. Т. XVIII.

Грязнов М.П. К вопросу о нахождении культур скифо-сибирского типа Евразии // КСИА. 1978. Вып. 154.

Ковалевская В.Б., Мелюкова А.И., Петренко В.Г. Некоторые итоги использования компьютерных карт на материалах скифских акинаков VII–V вв. до н.э. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тез. докл. СПб., 1998.

Мелюкова А.И., Яценко И.В. Первые экспедиции с Б.Н. Граковым // РА. 1999. № 4.

Янин В.Л. Кафедре археологии Московского университета 60 лет // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.

Яценко И.В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // Народы Азии и Африки. 1980. № 5.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А.И. МЕЛЮКОВОЙ

1. Античная литературная традиция о скифской непобедимости // КСИИМК. 1949. Вып. 30.
2. Войско и военное искусство скифов // КСИИМК. 1950. Вып. 34.
3. Вооружение, войско и военное искусство скифов // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.
4. Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. 1952. Вып. 48.
5. Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. 1953. Т. XVIII (в соавт. с Б.Н. Граковым).
6. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
7. Памятники скифского времени в Молдавии // КСИА АН УССР. 1954. № 4.
8. Результаты раскопок на двух поселениях в Молдавии // КСИИМК. 1954. Вып. 66.
9. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954 (в соавт. с Б.Н. Граковым).
10. К вопросу о скифских памятниках в Средней Европе // СА. 1955. Т. XXII.
11. Итоги изучения скифских памятников в Молдавии // Изв. Молд. филиала АН СССР. 1955. Вып. 5(25).
12. Памятники VIII в. до н.э. на территории лесостепной Молдавии // Изв. Молд. филиала АН СССР. 1956. № 4(31).
13. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. № 64.
14. Исследование памятников предскифской эпохи в лесостепной Молдавии // МИА Юго-Зап. СССР и ВНР. Кишинев, 1960.

15. Культура предскифского времени лесостепной Молдавии // МИА. 1961. № 96.

16. Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. № 115.

17. Курган усатовской культуры у с. Тудорово // КСИА. 1962. Вып. 88.

18. Сарматское погребение у с. Олонешты // СА. 1962. № 1.

19. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.

20. Скифские элементы в гетской культуре // КСИА. 1965. Вып. 105.

21. К вопросу о границе между гетами и скифами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.

22. Население Нижнего Поднестровья в IV–III вв. до н.э. // МИА. 1971. № 177.

23. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. 1972. № 1.

24. Скифский звериный стиль в Карпато-Дунайском районе // Культура та побут населення украинских Карпат. Ужгород, 1972.

25. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района // Археологические исследования в Молдавии за 1972 г. Кишинев, 1974.

26. Культура племен Днестровско-Прутского междуречья (IX–VIII вв. до н.э.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.

27. Поселение и могильник у с. Николаевка. М., 1975.

28. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских и скифских племен с фракийцами в советской науке // Фрако-скифские культурные связи. София, 1976.

29. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

30. Скифское каменное изваяние из с. Буторы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

31. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

32. Выступление на обсуждении: Круглый стол. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки. 1980. № 5.

33. Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана // Исследования по античной археологии юго-запада УССР. Киев, 1980.

34. Раскопки поселения XIII–VII вв. до н.э. у с. Сахарна // АО–1980. 1981.

35. Краснокутский курган. М., 1981.

36. Рецензия: Actes du II Congres international de thrakologie. I. Bucuresti, 1980 // СА. 1984. № 1.

37. Главы: 1. Ранний железный век. 2. Ранние фракийцы и киммерийцы в Днестровско-Прутском междуречье. 3. Скифы и их взаимоотношение с гетами // История Молдавской ССР. Кишинев, 1987.

38. Scythians and Sarmatians // Cambridge History of Inner Asia. New York, 1988.

39. Разделы: Предскифский период в степях Северного Причерноморья; Культура предскифского периода в лесостепной зоне; Краткие сведения об истории скифов; Краткий очерк истории изучения скифов; География и этногеография Скифии в трудах советских ученых; Скифские памятники степи Северного Причерноморья; Культура фракийских племен Днестровско-Прутского междуречья в VI–III вв. до н.э.; Скифообразные памятники в средней Европе; Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия; Скифское искусство звериного стиля; Деревянная и металлическая посуда; Хозяйство, быт, торговля; Общественный строй // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

40. О двух группах скифской культуры в Средней Европе // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Междунар. конф., посвященной памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.

41. Рецензия: С.А. Скорый. "Курган Перепятиха" // РА. 1993. № 2.

42. Взгляд из Скифии на скифо-сибирское единство // КСИА. 1993. Вып. 207.

43. Скифская культура в Центральной Европе и пути ее распространения // Международное сотрудничество археологов на великих торговых путях древности и средневековья. Тезисы. Кисловодск, 1994.

44. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV–III вв. до н.э. // РА. 1995. № 1.

45. Scythians of Southeastern Europe // Nomads of the Eurasian steppes in the Early Iron Age. Berkeley, 1995.

46. К вопросу о датировке раннескифских наконечников стрел // Музейні читання. Київ, 1998.

47. Звериный стиль в Карпатском регионе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.

48. К вопросу о восточноевропейских кочевниках на территории Средней Европы в начале железного века // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тез. докл. М., 1999.

49. Скифские курганы возле Солохи // Евразийские древности. М., 1999.

50. Первые экспедиции с Б.Н. Граковым // РА. 1999. № 4 (в соавт. с И.В. Яценко).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 13–19

ПРЕДСКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ МОЛДАВИИ В ТРУДАХ А.И. МЕЛЮКОВОЙ

© 2001 г. М. Т. Кашуба

Санкт-Петербург, Россия – Кишинев, Молдова

Вклад А.И. Мелюковой в изучение поздней бронзы – раннего железного века Северо-Западного Причерноморья, в том числе и Молдавии (ныне Республика Молдова), так или иначе освещался в научной литературе (Лапушнян, 1979. С. 4–26; Никулицэ, 1987. С. 11–17; Дергачев, 1986. С. 7–9; Dergaçev, 1994. S. 9–11; Ванчугов, 1990. С. 5–14; Левицкий, 1990а. С. 4–8; Levițki, 1994a. S. 33–50, 140–148; 1994b. S. 160, 161. 167, 168, 172, 178, 179). К взглядам и идеям Анны Ивановны довелось неоднократно обращаться и мне при рассмотрении вопросов культурно-исторической обстановки X–VIII вв. до н.э. в лесостепи Поднестровья, в какой-то мере продолжая ее работы, а по отдельным сюжетам и оппонируя ей (Кашуба, 1990. С. 53–66; 1999. С. 369, 370, 379–384; 2000а. С. 5–8; 2000б. С. 246–255, 340–352; 2000в. С. 140, 141; Гольцева, Кашуба, 1995. С. 29, 30, 36, 37). Тем не менее возвращение к эпизодам извилистого пути изучения предскифских древностей этого региона обусловлено, с одной стороны, значимостью многих разработок Анны Ивановны (особенно проблематики эпохи раннего железа), а с другой, особым статусом Карпато-Поднестровья как контактной зоны, связывающей общности Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на протяжении нескольких тысячелетий (Дергачев, 1992. С. 26–31.

Как известно, плановые работы по исследованию культур народов, населявших территорию Молдавии от эпохи палеолита до средневековья, начались после 1945 г. С 1950 г. для концентрации сил в решении наиболее крупных проблем археологии были организована объединенная Молдавская экспедиция, одним из направлений действий которой было планомерное и широкое обследование памятников предскифской и скифской поры, главным образом в лесостепной части республики (Гросул, 1954. С. 5–7; Пассек, 1954. С. 76, 77). В составе археологов–сотрудников этой экспедиции обозначенную проблематику "поднимала" именно А.И. Мелюкова, работая под началом Т.С. Пассек (поселения Солончены-1952, Голерканы-1955 и Шолданешты-1955), а также возглавляя и отдельный отряд (зольник Гиндешты, поселения Кишинев, Солончены-53, второй Сахарнянский могильник, поселение и могильник Шолданешты, городища Выхватинцы и Тудорово I, Олонештские курганы и т.д.) (Мелюкова, 1953. С. 60–73; 1954. С. 59–68; 1955. С. 51–70; 1956. С. 39–45; 1958. С. 5–102; 1961а. С. 5–52; 1961б. С. 113–124; 1962. С. 30–37).

В тот период уже само "определение" археологических культур раннего железного века Молдавии представляло собой существенное продвижение вперед. А.И. Мелюкова не только выделила и дала расширенную характеристику культурных групп, сопоставив добытые материалы с результатами раскопок близ Сахарны (Смирнов Г.Д., 1949а. С. 189–202; 1949б. С. 93–97; 1955. С. 117–119), Цахнауц (Мельниковская, 1954. С. 69–75), Алчедара (Розенфельдт, 1955. С. 121–124) и Лукашевки (раскопки Г.Б. Федорова 1954–1957 гг. – Мелюкова, 1956. С. 39–45), но и предложила культурно-хронологическую колонку древностей Молдавии первой половины I тыс. до н.э. (Мелюкова, 1958. С. 52–76, 98–102; 1960. С. 129–150; 1961а. С. 46–52). Показательно, что бóльшая часть эпонимных (в том числе и эталонных) предскифских и скифских (так тогда датировали группу Сахарна-Солончены) памятников этой территории были раскопаны А.И. Мелюковой. При этом ее культурно-хронологическая схема не только длительное время представляла собой достаточно надежную периодизацию, которую исследовательница время от времени "шлифовала" (Мелюкова, 1972. С. 57–72; 1975. С. 54–68; 1979. С. 15–33), но не потеряла свою актуальность и в настоящем, когда отдельные ее пункты уже подверглись пересмотру.

Важными были несколько обстоятельств. Выделенные доскифские культурные группы Молдавии (Кишинев, Шолданешты, Сахарна) оказались специфичными для лесостепи всего Северного Причерноморья. Так, древности типа Кишинев и генетически с ними связанные (по А.И. Мелюковой) материалы типа Шолданешты были отнесены к кругу культур так называемого фракийского гальштата, типичного для Карпато-Подунавья (Мелюкова, 1958. С. 74, 75). Самой близкой к северопричерноморским культурам лесостепи вроде бы представлялась группа Сахарна-Солончены, но и тогда (еще до открытия в Балкано-Подунавье культур орнаментированного гальштата или восточно-балканского круга памятников) А.И. Ме-

люкова не связывала ее происхождение с черняхесской культурой Правобережья Днепра (Мелюкова, 1960. С. 145; 1961а. С. 48). Тогда же она показала, что племена лесостепных районов Молдавии отличаются от степных, а последние по культуре были близки к населению степной Украины (Мелюкова, 1961б. С. 123).

Таким образом, был обозначен особый статус региона лесостепного Поднестровья (Днестро-Прутского междуречья) среди остальных территорий Северного Причерноморья – региона, своими культурными связями и контактами тяготеющего скорее к общностям древних фракийцев (протофракийцев) Карпато-Балканского бассейна, чем к соседним восточным и северо-восточным культурам Причерноморья.

Эти наблюдения и выводы, уже намеченные А.И. Мелюковой в период, когда "археологические исследования в Молдавии еще только начинались" (Смирнов А.П., 1954. С. 135), задали тон фактически всем ее последующим разработкам. Одной из ведущих тем становится поиск археологических следов и влияний фракийцев в Северном Причерноморье, включая и скифское время (Мелюкова, 1965. С. 32–41; 1969. С. 61–80; 1972. С. 57–72; 1975. С. 54–68; 1976. С. 106–127). Закономерным итогом явилось исследование "Скифия и фракийский мир", где присутствие фракийского компонента в регионе тщательно документируется в широком хронологическом диапазоне всего I тыс. до н.э. (Мелюкова, 1979). Что же остается, а что в дальнейшем можно развивать из "предскифского наследия" А.И. Мелюковой?

Современное состояние источников и уровень исследовательского процесса позволяют доскифские древности (XII–VIII вв. до н.э.) лесостепной Молдавии трактовать как гальштатские общности Юго-Восточной Европы. Это означает присутствие носителей раннего и среднего гальштата в лесостепном Пруто-Поднестровье, которое выступает в качестве восточной периферии гальштатского мира. Такие положения целиком находятся в русле взглядов А.И. Мелюковой о динамике культурного процесса первой половины I тыс. до н.э. в этой области, куда, как она полагала, откатились три волны миграций фракийского населения из различных регионов Карпато- и Балкано-Подунавья (Мелюкова, 1975. С. 59, 60).

Тем не менее фиксируется не только преимущественно миграционный характер происхождения предскифских обществ лесостепного Днестро-Прутского междуречья. При сравнении особенностей формирования разных гальштатских культур этой территории наблюдается усиление северопричерноморских (восточных) компонентов. Благодаря последним инородные для лесостепной среды гальштатские общества закреплялись и развивались уже в новом культурном окружении. С каждой новой волной гальштатских миграций в регион (Кишинев-Корлэтэнь, Холеркань, Козия-Сахарна, Басарабь-Шолдэнешть) восточный фактор их существования здесь все более нарастал, но к середине I тыс. до н.э. складывается новая расстановка сил и Карпато-Дунайский мир одерживает верх в лице исторических гетов.

Если связи с культурным окружением древностей каннелированного гальштата Кишинев-Корлэтэнь (XII–X вв. до н.э.) рассматривались как незначительные (Левицкий, 1990а. С. 20, 21; Leviţki, 1994a. S. 129–134, 149–158), то раннегальштатская группа Холеркань (конец XII–X в. до н.э.) относится к (изначально нижнедунайскому) горизонту с прочерченной и пролощенной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта, имеющего в том числе и ощутимый белозерский субстрат (László, 1986. S. 83–89; Левицкий, 1990б. С. 6–8; Leviţki, 1994c. S. 230–232). Хотя, согласно В.П. Ванчугову, Балта является локальным вариантом белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов, 1990. С. 18–23, 114–137; Vančugov, 1996. S. 287–309), он в этом районе выделяет несколько этапов продвижения из Подунавья раннегальштатской посуды с прочерченным узором (Ванчугов, 1993. С. 28–39).

Далее, двойственный характер формирования во второй половине X в. до н.э. Сахарны (миграция носителей орнаментированного гальштата из Среднего и Нижнего Подунавья + "местная" группа Холеркань) и культуры Басарабь-Шолдэнешть во второй половине VIII в. до н.э. (миграция носителей Басарабь из Среднего Подунавья + "местная" поздняя Сахарна) позволяют считать, что с начала I тыс. до н.э. в Среднем Поднестровье начинает проявляться условно "местный" фактор культурогенеза. Последнее было бы невозможно без нарастания в течение первой половины I тыс. до н.э. взаимосвязей гальштатских общностей с миром лесостепных и степных северопричерноморских культур. Именно на выявлении таких контактов сосредоточено в последнее время внимание исследователей.

Так, для еще догальштатской культуры Ноуа акцентируется вклад комаровских древностей в ее сложение, "западные" и "восточные" элементы, а также последующее воздействие на сложение погребального обряда Белозерки (Smirnova, 1993a. S. 57–73; Sava, 1998. S. 267–312; 1999. S. 65–78; Leviţki, 2001). Более детально был пересмотрен статус культуры каннелированного гальштата Кишинев–Корлэтэнь.

Происхождение этих древностей от белегишского круга памятников Подунавья, пересмотр хронологии в пределах XII–X вв. до н.э. и удревнение даты финала до конца X в. до н.э. (Смирнова, 1985. С. 48; 1990а. С. 20–33; Левицкий, 1990а. С. 19, 20; Leviţki, 1994a. S. 140–148; Левицкий, Демченко, 1991. С. 147–149), позволяют снять тезис о генетической преемственности между па-

мятниками типа Кишинев и Шолданешты. Но для Запрутской Молдовы (через датировку могильника Коту Морий) допускается бытование корлэтэнских находок и в период до IX в. до н.э. включительно (Iconomu, 1997. S. 119–123; Iconomu, Aşavoaie, 1998. P. 574, 575). Такую дату верхней хронологической границы для памятников типа Кишинев продолжает отстаивать А.И. Мелюкова (1989. С. 19).

Когда в пограничье лесостепи и степи Днестро-Прутского междуречья была выделена еще одна раннегальштатская группа Холеркань-Ханск (Левицкий, 1990б. С. 6–8), входящая в горизонт Тэмэоань-Холеркань-Балта, который протянулся от Нижнего Подунавья до Буго-Днестровского междуречья (Leviţchi, 1992. S. 120; Leviţki, 1994c. S. 219–256) – это означало дальнейший пересмотр представлений А.И. Мелюковой о раннем гальштате лесостепной Молдавии.

Изменилось мнение о безусловно фракийской принадлежности раннегальштатских культур Юго-Восточной Европы: допускается иллирийская (протоиллирийская) принадлежность носителей культуры Кишинев-Корлэтэнь (Смирнова, 1990б. С. 33, 34; Alexianu, 1996. S. 222, 223; Левицкий, 1996. С. 27), а также намечено условно иллирийское влияние на предскифские лесостепные культуры Правобережья Днепра (Smirnova, 1993b. S. 94, 97). Не исключено, что иллирийские черты могут быть выявлены и в обществах среднего гальштата лесостепи Поднестровья (Кашуба, 2000в. С. 143–147), но объясняется ли феномен архаической Скифии иллирийским импульсом (Романчук, 1999. С. 269–271) – покажут дальнейшие изыскания.

Исследования А.И. Мелюковой о фракийцах в Северном Причерноморье, но с позиций новых знаний, продолжает О.Г. Левицкий. Им сделан акцент на культурные взаимосвязи в регионе в период XII–X вв. до н.э., когда гальштатские элементы фиксируются до междуречья Орели и Самары, восточные – до северо-востока Венгрии, а фракийское присутствие в Северном Причерноморье документируется более обширной базой данных. В том числе О.Г. Левицкий рассматривает взаимовлияния (как считалось, отсутствующие) между двумя раннегальштатскими культурами с каннелированной керамикой Гава-Голиграды и Кишинев-Корлэтэнь; гальштатские традиции в производстве посуды белозерской культуры; трупосожжения в степной среде Причерноморья, которые, по его мнению, не связаны с фракийским воздействием, а также целый ряд других, не менее актуальных проблем предскифского периода (Leviţki, 1998. S. 65–83; 2000; 2001).

Обширная и наиболее длительная дискуссия разгорелась вокруг группы Сахарна-Солончены, которая из всех гальштатских общностей лесостепного Поднестровья оказалась наиболее тесно связанной с миром доскифских культур лесостепи и степи Северного Причерноморья (подробно см.: Кашуба, 1999. С. 369, 370; 2000б. С. 246–255, 352–355). Частные вопросы, связанные с исследованием группы Сахарна (происхождение, формирование погребального обряда, хронология, судьбы), явились органическими частями общих проблем предскифского периода лесостепи Днепро-Поднестровья (направленность культурных влияний, хронология, контакты со степью).

А.И. Мелюкова активно участвовала в этих разноплановых дискуссиях: отстаивая юго-западное (южнофракийское) происхождение Сахарны и гальштатский (сахарнянский) вклад в производство инкрустированной лощеной посуды позднего Чернолесья, в споре с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской (Тереножкин, 1961. С. 216; Ильинская, 1975. С. 176, 177; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 290–303), а также гальштатский характер погребального обряда и датировку Сахарны концом IX–первой половиной VII в. до н.э., в споре с Г.И. Смирновой (Смирнова, 1977. С. 94–107; 1980. С. 121–143; 1983. С. 68–71; 1984. С. 56, 57; 1985. С. 33–53).

Острота этой полемики поддерживала интерес к проблематике предскифского периода Северного Причерноморья все последние десятилетия XX в. Как известно, к спорам подключились и зарубежные коллеги, по проблеме происхождения Сахарны и ее влияния на украинскую лесостепь соглашаясь с А.И. Мелюковой, но критикуя ее точку зрения в вопросах хронологии, считая датировку группы Сахарна завышенной (Morintz, 1964. S. 116–118; 1987. S. 65, 66; László, 1976. S. 57–75; 1985. S. 13–15; 1989. S. 123, 124; Hänsel, 1976. S. 148–151; Vulpe, 1981. S. 404–406).

Предложенный новый взгляд на древности типа Сахарна, которые выступают восточным вариантом единой раннегальштатской культуры Козия-Сахарна Днестро-Сиретского междуречья (Кашуба, 2000а. С. 18–21; 2000б. С. 289–291, 350–361), дает возможность несколько сблизить противоположные точки зрения в выше обозначенных дискуссиях.

Тезис о миграционном происхождении Сахарны (из регионов Среднего и Нижнего Дуная) остается, но в Днестро-Реутском междуречье (не позднее рубежа IX–VIII вв. до н.э.) на поздних сахарнянских памятниках Алчедар III и Хлижень II-Ла Шанц фиксируется приток населения позднечернолесской культуры, скорее всего из центральных районов поречья Среднего Днестра.

"Совпадающие" погребальные обряды Сахарны и позднего Чернолесья Среднего Днестра могут являться исконными для каждой из культур. Выяснилось, что субстратной основой погребально-поминальной обрядности Сахарны выступает раннегальштатская традиция Балкано-Подунавья, позднего Чернолесья – комаровская (белопотоцкий вариант) и белогрудовская культуры Се-

верного Причерноморья (Кашуба, 1999. С. 379–384).

Предложенные для Сахарны хронологические границы в пределах второй половины X–первой половины VIII в. до н.э., а также разграничение ранних и поздних ее памятников снимают и "несовместимость" низких и высоких датировок этой культуры (Кашуба, 2000б. С. 340–352. Рис. XXXIX). При этом, несмотря на достаточно устойчивое проникновение ранних кочевников в лесостепь Поднестровья, датировка лесостепных культур региона (Сахарны, позднего Чернолесья) не должна жестко зависеть от хронологии степных культурных групп. Хотя развитие доскифских лесостепи и степи Причерноморья двигалось в направлении архаической Скифии, их вклад в обеспечение культурно-исторического фона, на котором происходило становление последней, безусловно, был различен.

Широкие (растянутые) хронологические рамки Сахарны явно "выпадают" из имеющейся тенденции узких датировок предскифских древностей (Вальчак и др., 1996. С. 23–44). Как известно, спор по вопросам хронологии черногоровских и новочеркасских древностей далеко не окончен (Дубовская, 1997. С. 181–218; Эрлих, 1994. С. 62–72; Лесков, Эрлих, 1999. С. 67–69; Вальчак, 1997. С. 88–119; 2000. С. 138; Дударев, 1999. С. 143–145). В сторону омоложения уже изменена хронологическая позиция некоторых опорных комплексов, например, клада Прюдь (Дударев, 1998. С. 39, 40), но привязка всего многообразия явлений и событий предскифского времени только к одной дате (даже и 714 г. до н.э.) вызывает закономерные вопросы (Яровой, Бруяко, 2000. С. 161–168). Длинные датировки, напротив, очерчивают то временно́е пространство, в котором можно искать узкие даты, тем самым дают возможность построить тот или иной культурный ряд. Широкие даты также являются следствием состояния хроноиндикаторов предскифского периода, когда минимальный "хронологический шаг" составляет около полстолетия.

Что же касается раннекочевнических памятников Молдавии, то в лесостепных районах Поднестровья широко известны материалы главным образом черногоровского круга – ряд захоронений, клады и случайные находки (Смирнова, 1994. С. 34–36; Smirnova, 1998. S. 451–454; Смирнова, Войнаровський, 1994. С. 137–141; Крушельницька, Бандрівський, 1998. С. 23–27; Яровой и др., 2001). Это позволило констатировать преимущественные контакты ранних кочевников-черногоровцев с носителями культуры Козия-Сахарна (вариант Сахарна) и позднего Чернолесья. Любопытен значительный удельный вес инкрустированной лощеной посуды в раннекочевнических захоронениях, особенно Северо-Западного Причерноморья. Такая парадная посуда, предшествующая так называемым жаботинским кубкам, могла попадать в степной регион как от Сахарны, так и других раннегальштатских групп Балкано-Подунавья (Мелюкова, 1979. С. 62–72; Гаврилюк, 1979. С. 25–40; 1999. С. 89, 93, 94, 96; Бруяко, 1989. С. 21, 22; Vančugov, 1998. P. 98, 99).

Добытые в последние два десятилетия новые археологические источники (в первую очередь смешанные сахарнянско-шолдэнештские комплексы) позволили считать Сахарну одной из основ формирования в регионе культуры Басарабь-Шолдэнешть и предполагать мирный характер этого процесса (Кашуба, 2000б. С. 352; 2000в. С. 140–147).

Полученные выводы могли стать весомыми дополнительными аргументами для сторонников эволюционного развития культур I тыс. до н.э. в Днестро-Прутском междуречье. Непрерывный "фракийский ствол" теперь можно было начинать с Сахарны (вторая половина X–первая половина VIII в. до н.э.), постепенно нанизывая Басарабь-Шолдэнешть (середина VIII–конец VII в. до н.э.), позднегальштатские древности и раннегетскую культуру (VII–V вв. до н.э.), культуру исторических гетов (IV–III вв. до н.э.), венчая все уже даками. Такая картина как будто выглядит более цельной, особенно по сравнению с "рваным краем" хронологических разрывов все того же I тыс. до н.э., которые провозглашают сторонники дискретно-миграционной концепции формирования культур этого региона.

Но как признание плавно эволюционного развития вовсе не означает полное сохранение всех старых традиций, так и признание роли миграций не влечет за собой вывод о полном разрыве в культурной преемственности. Это хорошо иллюстрируется ситуацией с древностями Басарабь-Шолдэнешть, которые явились не только результатом среднегальштатских миграционных инноваций из Среднего Подунавья (комплекс Басарабь), но и следствием сохранения здесь элементов прежней сахарнянской среды (Кашуба, 2000а. С. 18–20).

Далее можно упомянуть широко развернутую дискуссию относительно постшолданештских (позднегальштатских) древностей в лесостепном Прут-Поднестровье, что осложняется "наслоениями" различных материалов ("фракийско-раннескифский" контекст), а также особой редкостью хроноиндикаторов VII в. до н.э. (например: Кашуба и др., 1999. С. 120–127; Kaşuba et al., 2000). Выход из создавшейся ситуации может быть найден в том числе путем пересмотра датировок известных комплексов.

Так, серебряная восьмилепестковая бляшка-розетка, обнаруженная на позднегальштатском поселении Алчедар-Ла Кордон (Кашуба и др., 1999. С. 126. Рис. 3), аналогична двум бронзовым бляшкам-розеткам из лесостепного днепровского Правобережья. Последние в свою очередь трактуются как древневосточный импорт, появление которого в регионе связывается с передне-

азиатскими походами ранних кочевников еще последней четверти VIII в. до н.э. (Махортых, Колесник, 1998. С. 139–143; 1999. С. 163–167).

Возможно также удревнение (до VI в. до н.э.) известного гетского клада украшений из Матеуц (Нудельман, Рикман, 1956. С. 129–131). Серьги из него имеют близкие аналогии среди экземпляров VI–V вв. до н.э. из Средней Европы, на что обратила внимание В.Г. Петренко (1978. С. 34, 35). Орнаментация же браслета и гривны хорошо сопоставима с геометрическим узором на специфических булавках Западно-Подольской группы раннескифской культуры, верхний хронологический рубеж которой едва ли заходит в V в. до н.э. (Смирнова, 2001). Но это уже проблематика скифского периода.

В итоге можно отметить, что культурно-хронологическая схема гальштатских древностей лесостепной Молдавии, предложенная А.И. Мелюковой еще несколько десятилетий назад, хотя и претерпела существенные изменения, оказалась все же свободно развивающейся структурой. Сохранившие свои наименования этапы (Кишинев, Сахарна, Шолданешты) наполнены уже новым содержанием, но ряд важных акцентов (ранне- и среднегальштатские общества Юго-Восточной Европы), безусловно, сохраняется.

Хотя объективный ход развития науки подразумевает расширение и углубление знаний, в летописи предскифского периода не только Молдавии, но и всего Северо-Западного Причерноморья, остаются яркие страницы, написанные Анной Ивановной Мелюковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бруяко И.В. Геометрический орнамент на керамике из киммерийских погребений степной зоны Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье, 1989.

Вальчак С.Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997.

Вальчак С.Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир; М., 1996.

Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.

Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей. Киев, 1993.

Гаврилюк Н.А. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.

Гаврилюк Н.А. Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры (По материалам керамики) // ВДИ. 1999. № 1.

Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь, 1995.

Гросул Я.С. Вступительное слово // КСИИМК. 1954. Вып. 56.

Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.

Дергачев В.А. О понятии "контактная зона" // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев, 1992.

Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции "новочеркасских" погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. 1997. № 6.

Дударев В.Л. Еще раз о дате клада Прюдь и ее значении для хронологии предскифского времени Северного Кавказа и Северного Причерноморья // XX Юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1998.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев, 1975.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.

Кашуба М.Т. Памятники типа Сахарна–Солончены (историографический обзор) // Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы. Кишинев, 1990.

Кашуба М.Т. "Другая" чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // Stratum plus. 1999. № 3.

Кашуба М.Т. Культурно-историческое развитие лесостепного Днестро-Сиретского междуречья в начале I тыс. до н.э. (культура Козия–Сахарна). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000а.

Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия–Сахарна) // Stratum plus. 2000б. № 3.

Кашуба М.Т. Заметки о формировании среднегальштатской культуры Басарабь–Шолдэнешть в Днестро-Прутском междуречье // Stratum plus. 2000в. № 3.

Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г. Та самая Гетика или... четвертая? // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье, 1999.

Крушельницька Л.І., Бандрівський М. Ранньокочівницькі елементи в культурі Середнього Подністров'я IX–VII ст. до н.е. // "Музейні читання". Матеріали Міжнародної конференції. Київ, 1998.

Лапушнян В.Л. Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.

Левицкий О.Г. Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II–I тыс. до н.э. (памятники каннелированного гальштата). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990а.

Левицкий О.Г. К вопросу о раннегальштатском горизонте с прочерченной керамикой в Днестровско-

Прутском междуречье // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Ч. II. Херсон, 1990б.

Левицкий О.Г. Карпато-Поднестровье при переходе от эпохи бронзы к железному веку // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. VIII. Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1996.

Левицкий О.Г., Демченко Т.И. К вопросу о финальных рубежах раннегальштатской культуры Кишинев–Корлатэнь Днестровско-Сиретского междуречья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тез. докл. Киев, 1991.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.

Махортых С.В., Колесник О.О. Древневосточные бляшки-розетки из Черкасской области // "Музейні читання". Матеріали Міжнародної конференції. Київ, 1998.

Махортых С.В., Колесник О.О. Об одном древневосточном импорте из Черкасской области // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.

Мельниковская О.Н. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы // КСИИМК. 1954. Вып. 56.

Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 54.

Мелюкова А.И. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии // КСИИМК. 1954. Вып. 56.

Мелюкова А.И. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952–1953 гг. // Изв. МФ АН СССР. 1955. № 5 (25).

Мелюкова А.И. Памятники VIII в. до н.э. на территории лесостепной Молдавии // Изв. МФ АН СССР. 1956. № 4.

Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. № 64.

Мелюкова А.И. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960.

Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА. 1961а. № 96.

Мелюкова А.И. Работы в Поднестровье в 1958 году // КСИА. 1961б. Вып. 84.

Мелюкова А.И. Курганы эпохи бронзы у с. Олонешты // КСИА. 1962. Вып. 80.

Мелюкова А.И. Скифские элементы в гетской культуре // КСИА. 1965. Вып. 105.

Мелюкова А.И. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.

Мелюкова А.И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. 1972. № 1.

Мелюкова А.И. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских племен с фракийцами в советской науке // Studia Thracica. Кн. 1. София, 1975.

Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI–I вв. до н.э. Кишинев, 1987.

Нудельман А.А., Рикман Э.А. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии // Изв. МФ АН СССР. 1956. № 4.

Пассек Т.С. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии // КСИИМК. 1954. Вып. 56.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. 1978. Д4-5.

Розенфельдт Р.Л. Алчедарские курганы // Изв. МФ АН СССР. 1955. № 5 (25).

Романчук А.А. "Три кита" раннескифской культуры на волнах иллирийской экспансии // Stratum plus. 1999. № 3.

Смирнов А.П. Заключительное слово // КСИИМК. 1954. Вып. 56.

Смирнов Г.Д. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // Уч. зап. ИИЯиЛ МФ АН СССР. 1949а. Т. II.

Смирнов Г.Д. Скифское городище и селище "Большая Сахарна" // КСИИМК. 1949б. Вып. 26.

Смирнов Г.Д. Сахарнянский скифский могильник II (Гура Гульбока) // Изв. МФ АН СССР. 1955. № 5 (25).

Смирнова Г.И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна–Солончены и Жаботин (по материалам раскопок курганов у с. Мервинцы) // СА. 1977. № 4.

Смирнова Г.И. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время (контакты и хронологическое соотношение) // Thracia. 1980. V.

Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ. 1983. № 23.

Смирнова Г.И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука) // АСГЭ. 1984. № 25.

Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4.

Смирнова Г.И. Памятники типа Кишинев–Корлатень в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье // АСГЭ. 1990а. Вып. 30.

Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тыс. до н.э. Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев, 1990б.

Смирнова Г.И. О месте киммерийских древностей в культурах предскифского времени в Среднем Поднестровье // Masivul Traco-Cimerian. Probleme actuale. RR. Chişinău, 1994.

Смирнова Г.И. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в лесостепной Скифии в конце XX века // Сборник к 100-летию Т. Сулимирского. Краков, 2001 (в печати).

Смирнова Г.І., Войнаровський В.М. Мошанецький скарб бронз кіммерійського типу з Середнього Подністров'я // Археологія. 1994. № 1.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

Яровой Е.В., Бруяко И.В. Комплекс предскифского времени у с. Пуркары в Нижнем Поднестровье (к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе) // Stratum plus. 2000. № 3.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. Киммерийский курган близ Слободзеи. Тирасполь, 2001 (в печати).

Alexianu M. La culture Corlăteni–Chişinău – thrace ou illyrienne? // The Thracian World at the Crossroads of Civilizations. The 7th International Congress of Thracology. Bucharest, 1996.

Dergaçev V. Arheologia Republicii Moldova. Retrospectivă istorică // Thraco-Dacica. T. XV. № 1–2. Bucureşti, 1994.

Hänsel B. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliedrund der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. T. 1, 2. Bonn, 1976.

Iconomu C. Les recherchez archélogiques sur le premier âge du fer dans le département de Iaşi. Résultats et problèmes // Prima epocă a fierului la Gurile Dunări şi în zonele circumpontice. Tulcea, 1997.

Iconomu C., Asăvoaie C. Contributions regarding the knowledge of the Burial Rituals of the Early Thracians in the Light of the Ştefăneşti – Botoşani Researches // The Thracian World at the Crossroads of Civilisation. II. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology. Bucharest, 1998.

Kaşuba M., Haheu V., Levitki O. Vestigii thraco-getice de la Nistru de Mijloc // B. Thr. 2000. XXXI.

László A. Über der Urnsprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau // Thraco-Dacica. T. I. Bucureşti, 1976.

László A. Hallstattul timpuriu şi mijlociu pe territoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi, 1985.

László A. Grupul Tămăoani. Asupra "orizontului" Hallstattian timpuriu cu ceramică incizată din sudul Moldovei // MA. 1986. XII–XIV (1980–1982).

László A. Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpathes. La Moldavie aux XII–VII siècles av. n.è. // La civilisation de Hallstatt. Etudes et Recherches Arhéologiques de l'University de Liège. 1989. № 36.

Levitchi O. La situation culturelle et historique dans l'èspace Carpato-Dnistrien a l'èpoque du Hallstatt // Symposia Thracologica. 9. Bucureşti, 1992.

Levitki O. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi // B. Thr. 1994a. VII.

Levitki O. Culturile din epoca Hallstattului timpuriu şi mijlociu // Thraco-Dacica. T. XV. № 1–2. Bucureşti, 1994b.

Levitki O. Grupul Holercani–Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu, cu ceramică incizată // Relations Thraco–Illyro–Hellénques. Bucureşti, 1994c.

Levitki O. Particularitiés, points communs et contacts réciproques des cultures du complexe Hallstattien ancien à la céramique cannelé, de l'est des Carpates // The Thracian World at the Crossroads of Civilisation. II. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology. Bucharest, 1998.

Levitki O. Tradiţii hallştattiene în producţia ceramicii cultura Belozerka // Thraco-Dacica. T. XXI. № 1–2. Bucureşti, 2000.

Levitki O. Interferenţe culturale la periferia estica a Lumii Tracica în perioade Hallstattului timpuriu. Chişinău, 2001 (in print).

Morintz S. Quelques problèmes concernant la pèriode ancienne du Hallstatt au Bas-Danube a la lumière de fouilles de Babadag // Dacia. 1964. VIII.

Morintz S. Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. 1987. T. VIII. № 1–2.

Sava E. Die Rolle der "östlichen" und "westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets) // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische steppe. Prähistorische archäologie in Südosteuropa. Bd. 12. München; Rahden, 1998.

Sava E. Istoricul cercetărilor şi contribuţii noi la periodizarea şi cronologia absoluta a culturii Noua // Studia in honorem Ion Niculiţă. Chişinău, 1999.

Smirnova G. Die siedlung Mahala II a und II b – ein denkmal der Noua I und II kultur // Culture et civilisation au Bas Danube. X. Călăraşi, 1993a.

Smirnova G. Zur Frage der thrackischen und illyrischen Komponenten in der Frühhallstattkultur des Vorkarpatenraums // Thraco-Dacica. T. XIV. № 1–2. Bucureşti, 1993b.

Smirnova G. Die Ostkarpatenregion zur Vorskythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische steppe. Prähistorische archäologie in Südosteuropa. Bd. 12. München; Rahden, 1998.

Vančugov V.P. Das Ender der Bronzezeit im nördlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur // Eurasia antiqua. 1996. Bd. 2.

Vančugov V.P. The Cimmerian Antiquities in the North-Western Black Sea Region // The Thracian World at the Crossroads of Civilization. II. "Proceeding of the Seventh International Congress of Thracology". Bucharest, 1998.

Vulpe A. A. I. Meljukova. Skifija i frakiiskii mir. M., 1979. 255 s., 48 Ab., und Karten in text // Dacia. 1981. XXV.

Pre-Scythian antiquitites of Modlavia in the works by A.I. Melyukova

M. T. Kashuba

Summary

In the article the contribution by A.I. Melykova to the studies of pre-Scythian antiquities of North-Western Pontic area is considered against the background of present state of the problem. The author underlines that cultural and chronological sequence of the Hallstatt monuments in forest-steppe Moldavia suggested by A.I. Melykova, though underwent some changes in the past years, has proved to be a freely developing structure. In the history of pre-Scythian epoch not only of Moldavia, but of the whole North-Western Pontic region we find vivid pages written by A.I. Melykova.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ. 2001. № 4. с. 20–32

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СКИФАХ В ДОБРУДЖЕ (К ВОПРОСУ О "СТАРОЙ СКИФИИ" ГЕРОДОТА)

© 2001 г. А. И. Мелюкова

Институт археологии РАН, Москв

В настоящее время можно считать принятым мнение исследователей о том, что западная граница Скифии по Нижнему Дунаю и Пруту не была стабильной и неоднократно нарушалась скифами в течение всей их истории. О проникновении отрядов кочевников из Северного Понта на территорию Румынской Добруджи уже в архаический период говорилось давно (Pippidi, Berciu, 1965; Мелюкова, 1979 и примеч.; Андрух, 1995). Однако этот вывод делался на основании случайных находок в Добрудже нескольких вещей, керамики и трех каменных изваяний скифского типа. Скифские погребения до недавнего времени там не были известны. За последние 10 лет картина изменилась. Румынскими учеными были открыты отдельные погребения и даже целые могильники раннескифской эпохи, имеющие черты сходства со скифскими степными и лесостепными памятниками Северного Причерноморья VII–начала V в. до н.э. К сожалению, пока нет сколько-нибудь полных публикаций материалов из этих памятников, хотя имеющиеся в печати краткие сведения о них уже используются для выводов некоторыми отечественными археологами. В связи с этим мне представляется необходимым познакомить исследователей с публикациями румынских ученых, тем более что большинство из них в труднодоступных у нас изданиях, и выразить свое отношение к ним.

Наибольшее внимание интересующим нас памятникам Добруджи уделил Г. Симион, под руководством которого производились раскопки крупного могильника скифского времени в Северной Добрудже. Публикации этого ученого являются сейчас наиболее заметными среди работ румынских исследователей, затрагивающих тему о скифах на данной территории (Simion, 1992; 1994; 1997; 1998).

Вопреки все еще распространенному в румынской науке представлению о плавном, без каких-либо серьезных потрясений переходу от культуры раннего и среднего гальштата к гетской культуре VI–V вв. до н.э., Г. Симион считает, что такого постепенного перехода не было. Между культурой Бабадаг III среднего гальштата и культурой исторических гетов, по его мнению, существовал промежуток не менее 150 лет, связанный с приходом кочевников из Северного Причерноморья, прервавших существование поселений культуры Бабадаг III. К такому выводу его приводит изучение материалов, полученных в результате раскопок на некоторых многослойных поселениях, в первую очередь на городищах Бештере, Бейдауд и поселении Чилик-Дере, где имеется лакуна между слоями, представленными остатками культуры Бабадаг III и гетским VI–начала V в. до н.э., а также следы пожарищ в конце существования поселения культуры Бабадаг III. Но наиболее показательными для сделанного вывода, по мнению автора, являются курганы, один из которых находился у с. Сабанджия, а другие в могильнике у с. Чилик-Дере, в целом относящемся к VII–IV вв. до н.э. , где кроме курганов есть и бескурганные погребения.

К сожалению, ни в одной из опубликованных Г. Симионом статей нет полного описания последнего памятника. Поэтому так и остается неясным ни общее количество исследованных погребений в могильнике, ни соотношение разновременных памятников в нем, ни все детали обряда. Достаточно подробно исследователь останавливается лишь на описании кургана в Сабанджии, центральная могила которого принадлежит к ямной культуре. Интересующее Г. Симиона и нас погребение было совершено на вершине этой первоначальной насыпи, в связи с чем курган был досыпан и окружен каменным кольцом. К моменту раскопок высота его достигала 4.2 м, диаметр 45 м. Гробница в нем имела вид сруба из горизонтально положенных бревен и перекрыта камнем. Часть ее разрушена в связи с ограблением в древности. От скелета погребенного ничего не осталось, сохранились лишь 14 наконечников стрел, грибовидная застежка и булавка из кости, серебряное, или электровое, кольцо и обломок родосского сосуда последней четверти VII или начала VI в. до н.э. (рис. 1, *3*). Считая этот фрагмент наиболее поздней находкой в комплексе, автор пытается найти аналогии негреческим предметам среди предскифских, киммерийских памятников Северного Причерноморья. К сожалению, он недостаточно знает наши древности. Поэтому неправильно сопоставляет наконечники стрел то с протомеотскими, то с жаботинскими или с найденными в курганах Белоградец и Высокая Могила (Simion, 1994. P. 28, 29), ссылаясь при этом на рисунки в книге "Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время" 1989 г. На самом

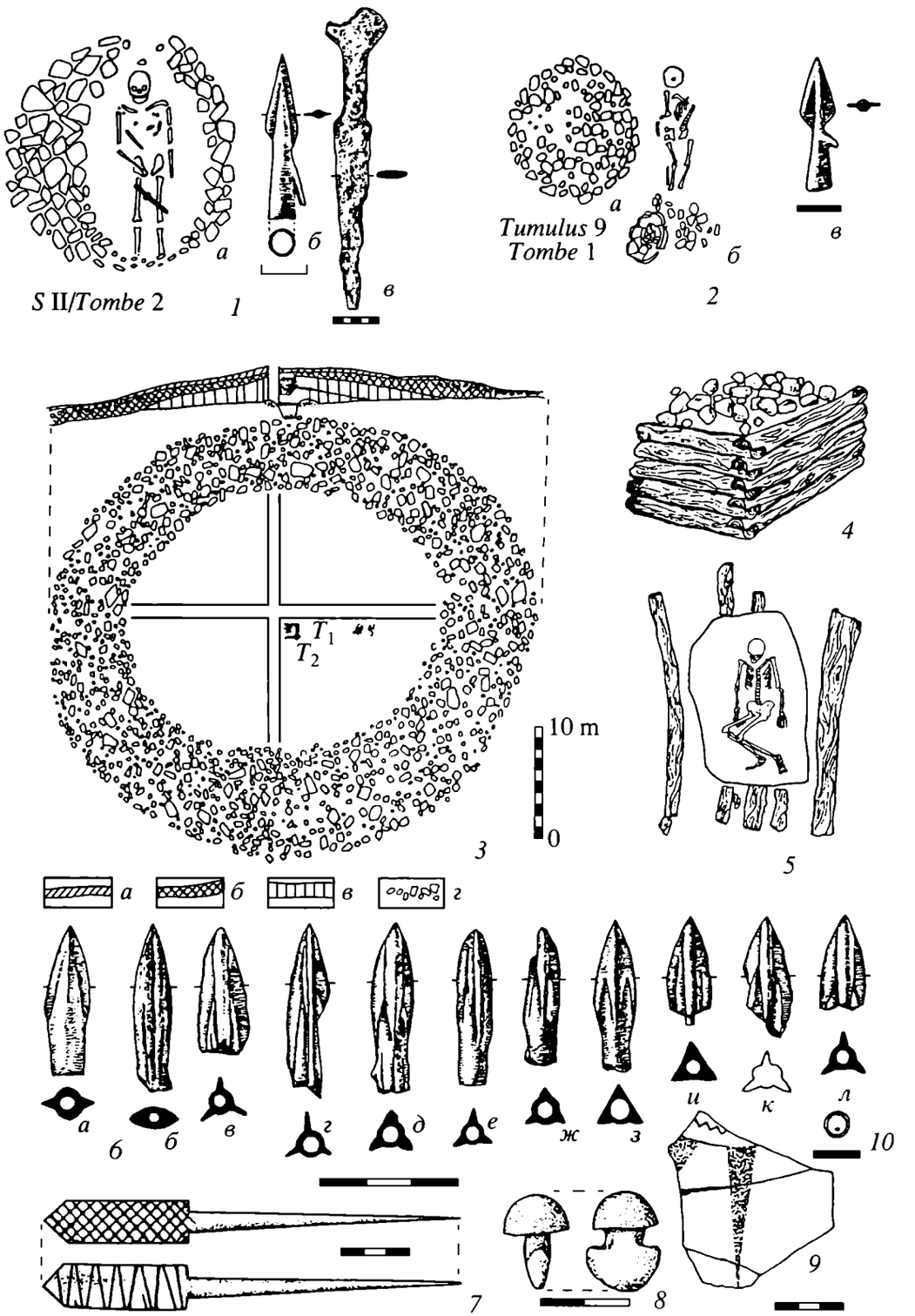


Рис. 1. *1–2* – могильник Чилик-Дере. Планы погребений и находки в них; *3–9* – Сабанджия: *3* – план и профиль кургана, *4* – гробница из дерева, *5* – план центрального погребения ямной культуры, *6–9* – находки в гробнице: *а* – дерн, *б* – вторая насыпь, *в* – первая насыпь, *г* – камень. 1*б*, *6а–л* – бронза; *7–8* – кость, *9* – керамика, *10* – электр. Все рисунки из статьи: Simion, 1994.

деле все 14 наконечников стрел, из которых 2 – двулопастные, листовидные (рис. 1, *6а–б*), остальные трехлопастные (рис. 1, *6в–л*), принадлежат к формам раннескифских наконечников келермесского возраста и могут быть сопоставлены с набором стрел из Ряпиховатой или Старшей Могилы и многих других памятников Северного Причерноморья или Северного Кавказа второй половины VII–начала VI в. до н.э. К древностям этого же времени относится и костяная грибовидная застежка не совсем обычной формы (рис. 1, *8*).

Оригинальна булавка из кости (рис. 1, *7*), которую Г. Симион считает застежкой колчана и неверно сопоставляет с изображением на киммерий-

ской стеле из Ольвии, где представлена не застежка колчана, а меч киммерийского типа (Степи..., 1989. Табл. 1, *12*). Также неправильно сравнение простого серебряного, или электрового, колечка (рис. 1, *10*) с височным кольцом из Высокой Могилы. Что касается устройства гробницы, то, безусловно, оно имеет параллели в Северном Причерноморье. Неверной только является ссылка на статью В.Л. Лапушняна, где речь идет о трупосожжении на фракийском могильнике у с. Селищте. Здесь и в других местах статьи автор, видимо, причисляет фракийские памятники лесостепной Молдавии к числу раннескифских лесостепных в междуречье среднего Днепра–Днестра.

В целом, погребение в Сабанджии трактовалось Г. Симионом как показатель начальной вехи большого движения северо-понтийских кочевников к югу (Simion, 1994), принадлежавшее представителю какой-то авангардной группы киммерийцев, изгнанных скифами с Боспорской территории. Находка фрагмента ионийского сосуда свидетельствует о том, что оно было совершено после основания Истрии (638 г. до н.э.), во второй половине–конце VII в. до н.э.

Из краткого общего описания могильника в Чилик-Дере следует, что каждую могилу в этом памятнике, как курганную, так и грунтовую, окружало кольцо из крупных камней независимо от того было ли погребение совершено по обряду ингумации или посредством трупосожжения. Для ранних погребений (количество их не указано) как будто характерно преобладание трупоположений. Здесь отмечено, что на пять трупоположений приходится одно трупосожжение. Для поздних погребений более характерно трупосожжение. Среди трупоположений отмечается присутствие как вытянутых, так и скорченных костяков, но соотношение их не указано. Немногим более удается узнать по приведенным авторам рисункам. Из отнесенных к числу ранних приведены планы только двух погребений. Судя по ним, одно из погребений было курганным, с небольшой насыпью из камней (курган 9, погр. 1, рис. 1, *2*), второе – бескурганным (S. II, могила 2, рис. 1, *1*). Оба погребения совершены вытянутыми на спине, но руки положены по-разному. Поскольку описания и ориентировочного знака на планах нет, то остается предполагать, что погребения, о которых идет речь, были ориентированы головой на север. Курганное погребение сопровождала керамика, расположенная в ногах, в грунтовом погребении керамика отсутствовала. В обоих найдены наконечники стрел, но количество их не указано, а на рисунках передано лишь по одному двулопастному остролистовидному наконечнику с длинной втулкой и шипом. В бескурганном погребении кроме стрелы (стрел?) найден еще плохо сохранившийся акинак. Как это часто бывает в скифских погребениях, он лежал на бедренных костях справа налево. Перекрестье его не сохранилось, а навершие, вероятно, было антенным. Судя по наконечникам стрел, оба погребения из Чилик-Дере датируются тем же временем, что и погребение в Сабанджии. По В.Г. Петренко, близкие к описанным двулопастные остролистовидные наконечники стрел с косо подрезанными ко втулке краями лопастей происходят из кургана 5 могильника Новозаведенное II, погребения 8 кургана 7 у с. Новоалександровка на Нижнем Дону и ряда других памятников, которые датируются рубежом VII–VI вв. до н.э. (Петренко, 1990. С. 67–74. Рис. 1, *л*). Поэтому представляется искусственным заключение Г. Симиона о том, что описанные погребения из Чилик-Дере свидетельствуют о второй волне народа из Северного Причерноморья, которая, по его мнению, теперь состояла из "полуномадов" степи и особенно лесостепи, и датируются концом VII–второй четвертью VI в. до н.э.

По всей вероятности, именно с этой второй волной автор связывает разрушение и пожар на поселении в Чилик-Дере культуры Бабадаг III и находки в следующем за пожарищем слое фрагментов горшков, действительно имеющих сходство с лесостепной керамикой (Simion, 1994. Fig. 5, *3–7*; наш рис. 2, *2–4*), и фрагменты сосудов с гладким треугольным в разрезе валиком, аналогии которым он видит в кизил-кобинской посуде VII в. в Крыму (Simion, 1994. Fig. 3, *6*; наш рис. 2, *10*, *11*). Такая далекая аналогия вряд ли уместна, тем более что подобные сосуды известны среди фракийской керамики, например они найдены в погребениях могильника Фериджеле VII–VI вв. до н.э. (Vulpe, 1967. Pl. XII, *12*; XIII, *17*).

Присутствием пришельцев из Северного Причерноморья Г. Симион объясняет находки на поселении кроме керамики "множества наконечников стрел ромбовидной формы, бронзовых и железных". При этом он ссылается на изображения двух наконечников стрел на рис. 4*c* (наш рис. 2, 1*б*, *в*), которые на самом деле не являются ромбическими, принадлежат к совсем другим типам. Один из них опорно-втульчатый, а второй трехлопастной остролистовидный с плохо сохранившимися лопастями[1]. По моей классификации такие наконечники принадлежат ко второй хронологической группе, которая датировалась мною второй половиной VI–первой половиной V в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 19–23). В настоящее время считается, что они доживают лишь до начала V в., существуя со второй четверти VI в. (Полін, 1987. С. 31). Неверными являются предложенные Г. Симионом сопоставления треугольной глиняной пластины с прочерченным орнаментом из упомянутого слоя на поселении в Чилик-Дере (Simion, 1994. Pl. 5, *2*) с фигурками из памятников типа Сахарна-Солончены начала раннего железного

[1] В публикации 1992 г. (Simion, 1992. Fig. 8, *a*) изображено два опорно-втульчатых наконечника стрел.

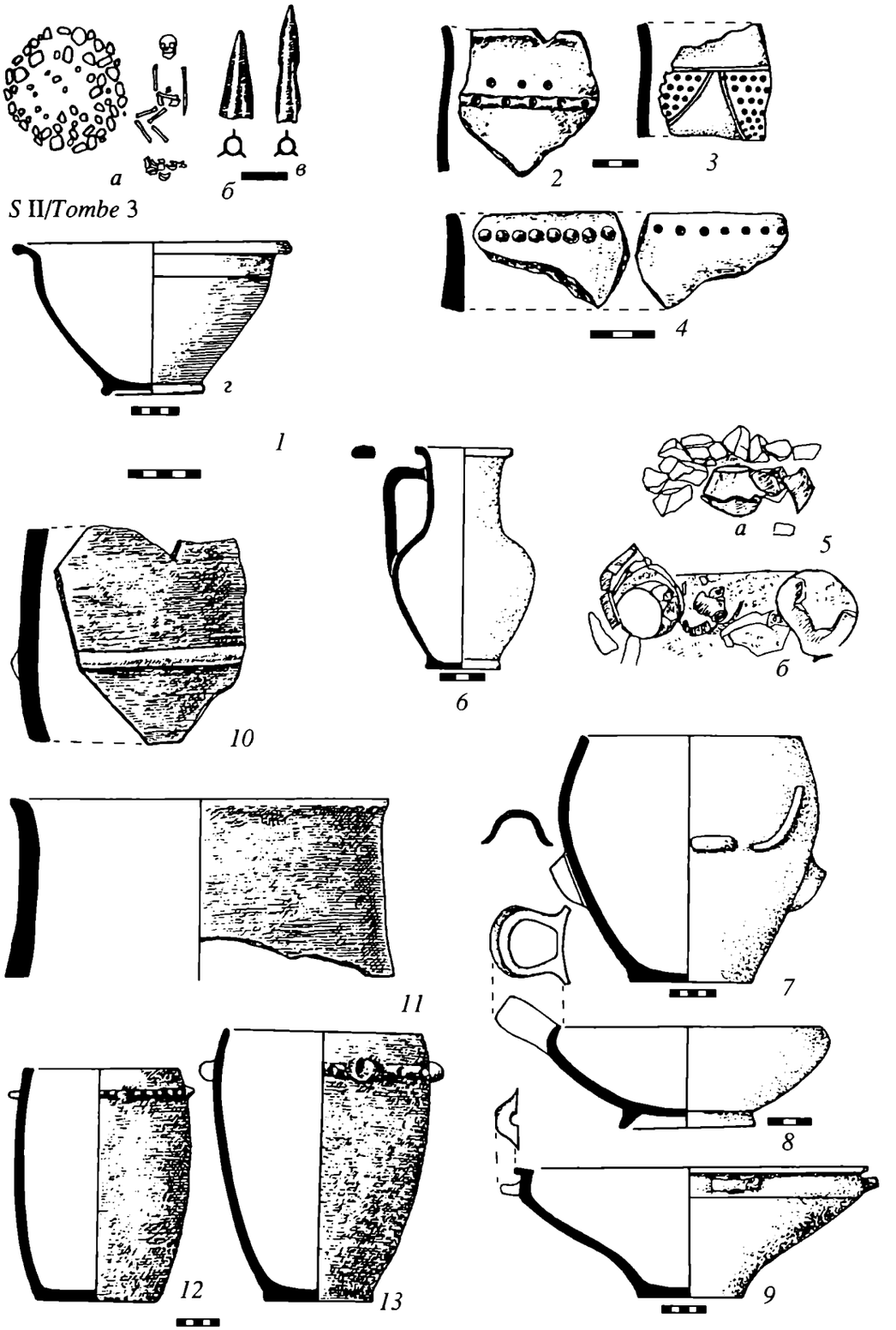


Рис. 2. *1, 5–10* – могильник Чилик-Дере, *1, 5* – планы погребений; *2–4* – фрагменты керамики с поселения; *6–13* – керамика из погребений. Все рисунки из статьи: Simion, 1994.

века Молдавии, а также с орнаментом на лощеной посуде жаботинского времени из лесостепи (Simion, 1994. P. 37, 38). Среди предскифских и скифских древностей Северного Причерноморья глиняные треугольные пластины с прочерченным орнаментом, аналогичные найденным в Чилик-Дере, мне не известные.

Если справедлив мой упрек в незнании Г. Симионом правильных аналогий найденным на поселении в Чилик-Дере наконечникам стрел, то древности, о которых идет здесь речь, должны относиться не к VII–началу VI в. до н.э., а к VI–началу V в., т.е. принадлежать культурному слою на поселении, который относится Г. Симионом именно к

этому времени. Так же следует датировать и упомянутое погребение 3 на могильнике в Чилик-Дере. Здесь под небольшой каменной насыпью с кругом из камней в основании лежал на спине скелет взрослого человека. Ноги его были согнуты в коленях и положены на правый бок. В ногах находилась разбитая гончарная миска античного производства, а между ребер – два бронзовых наконечника стрел, упомянутых выше и названных Г. Симионом в качестве аналогий происходящим с поселения в Чилик-Дере (Simion, 1994. Fig. 4, *c*, *d*; наш рис. 2, 1*а*, *б*, *в*). Античная миска датируется Г. Симионом концом VI в. до н.э., чему не противоречат, как было сказано выше, найденные на поселении и в погребении наконечники стрел.

Второй четвертью–половиной VI–началом V в. до н.э. Г. Симион датирует могилы в Чилик-Дере, в которых находились лишь части человеческих скелетов, сопровождаемых плитами известняка. Такие погребения он пытается сравнивать с "известными к северу от Дуная или молдавскими", ссылаясь при этом на публикации погребений Елизаветовского могильника в дельте Дона (Simion, 1994. P. 37). Совершенно очевидно, что нахождение в могилах разрозненных человеческих костей не является показателем особого обряда в Скифии, а объясняется разрушением и ограблением могил. Вероятно, с таким же явлением Г. Симион столкнулся и при исследовании погребений в Чилик-Дере. Плиты известняка, сопровождавшие погребенных, встречаются в том числе и в курганах лесостепного Правобережья V в. до н.э. (Петренко, 1967. С. 36).

На могильнике в Чилик-Дере Г. Симион кроме уже названного акинака из могилы 2 упоминает находки еще двух акинаков и одного острого кинжала, происходивших из погребений (Simion, 1994. P. 38. Fig. 5, *12–15*; наш рис. 3, *8*, *11*). Акинаки имеют слабо дуговидные навершия и овальные перекрестья. По форме тех и других они относятся к числу типов, редко встречающихся в скифских древностях. Слегка дуговидные навершия больше характерны для акинаков, найденных на территории Векерзугской культуры Венгрии. Овальные же перекрестья, которые можно рассматривать как вариант почковидных, известны мне лишь на трех акинаках с Северного Кавказа (не изданы) и из случайно раскопанного погребения в Суворовском районе Молдавии. Последний отнесен мною к изделиям, выполненным в скифо-фракийском стиле (Мелюкова, 1974. С. 45). Один из представленных Г. Симионом акинаков отличается особой оригинальностью (рис. 3, *11*). Не только его рукоять, которая часто бывает рифленой на скифских акинаках, но и весь клинок его покрыт горизонтальными углубленными полосами, что не встречено на известных мне акинаках с территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Датировать эти предметы вооружения из Чилик-Дере можно лишь в широких пределах конца VII–V в. до н.э.

С пребыванием скифов во второй половине VI–начале V в. до н.э. Г. Симион связывает находку на поселении в Чилик-Дере двух обломков псалиев из кости (рис. 3, *1*, *2*), сопоставляя их с лесостепными северо-причерноморскими. Не возражая против такого сопоставления, замечу, что на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа псалии из кости и рога употреблялись лишь до конца VI в. и в V в. до н.э. уже не использовались. Кроме того, нельзя не видеть, что по стилю изображения на обоих обломках из Чилик-Дере существенно отличаются от известных на скифских псалиях. На хорошо сохранившемся верхнем конце пластинчатого трехдырчатого псалия очень схематично передана головка животного, которая только при сопоставлении со скифскими может быть понята как конская с прижатым ухом (Іллінська, 1961. Рис. 7, *1*). Рисунок мягких губ лошади и уха близок к изображенным на скифских псалиях. Оригинальна орнаментация внутренней грани псалия в виде широких прямоугольников, тогда как на скифских она имеет вид частых косых насечек (Ильинская, 1968. Рис. 23). Не имеет аналогий в Скифии нижний конец второго псалия с изображением части ноги с копытом лошади, в отличие от скифских решенного в реалистической манере. Отмеченные своеобразия в исполнении популярных в Скифии образов звериного стиля заставляют думать, что оба псалия были изготовлены местным мастером в подражание скифским.

Кроме описания результатов раскопок в Сабанджии и Чилик-Дере Г. Симион упоминает как недавние, так и старые находки вещей скифского типа, сделанные в разных местах Северной Добруджи. К первым из них относится крупная бронзовая бляха в виде лосиной головы (рис. 3, *6*) из античного города Агдамуса, во всем близкая к бляхе из кургана 459 у с. Турья V в. до н.э. (Степи..., 1989. Табл. 39, *38*), что не ускользнуло от внимания автора. Замечу лишь, что обе бляхи отражают появившееся в V в. до н.э. новое скифо-греческое течение в скифском искусстве звериного стиля и скорее всего были выполнены в одной из греческих мастерских, может быть, в Ольвии.

Из ранее найденных изделий, свидетельствующих о присутствии скифов на территории Северной Добруджи во второй половине VI–начале V в. до н.э., упомянуты костяные псалии из Истрии и Тариверде (рис. 3, *3*, *4*), ручка зеркала из погребения в некрополе Истрии (рис. 3, *7*), три каменных изваяния, которые теперь уверенно датируются второй половиной–концом VI в. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 16. Ил. 1, 2), котел из Костелу (Aricescu, 1965. P. 565–570. Fig. 1), находки фрагментов скифских горшков в Истрии и на поселениях ее округи, о чем мне уже приходилось

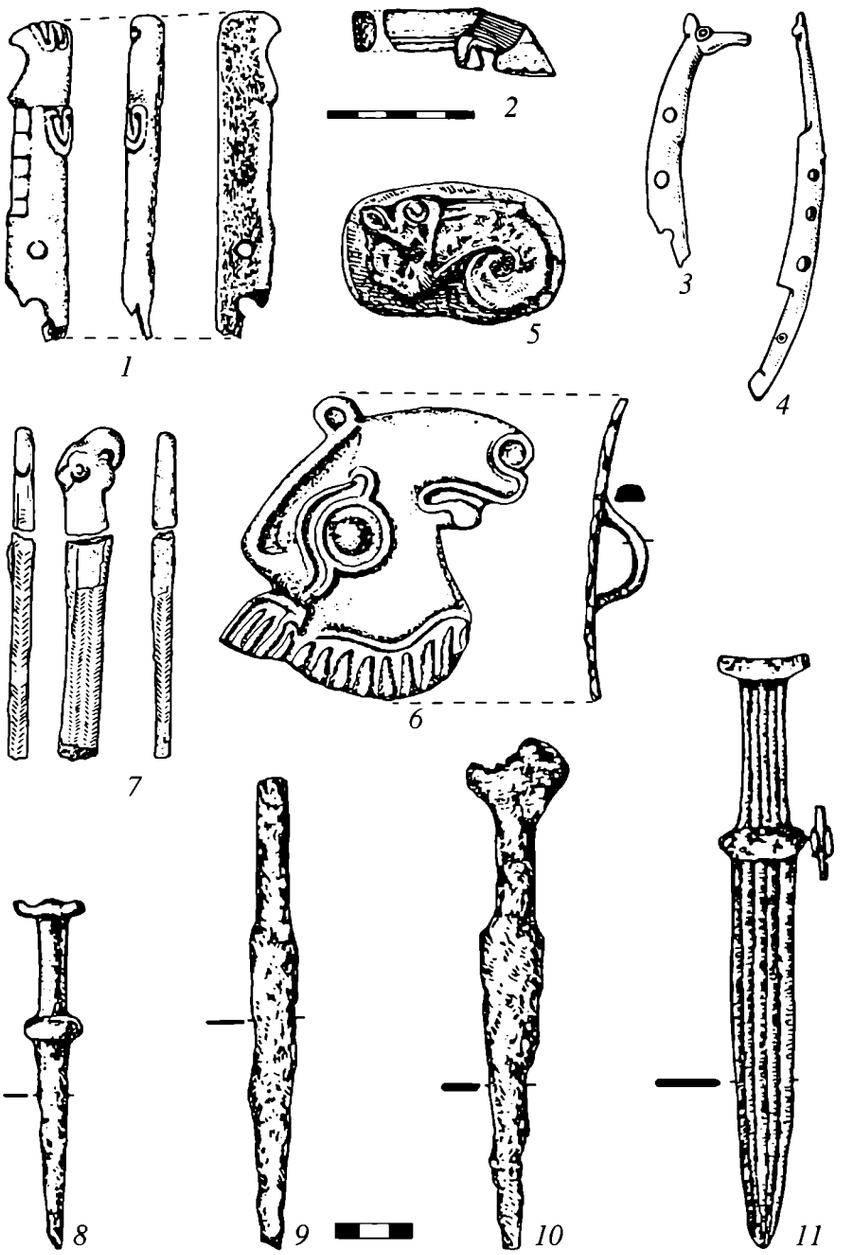


Рис. 3. *1, 2* – с поселения Чилик-Дере; *3* – из г. Истрия; *4* – с поселения Тариверде; *5* – случайная находка из Пыржоайа; *6* – из г. Агдамуса; *7* – из кургана XIX некрополя Истрии; *8–11* – из погребений в Чилик-Дере. *1–4* – кость; *5–7* – бронза; *8–11* – железо. Рисунки *1, 2, 6, 8–11* – из статьи: Simion, 1994; *3–4* – из статьи: Berciu, 1963; 5 – из статьи: Culicā, 1967.

писать ранее (Мелюкова, 1979. С. 105–113). К этому перечню следует добавить еще почему-то забытый Г. Симионом металлический штамп для производства бляшек с изображением головки хищной птицы в скифском зверином стиле VI–V вв. до н.э. из Пыржоайа (рис. 3, *5*) (Culicā, 1967. P. 677–685. Fig. 4).

В целом период между второй четвертью–серединой VI–первой половиной V в. до н.э. Г. Симион считает временем, когда происходил процесс ассимиляции пришельцев из Северного Причерноморья местными фракийскими племенами. В это время наблюдается увеличение площадей таких городищ, как Бештепе, Бейдауд, поселения в Чилик-Дере, возвращение на них местных жителей. Кроме того, значительно растут хора Истрии и площади близких к ней местных поселений в Тариверде, Нунташи, Вишине и др.

К этому же периоду относится появление в Северной Добрудже могильника Чиукурова с трупосожжениями, остатки которых были погребены в небольших каменных ящиках. Аналогии этому памятнику находятся в Южной Фракии на территории Болгарии. По мнению Г. Симиона, это свидетельствует о появлении в Северной Добрудже южно-фракийского населения. Однако, отмечая разнородный состав населения на изучаемой территории во второй половине VI–первой половине V в. до н.э., автор не сомневается в преобладании местного населения – гетов с культурой типа Бырсешты-Фериджеле.

Ко второй половине–третьей четверти V в. до н.э. Г. Симион относит многократные набеги кочевых скифов, сопровождаемые вторжением из лесостепи Северного Причерноморья. Никаких археологических материалов из раскопок при этом не упоминается, но почему-то именно жителей лесостепи автор считает создателями каменных скульптур и котлов, названных выше.

Конец V–начало II–I вв. до н.э. Г. Симион представляет как время кристаллизации гето-дакийской культуры на основе демографического взрыва и последовавшего за этим развития экономики и политической жизни местного населения (Simion, 1994. P. 38).

Оставляя в стороне проблему о времени и процессе сложения гетской культуры, остановлюсь на известных скифских археологических материалах архаического периода из Северной Добруджи в контексте археологии и истории Скифии этого времени.

Прежде всего следует отметить, что благодаря Г. Симиону мы получили хотя и неполные, но весьма важные сведения для суждения о событиях, происходивших на территории, прилегающей к западной границе Скифии в VII–V вв. до н.э. Совершенно очевидно, что автор правильно определяет памятники как принадлежащие не местному фракийскому населению, для которого характерен обряд трупосожжения, а пришлой с востока, из-за Дуная, группе людей. Вполне вероятно, что эти пришельцы сыграли какую-то роль в прекращении жизни на поселениях культуры Бабадаг III среднего гальштата. Однако утверждение Г. Симиона, что этот приход означал катастрофу для местных племен и их культуры, представляется излишне категоричным. Так, по данным Г. Югонару (Jugănaru, 1993. S. 119) следует, что во второй половине–конце VII в. до н.э. прекратили существование далеко не все поселения культуры Бабадаг III, а лишь часть из них, тогда как другие продолжали развитие, переходя к следующей ступени гальштата – к культуре типа Бырсешты-Фериджеле. Не опроверг Г. Симион и выводы, к которым пришел М. Иримиа еще в 1980 г. при раскопках поселения Гура-Канлия, где вслед за слоем культуры Бабадаг III следовал слой с материалами группы Бырсешты-Фериджеле и Равна I вместе с греческой керамикой конца VII–начала VI в. до н.э. (Irimia, 1980. P. 72–118). Принимая во внимание эти данные, а также малочисленность известных в настоящее время архаических погребальных памятников, подобных представленным Г. Симионом на территории Северной Добруджи, пока нет оснований говорить о значительном количестве пришельцев, способных привести к предполагаемой автором катастрофе.

Как было показано выше, не подтверждается мысль автора о двух следующих друг за другом волнах пришельцев из Северного Причерноморья в период между второй половиной–концом VII–первой четвертью–серединой VI в. до н.э. Сомнительной представляется принадлежность погребения в Сабанджии и могильника в Чилик-Дере разным этническим группам. Захоронение в срубе в сравнительно большом кургане в Сабанджии, где так же, как в Чилик-Дере, присутствует каменное кольцо вокруг погребения, скорее всего говорит лишь о более высоком социальном положении умершего по сравнению с погребенными на могильнике в Чилик-Дере. Откуда именно пришли в Северную Добруджу носители черт скифской культуры, были ли это кочевники из степи или оседлое население лесостепи, или в отряд пришельцев входили представители тех и других, сказать пока трудно. Судя по могильнику в Чилик-Дере, мы можем достаточно уверенно говорить лишь о том, что здесь имел место не кратковременный набег в конце VII в. до н. э., а долговременное пребывание пришлой группы людей из Северного Причерноморья. Отмеченное Г. Симионом увеличение со временем количества погребений с трупосожжениями в Чилик-Дере действительно можно считать показателем ассимиляции этой пришлой группы местным фракийским населением к началу V в. до н.э.

Современные исследователи предлагают разные решения поставленного выше вопроса. С.А. Скорый, во всем следуя за выводами Г. Симиона, попытался оценить значимость каждой из двух групп возможных пришельцев, упомянутых этим автором, для чего разделил все известные ныне в Северной Добрудже древности скифского типа на лесостепные и степные. К первым из них он отнес: погребальное сооружение из Сабанджии, фрагменты костяных псалиев с поселения в Чилик-Дере, ручку зеркала (по его мнению, ножа) из кургана в некрополе Истрии, фрагменты лепной керамики из культурного слоя VI в. до н.э. города Истрии, костяной псалий и фрагменты керамики того же времени с поселения в Тариверде, железные акинаки из погребений в Чилик-Дере и бронзовую бляху с головой лося из Агдамуса. К степным древностям, по его мнению, принадлежат лишь каменные изваяния и бронзовый котел из Кастелу. На этом основании С.А. Скорый пришел к выводу, что первыми в конце VII–начале VI в. до н.э. проникли на территорию Северной Добруджи жители лесостепного Правобережья. Здесь группа лесостепного населения, возможно небольшая, осела и постепенно смешалась с местным фракийским населением. Скифы же из степи появились на правом берегу Дуная только во время скифо-персидской войны. Их пребывание было недолгим и не наложило большого отпечатка на культуру местных гетов (Skory, 1998. P. 12, 13). Вместе с тем продвижение лесостепного населения в Добруджу он ставит в зависимость от движения кочевников, которые именно в конце VII в. до н.э. начали покидать Се-

верный Кавказ, направляясь в более перспективные места проживания – на территорию лесостепной Украины и в Трансильванию. Под напором кочевников некоторая часть лесостепных племен была вынуждена покинуть свою землю и продвинуться в Задунавье.

О возможном продвижении на юг, в Северную Добруджу, лесостепных народов и смешении их с фракийцами в VI–V вв. до н.э. пишет и С.И. Андрух, основываясь при этом на описании Г. Симионом погребений в Чилик-Дере VI–V вв. до н.э. Однако она объясняет это продвижение притяжением, исходившим от греческих колоний на СЗ побережье Черного моря. Одновременно она допускает возможность оседания незначительного количества кочевников в зонах греческой колонизации Северной Добруджи (Андрух, 2000. С. 64, 65).

Иной точки зрения придерживается К.К. Марченко и вместе с ним М.Ю. Вахтина, материалы которых из могильника Чилик-Дере, опубликованные Г. Симионом, убеждают в длительном присутствии собственно скифов-кочевников на территории Северной Добруджи (Марченко, Вахтина, 1996; 1997).

К сожалению, представленные Г. Симионом погребения из Сабанджии и Чилик-Дере не обладают такими чертами, которые позволили бы найти им параллели в каком-то определенном районе Скифии VII–V вв. до н.э. В самом деле, погребения с небольшими каменными насыпями и кольцами вокруг могил сейчас лучше известны в западных областях лесостепи (Мелюкова, 1958. С. 49 сл.; Крушельницкая, 1990. С. 152 сл.). Деревянные гробницы, подобные открытой в Сабаджии, которую С.А. Скорый сравнивает лишь с лесостепными, редко, но встречаются в степи. К тому же происхождение деревянных гробниц все большее число исследователей связывает с собственно скифами – иранцами (Мурзин, 1984. С. 50, 51, 64, 65; Ольховский, 1991. С. 41–43). Что касается позы погребенных, то при господстве у кочевников вытянутого положения умерших – на спине, головой на запад – для VII–VI вв. до н.э. известны и другая ориентировка и поза на спине с подогнутыми в коленях и положенными набок ногами (Кияшко, Кореняко, 1976. С. 170–177), как в одном из погребений в Чилик-Дере. Есть в степных курганах VII–V вв. до н.э. и скорченные погребения (Мурзин, 1984. С. 53, 54). Сходные положения покойных имеются и в лесостепи (Ковпаненко и др., 1989. С. 34, 35). Нет строгих отличий и в погребальном инвентаре в рядовых степных и лесостепных скифских погребениях. В целом, сопровождавший их инвентарь разнообразнее, чем в курганах Северной Добруджи. Только погребения, совершенные по обряду трупосожжения, для кочевников совершенно не свойственны. Они есть в лесостепи, но присутствие таких могил в Чилик-Дере скорее всего объясняется влиянием местного фракийского обряда, распространение которого с течением времени вытеснило скифский обряд ингумации.

Не убеждает меня и произведенное С.А. Скорым деление найденных в Северной Добрудже вещей скифского типа на лесостепные и степные. Ведь все они принадлежат к изделиям, характерным для скифской материальной культуры, и могут отличаться друг от друга лишь по месту производства.

Ни псалии из кости, найденные на поселении в Чилик-Дере, ни ручка зеркала из некрополя Истрии, ни по крайней мере один из акинаков из могильника в Чилик-Дере, как было сказано выше, не имеют прямых аналогий в скифских древностях Северного Причерноморья, в том числе и в лесостепи, и скорее всего они были сделаны в каких-то местных мастерских в подражание скифским изделиям. Свидетельством того, что такие мастерские существовали, является упомянутый штамп для производства бляшек в виде головки хищной птицы из Пыржоайя.

В пользу признания первостепенной роли кочевников как будто говорит тот факт, что наиболее ранние погребения на могильнике в Чилик-Дере и курган в Сабанджии относятся именно к тому времени, когда отряды кочевых скифов совершали рейды в разные регионы Европы, населенные оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами с развитой производственной деятельностью. В поисках удобных мест для проживания они проникали в том числе и в глубь фракийских земель, как, например, это показывает погребение в кургане эпохи бронзы у села Старые Куконешты на Среднем Пруте (Дергачев, 1979. С. 239–241). Поэтому нельзя исключать и того, что какой-то отряд кочевников мог появиться и на землях Северной Добруджи, не менее привлекательных, чем лесостепи Северного Причерноморья или Трансильвания. Возможно, это был отряд (или отряды) мужчин-воинов, как, например, в Среднем Поднестровье (Смирнова, 1998. Р. 19–21). Тем более это вероятно, что с военной деятельностью именно таких отрядов скорее всего могло быть связано разрушение и прекращение жизни, если не всех, то какой-то части местных поселений культуры Бабадаг III периода среднего гальштата. О возможной принадлежности кочевникам погребений в Чилик-Дере свидетельствует, на мой взгляд, и то обстоятельство, что в их могилах была найдена только местная фракийская керамика (рис. 2, *10–13*). По многочисленным наблюдениям археологов, только кочевники используют посуду того населения, на земли которого они приходят. Склоняясь к мысли, что поселившиеся на территории Северной Добруджи в конце VII в. до н.э. выходцы из Северного Причерноморья принадлежали к кочевникам, вынуждена признать, что, по-видимому, вскоре пришельцы перешли к оседлому образу жизни.

Об этом, на мой взгляд, говорит компактное расположение курганов в Чилик-Дере, как следует из приведенной Г. Симионом фотографии (Simion, 1994. Fig. 10), и длительное существование могильника на одном месте, состоявшего не только из курганных, но и бескурганных погребений. В Северном Причерноморье оседание кочевников на землю в архаический период отмечено лишь для района действия античного города Никония (Охотников, 1983. С. 167–177), где по левому берегу Днестровского лимана находилось 12 античных поселений второй половины VI–первой половины V в. до н.э. – дальней хоры Никония – и одно, принадлежавшее осевшим скифам. Расположенное на расстоянии 300 м от могильника поселение в Чилик-Дере не входило в хору Истрии, но находки на нем и в некоторых погребениях античной керамики свидетельствуют о тесных связях его населения с античным городом в VI в.

Как при этом объяснить присутствие на поселении фрагментов горшков, имеющих аналогии в лесостепи Северного Причерноморья? К сожалению, отсутствуют данные о количестве такой керамики на поселении и недостаточно ясна ее хронология. Если правильна предложенная мною вопреки Г. Симиону датировка этой керамики – не ранее второй четверти VI в. до н. э., то можно думать, что носители лесостепной посуды появились в районе Чилик-Дере несколько позднее кочевников, во второй четверти–середине VI в. до н.э., тогда же, когда и на территории Истрии и ее ближней и дальней хоры. Так, С. Димитриу, изучая керамику Истрии VI в. до н. э., отмечает находки всего 10–15% лепной посуды, но двух групп – местной, гальштатских традиций, и северо-понтийской, "характерной для северопричерноморских степей" (Dimitriu, 1966. P. 54–56. Pl. 66, 67). Следует, однако, заметить, что среди изображенных на табл. 67, 68 статьи С. Димитриу фрагментов многие имеют близкие параллели в керамике лесостепного Правобережья VI–V вв. до н.э. (Петренко, 1967. Табл. 5).

Таким образом, можно думать, что появление жителей лесостепных районов Северного Причерноморья в Северной Добрудже могло происходить независимо от кочевников и было вызвано деятельностью греческих колоний в этом регионе. Очевидно, это явление аналогично происходившему на Березани, в Ольвии и ее округе (Марченко, 1988), несколько позднее в Никонии и на античных поселениях Нижнего Поднестровья (Бруяко, 1987. С. 28, 29; Охотников, 1990. С. 27). Примечательно, что в упомянутых памятниках на территории Северного Причерноморья в разном количестве присутствовала типичная фракийская керамика, что свидетельствует о пребывании в античных поселениях архаического периода фракийского населения, вероятно, из-за Дуная. В то же время подобная керамика пока не встречалась в скифских памятниках архаического времени даже на соседней с Добруджей территории – в степи Днестро-Прутского междуречья.

Отряды, или отряд, кочевников и жителей лесостепи проникали в Добруджу, по-видимому, разными путями. Вслед за К.К. Марченко и М.Ю. Вахтиной полагаю, что кочевники, скорее всего, двигались по степному коридору через переправу в низовьях Дуная у сел Орловка и Новосельское. Возможно, с этим движением кочевников связано прекращение жизни на двух поселениях культуры Басараби VIII–VII вв. до н.э., существовавших в окрестностях этих сел (Бруяко, Кожокару, 1990. С. 132–140). Такой путь, как мне представляется, подтверждают впускные в курганы эпохи бронзы скифские погребения VII–начала VI в. до н.э. у с. Чобручи, Страшены и Огородное в степи Днестро-Прутского междуречья (Субботин и др., 1970. С. 151, 152. Рис. 7, *2*; 17, *1–14*; Левицкий, Демченко, 1995. С. 41–44, 48, 49).

Движение из лесостепи было возможным только северным путем. Вместе с тем нельзя исключать и того, что кочевники могли двигаться через правобережную лесостепь и таким образом проложить дорогу и отрядам из лесостепи. Присутствие кочевников на территории украинской лесостепи вплоть до Прикарпатья начиная с VII в. до н.э. не вызывает сомнений, как и движение их отсюда в западном направлении (Скорий, 1987. С. 36–49; Смирнова, 1989. С. 27–31). В этой связи вполне возможными представляются их походы из лесостепи на юг.

Возвращаясь к материалам Сабанджии и Чилик-Дере, представленным Г. Симионом, следует отметить, что они если и подтверждают приход какого-то отряда скифов уже во второй половине–конце VII в. до н.э. и длительное пребывание его на территории Северной Добруджи, все же не могут иметь решающего значения для определения масштаба скифского присутствия и действительной роли скифов в этом регионе, а также для истории самих скифов в архаический период. Таких материалов все еще недостаточно для аргументированных выводов. В связи с этим мне представляется необходимым коснуться вопроса, поднятого К.К. Марченко, о вхождении территории Северной Добруджи в состав Скифии, описываемой Геродотом. Еще в 1993 г., основываясь на случайных находках в Северной Добрудже разрозненных вещей и каменных изваяний скифского типа, перечисленных выше, и особенно на сообщаемых румынскими учеными сведениях о гибели поселений Бабадаг III в первой половине–середине VII в. до н.э., К.К. Марченко высказал предположение о вхождении Северной Добруджи в зону расселения кочевников архаической Скифии (Марченко, 1993. С. 45). При этом он полагал, что номады здесь составили верхний пласт в структуре местных земледельческих образований, хотя и думал,

что число завоевателей было небольшим и они подверглись "культурной интеграции". Подкрепление археологическим данным исследователь находил в сообщении Геродота о Старой, или Древней, Скифии (Геродот. IV, 99, 2) и со ссылкой на мнение И.В. Куклиной (1985) отводил Старой Скифии только территорию Северной Добруджи. В тезисах, написанных вместе с М.Ю. Вахтиной в 1996 г. (с использованием материалов Г. Симиона о раскопках в Чилик-Дере), уже более уверенно говорится о раннем появлении и постоянном присутствии в VI–первой половине V в. до н.э. на территории Северной Добруджи "сильной орды" кочев-ников, контролировавших примыкавшие с севера степи, и существовании именно на этой земле Старой Скифии (Марченко, Вахтина, 1996. С. 51, 52). В небольшой статье тех же авторов 1997 г. (Марченко, Вахтина, 1997. P. 179–187) содержится развитие положения о Старой Скифии Геродота, высказанного в упомянутых тезисах. Прежде всего исследователи предлагают считать устаревшим, не соответствующим современному состоянию развития науки вывод о западной границе архаической Скифии по нижнему течению Дуная и Пруту которого исходя из сказанного Геродотом (IV, 99), придерживается большинство современных ученых. Против этого, по мнению М.Ю. Вахтиной и К.К. Марченко, говорят новые исследования румынских ученых и прежде всего большая серия подкурганных захоронений скифского типа VI–V вв. до н.э., входивших в состав обширного некрополя Чилик-Дере у с. Телица на правом берегу Нижнего Дуная. При этом дается ссылка на статью Г. Симиона 1992 г., в которой содержатся те же, далеко не полные, сведения о скифских погребениях, что и в изложенной нами работе того же автора 1994 г. Правильно датируя наиболее ранние погребения из Чилик-Дере временем не позднее конца VII в. до н.э., близким к периоду существования келермесских курганов, авторы вместе с тем повторяют ошибку Г. Симиона, говоря о находке там наконечников стрел не только келермесского, но и жаботинского типов, на самом деле относящихся к более раннему времени и не представленных в Чилик-Дере. По недоразумению к числу находок из ранних погребений отнесены "образцы лепной керамики типов, характерных прежде всего для лесостепного Северного Причерноморья" (Марченко, Вахтина, 1997. P. 181).

Как было сказано выше, такие образцы происходят с поселения в Чилик-Дере и, скорее всего, датируются второй четвертью–серединой VI в. до н.э., т.е. несколько более поздним временем, чем ранние погребения на могильнике.

Наиболее выразительными материалами для VI в., по мнению авторов, являются "подкурганные погребения кочевой знати с территории некрополя Истрии, самые ранние из которых относятся ко времени около середины столетия" (Марченко, Вахтина, 1997. P. 181). Непонятно, на каком основании К.К. Марченко и М.Ю. Вахтина считают эти памятники (их четыре) принадлежавшими кочевникам, тогда как автор раскопок П. Александреску, на статью которого они ссылаются, обоснованно признает их погребениями местной гетской аристократии (Alexandrescu, 1966. P. 410–421). В наиболее ранних из них найдена греческая керамика середины VI в. до н.э. – курганы XVII, XX (Alexandrescu, 1966. P. 146–150. Fig. 14–16. Pl. 69, 85), а курган XII, который, по мнению исследователя, принадлежит последнему гетскому вождю, датируется греческой керамикой 510–490 гг.

Разделяя точку зрения П. Александреску, отмечу особенности этих памятников, отличающие их от погребений скифской кочевой аристократии архаического времени на Северном Кавказе, в степи и лесостепи Северного Причерноморья.

Основное отличие состоит в том, что все главные погребения совершены по обряду трупосожжения на специальных площадках, находившихся под центром курганной насыпи. Погребенных сопровождала преимущественно предварительно разбитая разная античная керамика, большей частью положенная после сожжения. Только в костре кургана XIX была найдена упомянутая выше ручка зеркала с грифоньей головкой на конце, выполненно в скифском зверином стиле (рис. 3, *7*). На некотором расстоянии от места сожжения или выкапывался неглубокий круговой ров (курганы XVII, XX), или сооружалось кольцо из камней (курган XIX). За пределами погребального костра на древней поверхности, в ровиках или в неглубоких ямах, внутри каменного кольца обнаружены остатки кровавых жертвоприношений людей и лошадей. На первый взгляд кажется, что это сближает описываемые курганы со скифскими. Однако в отличие от скифских люди погребены здесь очень небрежно, а лошади без каких-либо частей сбруи. Количество людских и конских жертвоприношений различно. В кургане XX были найдены лишь разрозненные кости трех лошадей и ослов, в кургане XVII – скелеты трех человек и четырех лошадей, в кургане XIX – два неполных скелета людей и разрозненные кости одной лошади. В кургане XII конских костей не было, зато в двух неглубоких ямах оказались кости 35 человеческих скелетов. Насыпи состояли из земли, имели небольшую высоту до 1.5 м и диаметр 10–12 м, располагались почти впритык друг к другу. Все они в римское время были перекрыты огромным земляным холмом (курган XVI). Полагаю, что П. Александреску совершенно правильно сопоставляет эти памятники с южно-фракийскими курганами Болгарии. Вместе с тем он не отрицает скифского влияния, видя его в некоторых чертах погребального обряда и присутствии небольшого количества вещей скифского типа. Других курганов VI в. до н.э., которые воз-

можно было бы сопоставить с принадлежавшими кочевой аристократии из Северного Причерноморья, нигде в Северной Добрудже пока не найдено, как не известны и какие-либо предметы скифского типа из драгоценных металлов, свидетельствующие о сколько-нибудь постоянном пребывании на этих землях скифской аристократии. Поэтому мне представляется, что в настоящее время нет серьезных оснований для гипотезы, выдвигаемой К.К. Марченко и М.Ю. Вахтиной, о существовании в Северной Добрудже "уже в VII–VI вв. до н.э. варварского объединения, возглавляемого скифской аристократией, контролирующей степи Истро-Понтийской зоны вплоть до Нижнего Побужья" (Марченко, Вахтина, 1997. Р. 182). Подтверждение своей гипотезы авторы видят в близкой этнополитической ситуации, сложившейся на территории всей Северо-Западной части Понта после основания греческих колоний. Это нашло выражение в ряде одинаковых явлений в культуре населения того и другого регионов. К ним относятся: присутствие в керамическом комплексе лепной керамики, характерной для жителей степной и лесостепной Скифии, ряда вещей скифского типа, распространение монет в виде двулопастных бронзовых наконечников стрел. Упоминают авторы и существование единого рынка сбыта, "по крайней мере некоторых изделий античной торевтики", о чем заставляет думать "и ареал распространения зеркал ольвийского типа". Из этого следует предположение, что "греческие поселенцы как в том, так и в другом регионе имели дело с одним и тем же варварским объединением" (Марченко, Вахтина, 1997. Р. 183). В целом не возражая против сходных явлений (из перечня представленных черт сходства следует исключить зеркала "ольвийского" типа, поскольку на территории Добруджи (Кузнецова, 1991. Карта 11) они пока не известны), отмечу, что во-первых, эти явления касаются деятельности греческих городов, а во-вторых, относятся преимущественно ко второй половине–концу VI–началу V в. до н.э. и уже поэтому не могут подтверждать существование сильного варварского объединения на всей территории СЗ Причерноморья с конца VII в. до н.э. Против высказанной авторами гипотезы говорит отмеченное Г. Симионом и упомянутое выше возобновление жизни и расширение площадей гетских городищ, таких, как Бештепе, Бейдауд, появление ряда новых гетских поселений и могильников во второй половине VI–первой половине V в. до н.э. К этому же времени принадлежат и описанные ранее захоронения гетской аристократии. Все это свидетельствует о том, что господствующей силой в Добрудже во второй половине VI–первой половине V в. до н.э. были не скифы, а местные фракийские племена – геты.

Что касается Северного Причерноморья, то только во второй половине–конце VI–первой половине V в. до н.э. происходит окончательное освоение степи кочевниками. Именно с этого времени наблюдается значительное увеличение количества скифских погребальных памятников, в том числе и на территории степи Северо-Западного Причерноморья, в частности, на западной периферии, в Буджакской степи, в Днестро-Дунайском междуречье (Мурзин, 1984. С. 100, 101; Редина, 1989. С. 25–33; Андрух, 1995. С. 25, 51–55). При этом основная масса скифских захоронений к концу архаики концентрируется в Нижнем Приднепровье и в степном Крыму. Степь СЗ Причерноморья представляла собой окраинный регион Скифии архаического времени. Однако археологические памятники, обнаруженные на этой территории, ни по погребальному обряду, ни по найденному в них инвентарю не отличались от находившихся в центральном регионе Скифии. Примечательны погребения дружинников с отдельными захоронениями коня конца VI–начала V в. до н.э. в нескольких курганах Днепро-Дунайского междуречья (Андрух, Суничук, 1987. С. 38–46; Редина, 1989. С. 26, 27). Вполне согласуются с археологическими и письменные источники, свидетельствующие о том, что по крайней мере к концу VI в. до н.э., ко времени похода Дария на скифов, последние были объединены под властью господствующего племени скифов царских и владели землями от Дуная до Дона.

Таким образом, мне представляется, что есть основания считать оба региона Северо-Западного Причерноморья существовавшими независимо друг от друга, во всяком случае в VI–V вв. до н.э. Длительное пребывание, по всей вероятности, небольшой группы скифов в Северной Добрудже не привело к присоединению этой территории к скифскому царству. Объединяет два данных региона тесное взаимодействие античных городов Северо-Западного Понта, втягивавших в свою орбиту местное и пришлое население.

Из письменных источников известно, что конец VI–начало V в. до н.э. были начальным периодом длительной конфронтации скифов и фракийцев, перемежающейся мирными взаимоотношениями. Пока неясно, какую роль в этом могли играть жившие в Северной Добрудже скифы, принимали ли они участие в воинственных акциях скифских отрядов против гетов или оставались в стороне. Наиболее вероятным представляется последнее, так как к концу VI в. до н.э. скифы в Северной Добрудже в значительной степени подверглись ассимиляции и должны были утратить связи с родиной. Агрессивную же политику, начавшуюся, видимо, еще в период войны с Дарием и особенно в связи с походом скифов в 496 г. до н.э. к Херсонесу Фракийскому (Геродот. VI, 40), проводили скифские цари, возглавлявшие военно-политический союз, окрепший после победы над персидским войском. Геты, ранее разгромленные Дарием (Геродот. IV, 93, 118), не могли противостоять

скифам. Но около 480 г. одрисы распространили свою власть до Истра, и скифам пришлось вернуться на левый берег этой реки. В результате этого завершилась стабилизация границы по Дунаю между фракийцами и скифами, а в качестве мирного договора был заключен династический брак между скифским царем Ариапифом и дочерью одрисского царя Тереса (Геродот. 78, 80). О том, что эта граница, по крайней мере в середине V в. до н.э. не нарушалась фракийцами, свидетельствует эпизод, в котором рассказывается о том, что после побега во Фракию царя Скила Октамасад, сместивший его на троне, пошел войной на фракийцев, но вынужден был остановиться у берега Истра (Геродот. IV, 80). Показательно и то, что в начале V в. до н.э. полностью исчезает фракийская керамика на античных поселениях Побужья и Поднестровья (Марченко, 1988. С. 114–126; Охотников, 1990. С. 70; Секерская, 1989).

Итак, не разделяя гипотезу К.К. Марченко и М.Ю. Вахтиной о вхождении Северной Добруджи в состав Скифии архаического периода, я не могу принять и их точку зрения о местонахождении "Древней", или "Исконной", Скифии на землях между Северной Добруджей и Нижним Побужьем. Наиболее близкими к истине мне представляются гипотезы тех исследователей, которые вслед за Геродотом (IV, 99) ищут эту землю к востоку от Истра (Доватур и др., 1982. С. 336, 337; Нейхардт, 1982. С. 150, 151). Следует, однако, признать, что в настоящее время наша наука не располагает необходимыми материалами для обоснованных выводов, а потому пока невозможно поверить ни в одну из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия VI – начала I в. до н.э. Запорожье, 1995.

Андрух С.И. Смешанные с фракийцами скифы // ВДИ. 2000. № 3.

Андрух С.И., Суничук Е.Ф. Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.

Бруяко И.В. Скифская керамика античных поселений Нижнего Поднестровья VI–V вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Ч. I. Кировоград, 1987.

Бруяко И.В., Кожокару В.А. Новый фракийский памятник на Нижнем Дунае и некоторые вопросы политической истории региона в I тысячелетии до н.э. // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1990.

Дергачев В.А. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. 1979. № 3.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в истории Геродота. М., 1982.

Іллінська В.О. Скіфська вузда VI ст. до н.е. // Археологія. 1961. Вип. XIII.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Кияшко В.Я., Кореняко В.А. Погребение раннего железного века у г. Константиновска // СА. 1976. № 1.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев, 1989.

Крушельницкая Л.М. Раннескифская культура в Западном Подолье // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Киев, 1990.

Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991.

Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.

Левицкий О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности степного Причерноморья и Крыма. 1995. Вып.V.

Марченко К.К. Варвары в составе Березани и Ольвии. Л., 1988.

Марченко К.К. К вопросу о протекторате скифов в СЗ Причерноморье V в. до н.э. // ПАВ. 1993. № 7.

Марченко К.К., Вахтина М.Ю. Скифы в Северной Добрудже и этнополитическая ситуация в степях Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VIII Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 1996.

Марченко К.К., Вахтина М.Ю. "Древняя Скифия" и Северо-Западное Причерноморье // Hyperboreus. 1997. V. 3. Fasc. 1.

Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. Вып. 64.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1–4.

Мелюкова А.И. Культура племен Днестро-Прутского междуречья (VIII–V вв. до н.э.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.А. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.

Охотников С.Б. Поселение Надлиманское VI в Нижнем Поднестровье // СА. 1983. № 1.

Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI–III вв. до н.э. Киев, 1990.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Д1–4.

Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.

Редина С.В. Погребальный обряд скифов Днепро-Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев, 1989.

Секерская Н.М. Античный город Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. Киев, 1989.

Скорий С.О. Про скіфський етнокультурний компонент у населення дніпровського лісостепового Правобережжя // Археологія. 1987. № 60.

Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II – перв. пол. I тыс. до н.э. По материалам Западно-украинской экспедиции // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.

Смирнова Г.И. Погребальный обряд как один из главных показателей экспансии скифов в лесостепную зон Северного Понта // The Scythians and their Expansion into the Western Black Sea Territory. Tulcea, 1998.

Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М. Курганы у с. Огородное // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1970. Вып. 6. Ч. 1.

Alexandrescu P. Necropola Tumularã sapãtur 1955–1961. // Histria. T. II. Bucureşti, 1966.

Aricescu A. Cazanul scitic de la Castelu // SCIV. 1965. T. 16. № 3.

Berciu D. Noue skythische Funde aus Rumänien und Bulgarien // PZ. 1963. XLI.

Culica V. O unealtã scitică de orfãurãrie la Donãrea de jos // SCIV. 1967. T. 18. № 4.

Dimitriu S. Cartierul de locuinţe din zone de vest a cetăţii in epocă arhaică // Histria. T. II. Bucureşti, 1966.

Irimia M. Date noi privind aşezările getice din Dobrogea a doua epoca a fierului // Pontica. 1980. T. 13.

Juganaru G. Stadiul actual al cercefărilor privind populaţia autochtona a Dobrogei in secul VIII–VII // Pontica. 1993. T. XXIV.

Pippidi D.M., Berciu D. Din istoria Dobrogei. Geţi şi greci la Dobrogei de Jos. V. I. Bucureşti, 1965.

Simion G. Geţii de la Donarea de Jos şi civilizaţia lor // Probleme actuale de istoriei nationale şi universale. Chisinău Uiversitas, 1992.

Simion G. La population de la région du Bas-Danube aux VIIe–VIe siècle av. J.C. // Старинар. Нова серия. Кн. XLIII–XLIV. 1992–1993. Београд, 1994.

Simion G. The architecture of the Tombs in the Necropolis from Celic-Dere // The Third International Simposium of Funeral Archaeology. Tulcea, 1997.

Simion G. Getes and Scythes aux Bouches du Danube // The Scythians and their Expansion into the Western Black Sea Territory. Tulcea, 1998.

Skory S. On the time and character of early penetration of the Scythian Culture carriens to Dobrudja // The Scythians and their Expansion into the Western Black Sea Territory. Tulcea, 1998.

Vulpe A. Necropola halstattianã de la Ferigile. Bucureşti, 1967.

New Data on the Scythians in Dobrudgea (On "the Old Scythis" by Herodotuss)

A. I. Melyukova

Summary

In the first half of the article the material is considered originating from the Scythian burials investigated during the last decade in North Dobrudja and published by G. Simion. Having regarded analogous Scythian antiquities from North Pontic area the author suggested more accurate dates for the sites and rejected Simion's conclusion on two migration streams from the east that occurred in the period since the second half of the 7th–early 6th cc. BC. It is impossible yet to determine reliably, whether they started from the steppe or forest-steppe of North Pontic area. Still, it is clear that the migration was not a raid of short duration, but some prolonged sojourn of the Scythian culture bearers beginning from the late 7th century BC followed by their assimilation by the local Thracian population completed by the 5th century BC. Between the second half of the 6th and 5th cc. BC domination of the local Geto-Thracian tribes is observed, and after 480 BC final stabilization of the border between the Getes and Scythians along the Lower Danube took place. The author is inclined to think that some nomads' party from the steppe had invaded North Dobrudja and caused the disaster of a number of local Babadag III culture sites, also she opposes the conclusion by G. Simion on the catastrophic consequences of that event for the local tribes. In the second part of the article the author criticizes positions by K.K. Marchenko and M.Yu. Vakhtina, who claim that North Dobgogea represented a part of Scythia in the 7th–5th cc. BC, while the territory of Istrum-Pontic steppes up to the Lower Bug in that period was controlled by certain barbaric alliance headed by Scythian aristocracy. Those very lands, the scholars claim, Herodotus referred to when telling about "Old", or "Initial" Scythia. The author, on the contrary, postulates two independent alliances: Getic one in North Dobrudja, and Scythian one in North Pontic territory. "Old" Scythia, according to Herodotus, should be located to the east from the Danube.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 33–44

ГАЛЬШТАТСКИЙ КОМПОНЕНТ В РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЛЕСОСТЕПИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕМИРОВСКОГО ГОРОДИЩА)

© 2001 г. Г. И. Смирнова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Интенсивные связи между культурами Карпато-Дунайского региона и лесостепной зоны Восточной Европы наблюдаются с эпохи раннего гальштата (XII–XI вв. до н.э.) вплоть до раннескифского времени. Ранние взаимосвязи в конце II–начале I тыс. до н.э., в том числе и передвижения тех или иных больших групп населения с запада и юго-запада на северо-восток в лесостепную зону Северного Понта, достаточно полно освещены в научной литературе. Особенно большой вклад в изучение этой проблемы был внесен А.И. Мелюковой, стоявшей фактически у истоков этого направления предскифской истории Северного Причерноморья (Мелюкова, 1960. С. 129; 1961. С. 35; 1979. С. 3–88; Смирнова, 1976. С. 18–34; 1980. С. 121; 1990а. С. 20; 1990б. С. 1–40; Крушельницька, 1985. С. 40; Levitki, 1994. P. 149–159; Кашуба, 1999. С. 369; 2000. С. 3–23). Культурные контакты в указанном регионе в конце VIII–первой половине VI в. до н.э. нуждаются в настоящее время в дальнейшем более глубоком изучении.

В связи с начавшейся в 90-е годы XX столетия обработкой скифской коллекции немировского городища, находившейся в забвении долгие годы, в полной мере встал вопрос о близости чернолощеной посуды к гальштатской (Смирнова, 1996. С. 81, 82; 1998а. С. 113–116; 1998б. С. 36; 1999. С. 241; Smirnova, 1997. S. 627). Уместно напомнить, что на гальштатский облик лощеной посуды скифских памятников лесостепной зоны, Немировского городища в особенности, впервые обратил внимание А.А. Спицын, написавший после раскопок этого укрепленного поселения в 1910 г. статью "Скифы и Гальштат" (Спицын, 1911. С. 155). В ней он подчеркивал органическую связь лесостепной скифской культуры в гальштатской. К сожалению, эта работа не иллюстрирована и не содержит конкретных указаний на определенные регионы и памятники гальштатского мира. Употребляя термин "Гальштат", А.А. Спицын оговаривал, что собственно нет единой однородной культуры этого названия. Это целая сеть культурных настроений, объединенных одним временем и общим происхождением из одного источника (бронзовый век Средней Европы) (Спицын, 1911. С. 155).

Надо отметить, что спустя много лет после высказываний А.А. Спицына и моих первых попыток уточнить вопрос об исходной области гальштатского влияния на раннескифскую Лесостепь (Смирнова, 1954. С. 7–9) существенно расширилась источниковедческая база памятников гальштатского круга Средней Европы. Теперь она дает возможность более дифференцированно в рамках всего Восточногальштатского мира и его периферии изучать вопрос о различных направлениях контактов со скифской Лесостепью.

В свете современных представлений, область собственно гальштатской культуры простирается от Восточной Франции на западе через Южную Германию, Северную Швейцарию, Австрийское Подунавье, восточноальпийские страны вплоть до Западной Венгрии и северо-западной части Балканского полуострова (Reitinger, 1981. S. 9, 10). В ней выделяются две большие группы, называемые Западный и Восточный Гальштат. Область Восточного Гальштата отделена от скифских земель Северного Причерноморья Карпато-Дунайским регионом. В этом обширном крае различаются несколько разных самостоятельных культур и групп памятников гальштатоидного типа или гальштатского времени (HaB3 – HaC и HaD), нередко связываемых либо с древними иллирийцами, либо с древними фракийцами.

Основная доля находок в скифском слое Немировского городища принадлежит фрагментам лепных сосудов, из которых в редчайших случаях удалось собрать целые горшки или хотя бы представить их полный профиль. Несколько таких сосудов происходят из землянок, хозяйственных ям или развалов наземных очагов, что очень важно для комплексного изучения керамического материала. К тому же в силу нарушенности скифского слоя древнерусскими постройками жилого и бытового назначения и нечеткой полевой фиксации глубин не всегда можно воспользоваться данными вертикальной стратиграфии для построения типолого-хронологических колонок немировской посуды.

И тем не менее с учетом морфологических и типологических признаков из скифского керамического ассортимента была выделена небольшая

предскифская, точнее, позднечернолесская группа посуды, связанная с несколькими ямами и развалом наземного "сооружения" (Смирнова, 1996. С. 71. Рис. 4; 1998а. С. 102–107. Рис. 20–22). Для простой керамики кухонного назначения характерны сосуды удлиненных пропорций, тюльпановидного профиля, украшенные по плечикам расчлененным валиком. Нередко валик на переходе шейки в тулово сочетается с таким же пластическим налепом под венчиком, сопровождаемым сквозными проколами (рис. 1, *13–15*).

По некоторым особенностям грубой керамики обозначилось также четкое разграничение раннескифского слоя на два горизонта: первый, вероятно, жаботинский или постжаботинский[1], и второй, более поздний в рамках основного скифского архаического пласта на городище (Смирнова, 1998а. С. 92. Рис. 9, *1–3*; 10, *3*, *7*, *8*; 23, *2*; 24, *4–7*). Определенно к первому из них относится материал из землянки № 2, из ямы № 3 в раскопе № 2 "у вала" и нижнего горизонта заполнения грунтовой хозяйственной (?) "постройки" на квадратах XL, XLIa, XLIb, раскопа 3IV, 1948 г.[2]

Главным признаком для выделения двух горизонтов служат горшки кухонного назначения: тюльпановидно-баночные, ведущие свое начало от тюльпановидных сосудов Позднего Чернолесья, с двумя высокими, а не низкими, как в Чернолесье, валиками с защипами – один под краем венчика, другой – по тулову (рис. 2, *14*, *15*). В отличие от позднечернолесских сосудов этого типа они толстостенны и имеют шероховатую или едва сглаженную поверхность. Среди них господствуют сосуды с серой, темно-серой, темно-желтой поверхностью, в то время как на предскифских горшках преобладают коричневые и светло-коричневые тона. На втором раннескифском горизонте превалируют классические для скифского керамического комплекса горшки баночного типа только с одним расчлененным валиком, размещенным под краем венчика (рис. 2, *16–18*).

Сделанные нами наблюдения, базирующиеся на комплексном изучении немировской кухонной посуды, совпадают с данными А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской о последовательности изменений в архитектонике простых горшков и деталях их орнаментации от Позднего Чернолесья до второй фазы развития культуры раннескифского времени в лесостепи (Тереножкин, 1961. С. 76, 77. Рис. 50, *2–9*; Ильинская, 1975. С. 144, 145. Табл. XIV, *9*; XXI, *10*, *12*. Рис. 22). Материалы Немировского городища подтерждают также сложившееся в науке представление о местной линии развития грубой посуды на предскифских и раннескифских памятниках лесостепной зоны Северного Понта.

Находки тонкостенной посуды из позднечернолесских "закрытых" комплексов немногочисленны и не дают полного понятия о составе и особенностях керамического набора. Присутствуют миски и черпаки разных типов, возможно, кубки. Но в предскифских ямах не оказалось выразительных фрагментов корчаг типа Вилланова, широко известных в первом горизонте раннескифской культуры городища. По аналогии с чернолесско-жаботинскими памятниками поречья Среднего Днепра (Тереножкин, 1961. С. 79. Рис. 51, *21–23*; Ильинская, 1975. С. 133–138. Рис. 16, *1–7*; 17, *1–10*) и Среднего Днестра (Смирнова, 1983. С. 60. Рис. 1, *6*, *7*; 5, *40–43*; 9; Смирнова, Кашуба, 1988. С. 23. Рис. 3, *12–16*; Крушельницька, 1998. С. 151, 152. Рис. 22, *1*; 24, *15*, *16*; 36, *1*; 40; 93, *2–6*; Гуцал, 2000. С. 72. Рис. 2, *3–6*), где тоже еще нет стройных корчаг с черной, лощенной до блеска поверхностью, имеющих высокое цилиндрическое горло и умеренно раздутый округлый корпус, можно считать, что и в немировском чернолеском наборе они еще не появились.

В чернолесском слое представлены два типа мисок. Одни из них, преобладающие, имеют коническо-полусферический корпус и края, загнутые внутрь. Превалируют сосуды без наколов под краем, нередко с небольшими выступами-шишечками на венчике (рис. 1, *11*, *12*). Известны только единичные экземпляры конических мисок с декором в виде наколов под загнутым краем и соответствующими им "жемчужинами" с наружной стороны (рис. 1, *9*).

Другой тип мисок – сосуды с широким, развернутым наружу краем, без какого-либо декора, который характерен для такой посуды в раннескифское время. Из чернолесских комплексов происходит только один экземпляр миски этого типа (рис. 1, *10*).

В чернолесском наборе различается несколько типов черпаков или сосудов с ручками. Более широко представлены черпаки с глубокой или сравнительно глубокой чашечкой S-видного профиля. Многие из них гладкие (рис. 1, *7*), другие с декором из узких каннелюр: горизонтальных на шейке, вертикальных в верхней половине корпуса (рис. 1, *1–3*, *8*). Судя по отдельным обломкам, дно этих чашек было округлым, ручки в разрезе, скорее всего, ленточные.

[1] Из всей массы керамических находок на Немировском городище не удается выявить "комплексы" жаботинского типа. Критерии, определяющие тонкостенную жаботинскую керамику Среднеднепровского Правобережья, неприменимы для Немировского городища, дающего своеобразный керамический материал, относящийся к кругу культур каннелированного гальштата.

[2] В существующей документации Юго-Подольской археологической экспедиции 1946–1948-х годов, представленной дневниками и выполненными в поле карандашом чертежами, фактически отсутствует единая нумерация раскрытых на городище ям. Все ямы, за редким исключением, в дневниковых записях и на графических документах увязаны только с конкретными обозначениями раскопов и квадратов, что и нашло прямое отражение в графе "происхождение" описи хранения немировской коллекции.

Рис. 1. Немировское городище. Основные виды керамики чернолесского типа.

В одной из чернолесских ям найден целый черпак с высоким почти прямым венчиком, плавно переходящим в придонную часть с округлым дном (рис. 1, *6*). Его петельчатая достаточно массивная ручка, округло-четырехугольной формы в сечении, не имеет выступа на вершине. Кстати, такие массивные ручки, округлые в разрезе, без выступов-отростков наверху, встречаются у черпаков S-видного профиля, украшенных широкими каннелюрами по тулову (рис. 1, *8*). Примечательно, что все эти чашки с явно архаичными признаками (массивная, не ленточная ручка без выступа на вершине) переживают в первом раннескифском горизонте городища.

В это время известны и высокие чарки, которые по пропорциям, форме и характеру каннели-

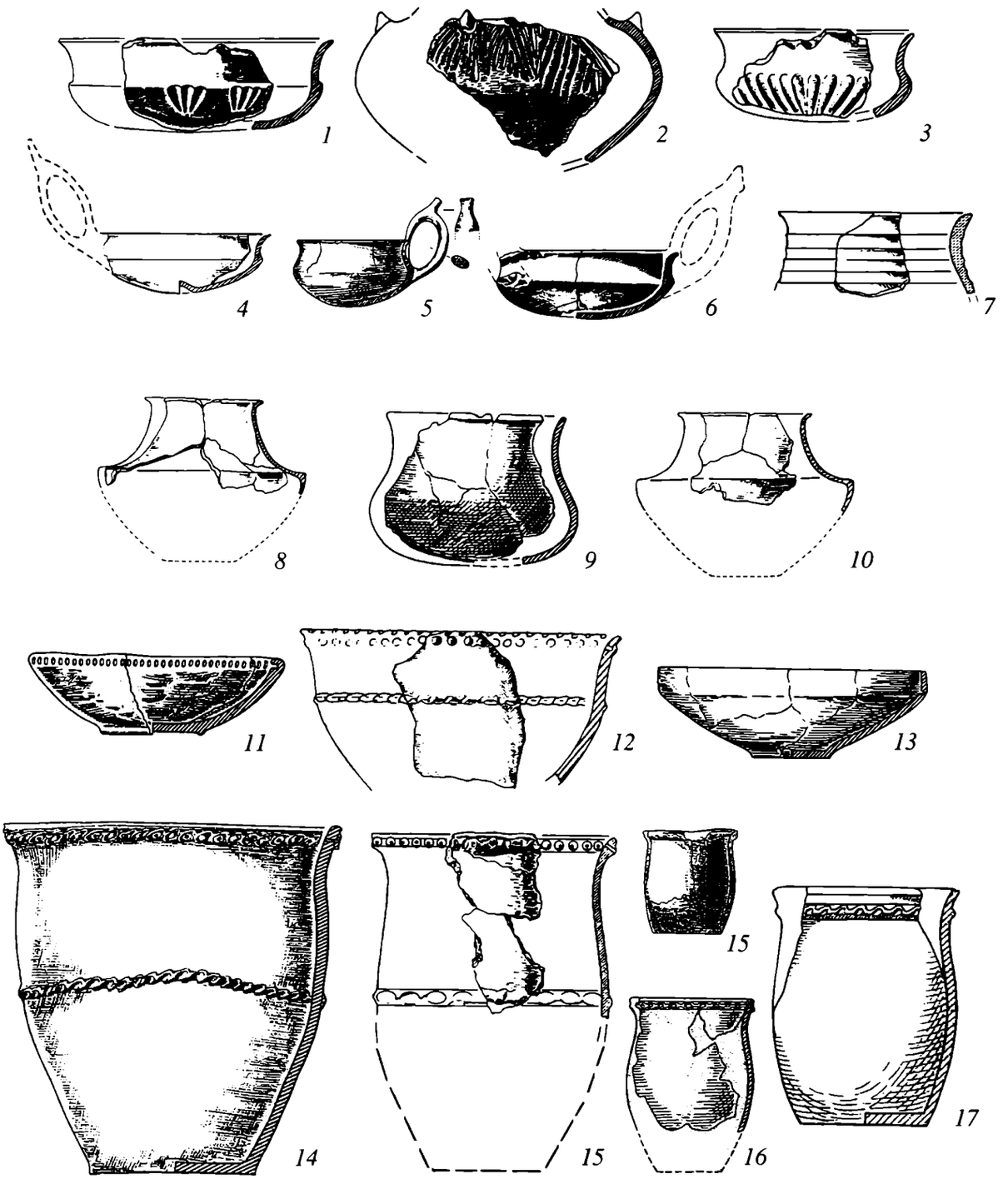


Рис. 2. Образцы скифской кухонной и столовой посуды Немировского городища.

рованной орнаментации правомерно сопоставлялись А.И. Мелюковой с кружками шолданештского типа (рис. 1, *5*)[3] (Мелюкова, 1979. С. 80, 81. Рис. 28, *19*).

Кубки явно бытовали в чернолесском горизонте, но типологически их трудно отделить от скифских в пределах культурного слоя. Среди них должны были быть образцы с каннелированным декором (рис. 1, *4*), который является фактически основным видом орнаментации лощеной посуды как из предскифского, так и скифского слоя Немирово. От тонкостенных сосудов с резным геометрическим узором, столь распространенным на керамике чернолесско-жаботинского типа Среднего Поднепровья и Среднего Поднестровья, за все годы раскопок на городище найдено не более 6–7 фраг-

[3] Кстати, эта кружка найдена совместно с глубоким черпаком S-видного профиля (рис. 1, *7*) в яме кессона № 50 (раскопки А.А. Спицына).

ментов, при этом по стилистике орнамента точно нельзя определить их непосредственное отношение к тому или другому горизонту, т.е. к предскифскому или раннескифскому (Смирнова, 1998а. Рис. 25, *2*, *3*).

Итак, находки тонкостенных черепков с резным узором (нанесенным штампом вообще не встречено) можно пересчитать по пальцам, что позволяет уверенно говорить о том, что Немировское городище и его Среднебужский регион на широтах Немирова и Северинovки находился в стороне от основных потоков сахарняно-бассарабских культурных влияний, проходивших с запада на восток от поречья Среднего Днестра к Среднему Днепру только по южной, сравнительно узкой полосе лесостепной зоны. При этом на Днестре и достигнув Днепра названные потоки пошли относительно далеко вверх.

Среднебужский регион в рамках Немирово-Северинovской округи, не считая редких керамических находок шолданештского типа, фактически оказался вне сферы влияния культур Сахарна и Бассарабь, точнее, ее восточного проявления – группы Шолданешти. Активизация культурных воздействий с запада, в том числе из Молдовы, наблюдается на немировском материале только со времени скифской архаики. Но это были уже другие, более поздние культурно-исторические образования и группы памятников.

Одним из новшеств в производстве немировской керамики скифского времени является бросающееся в глаза высокое качество технологии и лощения посуды столового назначения. Но и эта категория немировской посуды в целом не однородна, что и позволило А.А. Спицыну разделить ее на две группы: гальштатскую и "à la" гальштатскую (Спицын, 1911. С. 161). К первой он отнес корчаги, черпаки и миски с ярко-черной лощеной поверхностью с металлическим блеском и с выпуклым орнаментом в виде концентрических полукругов, выступов и шишечек. Во вторую группу включены те же виды лощеной посуды, которые по технике изготовления, по форме, декору во многом повторяют гальштатские, только проще и небрежнее. Такое разделение, в первую очередь по технологическим признакам и качеству исполнения, вполне правомерно и заслуживает внимания.

В раннескифское время наряду с продолжением местных традиций в немировском керамическом комплексе появляются неизвестные ранее формы и разновидности лощеных сосудов и новые разнообразные виды каннелированного узора.

Среди корчаг (сосуды типа Вилланова) выделяются две основные категории при наличии нескольких вариантов. Первый тип, являющийся новшеством, – стройные, вытянутых пропорций сосуды с высоким цилиндрическим горлом с воронковидным венчиком и округлым туловом, отделенным от шейки каннелированным пояском или пластическим горизонтальным налепом; на границе между туловом и горлом размещались четыре массивных выступа-упора, обрамленных снизу полукружиями из каннелюр. На горле встречаются горизонтальные каннелюры или имитирующие их гладкие валики (рис. 3, *6*, *7*, *11*). Вместе с тем среди корчаг этого вида известны многочисленные экземпляры без каннелированного декора (рис. 3, *8*).

Второй тип, при двух основных вариантах, – сосуды с высоким коническим горлом, плавно переходящим в округлые бока, в меру выпуклые у одних (рис. 3, *9*, *12*, *13*), сильно раздутые у других (рис. 3, *16*). Известен ряд промежуточных подтипов, как, например, корчаги с высоким коническим горлом биконической формы за счет перегиба на плечиках (рис. 3, *13*).

В целом складывается впечатление, что второй тип корчаг, устойчивых по силуэту, сложился в начале раннескифского времени, так как прямых прототипов им в местном керамическом материале предшествующего времени нет. При этом в процессе формирования на некоторых корчагах появились такие виды декора, как сквозные проколы или наколы и налепной расчлененный валик под венчиком, характерные для кухонной посуды скифской лесостепи (рис. 3, *8*, *9*, 11).

В скифском слое встречаются миски двух типов.

1. Миски с загнутым внутрь краем конической формы с округленным корпусом, знакомые по находкам еще в предскифское время. Основным приемом украшения являются проколы по внутреннему краю и соответствующие им с наружной стороны круглые выпуклины-"жемчужины". Другие широко распространенные элементы декора – четыре (и более) небольших выступа по краю или короткие пластические налепы с внешней стороны миски (рис. 2, *11*, *13*). Появляются новые варианты каннелированного орнамента: гофрированный узор за счет часто нанесенных коротких каннелюр на месте загиба края внутрь или отрезки косых каннелюр с наружной стороны этих сосудов (рис. 6, *10*, *11*). Единичные экземпляры этого типа мисок имели полый конический поддон (рис. 5, *8*).

2. Миски с сильно отогнутым широким краем и коническим корпусом, глубокие и мелкие, относящиеся к числу неизвестных ранее типов на городище (рис. 4, *1–9*; 5; 6). У одних из них край оформлялся широкими горизонтальными каннелюрами или имитирующими их валиками, переходящими на внутреннюю поверхность стенок и дна (рис. 5, *4*, *6*; 6, *1*, *7*, *9*). В других случаях на поверхности отогнутого края вертикально к краю или под углом размещались группами по 2–3 коротких валика (рис. 5, *1–3*), либо наносились ряды вертикальных или косых бороздок, скомпонованных под углом друг к другу (рис. 4, *8*, *9*), реже –

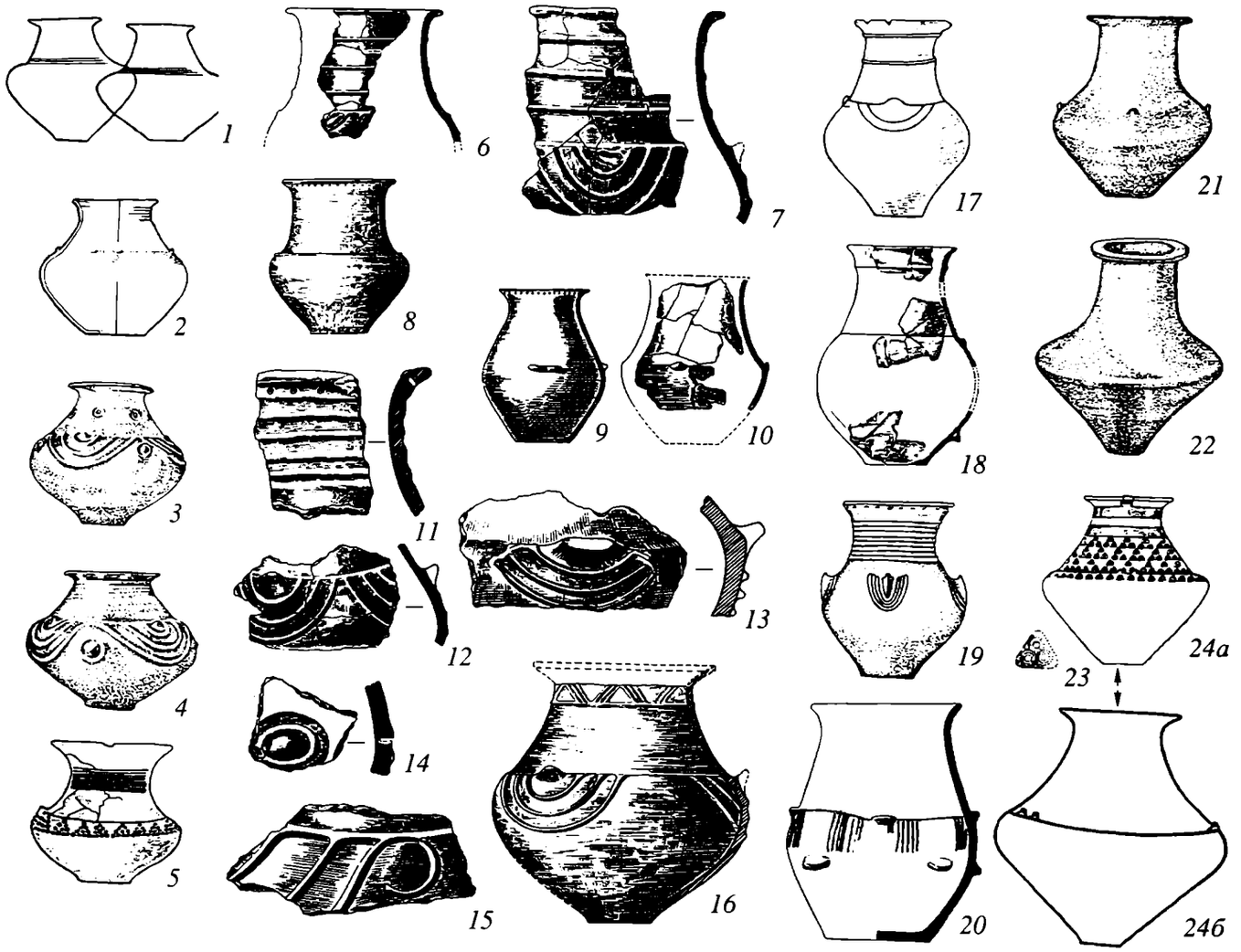


Рис. 3. Сравнительная таблица сосудов типа Вилланова. Восточный Гальштат: *1* – Бад Фишау; *2* – Вильдон; *3*, *4* – Штатцендорф; *5* – Брецие. Немировское городище: *6–16;* Западно-Подольская группа: *17* – Ивахновцы; *18* – Долиняны; *19* – Лоевцы; *20* – Окно Буковины. Среднее Поднепровье: *21* – Журовка, курган № 406; *22* – Журовка, курган № 407; *23*, *24а*, *б* – Глеваха.

кружки, завитки, концентрические полукружия из каннелюр или каннелированный улиткообразный узор (рис. 5, *4*, *6*, *9*; 6, *3–5*, *8*).

При множестве вариантов выделяются два основных типа черпаков.

1. Многочисленные тонкостенные чарки с блестящей лощеной поверхностью преимущественно ярко-черного цвета. Их изящная чашечка неглубокая, с резко выраженным перегибом на переходе венчика в тулово, с округлым дном, имеющим омфал в центре. Ленточная ручка завершается выступом-отростком разной конфигурации (рис. 2, *4*, *6*). Этот "немировский" тип черпака в чернолесское время на городище не встречался.

2. Черпаки имеют глубокую или относительно глубокую чашечку S-видного профиля, т.е. с плавным переходом шейки в тулово и с округлым дном. Ручки – овальные в разрезе – снабжены выступами цилиндрической, овальной, веерообразной и конической формы (рис. 2, *5*). Декор в виде продольных каннелюр на тулове и реже горизонтальных на шейке преобладает на черпаках второго типа (рис. 2, *1*, *3*).

Еще одна разновидность лощеной посуды – кубки. Их трудно выделить из общей массы тонкостенной посуды. Преобладают гладкие сосуды с округлым выпуклым корпусом, переходящим в округлое дно, на ряде экземпляров с небольшим углублением в центре. Слабо выраженная шейка либо укороченная, либо высокая цилиндрическая (рис. 2, *9*). Особого внимания заслуживают кубки в виде до блеска лощенных корчажек с сильно изогнутой шейкой, переходящей в сильно выпуклые бока. Переход от шейки в корпус резкий (рис. 2, *8*, *10*). Каннелированный декор был не чужд и этой категории сосудов. Тонкостенные лощеные обломки сосудов с горизонтальными рядами узких каннелюр на шейке или с отрезками косых линий по тулову определенно могли принадлежать кубкам (рис. 2, *2*, *7*).

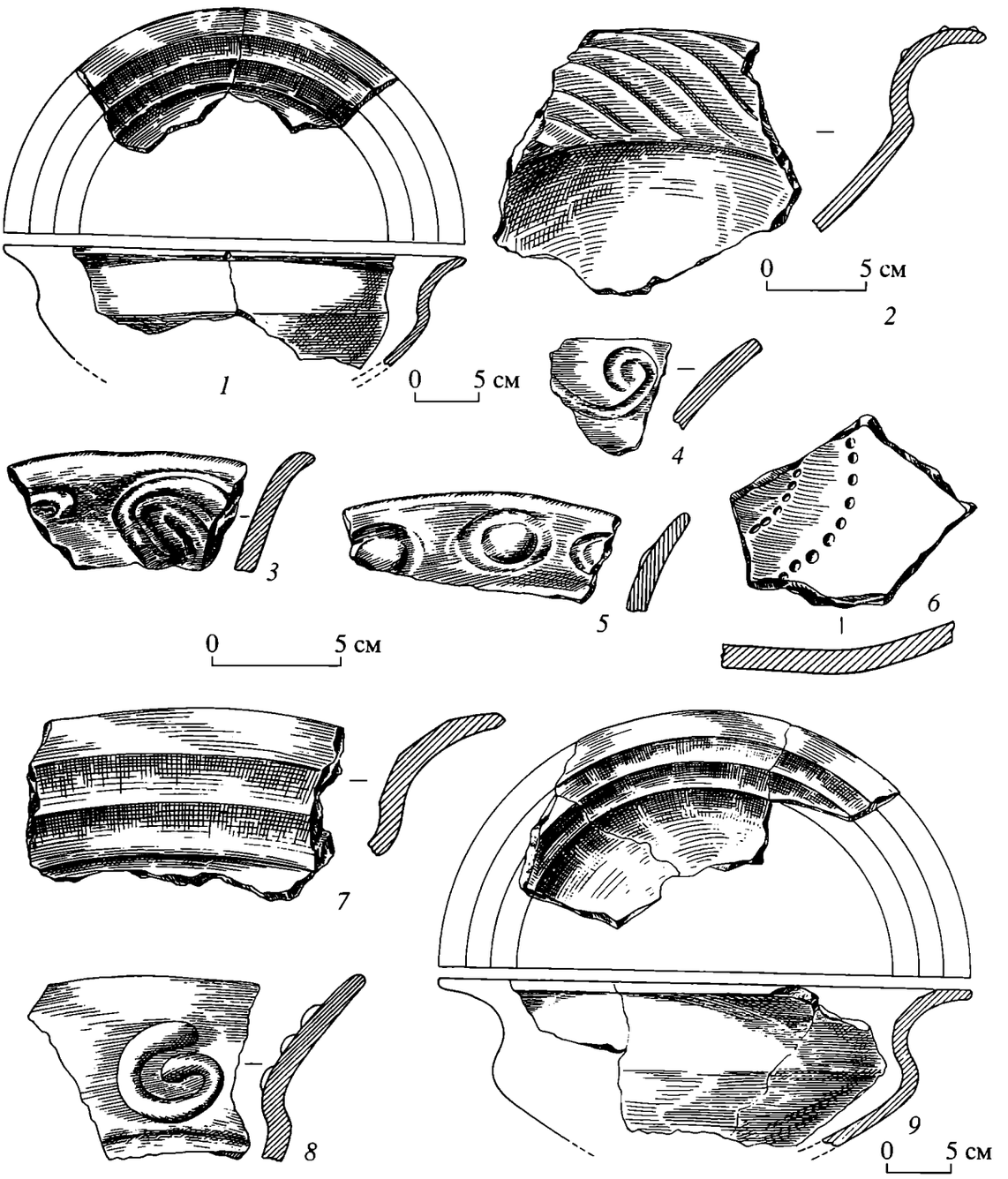


Рис. 4. Сравнительная таблица мисок из Немирова и могильника Фериджеле.

Всем видам лощеной посуды из Немирова находятся ближайшие аналогии в столовом наборе Среднего Побужья (Северниовское городище) (Смирнова, 1961. С. 94–104. Рис. 6–10) и Среднего Поднестровья (Западно-Подольская группа), сопоставимой в ряде случаев и по высокому качеству изготовления и лощения (Sulimirski, 1936. S. 9–17, 105–110. Taf. XII, *10*; XIII–XVII; Мелюкова, 1953. С. 60. Рис. 30, 32; Смирнова, 1968. С. 14, 15. Рис. 2; 4, *1*; 1977. С. 33, 36. Рис. 3, 6; 1979. С. 37. Рис. 6; 12, *8*, *9*; Ганіна, 1965. С. 109, 112. Рис. 1, 3, 4, *10–14*; 5; 1984. С. 71. Рис. 1–3; Крушельницька, 1985. С. 121, 122. Рис. 39, *6*).

Чернолощеная посуда с каннелюрами, но значительно чаще без них, широко бытовала в раннескифской культуре на правобережье Днепра. На ее сходство с немировской указывал еще А.А. Спицын (1911. С. 165). Действительно, на Среднем Днепре известны общие с немировской типы и формы сосудов: одинаковые по пропорциям и контуру стройные корчаги с цилиндрическим или коническим горлом (рис. 3, *21–24* б), миски с краем, загнутым внутрь, черпаки, имеющие глубокую чашечку, кубки. Но по сравнению с немировским комплексом весьма малочисленны миски с широкими краями, отогнутыми наружу, и единич-

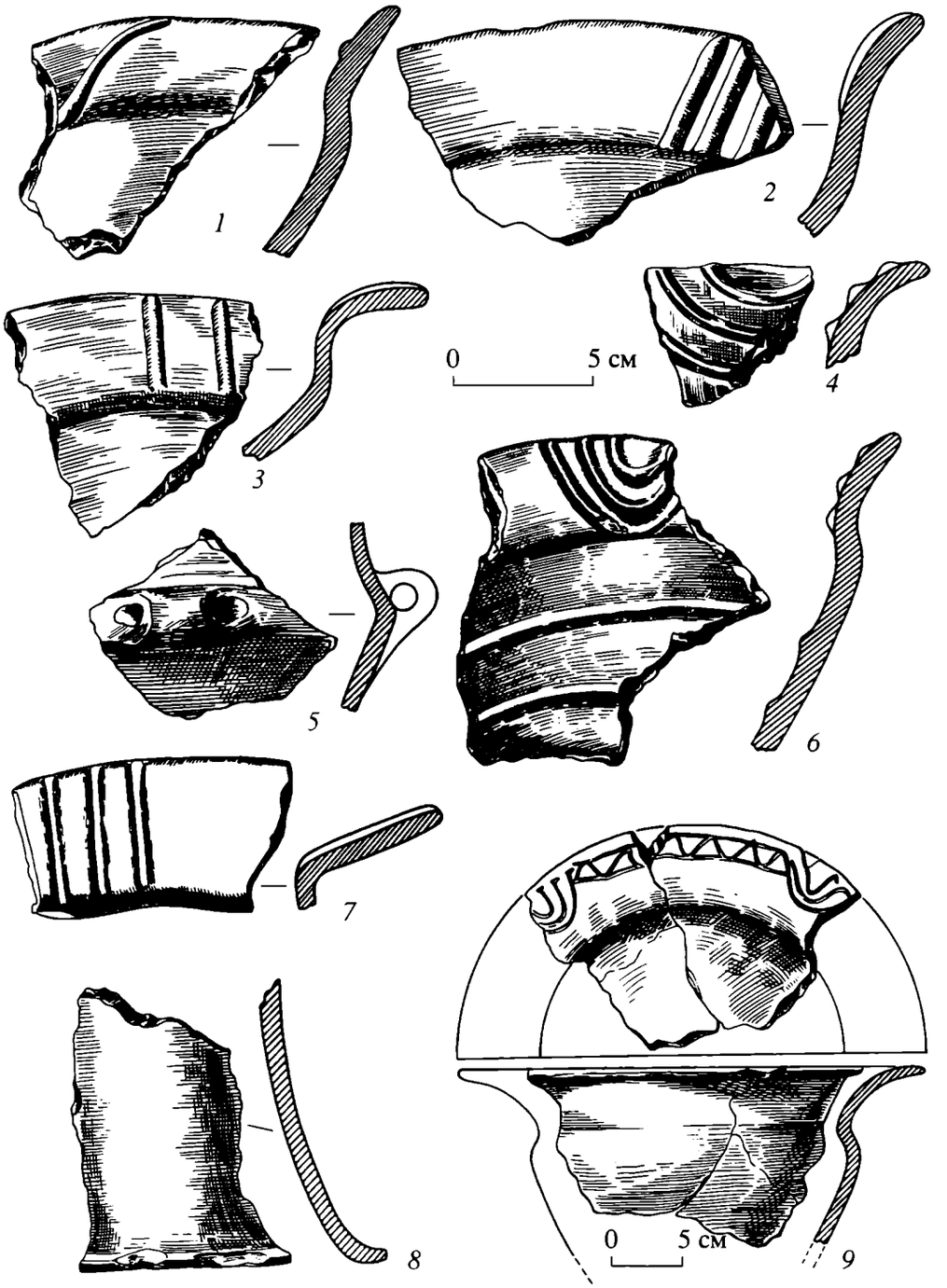


Рис. 5. Образцы мисок с пластическим и желобчато-прочерченным декором из скифского слоя городища.

ны находки низких черпаков с резким изломом на тулове (Тереножкін, 1954. С. 91–93. Рис. 12–15; Петровська, 1968. С. 170–172. Рис. 6, *1–6*; 7; Ильинская, 1975. Рис. 16, *13–17*. Табл. X, *1*, *18*; XII, *3*, *18*; XIII, *9*, *15*; XIV, *8*; XXXII, *3–5*, *7*; Ильинская и др., 1980. С. 52–54. Рис. 24, *3–8*; 25, *3–7*; 26; 27, *2*; Ковпаненко и др., 1989. С. 50–60. Рис. 7, *16–30*; 8, *1–5*; 9, *1–21*; 10, *1–15*). Встречаются здесь и единичные экземпляры сосудов с металлическим отблеском поверхности, натертой графитом, к примеру – из курганов у сел Глеваха, Малая Офирна и Матусов (Тереножкін, 1954. С. 93. Рис. 14; Петровська, 1968. С. 170, 172. Рис. 6, *2*, *6*; 7; Ильинская и др., 1980. С. 52. Рис. 24, *5*; 26, *6*). И вместе с тем, в отличие от Побужья и Западной Подолии, в Поднепровье в составе керамического набора широко представлены высокие биконические черпаки и доминирует над каннелированным прочерченный декор с редкими элементами штампованного, продожающий орнаментальные традиции чернолесско-жаботинского комплекса.

И все-таки, обобщая сравнения, можно сказать, что на всей территории лесостепи между Днепром и Днестром, кроме Немировского городища, нет другого синхронного памятника, где бы в таком массовом количестве была представлена

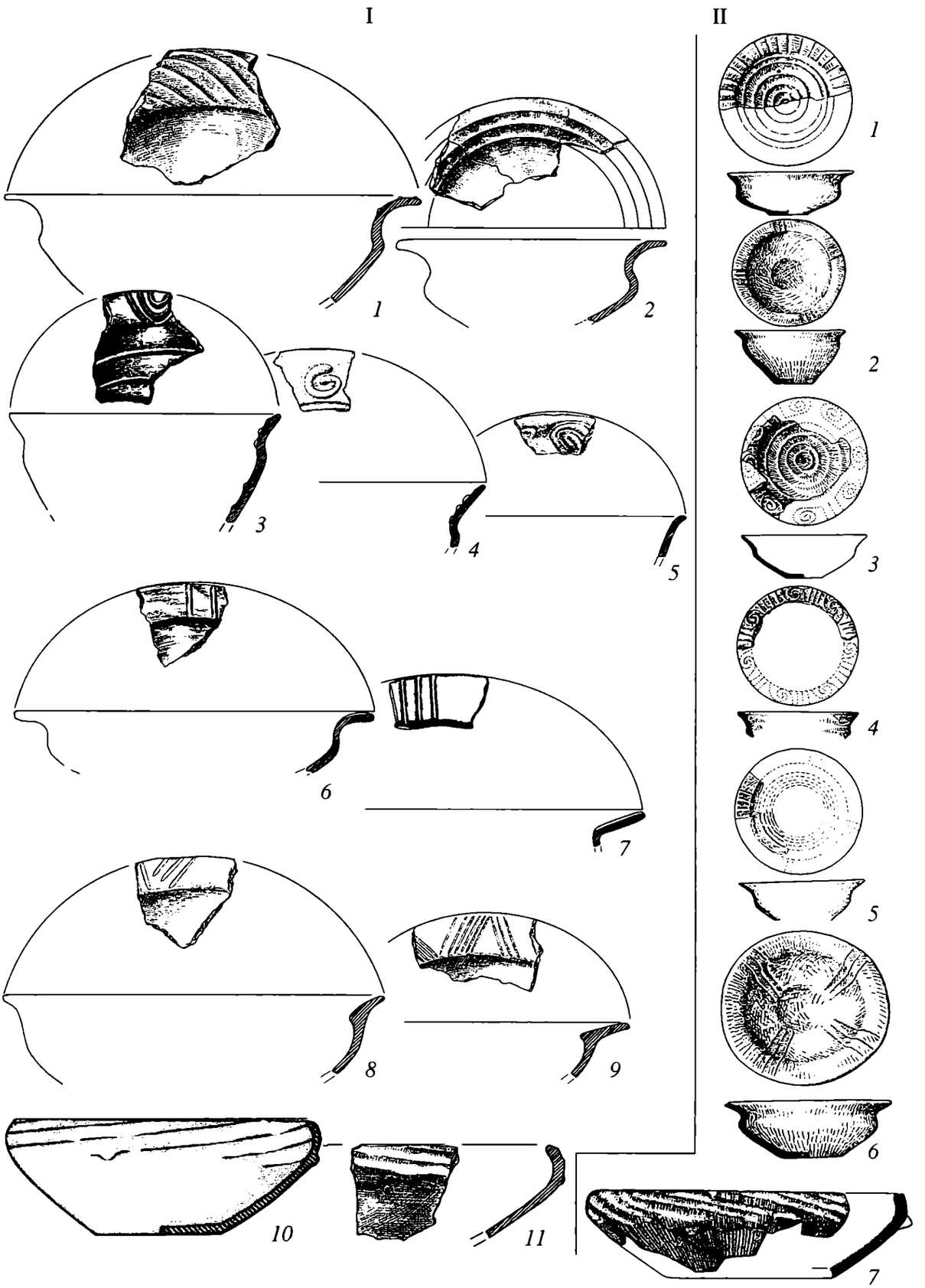


Рис. 6. Образцы мисок с каннелированным декором из скифского слоя городища.

высококачественная по технологии, мастерству исполнения и лощению посуда во всем многообразии ее видов, с богатым каннелированным узором в сочетании с пластическим.

Сравнительный анализ посуды столовой обоих горизонтов Немировского городища свидетельствует только о некотором продолжении позднечернолесских традиций в керамическом производстве

скифского населения. Отмеченные выше особенности в технологии, нововведения, проявляющиеся в расширении видового и типового ассортимента и в изменениях формы сосуда в рамках одного вида, не позволяют связывать наблюдаемые перемены с одной только эволюцией от позднего Чернолесья к культуре скифского времени. Совершенно очевидно, что в начале скифского периода в культуре лесостепной зоны Северного Понта имели место заимствования новой более совершенной технологии производства тонкостенной посуды, новых типов сосудов (например, низкие черпаки, миски с широким отогнутым краем и стройные корчаги с цилиндрическим и коническим высоким горлом), а также приемов и композиций каннелированного узора.

В свете современных знаний о культурах гальштатского мира Средней Европы становится очевидным, что прототипы лощеной посуды, начиная с технологии и кончая формами, следует искать как в самом Восточном Гальштате, так и на его восточной периферии, т.е. в Карпато-Дунайском регионе. К сожалению, в результате изучения материалов многих гальштатских культурных общностей периода HaB3 и HaC не удалось найти единственного очага, откуда бы происходили все искомые формы немировского керамического комплекса.

Высокое качество лощения с применением графита, придающего металлический блеск поврехности сосуда, свойственно посуде из княжеских могильников и высоких поселений Восточного Гальштата (Pittioni, 1954. S. 572–621. Abb. 407, *4*; 419, 428, 429, *1*, *6*; 430, *1*, *4*). Широкое распространение лощения такого характера наблюдается в раннегальштатской культуре Восточноальпийской зоны уже во второй половине VIII в. до н.э. (Maráz, 1996. S. 200–263).

В Восточном Гальштате среди большого многообразия форм сосудов типа Вилланова цилиндрошейные корчаги с высоким горлом встречаются редко. Начиная с периода HaB3 здесь господствуют сосуды с высокой конической шейкой, различающиеся степенью ее изгиба, мягким или резким переходом в бока в зависимости от меры выпуклого округлого, а иногда и биконического корпуса (рис. 3, *1–5*). Многими учеными отмечено, что эта форма ведет свое начало от сосудов с коническим горлом поздней культуры полей погребальных урн (Klemm, 1996. S. 193–195. Taf. 1; Metzner-Nebelsick, 1996. S. 284–287, 301. Abb. 2, 3, 5, 11).

Каннелированный декор на этих сосудах приемами исполнения и отдельными специфическими для echte Гальштата мотивами также похож на немировский. Это широкие каннелюры, образующие концентрические полукружия под выступами-упорами, горизонтальные ряды каннелюр от трех и более на горле, кружки и завитки (рис. 3, *2–5* ср. с 6, *7*, *11–16*). Но на посуде из гальштатских могильников и высоких поселений каннелированный декор сочетается с графитным, крашеным и резным орнаментом, неизвестным на гальштатской периферии (Hoernes, 1898. Taf. XIX, *3*; XXIV, *2*, *4–6*; Dobiat, 1981. S. 185–202. Abb. 4, 7, 8, *1*, *3*).

В богатом разными видами посуды наборе из памятников Восточного Гальштата отсутствуют аналогии низким черпакам немировского типа и мискам с отогнутым краем.

Поиски прообразов отдельным видам немировской посуды на гальштатской периферии оказались более перспективны.

Так, самые близкие параллели немировским мискам с отогнутым наружу широким краем имеются в некрополях группы Фериджеле-Бырсешты в Южном Прикарпатье (Румыния), две ранние фазы которой ныне датируются второй половиной VII в. до н.э. (Vulpe, 1977. S. 81–93. Tab. 1). Они сходны между собой по всем параметрам: пропорциями, формой и декором в виде горизонтальных широких каннелюр по краю, переходящих на стенки и дно; в виде канналированных волют, кружков и концентрических полукружий; в виде желобков и косых либо поперечных налепов, сгруппированных по два и по три (Vulpe, 1967. P. 41–44. Fig. 13, *10–16*; 18, *6–10*, *12*, *13*; Pl. II, *13–18*; III, *12*, *13*; 1977. S. 83–85. Abb. 5, *2*, *7*; 6, *A 2*; 8, *3*; 9, *A 1*; 11, *17*; 12, *B 2*) (рис. 4, *1–9* ср. с II, *1–6*). Кстати сказать, только здесь представлены миски первого типа (с краем, загнутым внутрь), украшенные, как в Немирове, с внешней стороны короткими отрезками косых каннелюр (рис. 4, *7*) (Vulpe, 1967. P. 38. Pl. I, *3*, *6*, *9*, *10*, *13*; 1977. Abb. 9, *A 6*, B *2*, *3*; 10, *A 3*; 13, *A 1*; 14, *A 5*, *7*).

В группе Фериджеле обнаруживаем близкие немировским по силуэту и пропорциям корчаги с высокой цилиндрической шейкой (Vulpe, 1967. P. 51, 5. Fig. 16, *1–4*; Pl. XI, *1–15*; 1977. Abb. 5, *1*, *13*, *18*; 6, *B7*; 7, *A7*, B*1*). Однако на корчагах из Фериджеле отсутствует каннелированный декор, а выступы на переходе шейки в тулово обычно сочетаются с массивными выступами на основании тулова. Второй нижний ряд упоров такого вида только в редких случаях зафиксирован на корчагах Побужья и Поднестровья (Смирнова, 1961. Рис. 7, *3*; 1977. Рис. 6; Smirnova, 1997. Abb. 6, *2*) (рис. 3, *20*). Корчаги из группы Фериджеле с некоторой долей условности допустимо считать прототипами для лощеной скифской посуды соответствующего вида. Что касается низких черпаков немировского типа, то их не оказалось в составе керамического набора в Фериджеле.

В общем, группу памятников типа Фериджеле-Бырсешты считаем возможным выделять как один из наиболее вероятных источников влияния на скифскую Лесостепь. Нельзя также не учитывать, что самые восточные местонахождения этой группы находятся в лесостепной части Молдовы (могильник Селиште) (Лапушнян, 1972.

С. 88–101. Рис. 2–4; 1979. С. 76–88. Рис. 23, 25, 26. Табл. IIа, IIб, IIв), по А. Вульпе, памятнике переходном от поздней Бассарабь к ранней Фериджеле (Vulpe, 1977. S. 86, 91). Как говорилось выше, из этой области Молдовы еще в предскифское время, когда здесь обитали племена культуры Сахарна, а затем – группы Шолданешти, проходил путь в Днестро-Днепровское Междуречье. При этом роль названных культурных образований была решающей в формировании керамического комплекса типа Позднего Чернолесья-Жаботина.

Поиски близкой технологии и прототипов немировской лощеной посуде следует продолжить. Хотя, насколько нам известно, изученность культур и групп памятников позднего каннелированного гальштата Средней Европы достаточно полная, чтобы надеяться на открытие еще одного блока культурных объектов со всеми искомыми формами немировского набора. Исходя из всего сказанного складывается мнение, что в керамическом комплексе VII–VI вв. до н.э. Немировского городища и лесостепного раннескифского пространства в целом сочетаются влияния со стороны не одной, а нескольких культурных общностей гальштатского круга.

Приведенные примеры органического сходства немировской лощеной посуды с керамикой как из Восточногальштатских, так и периферийных областей Карпато-Подунавья, несмотря на определенную местную моделировку сосудов и их декора, позволяют включать раннескифские памятники лесостепной зоны Северного Понта в широкий круг гальштатоидных культур Средней Европы. Новый гальштатский вклад в формирование керамического комплекса Лесостепи имел немалое значение. Не меняя основ доскифской культуры Лесостепи, гальштатский фактор дополнил и обогатил ее, существенно изменив облик такого важного компонента материальной культуры, как посуда.

Необходимо установить способы, какими распространялись гальштатские элементы, представленные таким массовым материалом, как столовая категория керамики. Каким же был механизм передачи технологии производства, ряда форм и мотивов декора? Миграционный путь появления новых видов посуды в скифской лесостепи исключается избранностью заимствованных форм сосудов и их разновидностей при стойком сохранении местной кухонной и частично столовой керамики. Поэтому при рассмотрении этого вопроса в первую очередь следует исходить из широко распространенного мнения о том, что гальштатская керамика стала достоянием европейской моды, включая юго-запад Восточной Европы.

Кто служил разносчиком этой моды – торговцы, ремесленники или возвращавшиеся из далеких походов на запад скифские конные воины? Видимо, и то, и другое, и третье. Но чтобы представить полную картину разнообразных связей с гальштатским миром требуется специальное глубокое изучение встающих перед нами проблем, что невозможно в рамках данной статьи.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, исследовательский проект № 00 0100085а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ганіна О.Д. Поселення скіфського часу у селі Иване-Пусте // Археологія. 1965. Вип. XIX.

Ганіна О.Д. Поселення ранньоскіфськоі доби поблизу с. Залісся // Археологія. 1984. Вип. 47.

Гуцал А.Ф. Рудковецьке городище і перший похід скіфів у Придністровський лісостеп // Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник). Кам'янець-Подільський, 2000.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Кашуба М.Т. "Другая" чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // Stratum plus. 1999.

Кашуба М.Т. Культурно-историческое развитие лесостепного Днестро-Сиретского междуречья в начале I тыс. до н.э. (культура Козия-Сахарна). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев, 1989.

Крушельницька Л.І. Взаэмозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східноі і Центральної Европи. Київ, 1985.

Крушельницька Л.І. Чорноліська культура Середнього Придністров'я. Львів, 1998.

Лапушнян В.Л. Раскопки памятников фракийского гальштата в Молдавии // АИМ в 1968–1969 гг. 1972.

Лапушнян В.Л. Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.

Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 51.

Мелюкова А.И. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной республики. Кишинев, 1960.

Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА. 1961. № 96.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

Петровська Е.О. Курган VI ст. до н.е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. 1968. Вип. XXI.

Смирнова Г.И. Археологические культуры лесостепной правобережной Украины и Молдавии в VII–V вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.

Смирнова Г.И. Северинovское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947–1948, 1953 гг.) // АСГЭ. 1961. Вып. 2.

Смирнова Г.И. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. Вып. 10.

Смирнова Г.И. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // АСГЭ. 1976. Вып. 17.

Смирнова Г.И. Курганный могильник раннескифского времени у с. Долиняны // АСГЭ. 1977. Вып. 18.

Смирнова Г.И. Курганы у с. Перебыковцы – новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // Труды Государственного Эрмитажа. 1979. Т. XX.

Смирнова Г.И. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время (Контакты и хронологические соотношения) // Thracia. 1980. № V.

Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (К вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ. 1983. Вып. 23.

Смирнова Г.И. Памятники типа Кишинев-Корлатэнь в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш в югославском Подунавье // АСГЭ. 1990а. Вып. 30.

Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тысячелетия до н.э. Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев, 1990б.

Смирнова Г.И. Немировское городище – общая характеристика памятника VIII–VI вв. до н.э. // Археологія. 1996. № 4.

Смирнова Г.И. Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ. 1998а. Вып. VI.

Смирнова Г.И. Немировское городище и гальштатский мир // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. СПб., 1998б.

Смирнова Г.И. О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н.э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Смирнова Г.И., Кашуба М.Т. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре // АСГЭ. 1988. Вып. 29.

Спицын А.А. Скифы и Гальштаттъ // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому. СПб., 1911.

Тереножкін А.И. Курган біля с. Глеваха // Археологія. 1954. Вип. IX.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Dobiat C. Die Hallstattnekropole bei Kleinklein im Sulmtal // Die Hallstatt Kultur. Symposium Steyr 1980. Linz, 1981.

Hoernes M. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1898.

Klemm S. Zum Verhältnis Höhensiedlung-Gräberfeld im Spiegel der hallstattzeitlichen Funde am Alpenostrand, dargestellt am Beispiel der Malleiten bei Bad Fischau/NÖ // Die Osthallstattkultur. Budapest, 1996.

Leviţki O. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi. Bucureşti, 1994.

Maráz B. Pécs-Jakabhegy-Ausgrabungsergebnisse und die Fragen der Frühhallstattkultur in Südostpannonien // Die Osthallstattkultur. Budapest, 1996.

Metzner-Nebelsick C. Die Urnenfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien – eine Region im Spannungsfeld zwischen Osthallstattkreis, karpatenländisch-balkanischer Eisenzeit und Steppenkultur // Die Osthallstattkultur. Budapest, 1996.

Pittioni R. Urgeschichte des osterreichischen Raum. Wien, 1954.

Reitinger J. Die Hallstattkultur Mitteleuropas. Symposium Steyr. 1980. Linz, 1981.

Smirnova G. Skythische kannelierte Keramik im Waldsteppengebiet des nördlichen Pontus und ihre Beziehungen zum hallstattzeitlichen Donau-Karpaten-Raum // Studia honoraria. Band 1. Festschrift für Bernhard Hänsel. Espelkamp, 1997.

Sulimirski T. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936.

Vulpe A. Necropola Hallstattianã de la Ferigile. Bucureţti, 1967.

Vulpe A. Zur Chronologie der Ferigile-Gruppe // Dacia. 1977. XXI.

The Hallstatt Component in Early Scythian Culture in North Pontic Forest-steppe (According to the material from Nemirovo fortified settlement)

G. I. Smirnova

Summary

Processing of the collection from Nemirovo fortified settlement was started in the 90-s of the 20th c., in connection the urgent question on the similarity of the site's burnished pottery to Hallstatt vessels has arose. It should be pointed out that this subject was once noticed by A.A. Spitsyn (1911). Comparative analysis of table pottery from pre-Scythian (late Chernoles'ye) and early Scythian layers of the hillfort has shown that parallel to the continuity of local traditions in table pottery-making during the Scythian period, a new improved technology occurred bringing with it new forms and variants of burnished vessels, unknown before, such as low ladles of Nemirovo type, bowls with everted rim, tall jars with conical and cylindrical neck, as well as new modes and patterns of grooved designs. The origins of the pottery in question were searched within the territory of Eastern Hallstatt and its eastern periphery (the Carpatho-Danubian area). But the single focus of the types of vessels and ornamentation described has not been found in the material of numerous cultural entities of Hallstatt B3-C. Vessels resembling Villanova types with identical grooved decoration are widely known in eastern Hallstatt (Fig. 3, *1–5*), as well as their variants with tall cylindrical neck, present inn pottery set form the cemeteries of Ferigele-Barsesti type in southern Carpathian piedmont (Romania). Within the Ferigele pottery assemblages one can find bowls with everted rim identical to those from Nemirovo, as for their outline, proportions, and grooved ornamentation patterns (Fig. 4). Although analogies of the Nemirovo ladles have not been found yet, the examples of black-burnished pottery drawn above lead to a conclusion that Hallstatt contribution was of importance in formation of pottery assemblage of Nemirovo fortified settlement and that of early forest-steppe Scythian culture as a whole.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 45–52

"УЙГАРАКСКИЙ АРГУМЕНТ" В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О ГЕНЕЗИСЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

© 2001 г. М. Н. Погребова, Д. С. Раевский

Институт Востоковедения РАН, Москва

Авторам этой статьи доставляет искреннее удовольствие поздравить замечательного российского археолога Анну Ивановну Мелюкову со славным юбилеем и пожелать ей и в дальнейшем активно приумножать успехи отечественной скифологии и радовать коллег новыми незаурядными работами.

Статья, которую мы предлагаем читателям "Российской археологии" в качестве приношения юбиляру, посвящена некоторым аспектам истории евразийского звериного стиля скифской эпохи. Было бы преувеличением рассматривать эту тематику как принадлежащую к кругу основных научных интересов А.И. Мелюковой. Но как ученый, всегда нацеленный на ключевые проблемы скифоведения, Анна Ивановна не могла, естественно вовсе обойти ее в своих работах – слишком важны проблемы истории искусства скифов для понимания скифской истории и культуры в целом. И каждый раз, обращаясь в контексте той или иной затронутой ею скифологической темы к изучению памятников звериного стиля, А.И. Мелюкова анализирует их со всем присущим ей научным тщанием и одновременно с блеском и изяществом, свойственными лучшим представителям той школы Б.Н. Гракова, к которой исследовательница по праву себя причисляет. К работам по звериному стилю, в которых эти свойства А.И. Мелюковой как ученого выразились весьма рельефно, относится, например, статья о взаимоотношениях скифского и фракийского искусства. В ней убедительно продемонстрировано, что первоначально появление во фракийской культуре памятников звериного стиля явилось следствием скифского влияния на Фракию, а в дальнейшем имело место активное обратное воздействие фракийского искусства на искусство скифов (Мелюкова, 1976). Именно важность подобных работ А.И. Мелюковой для разработки истории звериного стиля позволяет нам предложить дорогому юбиляру статью по этой тематике в качестве знака наших к ней любви и уважения.

Статья эта по существу представляет продолжение монографии, опубликованной нами почти 10 лет назад (Погребова, Раевский, 1992). В ряду проблем истории становления скифской культуры, затронутых в этой работе, много внимания было уделено развитию выдвинутого М.И. Артамоновым, В.Г. Лукониным и рядом других авторов тезиса о формировании скифского звериного стиля на базе заимствований из целого ряда древних ближневосточных культур.

При обосновании развиваемого в упомянутой монографии представления на этот счет мы следовали одному из двух зафиксированных античной традицией пониманий термина "скифы". Известно, что в этой традиции различаются два толкования интересующего нас этнонима – обобщенное и конкретно-историческое, каждому из которых соответствует свое понимание археологического материала. Обобщенный смысл термина "скифы" предполагает включение в него разных народов – как родственных между собой, так и совершенно генетически не связанных, хотя и имевших сходные хозяйство и культуру. Скифов же в конкретном смысле античная традиция мыслит как один из степных народов, отличный от своих соседей не только этногенетически, но и культурно. Именно последнее значение вкладывал в этот термин, к примеру, Геродот, считавший скифами только обитателей степной территории между Танаисом-Доном и Истром-Дунаем. По его представлению, во многом подтвержденному иными историческими даными, этот народ пришел в Восточную Европу "из Азии", т.е. из областей восточнее Танаиса-Дона, затем в течение довольно длительного времени совершал походы через Кавказ в Переднюю Азию и наконец закрепился в степях Северного Причерноморья. Следуя именно такому пониманию этнонима "скифы", мы в своем толковании генезиса культуры этого народа опирались исключительно на материалы Европейской Скифии, а также на закавказские и ближневосточные памятники, связанные с переднеазиатскими походами скифов.

Однако после выхода этой книги нас неоднократно упрекали в том, что мы недооценили важность материалов из восточных областей евразийского степного пояса для постижения процессов формирования скифской культуры, в том числе – для понимания происхождения искусства звериного стиля. Применительно к скифам как конкретному восточноевропейскому народу этот упрек вряд ли справедлив, но для понимания истории всего евразийского культурного континуума

скифской эпохи, включавшего целый ряд культур так называемого скифского типа (см.: Раевский, 1993), выяснить характер взаимодействия этих культур между собой действительно необходимо. В частности, требуется проследить во всей полноте участие разных художественных традиций в процессе формирования звериного стиля разных регионов, а также сравнить разные варианты этого искусства с особенностями звериного стиля европейских скифов, чтобы определить, сколь единым или, напротив, несходным был процесс их формирования. В итоге это способствовало бы оценке евразийского культурного континуума скифской эпохи во всей полноте.

В данной статье мы намерены рассмотреть с этой точки зрения данные о сложении звериного стиля тех сакских племен, которые обитали в Восточном Приаралье. В первую очередь мы проанализируем соответствующие материалы достаточно богатого памятниками звериного стиля могильника Уйгарак, раскопанного в низовьях Сырдарьи (Вишневская, 1973), но используем также данные изученного в том же районе могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997) и южноаральского могильника Сакар-чага 6 (Яблонский, 1996) – в той мере, в какой они содержат достаточно близкие аналогии уйгаракским древностям.

Памятники звериного стиля из раскопок могильника Уйгарак включают как весьма редкие, практически единичные изображения, так и образы, распространенные в ареале евразийского звериного стиля весьма широко, почти повсеместно. Наше внимание в основном должны привлечь те уйгаракские памятники, которые, по нашему представлению, непосредственно отражают процесс формирования специфических для искусства скифской эпохи зооморфных образов на базе разных культурных традиций. Рассмотрим эту проблему более внимательно.

Для начала обратим внимание на единственное в приаральских памятниках скульптурное изображение самого известного в зверином стиле скифской эпохи животного – оленя. Его стоящая профильная фигурка в позе "на цыпочках", служившая подпружной пряжкой для конской сбруи, найдена в уйгаракском кургане № 41 (Вишневская, 1973. С. 34, 35. Табл. XIV, *7*) (рисунок, *1*). Опираясь на наличие в этом кургане стремявидных удил, О.А. Вишневская (1973. С. 122, 123) отнесла его к VI в. до н.э., уточнив, что неразработанность хронологии удил этого типа в интересующем нас ареале позволяет определять датировку этого комплекса лишь временем не позднее VI в. до н.э.

Изображения оленя, подобные названному, М.П. Грязнов выделил в "саяно-алтайский" тип. По мнению исследователя, в восточной части "скифского мира" вплоть до начала V в. до н.э. представлен только он и лишь позже там получает распространение так называемый обычный скифский олень, на западе евразийских степей известный с самого начала раннескифского времени. Границу между западной и восточной частями "скифского мира" М.П. Грязнов проводил примерно по Иртышу, опираясь на находку в бассейне оз. Зайсан знаменитых чиликтинских оленей, демонстрирующих достаточно ранний образец классической "скифской" иконографии (Грязнов, 1978. С. 226–230; Черников, 1965. Табл. XI; XII). Добавим, что ту же собственно скифскую схему мы видим и в ранних изображениях оленей из Большого Гумаровского кургана, расположенного тоже восточнее Урала, но не столь далеко – в Оренбуржье (Исмагилов, 1988. С. 34. Рис. 4). Нужно, однако, заметить, что обозначенные М.П. Грязновым пространственно-временные границы между ареалом "сайно-алтайского" и "собственно скифского" оленей не вполне точны: рассматриваемое уйгаракское изображение по стилю принадлежит первому типу, тогда как его дата и место находки соответствуют памятникам второго типа.

Что до самих "типично скифских" оленей, то к ним в Уйгараке можно, по нашему мнению, отнести изображение двух объединенных общей головой животных (иногда их называют лосями), выгравированное на диске зеркала из уйгаракского кургана № 21 (Вишневская, 1973. Табл. VI, *4*) (рисунок, *2*). В литературе уже неоднократно отмечалось их стилистическое, иконографическое и композиционное сходство с фигурами на костяных пластинах и бляхах из Жаботинского кургана № 2 (Вишневская, 1973. С. 117; Ильинская, 1975. С. 157, 158; Погребова, Раевский, 1999. С. 263). Такая манера изображения, как мы пытались показать ранее (Погребова, Раевский, 1992. С. 143 и сл.), сложилась в зоне формирования звериного стиля скифов в узком смысле этого этнонима, впитав в том числе элементы переднеазиатской иконографической схемы. Это, в частности, относится к запечатленному на уйгаракском зеркале изображению оленя с повернутой назад головой – образу, который, как уже отмечали многие исследователи, мог возникнуть лишь как элемент многофигурной композиции, т.е. приема, присущего древнему ближневосточному искусству (подробнее см.: Погребова, Раевский, 1999. С. 266).

Мы убедились, что немногочисленные ранние изображения оленя из памятников Нижней Сырдарьи относятся к разным культурным традициям. Поэтому данные об иконографии этого животного позволяют говорить о полицентрическом (во всяком случае бицентрическом) сложении некоторых мотивов евразийского звериного стиля скифской эпохи.

Из иных изображений копытных животных в памятниках Приаралья заслуживает внимания подпружная пряжка из уйгаракского кургана № 66 в виде двух обращенных в противоположные стороны голов горных баранов с рельефными рогами

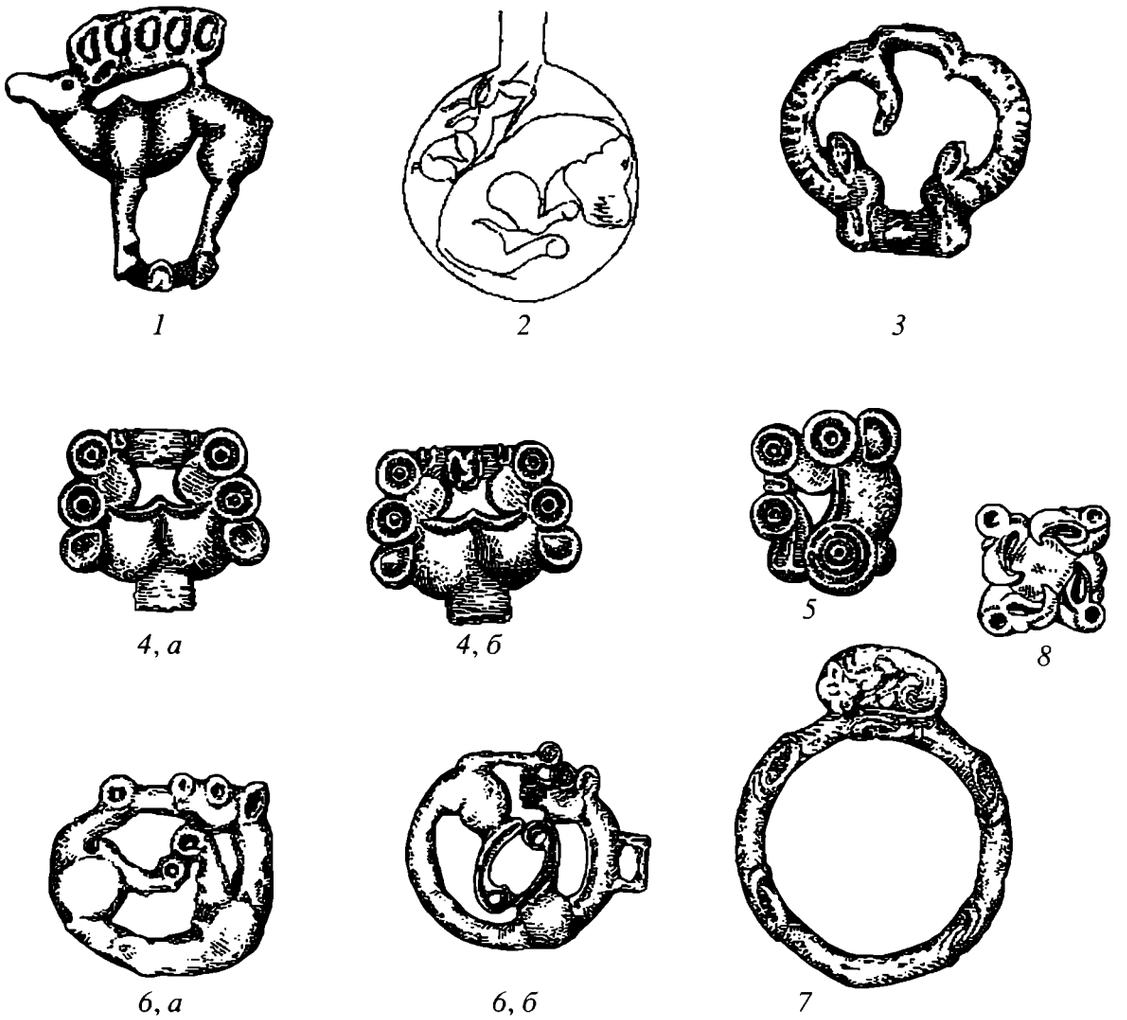


Рисунок. *1* – подпружная пряжка в виде фигурки оленя. Уйгарак, курган № 41; *2* – щиток зеркала с гравированными изображениями. Уйгарак, курган № 21; *3* – подпружная пряжка с изображением двух бараньих голов. Уйгарак, курган № 66; *4* (*а*, *б*) – зооморфные пряжки уздечного набора. Уйгарак, курган № 28; *5* – зооморфная бляшка уздечного набора. Уйгарак, курган № 28; *6* (*а*, *б*) – подпружные пряжки в виде свернувшегося хищника. Уйгарак, курган № 33; *7* – подпружная пряжка с единичным изображением хищника. Уйгарак, курган № 82; *8* – бляшка с изображением четырех птичьих голов. Уйгарак, курган № 83.

(Вишневская, 1973. С. 117. Табл. XVII, *19*) (рисунок, *3*). О.А. Вишневская отметила отсутствие прямых аналогий этому предмету, хотя указала на некоторое его сходство с изображениями козлов на изделиях тагарской культуры и Памира. Если же в поисках аналогий уйгаракской пряжке обратиться и к другим достаточно удаленным от Приаралья регионам, то не менее правомерным представляется сопоставление ее с кольцами для повода, широко представленными в культуре Луристана. Эти кольца чаще всего украшались именно головками горных баранов (Moorey, 1974. P. 74), изогнутые рога которых образовывали дополнительные отверстия для продевания ремней (Moorey, 1971. Fig. 135–140; 1974. Fig. 53–55; Древности..., 1992. Рис. 237–239; Погребова, Раевский, 1992. Рис. 4, *а*). Следует, однако, отметить неполное совпадение формы уйгаракской пряжки и луристанских колец. В последних использовалась повернутая en face голова единичного животного, загнутые рога которого образуют два дополнительных отверстия, предназначенные для поводьев. В интересующей же нас пряжке представлены две бараньих головы, развернутые по сторонам, и в образовании таких функционально значимых отверстий участвует по одному рогу от каждой головы. Это свидетельствует, что рассматриваемя пряжка не является прямым импортом из Луристана, а демонстрирует лишь заимствование изобразительного мотива, столь характерного для луристанских элементов сбруи, а также использование одного из элементов этого мотива – рогов для образования функционально важных деталей.

Разумеется, единичность уйгаракской пряжки не позволила бы достаточно уверенно говорить о ее луристанской "генеалогии". Но при обсуждении этой проблемы необходимо иметь в виду обоснование в нашей предыдущей работе происхождения целого ряда мотивов евразийского звериного стиля из искусства Луристана (Погребова,

Раевский, 1992. С. 96), чему в материалах Уйгарака мы в дальнейшем постараемся продемонстрировать и другие доказательства. При этом следует отметить, что отсутствие аналогий уйгаракской пряжке среди иных евразийских степных древностей свидетельствуют скорее об отражении в этих предметах разных путей проникновения луристанского влияния. Если ранее мы говорили о луристанском вкладе в анималистические мотивы, сложившиеся в переднеазиатско-кавказском регионе и оттуда распространившиеся по обширному евразийскому пространству, то в данном случае речь, вероятно, идет о прямом вкладе традиции Луристана в звериный стиль Приаралья. Представляется, что в интересующих нас материалах можно обнаружить и другие следы того же процесса.

В этом плане несомненного внимания заслуживают элементы однотипных конских уборов, обнаруженных в двух уйгаракских комплексах – курганах № 27 и 28 (Вишневская, 1973. С. 114, 115). Каждый такой набор включает две подпружные пряжки и одну бляху. Основу изображений, представленных на каждом из этих предметов, составляет схематично переданная голова хищника, у которой ноздря и глаз изображены в виде двух концентрических кругов, а ухо – в форме слегка уплощенного кружка. В подпружных пряжках две такие головы расположены зеркально и повернуты мордами вверх, а на месте их соединения помещена втулка для ремня, составляющая как бы начало общего для обеих голов туловища (Вишневская, 1973. Табл. IX, *6*, *7*; X, *10*, *11*) (рисунок, *4*, *а*, *б*).

Описанные пряжки, по нашему мнению, можно соотнести одновременно с двумя переднеазиатскими изобразительными мотивами. Прежде всего они сравнимы с верхней частью так называемых луристанских наверший, представляющих геральдическую пару противостоящих зооморфных персонажей или двухголовое полиморфное существо (Moorey, 1971. Tabl. 30, *168*; Древности..., 1992. Рис. 277–280; Погребова, Раевский, 1992. Рис. 3). По существу именно две головки такого навершия, достаточно сходно трактованные, но, правда, несколько по-иному ориентированные, и воспроизведены на наших пряжках. В то же время похоже, что перед нами – типичная для переднеазиатского искусства геральдическая композиция из двух протом, представленная на бутеролях тамошних мечей. Трактовкой деталей морды и ее подчеркнутым схематизмом уйгаракские изображения особенно близки к знаменитой бутероли из комплекса Зивие (Ghirshman, 1964. Fig. 157; Погребова, Раевский, 1992. Рис. 14, *а*).

Что касается одиночных блях из тех же наборов (рисунок, *5*), то каждая из них воспроизводит лишь одну голову описанного типа, но у нее появилась и шея, а также украшенная концентрическими кругами лопатка, от которой отходит передняя лапа с концом в виде кружка, поднятая к голове и непосредственно примыкающая к ее пасти. В результате получилась протома зверя, образующая как бы замкнутую полуфигуру (Вишневская, 1973. Табл. IX, *8*; X, *12*). В свое время мы попытались вписать это изображение в общий эволюционный ряд, демонстрирующий сложение типичного для звериного стиля образа свернувшегося хищника (Погребова, Раевский, 1992. Рис. 14, *г*) из той самой саккызской бутероли, которая сходна с только что рассмотренными уйгаракскими пряжками. Описанные уйгаракские конские бляхи представляют стадию формирования свернувшегося в кольцо хищника, во многом близкую той, которая представлена на известной бутероли из с. Дарьевка в Поднепровье (Погребова, Раевский, 1992. Рис. 10, *а*). Уйгаракские и дарьевское изображения по существу демонстрируют параллельные процессы формирования свернутого в кольцо зверя в западной и восточной частях "скифского мира". В то же время предложенная гипотеза происхождения описанного конского убора на основе изображений из Луристана подкрепляет высказанную выше мысль о двух путях формирования мотивов звериного стиля на луристанской основе в основной зоне сложения этого искусства, рассмотренной нами в книге 1992 г., и в уйгаракском (приаральском) локальном очаге.

Интересно, что в Восточном Приаралье наряду с описанной "свернутой протомой" хищника мы находим воспроизведения и вполне традиционной схемы свернувшегося в кольцо зверя, весьма популярной по всему ареалу евразийского звериного стиля. Этот образ в евразийском мире известен в нескольких различающихся вариантах. В Уйгараке он представлен в комплексе кургана № 33 двумя подпружными пряжками, по О.А. Вишневской (1973. С. 29), входившими, видимо, в один конский убор, хотя и воспроизводящими два подвида одной схемы. Одну из таких пряжек – ту, у которой две ноги зверя с концами лап в виде колец расположены под углом друг к другу, а хвост, вытянутый как продолжение тела животного, не занимает всего пространства между крупом и мордой, а соединен с последней дополнительной планкой (Вишневская, 1973. Табл. IX, *16*) (рисунок, *6*, *а*, *б*) можно, по мнению О.А. Вишневской (1973. С. 114), считать более ранней. Другая пряжка (Вишневская, 1973. Табл. IX, *15*) (рисунок, *7*) демонстрирует более условную трактовку конечностей – их встречно-параллельное размещение по отношению друг к другу и еще более схематично обозначенные в виде колец концы лап; хвост описываемого зверя занимает все пространство между крупом и мордой и даже заходит своим концом над верхней частью головы.

Помимо Уйгарака изделия, представляющие ту же схему, засвидетельствованы в южноаральском могильнике Сакар-чага 6. В кургане № 23

этого могильника найдены две подпружные бляхи, идентичные тому уйгаракскому экземпляру, который принято считать более ранним, а также бляшка-розетка, в середине которой помещено изображение, более сходное с "младшим" уйгаракским (Яблонский, 1996. С. 47. Рис. 26, *1*, *2*, *3*).

Изображения разных вариантов свернувшегося хищника в евразийском зверином стиле скифской эпохи неоднократно служили предметом внимания исследователей, но, по справедливому замечанию Ю.Б. Полидовича (1994. С. 63), как правило, "исследователями рассматривались лишь небольшие серии изображений, либо происходящих в основном из определенного региона..., либо из различных частей скифского мира, но бытовавших в определенный период". Этот пробел попытался восполнить сам автор процитированной работы, собравший весьма представительную коллекцию из 119 изображений и на этом обширном материале предложивший свое толкование их типологии, эволюции и хронологии.

По представлению Ю.Б. Полидовича, "процессы зарождения и развития изображения свернувшегося хищника проходили различными путями в западной и восточной "провинциях" скифского "звериного стиля", причем "наибольшее различие между изображениями двух "провинций" характерно для самого раннего периода существования мотива". Автор полагает, что только к V в. до н.э. происходит "...распространение на всей территории скифского мира единой схемы: лапы расположены параллельно, хвост перед мордой. Однако и эта схема не стала универсальной" поскольку "одновременно существовали и другие схемы расположения ног и хвоста" (Полидович, 1994. С. 67, 68).

Незадолго до статьи Ю.Б. Полидовича была опубликована наша упомянутая выше работа (1992 г.), посвященная проблемам становления скифской культуры, в которой образы звериного стиля анализировались преимущественно с целью воссоздания истории становления анималистического искусства только европейских скифов. Однако по необходимости именно мотив свернувшегося зверя мы в этой работе рассмотрели на широком материале почти всей степной Евразии (Погребова, Раевский, 1992. С. 104–122). Таким образом, это один из немногих случаев, когда привлеченные нами в то время памятники вышли за локальные рамки Европейской Скифии и Ближнего Востока. Наше понимание формирования мотива свернувшегося хищника несколько отлично от точки зрения Ю.Б. Полидовича. Но наша книга, судя по всему, появилась уже после представления в печать его статьи, в которой соответственно, не могла быть учтена наша точка зрения.

Теоретически допустив в своей работе, что манера изображения свернувшегося хищника могла самостоятельно сложиться в разных регионах евразийских степей, мы все же отмечали, что во всех этих зонах, за исключением кавказско-переднеазиатской, отсутствуют памятники, демонстрирующие процесс формирования интересующей нас изобразительной схемы на всех его стадиях. Лишь в кавказско-переднеазиатском регионе мы находим предметы, обеспечившие, по нашему представлению, семантический и формальный импульсы для сложения столь специфической иконографии, в том числе признанные нами таковыми орнаментальные лунницы, бутероли с противостоящими протомами кошачьих хищников и профильные фигурки полусвернувшегося зверя (см.: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 14). Мы отмечали, что находки из восточных областей степного ареала свидетельствуют скорее не о независимом возникновении там этой схемы, а о возможном проникновении туда образов, отразивших различные стадии ее формирования. Попадая в разные культурные контексты, отмеченный мотив мог затем развиваться по-своему, в то же время оказывая влияние на судьбу того же мотива в соседних областях. Мы полагали, что этим-то и можно объяснить значительное многообразие воплощений этого мотива, так же как и невозможность выстроить из них единый эволюционный ряд (Погребова, Раевский, 1992. С. 114 сл.). В настоящее время это представление можно, на наш взгляд, несколько уточнить.

Вопреки мнению Ю.Б. Полидовича, приаральские комплексы свидетельствуют, что уже в раннее время и в западной, и в восточной "провинциях" существования звериного стиля бытовали одни и те же варианты рассматриваемой схемы. В период ее сложения в кавказско-ближневосточном регионе звериного стиля европейских скифов здесь в кратчайшие сроки появляются как перпендикулярное, так и встречно-параллельное положение ног зверя (Погребова, Раевский, 1992. Рис. 14, *п*, *р*) и либо незамкнутые, либо свернутые в кольцо концы лап (Погребова, Раевский, 1992. Рис. 14, *к–м*), что свидетельствует об очень быстром развитии мотива. Но поначалу все варианты этой схемы использовалась здесь лишь для изображения достаточно компактных, как бы "крепко сбитых" звериных фигур (Погребова, Раевский, 1992. Рис. 7), что скорее всего было связано с преобладавшим здесь использованием этого мотива для украшения бутеролей. Хищники с длинным телом появляются в Причерноморье значительно позже – в основном в V в. до н.э., как, например, знаменитое изображение из кургана Кулаковского (Scythian Art, 1986. Tabl. 61).

Создается впечатление, что в восточном регионе евразийских степей изображения принципиально иных зверей – с узким телом, тонкими длинными лапами, длинными шеей и хвостом – стали использоваться в рассматриваемой схеме значительно раньше, чем в его западной части.

Видимо, попав сюда уже после своего сложения в основном ареале формирования, эта схема перестала связываться исключительно с бутеролями, что способствовало ее использованию для изображения принципиально иного анималистического образа.

В этой связи следует вспомнить луристанские зооморфные композиции, уже привлекавшиеся нами при анализе проблемы формирования звериного стиля Европейской Скифии. Нас интересуют прежде всего уже упомянутые луристанские кольца для продевания поводьев упряжи. По наружным сторонам такого кольца зачастую помещены две распластанные фигуры хищников, имеющих узкий хвост, тонкие лапы и длинную шею (Погребова, Раевский, 1992. Рис. 4, *а–в*; Древности..., 1992. Рис. 238–240). В свое время мы отмечали, что стилизация целого ряда элементов тела таких хищников – глаза, уха, концов лап, кончика хвоста – позволяет нам толковать их как исток развития, в дальнейшем приведшего к формированию произведения звериного стиля. В скифском искусстве ближе всего к луристанским экземплярам находится известный подковообразный предмет из Журовки (правда, более поздний, чем все образцы, фиксирующие становление звериного стиля), украшенный единичным изображением хищника, морда, конечности и хвост которого можно, с одной стороны, достаточно убедительно вывести из фигур, украшавших луристанские кольца для повода, а с другой – связать с так называемыми "хищниками Зивие" и их производными – зверями скифского звериного стиля (Погребова, Раевский, 1992. С. 95 и сл. Рис. 5).

Можно полагать, что свернувшиеся в кольцо хищники уйгаракского типа как бы дважды усвоили элементы луристанского бестиария – сперва, как мы стремились показать ранее, в пределах переднеазиатско-кавказского региона сложилась сама схема изображения (в том числе с использованием луристанских мотивов), а затем в переднеазиатско-приаральской зоне эта схема была приспособлена для воплощения заимствованных из луристанской традиции длинных звериных тел. При этом свернувшийся зверь, как и при первичном создании этой схемы в переднеазиатско-кавказском регионе, приобрел в качестве ключевых элементов изображения три округлых элемента: голову, лопатку и бедро.

Помимо Приаралья изображения свернувшегося хищника с удлиненным телом известны и в других областях Евразии. Так, достаточно близкие к уйгаракским памятники сосредоточены в основном в достаточно северных районах Евразии по обе стороны Урала. Таковы, например, бронзовая бляха из погребения 926 Старшего Ахмыловского могильника в низовьях Ветлуги (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 130, *1и*) и пряжка с оз. Иртяш в Восточном Зауралье (Полидович, 1994. Рис. 1, *1*), особенно близкие "младшему" уйгаракскому экземпляру. Можно вспомнить также хуже сохранившуюся случайную находку из окрестностей Ирьякского городища (Петровых, 1951. Рис. 38).

В свое время мы были склонны отнести изображение свернувшегося хищника из Старшего Ахмыловского могильника к древностям, свидетельствующим о проникновении в Среднее Поволжье с Кавказа так называемых отложившихся скифов, описанных Геродотом (IV, 22; см.: Погребова, Раевский, 1989; 1992. С. 195 и сл.). Сейчас нам представляется очевидным, что в круг древностей, отражающих миграцию этого этнического образования, описанное выше изображение уйгаракского типа явно не входит; попасть сюда оно могло лишь самостоятельным путем, как и иные подобные приуральские экземпляры. Но стимулировать проникновение их в Прикамье, в зону обитания "отложившихся скифов", связь представленной ими иконографии со скифами в целом, безусловно, могла. Можно предположить, что ахмыловский и иные приуральские экземпляры проникли сюда именно из приаральского региона, но однозначно достоверными данными на этот счет мы пока не располагаем.

Что касается других достаточно ранних изображений свернувшегося хищника из восточных регионов Евразии, то они представлены практически по всему этому обширному ареалу и в несколько различающихся между собой вариантах являют тем не менее все ту же сложившуюся в Прикавказском регионе схему. С уйгаракскими изображениями связаны, например, известные золотые пластины из Майэмира (Баркова, 1983. Табл. 1), у которых расположение ног соответствует "младшему" экземпляру из Уйгарака. В то же время концы лап во многих майэмирских изображениях (Баркова, 1983. Табл. 1, *1–5*) трактованы идентично знаменитой бляхе из Аржана (Грязнов, 1980. Рис. 15, *4*), т.е. в виде "поджатых пальцев". Аржанскую бляху сближает с одной из майэмирских – единственной в этом комплексе, имеющей овальный контур, – и оскаленная пасть с прорисованными зубами. Судя по всему, изображения свернувшегося хищника из восточной зоны евразийской степи образуют достаточно сложную цепь вариантов, из которых в дальнейшем, надеемся, удастся выстроить более или менее стройный эволюционный ряд. Но и сейчас видно, что все они демонстрируют вариации основной схемы, сложившейся, как мы пытались показать, в переднеазиатско-кавказском регионе.

Чтобы закончить разговор об изображениях хищника в приаральском искусстве, коснемся еще одной группы подпружных пряжек в виде кольца, по наружному краю которого помещено по одному такому зверю (Вишневская, 1973. С. 114, 115. Табл. 1, *6*; Итина, Яблонский, 1997. С. 62. Рис. 30, *3*, *4*) (рисунок, *7*). Тех же животных, воспроизведен-

ных в такой же манере, мы находим на одиночных фигурках в кургане № 45 могильника Тагисукен (Итина, Яблонский, 1997. Рис. 29, *1–3*). Стилистически эти фигуры зверей в известной мере напоминают хищников на хорошо известных вещах из Зивие и из раннескифских комплексов (Погребова, Раевский, 1992. Рис. 2, *а–д*; 5). Позой и манерой исполнения к ним в какой-то мере примыкает гравированное изображение хищника на диске зеркала, сочетающееся с рассмотренным изображением двух объединенных общей головой оленей (Вишневская, 1973. Табл. VI, *4*) (рисунок, *2*). Особенно сходны с раннескифскими туловище и лапы этого хищника, тогда как его массивная голова со снабженной рядом зубов пастью явно принадлежит какой-то самостоятельной традиции. В целом же изображения рассмотренных уйгаракских и тагискенских хищников можно, по нашему мнению, причислить к тем зооморфным мотивам, которые после формирования звериного стиля скифской эпохи распространились практически по всем степям Евразии.

Помимо рассмотренных среди уйгаракских древностей специально следует упомянуть целый ряд предметов, украшенных стилизованными птичьими головками. Среди них весьма показательны квадратные бляшки из кургана № 83 с четырьмя рельефными головками птиц по периметру (Вишневская, 1973. Табл. XIX, *5*) (рис. 1, *8*). Очень похож контуром на такую головку конский налобник в виде единичной птичьей головы из кургана № 69 (Вишневская, 1973. Табл. XVIII, *20*). Судя по всему, схематизация птичьей головы тех же очертаний лежит в основе формы целого ряда различных предметов их Уйгарака (Вишневская, 1973. Табл. II, *1*, *2*, *12*; V, *19*, *20*; XII, *10–15* и т.д.). Подобные предметы весьма многочисленны и в инвентаре могил Южного Тагискена (Итина, Яблонский, 1997. Рис. 17, *1–5*; 22, *6*; 25, *4* и др.). В предыдущей работе мы уделили вопросу о происхождении изобразительного мотива в виде птичьей головы достаточно внимания, что избавляет нас от необходимости останавливаться на нем подробно еще раз. Отметим лишь, что указанный мотив в искусстве Приаралья, судя по всему, демонстрирует прямое заимствование из собственно скифского ареала. Однако превращение его в контурную каплевидную фигуру явно представляет особенность восточного варианта евразийского звериного стиля.

Помимо рассмотренных в Уйгаракском могильнике известен еще целый ряд предметов, украшенных зооморфными мотивами. Но зачастую они представлены сугубо единичными экземплярами и явно не вписываются в художественный канон евразийского звериного стиля, а представляют самостоятельные изобразительные традиции. Поэтому в рамках данной статьи мы их практически не затрагиваем.

Подведем итог проведенного анализа. Стремясь установить, единым ли был процесс формирования звериного стиля, запечатленного в разных областях евразийской степи, или же это искусство складывалось по-разному в различных локальных очагах, мы сопоставили особенности возникновения его памятников в Восточном Приаралье, с одной стороны, и в Европейской Скифии, а до того в кавказско-переднеазиатском регионе, являвшемся, по нашему мнению, колыбелью культуры европейских скифов, с другой стороны. Выяснилось, что в формировании Приаральского звериного стиля можно наблюдать взаимодействие различных импульсов, укладывающихся тем не менее в рамки единого процесса. Так, очевидно, что большая часть мотивов этого искусства имеет западное, причерноморско-кавказское происхождение. Эти мотивы, постепенное сложение которых в западном регионе легко прослеживается, в Приаралье появляются в готовом виде – очевидно, в результате непосредственного заимствования из западных областей. Это так называемый типично скифский олень, хищники, восходящие к "зверям Зивие", головки хищных птиц и т.д. Некоторые из них, как, например, мотив свернувшегося хищника, получают здесь дальнейшее развитие, но отправной его точкой должна была послужить форма, уже сложившаяся в рамках эволюции собственно скифского искусства. Как указывалось выше, не исключено, что на такую эволюцию зооморфных схем оказывали влияние и мотивы, заимствованные из искусства луристанских бронз.

Из Передней Азии могли заимствоваться и схемы, неизвестные Европейской Скифии и получившие местное развитие только в Приралье. Вспомним, к примеру, как луристанские зооморфные образы в уйгаракском очаге превратились в детали конской узды, выполненной в евразийском зверином стиле. В связи с этим показательно, что репертуар таких мотивов, как правило, совпадал с выбором, зафиксированным в собственно скифском искусстве, что лишний раз свидетельствует об общности представлений евразийских кочевников, обеспечившей формирование единого евразийского степного искусства скифской эпохи.

Наконец, в Уйгараке засвидетельствован и образ так называемого саяно-алтайского оленя, судя по всему, занесенный в Приаралье из расположенной достаточно далеко на востоке зоны его распространения.

Все сказанное, на наш взгляд, позволяет коснуться и вопроса о характере связей так называемых саков Приаралья с обитателями соседних регионов. Можно предположить, что эти племена совершали самостоятельные военные рейды в Переднюю Азию – очевидно, в ее восточную часть на территории современного Ирана. Не исключены, конечно и контакты иного рода, но следует иметь в виду, что в рассматриваемый период воен-

ные рейды на юг наиболее для них вероятны. С другой стороны, они должны были поддерживать непосредственные сношения как с собственно скифами Восточной Европы, так и с восточными регионами евразийских степей. Характер этих контактов вряд ли поддается однозначному толкованию, но уже сама быстрота распространения по евразийским степям элементов скифоидной материальной культуры, в том числе звериного стиля, свидетельствует об определенном единстве кочевого мира на всей этой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баркова Л.Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. 1983. Вып. 24.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973.

Грязнов М.П. Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Древности страны луров. М., 1992.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев, 1975.

Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.

Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Петровых Ф.И. Бляха с Ирьякского городища // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. К вопросу об отложившихся скифах (Herod., IV, 22) // ВДИ. 1989. № 1.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. К культурно-исторической интерпретации памятников звериного стиля из Жаботинского кургана № 2 // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском "зверином стиле" // РА. 1994. № 4.

Раевский Д.С. Культурно-историческое единство или культурный континуум? // КСИА. 1993. Вып. 207.

Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Л., 1965.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

Ghirshman R. Persia from the Origin to Alexander the Great. London, 1964.

Moorey P.R.S. Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxford, 1971.

Moorey P.R.S. Ancient Persian Bronzes in the Adam Collection. London, 1974.

Scythian Art. The Legacy of the Scythian World mid-7th to 3rd Century B.C. Leningrad, 1986.

"Uigarak Argument" in the Context of Discussion on Scythian Animal Style Genesis

M. N. Pogrebova, D. S. Raevsky

Summary

The article represents the continuation of the monograph published by the authors almost ten years ago. In the latter special attention was turned to the development of the thesis claiming that formation of Scythian gripping animals style was based on the adoptions from a number of Near Eastern cultures. While interpreting its genesis the authors proceeded exclusively from the material of European Scythia, as well as the sites related with the Scyths' raids to Near East. The material originating from eastern regions of Eurasian steppes were practically left non-discussed. The authors follow the same approach in this article, discussing the monuments of the Aral sea area, and Uigarak cemetery first of all. They have came to a conclusion, that the most part of typically local motifs observed in animals style was of western, North Pontic origin. They had appeared in the region in question in already elaborated form, evidently as a result of direct adoption from western territories. Some motifs, such as, for example, curled predator image, were then developed locally. The other designs, unknown in European Scythia, could originate from Western Asia and then gain their local shapes in the Aral sea area only. It seems important, that the repertoire of these motifs coincided, as a rule, with the subjects popular in Scythian art. This fact maintains once more the commonness of the ideas that circulated among Eurasian nomads and thus had led to formation of singular Eurasion steppe art of Scythian epoch.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 53–68

БЫЛИ ЛИ ЛЕНСКАЯ И АНГАРСКАЯ ТАЙГА ПРАРОДИНОЙ СКИФОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА?

© 2001 г. Н. Л. Членова

Институт археологии РАН, Москва

Этот вопрос может показаться, мягко выражаясь, весьма странным любому скифологу. Однако поскольку на него дан положительный ответ в статье В.Ю. Зуева и Р.Б. Исмагилова (1995), необходимо на него ответить и их оппонентам, приведя все возможные доказательства, поскольку могут найтись и другие последователи этой странной идеи.

В.Ю. Зуев и Р.Б. Исмагилов (1995) переиздали интереснейший комплекс – Корсуковский клад, найденный на р. Жуя системы Верхней Лены (Рис. 1; 2, *1–4*), и до того уже изданный иркутскими археологами В.И. Бердниковой, В.М. Ветровым и Ю.П. Лыхиным (1991), которые, сопроводив свое издание отличными, точными иллюстрациями (рис. 3, 4), обнаружили прекрасное знание материала и литературы как по Сибири, так и по Ордосу и даже Северному Кавказу и Причерноморью и датировали Корсуковский клад VII–VI вв. до н.э., справедливо заключив что он попал на Лену из степных районов, как более прогрессивных в экономическом отношении, чем лес (Бердникова и др., 1991. С. 204).

Через четыре года В.Ю. Зуев и Р.Б. Исмагилов (1995) переиздали этот клад со значительно худшими иллюстрациями (рис. 1; 2, *1–4*) и, подобрав для изображений хищников из клада (рис. 2, *1*, *2*) в качестве параллелей первые попавшиеся наскальные рисунки из Казахстана (рис. 2, *7*, *8*), "раннечжоускую" бляху из Китая XI–VIII вв. до н.э. (рис. 2, *6*), на корсуковских хищников совсем не похожие, изображения двух противостоящих "пантер" "на одной из галек, найденной в Туве" (точнее место находки гальки не указано, но сказано, что она – раннескифского времени) и, наконец, пантеру из Келермеса (Зуев, Исмагилов, 1995. С. 72, 73), датировали Корсуковский клад концом IX–первой половиной VIII в. до н.э. и провозгласили его "одним из древнейших корней скифской культуры", объявив о существовании "древнейшей скифской (центральноазиатской) культуры" (Зуев, Исмагилов, 1995. С. 74, 75). Приведенные параллели неубедительны и показывают полное неумение В.Ю. Зуева и Р.Б. Исмагилова работать с археологическим материалом, а их выводы совершенно безответственны.

Выводы иркутских археологов остаются в силе: дата Корсуковского клада – VII–VI вв. до н.э. Никакого отношения к происхождению скифов он не имеет. Но возникает еще ряд вопросов, на которые может дать ответ новое рассмотрение вещей из клада.

Клад был заключен в котел, "запечатанный глиной", найден он при земляных работах. Это обычный котел "скифского типа" из тех, что очень широко распространены в Евразии. Точных параллелей ни среди тагарских, ни среди котлов Келермеса он не находит. Типологически – это не самый ранний экземпляр в тагарской серии, но типология и хронология тагарских котлов может быть не универсальной. В этом я вполне согласна с В.А. Могильниковым и А.П. Уманским (1999. С. 120, 121). Шаровидное прорезное навершье с погремушкой внутри (рис. 3, *1*) действительно очень похоже на навершья из Келермесских курганов, дата которых, по даным Л.К. Галаниной, VII–начало VI в. до н.э. (Галанина, 1997. С. 156. Табл. 44, *300*, *302*, 67). В.Ю. Зуев и Р.Б. Исмагилов (1995. С. 71) пишут, что на макушках некоторых келермесских наверший имеются "круглые значки с ромбами", "в которых легко угадываются реминисценции орнаментальных традиций новочеркасской эпохи, что ...позволяет говорить о времени появления данных наверший как о времени минимум рубежа VIII–VII вв. до н.э.". Однако, во-первых, в новочеркасских памятниках вообще нет никаких наверший. Во-вторых, подобные солярные значки имеются на многих скифских вещах даже VI в. до н.э., не говоря о том, что эти значки восходят к памятникам Двуречья еще III–I тыс. до н.э. (Іллінська, 1961. С. 56–58), так что не стоит удревнять ради этих значков дату Келермесских курганов.

В-третьих, и это самое главное, на навершье из Корсуковского клада солярного значка вообще нет, так что незачем было В.Ю. Зуеву и Р.Б. Исмагилову об этих значках и писать.

Далее, в Корсуковском кладе найдены скульптуры кошачьих хищников с оскаленными мордами и поднятыми вверх передними лапами; их глаза, концы лап и хвосты – кольчатые, что типично для изображений кошачьих хищников Евразии VII–VI вв. до н.э. Лицевая сторона их выполнена в низком рельефе, оборотная – решетчатая (рис. 1, *1*, *2*; 3, *2*, *3*) (Бердникова и др., 1991. С. 197; Зуев, Исмагилов, 1995. С. 197). Называют эти изображения навершьями, хотя их решетчатая оборот-

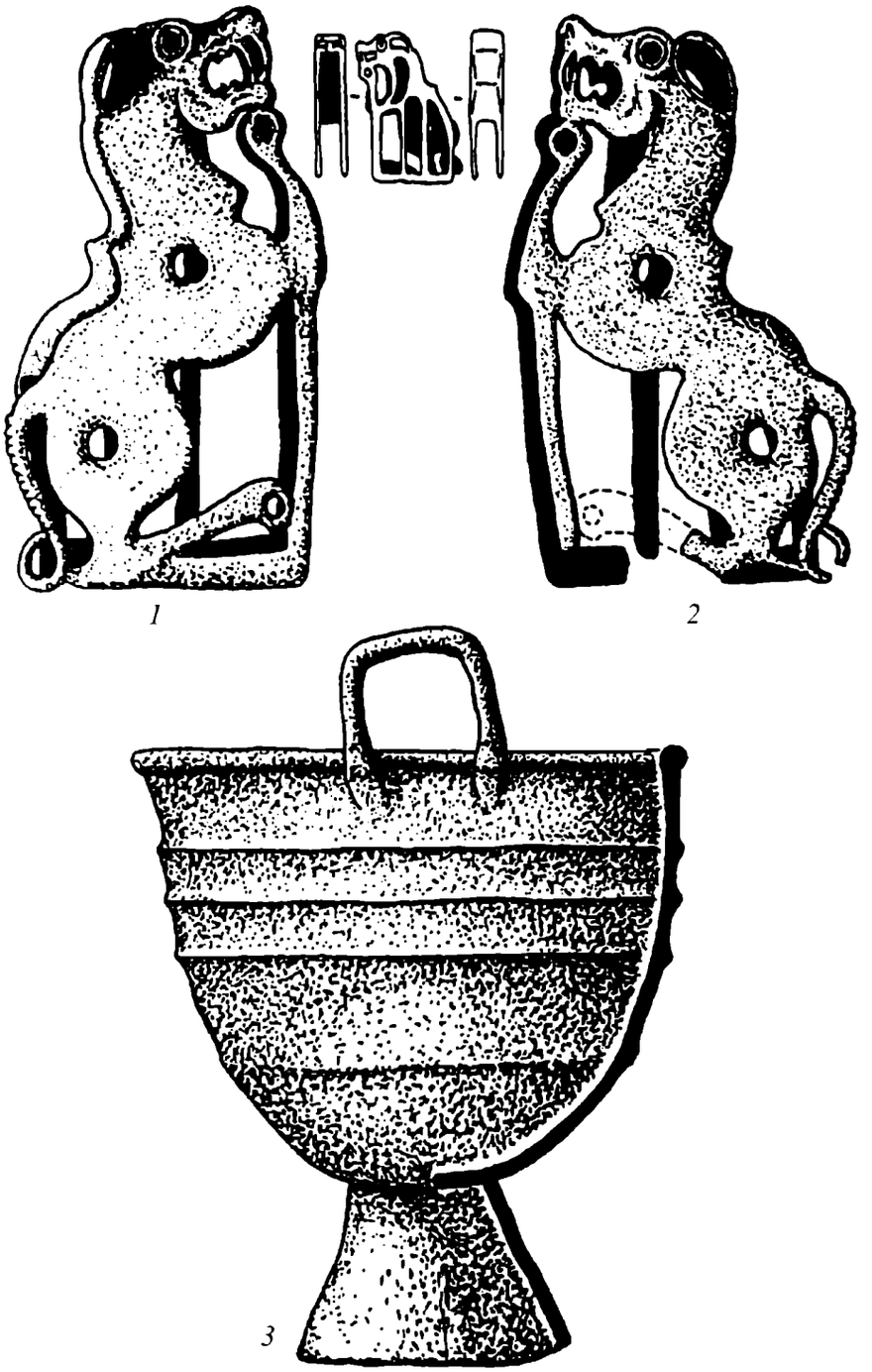


Рис. 1. Корсуковский клад. *1–3* – бронза (по: Зуев, Исмагилов, 1995).

ная сторона приводит к мысли, что "предполагалось, видимо, одностороннее обозрение предмета" (Бердникова и др., 1991. С. 197), а В.Ю. Зуев и Р.Б. Исмагилов (1995. С. 69) пишут, что они являются "накладками на какую-то деревянную основу". Если так, то это не навершья. И тогда предположение, что это – изображение двух пар животных в геральдической позе, а с ним и соответствующие параллели из скифского звериного стиля (Бердникова и др., 1991. С. 201; Зуев, Исмагилов, 1995. С. 198), вызывает большие сомнения. Это могли быть полуфабрикаты навершья: каждая пара животных могла скрепляться тыльными решетчатыми сторонами, так что из каждой пары могло получаться одно целое, вполне "самостоятельное" навершье, а уж как их располагали в дальнейшем, остается только гадать. Их могли укреплять и на одной подставке, рядом, мордами в одну сторону, как на одном из ордосских наверший (ср. рис. 5, *4*). Накладками же на деревянную (или какую-либо другую) основу они вряд ли могли быть: зачем же тогда изготовлять тыльную решетчатую сторону? Ни на одной бляхе в "скифском" (в широком смысле) зверином стиле таких решетчатых изнанок нет.

Точных параллелей в искусстве звериного стиля скифской эпохи этим хищникам мне не извест-

Рис. 2. *1–4* – Корсуковский клад; *5* – навершие из Илимска; *6* – бляха из Китая "раннечжоуской эпохи"; *7, 8* – Жалтырак-Таш (Казахстан); *1–6* – бронза; *7, 8* – наскальные рисунки (по: Зуев, Исмагилов, 1995).

но. Но любопытна одна деталь: на бедрах и лопатках корсуковских хищников имеется по круглому отверстию (рис. 1, *1*, *2*). Такие отверстия на бедрах и лопатках характерны только для искусства Ордоса: они есть на фигурке кулана или степной лошадки и на бляшке в виде лошади с подогнутыми ногами (рис. 6, *7*, *6*). Эта последняя является самой восточной в цепи изображений на оленных камнях "саяно-алтайского типа" из Монголии, Тувы и Горного Алтая VII–VI вв. до н.э., а самыми западными из них являются изображения на золотых пластинках из Келермеса (рис. 6, *1–6*). О цепочке лошадей в такой позе писали Д.Г. Савинов (1994. Табл. 11, 12) и В.А. Кисель (1997. С. 34. Рис. 33, 34). Я же обратила внимание на то, что все эти кони высокопородные и происходят из Средней Азии, и добавила к этому ряду бляшку из Ордоса (рис. 6, *6*), подражающую этим коням и с отверстиями на крупе и на лопатке (Членова, 1999. С. 311, 312. Рис. 3, *1–5*; 2000а. С. 92–94. Рис. 6). Так что и в данном случае дата этих наверший – келермесская эпоха.

Далее, в составе Корсуковского клада была еще пара наверший в виде фигурок лосей без рогов (молодых лосей или лосих?), тело которых представляет собой полый прорезной бубенчик с подромбическими отверстиями в нем. Глаза лося – полая трубочка, положенная поперек морды, но-

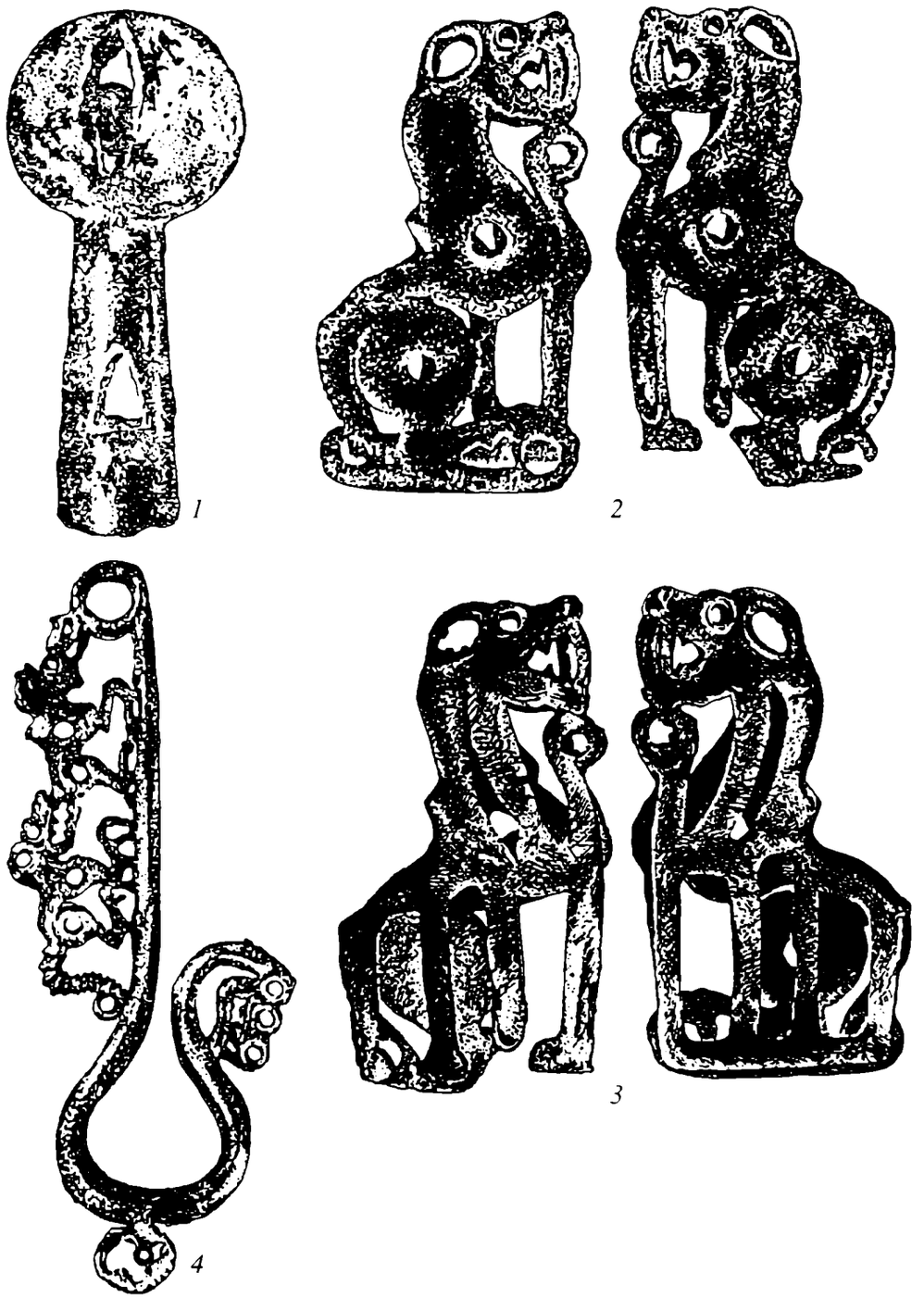


Рис. 3. Корсуковский клад. *1* – шаровидное навершье; *2*, *3* – фигурки кошачьих хищников (*2* – лицевые стороны; *3* – оборотные стороны); *4* – крючок-подвеска; *1*–*4* – бронза (по: Бердникова и др., 1991).

здри – подобная же трубочка, но в форме морды животного, пасть приоткрыта. Ноги обоих лосей сильно согнуты в коленях, поставлены "на цыпочки" и спускаются на низкие подставки, в которых оставлены отверстия, на одном навершье – треугольные, на другом – трапециевидные. По груди проходит длинное отверстие. Навершья не идентичны: у одного лося показан шейный кожный вырост ("серьга"), уши "приложены", показан выступом короткий хвостик, внутри тела – шарик-гремушка, а на навершье сбоку имеется кольцо; у второго лося ничего этого нет, а копыта раздвоены (рис. 4, *2*, *1*). Наибольшее стилистическое сходство корсуковские навершья-лоси обнаруживают с навершьем в виде фигурки козла, найденного близ г. Илимска на Ангаре. Тело этого козла – также полый шарик с ромбическими прорезями и гремушкой внутри, глаза и ноздри также даны в виде двух трубочек, положенных поперек морды, пасть приоткрыта, ноги согнуты в коленях, поставлены на пуанты, копыта раздвоены и спускаются на невысокую подставку с треуголь-

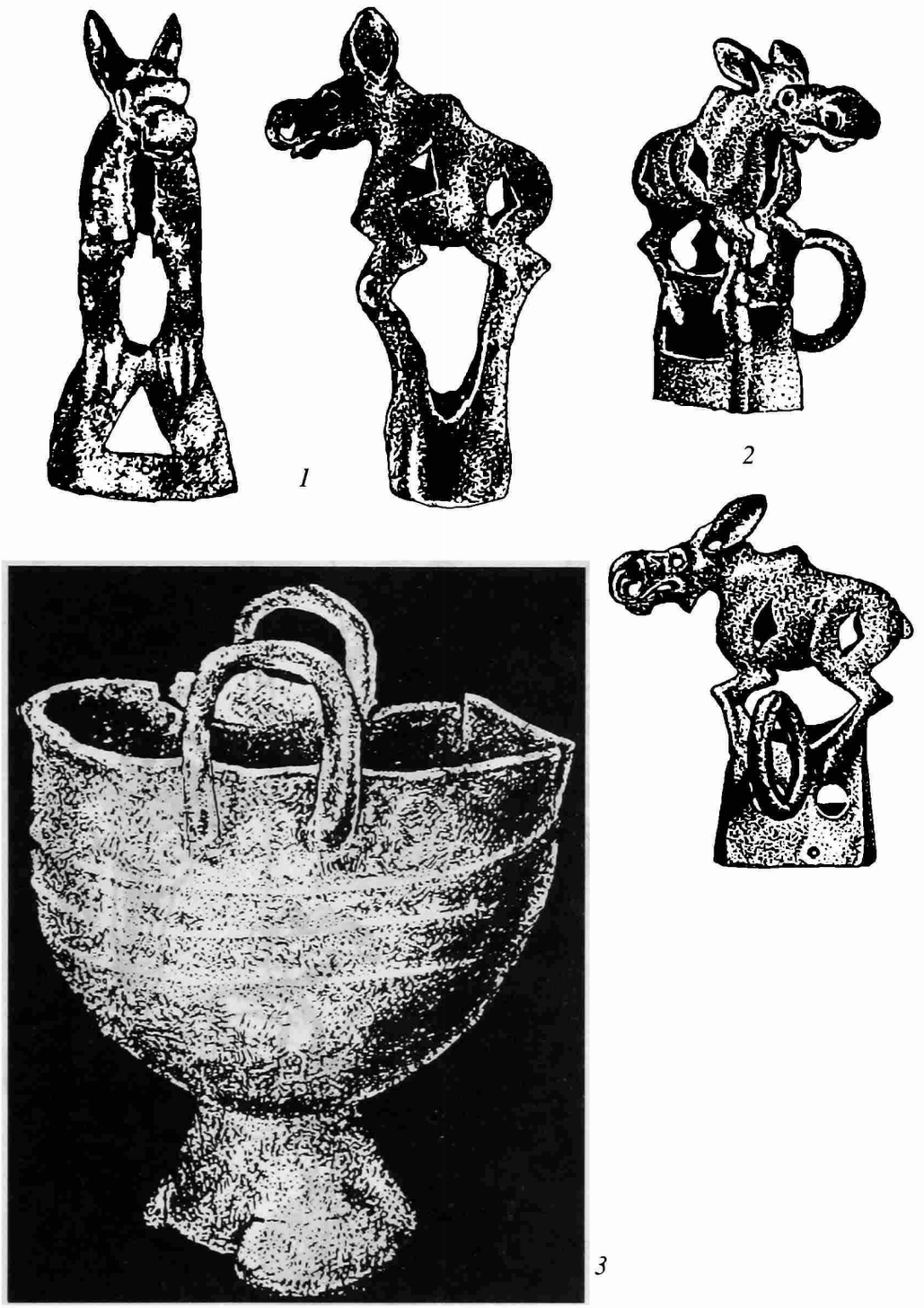


Рис. 4. Корсуковский клад. *1*, *2* – навершья с фигурками лосей; *3* – котел; *1–3* – бронза (по: Бердникова и др., 1991).

ными вырезами (рис. 7, *1*). Место находки этого навершья установлено по: Г. Боровко (1931. Табл. "Бронза". Рис. 4). Навершье хранится в Иркутском краеведческом музее, было зарисовано мною в 1958 г. и издано (Членова, 1967. Табл. 29, *41*). К сожалению, имеющиеся в литературе сведения об идентичных навершьях, найденных в Минусинске (Salmony, 1933. Pl. V, *2*) и в Ордосе (Артамонов, 1973. Рис. на с. 116), ошибочны. Лучшее доказательство этому – именно полная идентичность наверший с козлом, изданных Г. Боровко, А. Сальмони, М.И. Артамоновым и мной: абсолютно идентичных, да еще таких своеобразных наверший со столь далеких друг от друга территорий в скифскую эпоху не существовало (кроме простейших шаровидных наверший). Но в Ордосе найдены навершья, стилистически очень близкие к корсуковским и илимскому. Это прежде всего два навершья с фигурами животных с согнутыми в коленях ногами. Одно – козел, тело которого – прорезной бубенчик с гремушкой внутри. Но прорези в его теле не ромбические, а линзовид-

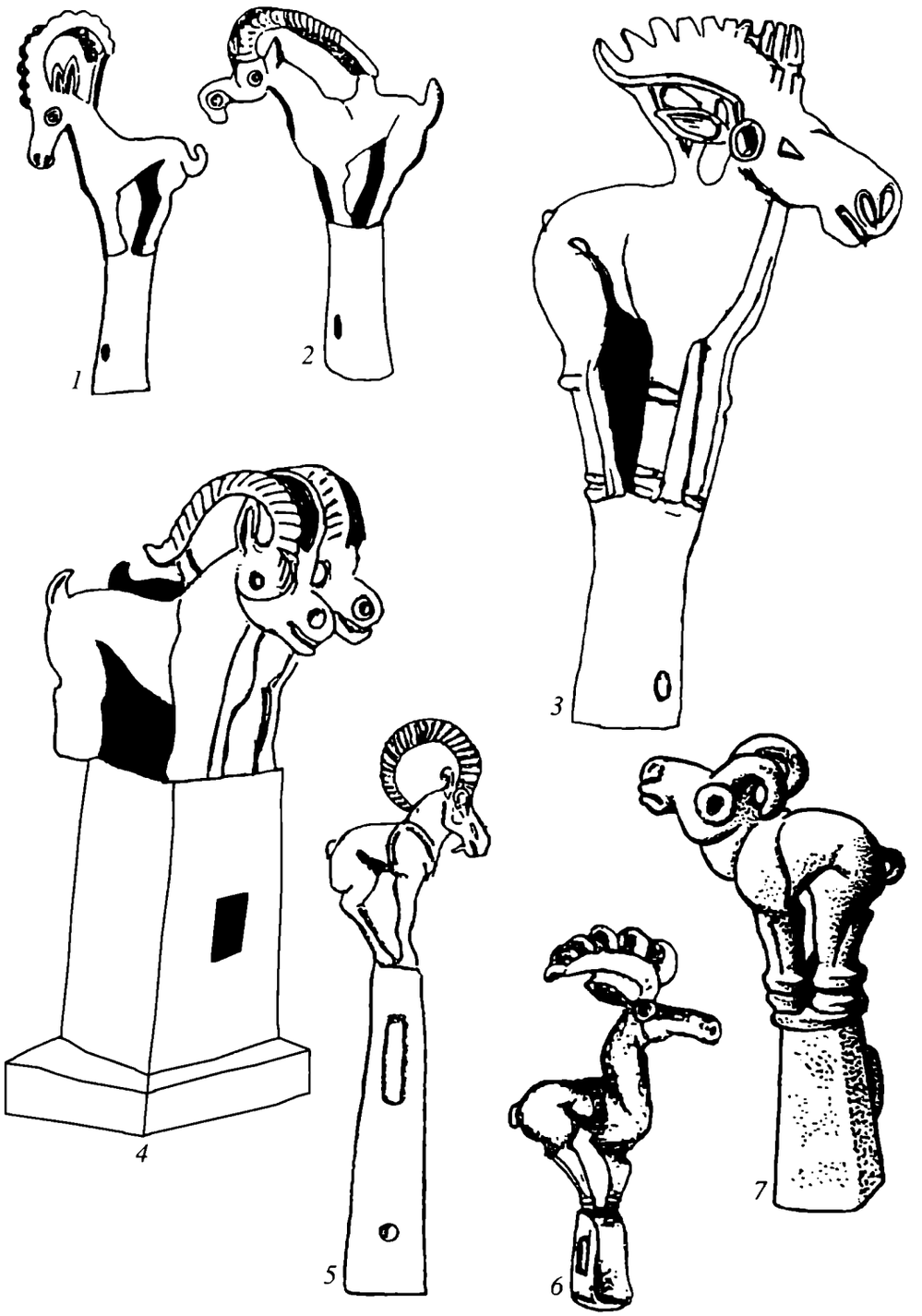


Рис. 5. Параллели корсуковским навершьям (без бубенчика) из Ордоса, Тувы и Сибири. *1–4* – Ордос; *5* – устье р. Томь; *6* – Монголия; *7* – курган Аржан (Тува); *1–7* – бронза (*1*, *2*, *4* – по: Andersson, 1933; Членова, 1967; *3* – по: Jettmar, 1964; *5* – по: Членова, 1967; *6* – по: Volkov, 1996; *7* – по: Gryaznov, 1984).

ные, глаза – выпуклые кружки с точкой внутри (рис. 7, *4*). Второе навершье – лошадь (?) со стоячими ушами, глаза и ноздри – круглые отверстия, подставка невысокая, с полукольцом, но тело не прорезное (рис. 7, *5*). Навершья – козлы и лось с полым телом, сквозными глазами и ноздрями, в одном случае – с приоткрытым ртом, но без прорезей в теле, с не согнутыми ногами – из Ордоса, Монголии и кургана Аржан в Туве менее похожи на корсуковские; у них более высокие подставки (рис. 5, *1–4*, *7*). Датирующей является, во-первых, пара наверший, объединяющих черты корсуковского, илимского и обоих типов ордосских наверший. Происходят они из с. Штабки (пригород г. Барнаула) на Верхней Оби. Это фигуры лосей с прорезным телом (прорези линзовидные), стилизованными рогами в форме колец. Часто так изображаются рога "скифских оленей" от Причерноморья до Ордоса (Членова, 1993. Рис. 11, *1*, *4*, *12*, *15*). В комплексе с навершьями из с. Штабки были

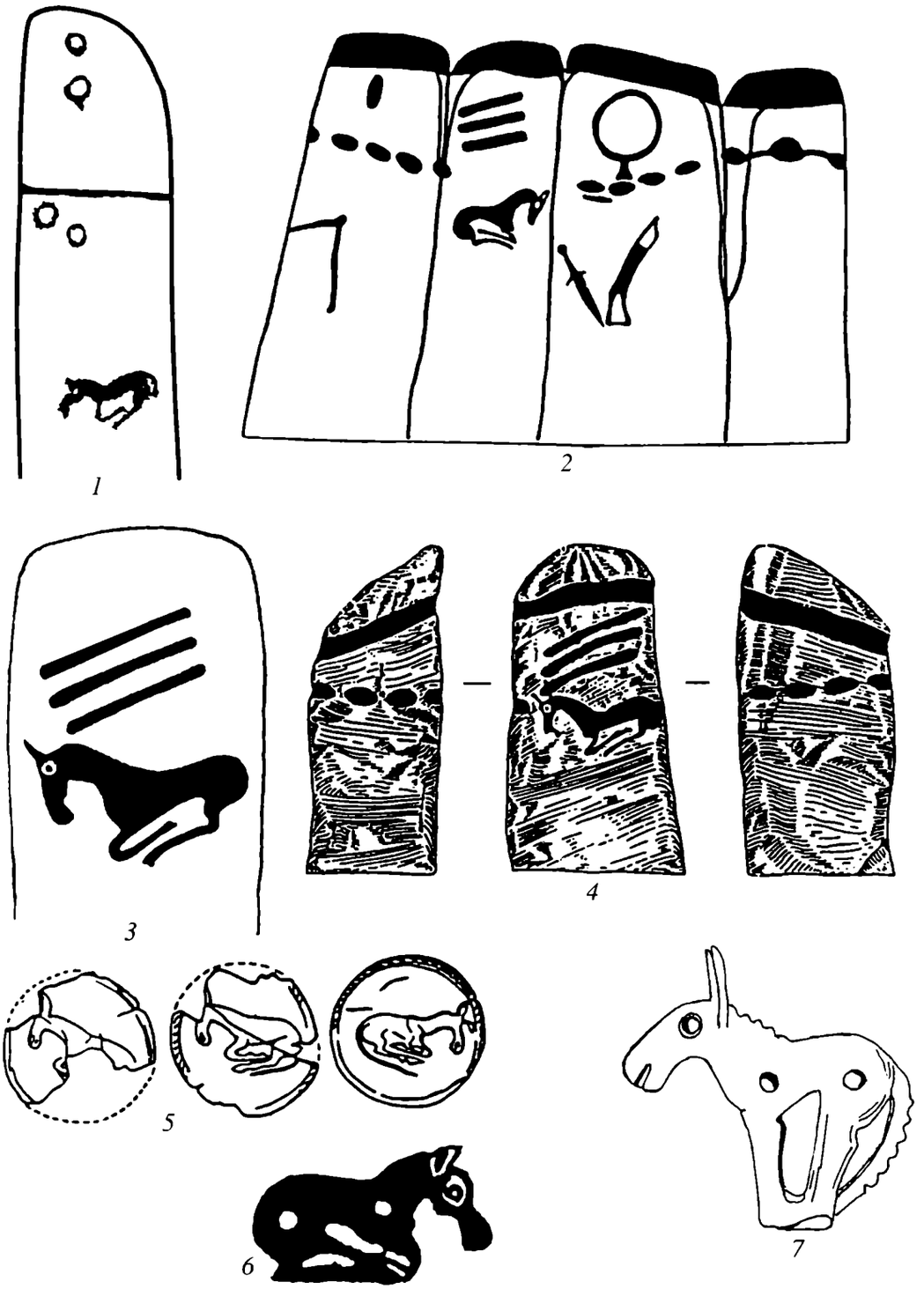


Рис. 6. Параллели Корсуковскому кладу: *6*, *7* – изображения лошади и кулана (?) с отверстиями в бедре и лопатках; цепочка подобных изображений лошади на оленных камнях саяно-алтайского типа из Монголии (*1*), Тувы (*2*), Горного Алтая (*3*, *4*) и Келермеса (*5*). *1–4* – выбито на камнях; *5* – золото; *6*, *7* – бронза (*1–6* – по: Членова, 2000а; 7 – по: Andersson, 1933). Масштабы изображений различны.

найдены бронзовые удила со стремевидными концами VII–VI в. до н.э. (рис. 7, 3 *а*, *б*, *в*). Таким образом, корсуковские и илимское навершья обнаруживают специфическую связь с ордосскими и датируются VII–VI вв. до н.э.

Второе датирующее навершье – из камеры 26 кургана Аржан в Туве (там найдено 5 наверший. См. рис. 5, *7*), дата которого VII–VI вв. до н.э. (Членова, 1997). Оно близко к илимскому по изображению глаз и морды козла, но не прорезное и несет следы влияния раннетагарского звериного стиля (копыта даны двойными утолщеными поясками, хвост опущен вниз), чем и отличается от корсуковских, илимского и ордосских наверший.

Последний предмет Корсуковского клада – изогнутый крючок (Рис. 3, *4*) с петлей для подве-

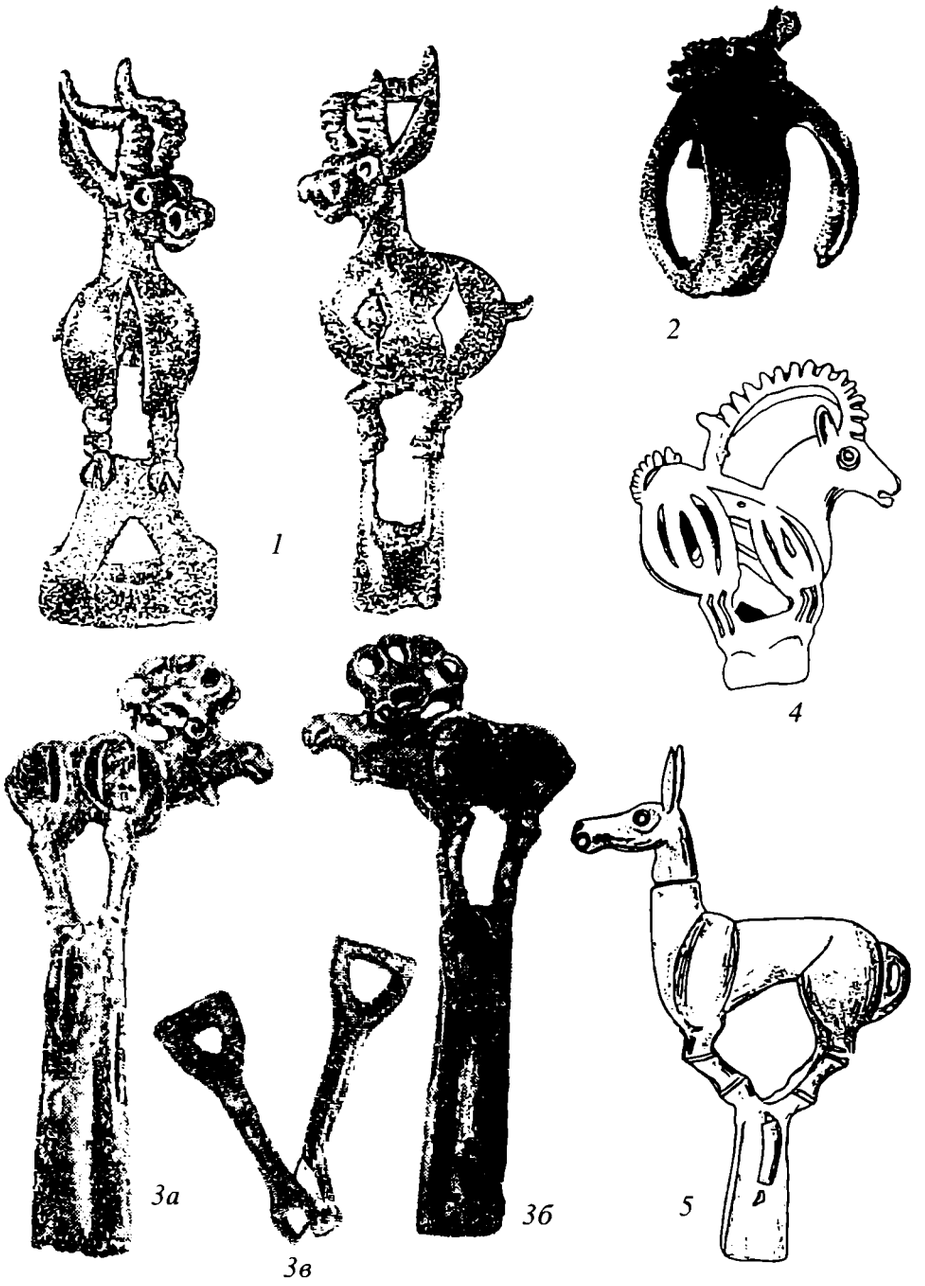


Рис. 7. Параллели корсуковским навершьям из Сибири и Ордоса. *1* – г. Илимск *2* – р. Куда (*1*, *2* – Иркутская обл., по: Бердникова и др., 1991); *3 а*, *б*, в – комплекс из с. Штабки (Верхняя Обь, по: Уманский, 1970); *4*, *5* – по: Salmony (1933. *1–5* – бронза). Масштабы изображений различны.

шивания на верхнем конце и оскаленной мордой кошачьего хищника – на нижнем. На средней части изображена сцена преследования лося кошачьим хищником, в нижней части крючка – фигура то ли свернувшегося кошачьего хищника (Зуев, Исмагилов, 1995. С. 69), то ли змеи (?) (Бердникова и др., 1991. С. 198). В.Ю. Зуев и Р.Б. Исмагилов (1995. С. 69) хотят видеть в этом крючке дракона, видимо, китайского. Но голова хищника на нижнем конце крючка – явно кошачья, с расположением в ряд ноздрей, глазом и ухом – обычное изображение этих хищников в степном стиле раннескифской эпохи. Голова кошачьего полая, в ней – шарик-гремушка. В крупах и лопатках кабана и лося – по круглому отверстию (как у корсуковских – рис. 3, *2*, *3* и ордосского – рис. 6, *6*, *7* – зверей). Назначение крючка – подвеска к поясу. Их находили в плиточной могиле в Забайкалье VII–VI вв. до н.э. (рис. 8, *4*) (Членова, 1992. С. 249. Табл. 101, *5*.) и их изображения выбиты на оленных камнях Монголии (рис. 8, *1–3*, 10; Сосновский, 1941. Рис. 14, *1*; 18). Крючки бывают двойными и одинарными; на некоторых имеются бубенчики, которые я вслед за Э. Герцфельдом считаю изображением плодов граната, иногда даже с листочками (ср. рис. 8, *5*, *6*, *7*). Гранаты в диком состоянии ни в Китае, ни в наших степях не растут, они растут в Иране, Закавказье, Средней

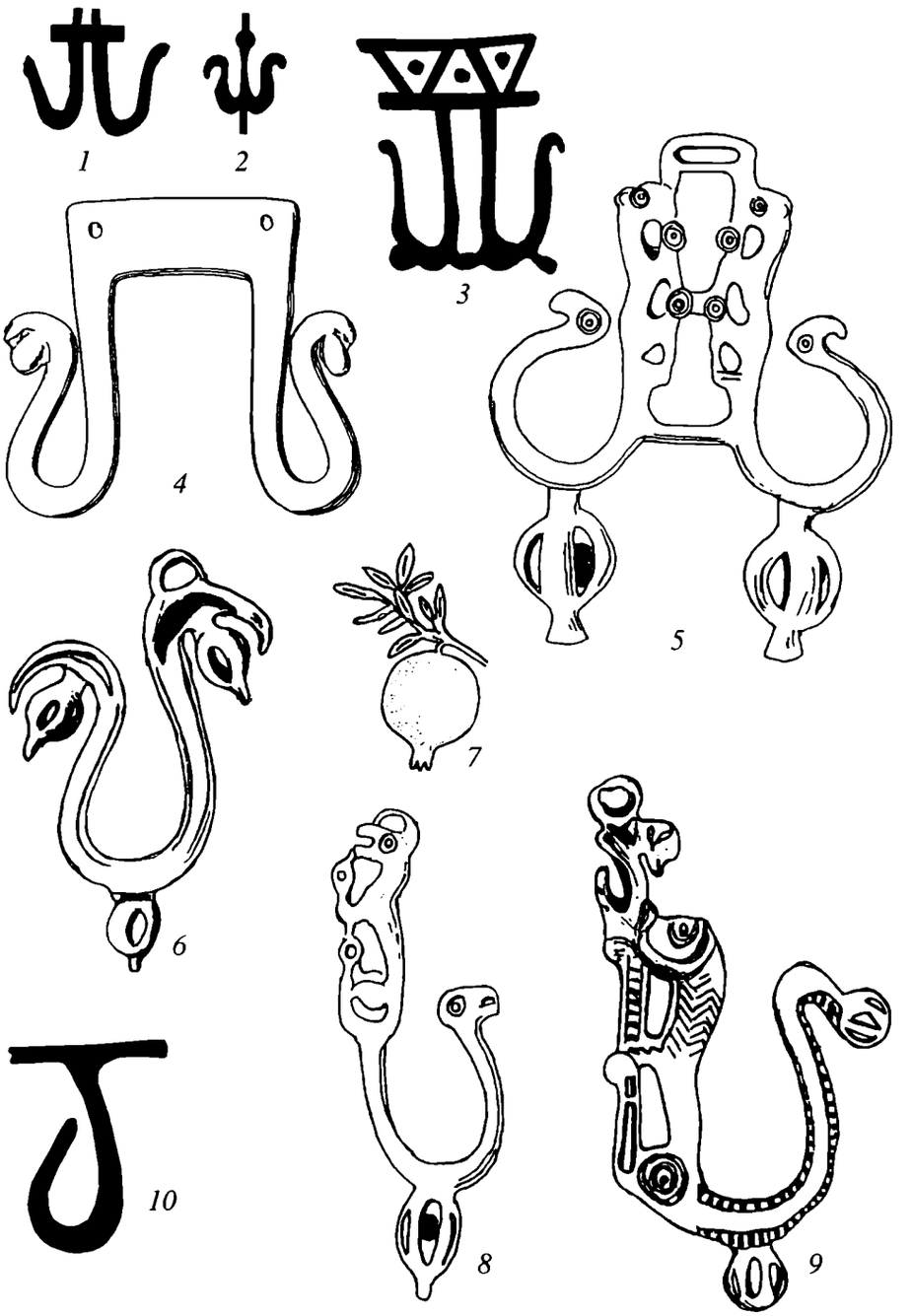


Рис. 8. Параллели корсуковскому крючку-подвеске к поясу из Монголии, Забайкалья и Ордоса и плод граната с листьями: *1, 2, 3, 10* – Монголия; *4* – плиточная могила могильника Тапхар; *5, 6, 8, 9* – Ордос; *1, 2, 3, 10* – выбито на оленных камнях (по: Волков, 1981); *4–6, 8, 9* – бронза; *7* – плод граната (по БСЭ) (*5, 8* – по: Andersson, 1933; *6, 9* – по: Janse, 1935). Масштабы изображений различны.

Азии и далее – вплоть до Пакистана (Гранат..., 1953), поэтому прародиной бубенчиков, их изображающих, видимо, и нужно считать Иран и Закавказье (Herzfeld, 1941; Погребова, 1984. С. 110. Табл. XI, *2, 4, 5, 11, 18–21*) (Ср. наш рис. 9, *1–9*). То же происхождение, по моему мнению, имеют и навершья-бубенчики: они восходят к бубенчикам Ирана и Закавказья, откуда попали как на Северный Кавказ и в Причерноморье в VII–VI вв.до н.э., так и в Ордос, а оттуда в Сибирь (путь проходил южнее зоны степей, по Ирану, Средней Азии и далее), чем и можно объяснить большое сходство наверший-бубенчиков Ордоса и Сибири с бубенчиками VII–VI вв. до н.э. Северного Кавказа и Украины (ср. рис. 3, *1* и 10). Рассмотрим вопрос о навершьях подробнее. Западным навершьям (с Северного Кавказа, Украины и Карпато-Дунайского бассейна) посвящена значительная литература (здесь отметим работы: Шлеев, 1950; Іллінська, 1963; Переводчикова, 1980; Переводчикова, Раевский, 1981; а из более новых работ – Батчаев, 1985; Шедевры..., 1987; Petrenko, 1994).

На Северном Кавказе, Украине и в Карпато-Дунайском бассейне Е.В. Переводчикова (1980.

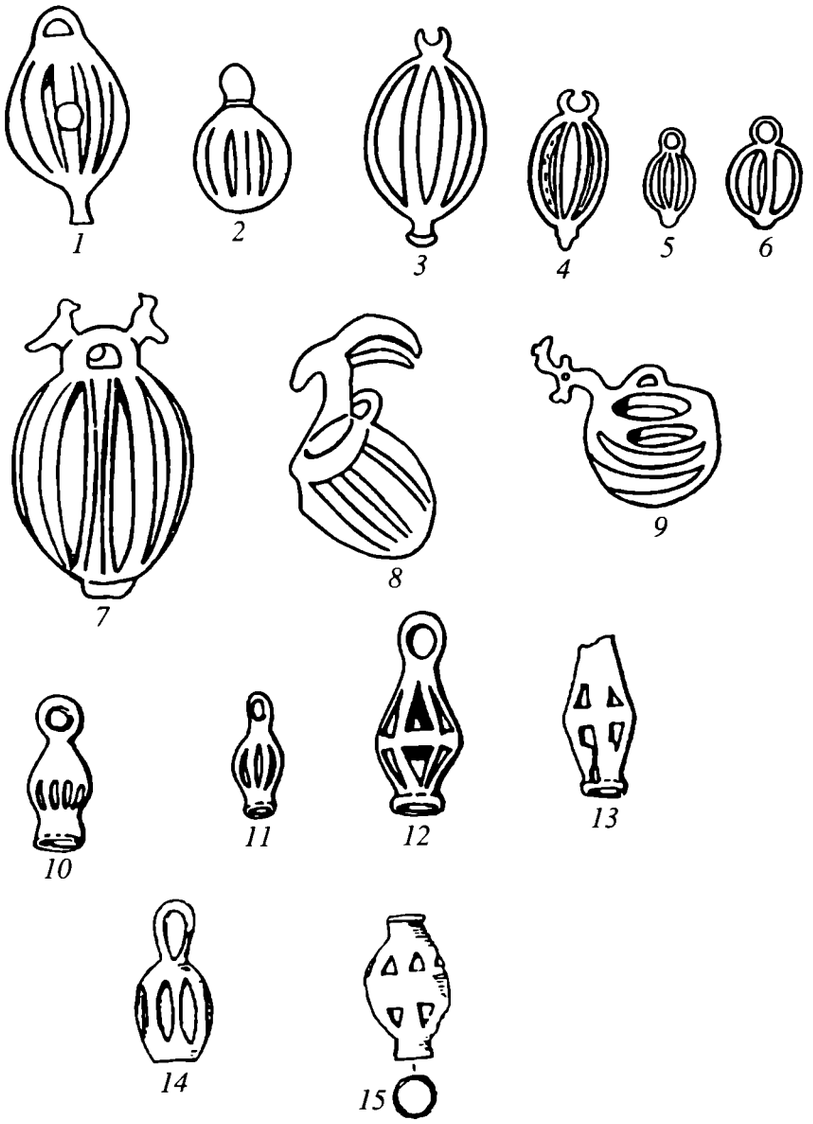


Рис. 9. Бубенчики-подвески из Ирана (Луристан, Хурвин – *1*, *2*, *7*, *9*); Северной Осетии (*3–6*), Южного Приуралья (*14* – Касьяновская стоянка, VII в. до н.э.); *15* – Алтая (случайная находка) и Западной Сибири второй половины I тыс. до н.э. (*10* – Быстровка; *11* – Арчекасский курган; *12–13* – Айдашинская пещера); *1–15* – бронза (*1–9* – по: Погребова, 1984; *10–13* – по: Троицкая, Бородовский, 1994; *14*, *15* – по: Членова, 1981).

С. 23, 24. Рис. 3) выделяет большую группу наверший с бубенчиками, они шаровидные (только на Северном Кавказе) или яйцевидные (последних в Ордосе и Сибири нет), простые или со срезанной нижней частью яйцевидного бубенца и, наконец, биконические. В Сибири из перечисленных форм есть только шаровидные навершья (Корсуково – рис. 3, *1*; р. Куда – рис. 7, *2*). Прорези в бубенце в упомянутых сибирских наверший – линзовидные, как почти у всех прикубанских рубежа VII–VI вв. до н.э. (IV тип наверший по: Переводчикова, 1980. С. 39. Рис. 3, *1–8*). Причем у навершья из Корсуково есть еще и треугольная прорезь на втулке, как у ряда келермесских наверший, так что они почти неотличимы (ср. рис. 3, *1* и Переводчикова, 1980. Рис. 3, *1*, *5*, *6*). Два шаровидных северокавказских навершья увенчаны фигурой оленя (рис. 10, *9*, *10*); шаровидное навершье из Ордоса также увенчано фигурой оленя, и на обломке навершья с р. Куда также была какая-то фигура (обломана; рис. 7, *2*; 10, *3*). Однако в Сибири и Ордосе есть прорезные навершья-бубенчики, где форма бубенчика в виде тела животного, и к этому бубенчику приделаны голова, ноги и хвост (рис. 4, *1*, *2*; 7, *1*, *3а*, *3б*, *4*; 10, *1–3*).

Таких наверший на Кавказе и в Европе совсем нет: все прорезные бубенчики там только увенчаны головой животного (быка), птицы или грифона (рис. 10, *5–8*) (Переводчикова, 1980. Рис. 4, *7–9*; 6, *4*, *5*). Нет на Кавказе и в Европе и ромбовидных прорезей в бубенчике (как в Восточной Сибири – в Корсуково и г. Илимске); наконец, в Сибири и Ордосе много наверший в виде целой объемной фигуры животного, без бубенчика на подставке, иногда с боковыми кольцами (рис. 7, *5*; рис. 5, *1–7*). На Кавказе и Украине таких нет, есть только на-

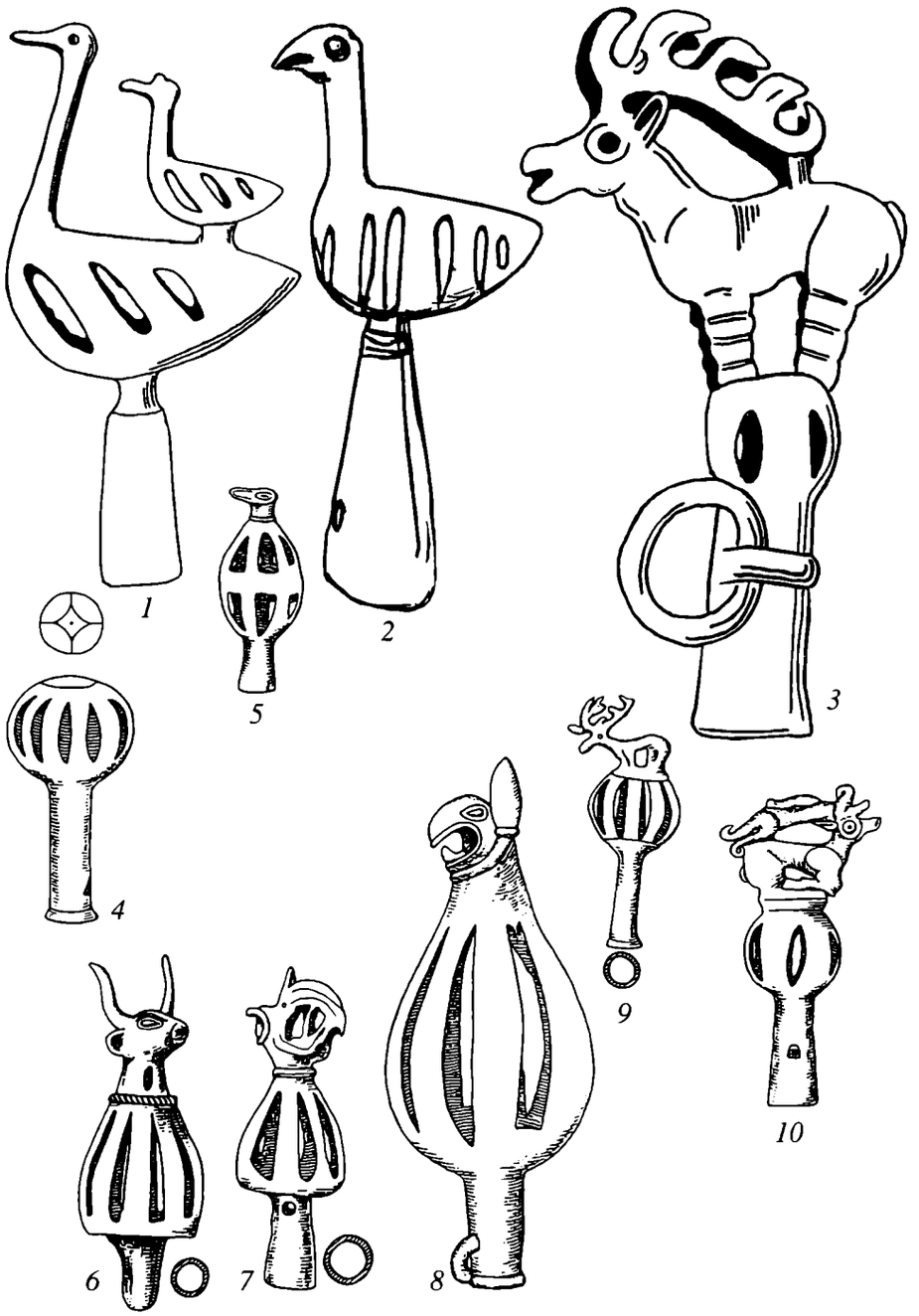


Рис. 10. Бронзовые навершья с бубенчиками. *1*, *3* – Ордос, точнее неизвестно; *2* – Северный Китай, провинция Хэбэй, близ границы с Внутренней Монголией; *4*, *8* – Келермес, кург. 1, 3; *6*, *7* – Ульский аул, кург. 1, 2; *5* – Поповка, кург. 5; *9* – ст. Махошевская; *10* – ст. Губская (*1* – по: Andersson, 1933; *2* – по: Археологические находки..., 1960; *3* – по: Salmony, 1933. *4–10* – по: Переводчикова, 1980). Масштабы изображений различны.

вершья-втулки с головой животного, иногда объемной (Переводчикова, 1980. Рис. 1, *1*, *4*, *5*), чаще – плоской (Переводчикова, 1980. Рис. 1, *6–8*) или с плоской фигурой животного на горизонтальной подставке (последние – поздние, IV– III вв. до н.э., тип II – по Переводчиковой, 1980. С. 32. Рис. 2, *1–6*). Все сказанное позволяет говорить о несомненно большем сходстве восточносибирских наверший с ордосскими, чем с кавказскими. Однако сходство тех и других слишком велико, чтобы быть случайным, особенно учитывая, что в Сибири и на Кубани есть шаровидные навершья простые и увенчанные фигурками оленей, почти тождественные, что и позволяет думать о связях этих территорий по пути, проходившем южнее зоны степей (т.к. в степях между Кавказом и Верхним Приобьем наверший нет).

Детальное рассмотрение Корсуковского клада позволяет говорить, что вещи из него, находя наиболее близкие (из ныне известных) параллели в бронзах Ордоса, отнюдь не являются копиями ордосских бронз. Изображения лосей – зверей лесной зоны, а также детали изображения зверей на корсуковском и илимском навершиях и подвеске – ромбические прорези в телах – бубенчиках, треугольные прорези в подставках, изображение глаз

и ноздрей в виде трубочек, положенных поперек морды, раздвоенные копыта, спускающиеся на подставку, – все это позволяет думать, что в Восточной Сибири, где-то неподалеку от тайги, существовала особая область "скифского" в широком смысле звериного стиля уже в VII–VI вв. до н.э. Попробуем ответить, где именно была эта область и можно ли отнести Корсуковский клад к какой-то из известных нам культур.

Корсуковский клад был найден в глухой тайге на р. Жуя, входящей в систему р. Олекма, правого притока Лены (см. карту). Местность эта очень слабо заселена и сейчас; по данным 30-х годов XX в., пригодная только для охоты и рыболовства (скотоводы якуты, пришедшие на Лену, разводят скот в широкой пойме Лены, ниже Олекмы). Климат этого района в средневековье суровый, резко континентальный, температура зимой – до –48.8°, летом – до +31.9° и вечная мерзлота делали его (вплоть до самого недавнего времени) непригодным ни для земледелия, ни для скотоводства. Ни о каком кочевническом населении, а тем более о прародине скифов в этом районе не может быть и речи. К тому же район этот труднодоступен и сейчас. Достаточно сказать, что трасса БАМ (Байкало-Амурской магистрали) проходит километров на 400 южнее и также по почти безлюдной местности. Сообщение с этим районом и сейчас – преимущественно по рекам, но навигационный период всего 4–5 месяцев в году (Ленско-Витимский золотоносный район, 1932. С. 78).

Как же и почему попал Корсуковский клад в эту глухую, безлюдную, суровую тайгу? Ответ напрашивается один: р. Жуя, где найден клад, – золотоносна и входит во всемирно известный Ленско-Витимский золотоносный район (Жуя, 1929. С. 987; Ленско-Витимский золотоносный район, 1932. С. 78, 79). Хорошо известно, какое значение приобрело золото уже в начале скифской эпохи (по сравнению с эпохой бронзы в наших степях, когда оно употреблялось крайне редко). Достаточно вспомнить общеизвестные золотые вещи из раннескифских курганов Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Приходилось уже высказывать предположение, что "торговый путь Геродота" из Северного Причерноморья на Южный Урал, маркируемый зеркалами ольвийского типа (Граков, 1947), был на самом деле путем за золотом, поскольку трудно найти другую причину, чтобы путешествовать в такую даль и брать с собой семь переводчиков, как сообщает Геродот (Членова, 1983. С. 60). Та же причина могла побудить людей Забайкалья или Прибайкалья отправиться на далекую и труднодоступную р. Жуя в глухой тайге, взяв с собой для обмена на золото художественные бронзы Корсуковского клада, которые по своей красоте и ценности не уступают ольвийским зеркалам. Обмен, может быть, не состоялся и вещи пришлось сложить в котел, "запечатать" глиной и зарыть в землю. Или обмен состоялся и клад был зарыт уже новым владельцем. Этого мы, видимо, уже никогда не узнаем. Но, к счастью, благодаря другим находкам из Прибайкалья можно довольно подробно проследить этот путь.

А именно, уже упомянутое навершье-бубенчик в виде козла, с теми же стилистическими особенностями, что и у лосей Корсуковского клада, найдено на месте поселка Илимск (рис. 7, *1*) на р. Илим, крупном правом притоке р. Ангара (сейчас Илимск залит водами Усть-Илимского водохранилища). От р. Илим близ Илимска до р. Лена близ пос. Усть-Кут – 120 км, – кратчайшее расстояние между бассейнами рек Ангара и Лена – "Илимский волок". Еще недавно здесь проходил тракт (шоссе) – (рис. 11). Наконец, самый южный участок древнего пути маркируется находкой уже упомянутого бубенчика, увенчанного какой-то фигуркой (рис. 7, *2*), с р. Куда, протекающей по Кудинской степи – небольшому степному островку в Прибайкалье, где известны плиточные могилы; недавно выяснено, что среди них есть и ранние, VIII–VI вв. до н.э. (Цыбиктаров, 1998. С. 103. Табл. 40, *7*). Может быть, отсюда и начинался путь на дальнюю р. Жуя, где найден Корсуковский клад. Он мог идти так, как идет сейчас Якутский тракт, – до по с. Качуг на Лене (откуда Лена – сплавная река). Но тогда Илимское навершье остается в стороне. Видимо, путь был более кружным: по р. Куда до впадения ее в Ангару и далее по Ангаре, может быть, до места, где ныне находится пос. Заярск, и оттуда пеший переход на р. Илим в месте, где находился уже упомянутый г. Илимск и где найдено навершье с фигуркой козла. Расстояние между пос. Заярск и г. Илимск – всего 60 км, сейчас между ними проложен тракт (см. карту). Это, видимо, оптимальное место перехода с Ангары на Илим, так как выше г. Илимск р. Илим несудоходна, а р. Ангара ниже Заярска была порожиста (сейчас здесь Братское водохранилище) (см.: Илим, 1931. С. 231; Заярск, 1952. С. 35). Дальнейший путь до р. Жуя описан выше.

Вещи Корсуковского клада находят некоторые параллели в культуре плиточных могил Забайкалья: это обломок котла "скифского типа" и "предмет неизвестного назначения" – парный крючок-подвеска к поясу, оба из могильника Тапхар (рис. 8, *4*) (Сосновский, 1941. Рис. 14, *5*), датируемого бронзовым ножом с валиковым навершьем раннетагарского типа (Сосновский, 1941. Рис. 13, *3*) и изображением такого же парного крючка-подвески с оленного камня из Монголии, где кроме этой подвески изображен еще кинжал с опущенными концами перекрестья (Сосновский, 1941. Рис. 18), форма которого находит близкую параллель в могильнике Тунчух (тагарская культура, раскопки Э.А. Севастьяновой, 1975), VII–

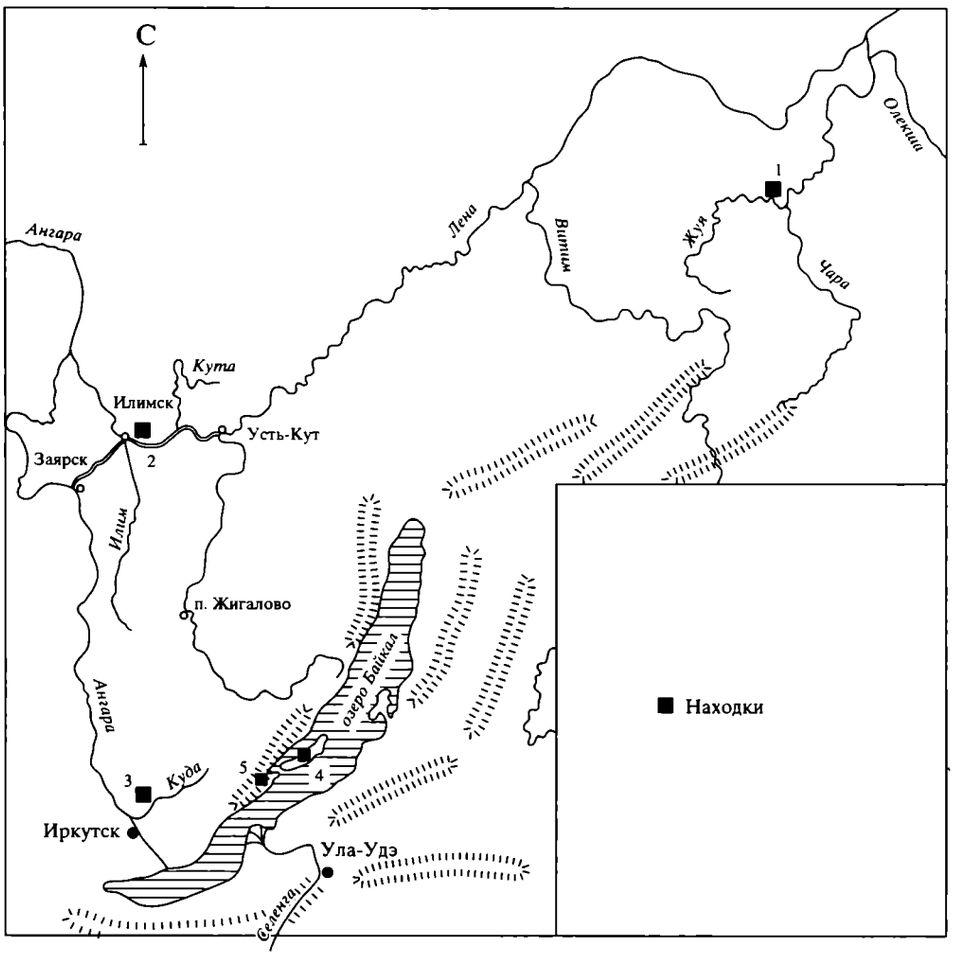


Рис. 11. *1* – Корсуковский клад; *2* – место находки илимского навершья; *3* – место находки навершья с р. Куда; *4* – плиточные могильники Хужир II и IV; *5* – плиточный могильник Куркут IV.

VI вв. до н.э. (Членова, 1997. Рис. 25, *3*). Известно, что плиточных могил раскопано много, но в огромном большинстве своем они ограблены. Все же в инвентаре плиточных могил были найдены золотые вещи: нашейное украшение из могильника "Ст. Оловянная" (Ступников, 1974), проволочный браслет и пронизка из могильника Барун-Кондуй, пронизка из могильника "Разъезд № 71" в Забайкалье (Евтюхова, Терехова, 1965; Цыбиктаров, 1998. Рис. 49, *5*; 51, *1*, *2*), золотые с бирюзой и головками баранов заколки для волос из могильника Тэвш-уул в Монголии (Волков, 1972. С. 555, 556; Цыбиктаров, 1998. Рис. 55, *4*, *5*). В.В. Волков (1972. С. 55) и А.Д. Цыбиктаров (1998. Рис. 96, *58*) справедливо датируют эти заколки скифской эпохой. Вспомним хотя бы золотых оленей и рыб, инкрустированных бирюзой из кургана № 5 могильника Чиликты в Восточном Казахстане, золотых с бирюзовыми глазами оленей из Гумарово в Приуралье VII–VI вв. до н.э. Правда, золотые вещи из плиточных могил в Восточном Забайкалье необязательно были из золота с Лены: совсем неподалеку располагались золотоносные районы Нерчинский, Шилкинский и другие со множеством золотоносных рек (см.: Золото, 1931. С. 174), а заколки из Тэвш-уул (Монголия, Увэрхангайский аймак) могли быть изготовлены из золота Юго-Западного Алтая. Но в недавние годы найдены неограбленные плиточные могилы и в Прибайкалье с инвентарем VII–VI вв. до н.э. Это могильники Хужир II и IV на острове Ольхон на Байкале и Куркут IV на западном берегу Байкала, напротив южной оконечности острова Ольхон (рис. 11). В могиле 1 могильника Куркут IV найден бронзовый трехлопастной черешковый наконечник стрелы. Авторы справедливо относят его к VII–V вв. до н.э. (Харинский и др., 1995. Рис. 6, *19*); такие наконечники широко распространены в азиатской части "скифского мира", от Казахстана до Тувы и Монголии. В частности, подобные наконечники найдены в плиточных могилах Западного Забайкалья (Кибалино, Ацай II, Боргой Сельгир), которые А.Д. Цыбиктаров (1998. Табл. 96, *80–82*. Рис. 64, *1*, *2*, *3*) справедливо относит к раннескифской эпохе. В могильнике Хужир IV, комплекс 9, найдена круглая бляха с "завитушкой" (Харинский и др., 1995. Рис. 6, *15*), близкие параллели которой есть как в плиточных могилах Забайкалья – Барун-Кондуй (Гришин, 1981. С. 134), так и в прекрасном комплек-

се – кург. 11 могильника Айрыдаш в Горном Алтае, куда входили также бронзовые удила со стремявидными концами, два "кубика" для перекрестья ремней и подпружная пряжка. Автор публикации справедливо относит этот комплекс к VII–VI вв. до н.э. (Кочеев, 2000. С. 21, 29, 30. Рис. 5). Такая же бляшка известна и в Ордосе (случайная находка; Egami, Mizuno, 1935. Pl. XVII, *13*). Наконец, в могиле 1 могильника Хужир II найдены две круглые бляшки в виде свернувшихся кошачьих хищников, соединенные сзади скобкой (Харинский и др., 1995. Рис. 6, *1*). Мотив свернувшегося кошачьего хищника очень широко распространен в "скифском мире", о нем существует целая литература (из последних сводок см.: Полидович, 1994). Хищники на бляшках из Хужира уже очень далеки от канона этого мотива, что диктовалось, видимо, как отдаленным место находки, так и датой: вряд ли они раньше VI в. до н.э. Но речь шла об одинарных бляхах со свернувшимися хищниками. Двойные бляхи со скобкой довольно редки в скифскую эпоху. В европейской части нашей страны они известны в новочеркасских памятниках и лишь одна найдена в скифском кургане. В Азии их больше: в плиточной могиле в Забайкалье у ст. Оловянная (Ступников, 1974; Членова, 1993. Табл. 102, *19*, *20*), обломок подобной же в двойной бляхи есть в кургане 4 могильника Элекмонар 2 в Горном Алтае в комплексе VII–VI вв. до н.э. (Степанова, 1996. Рис. 6, *4*, *9*, *11*, *12*), четыре бляшки из Монголии и одна из с. Шивера на р. Ангара (все – случайные находки скифской эпохи по их стилю – VI в. до н.э.). Отметим также, что сплавы металла вещей Корсуковского клада – бронзы с оловянно-свинцовой лигатурой, что характерно для Забайкалья в VII–VI вв. до н.э. (Сергеева, 1991. С. 206, 207). Все сказанное говорит о достаточно тесных связях культур плиточных могил Прибайкалья и Забайкалья в VII–VI вв. до н.э., о чем писали еще Л.П. Хлобыстин (1964. С. 14), А.В. Харинский и др. (1996. С. 77), Ю.С. Гришин (1995. С. 62), А.Д. Цыбиктаров (1998. С. 154–157). Люди культуры плиточных могил Прибайкалья также могли нуждаться в золоте и возможно, что именно они проложили путь на р. Жуя, где найден Корсуковский клад; хотя не исключено, что это могли быть и люди культуры плиточных могил Западного Забайкалья. Для этого они должны были пересечь Байкал.

Итак, Корсуковский клад является "выплеском" из более южных районов; очень вероятно, что он связан с культурами плиточных могил Прибайкалья и Забайкалья, в свою очередь тесно связанных с культурой плиточных могил Монголии и культурами Внутренней Монголии, Ордоса и степного некитайского населения Северного Китая. Другие "выплески" из Ордоса – это Тува (аржанские навершья) и Верхняя Обь (комплекс из с. Штабки). Причем в каждом случае проявлялись и черты местного звериного стиля.

Корсуковский клад датируется VII–VI вв. до н.э. и относится к определенной восточно-сибирской области "скифского" (в широком смысле) мира, которая входит в более обширный его регион, включающий кроме Забайкалья и Прибайкалья также Монголию и некитайские, кочевнические культуры народов Ордоса и Северного Китая. Никакого отношения к происхождению скифов Причерноморья и Северного Кавказа он не имеет[1].

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00-01-00423а и является расширенным текстом доклада на конференции: "Древность: историческое знание и специфика источника. М. 2000". Тезисы опубликованы (Членова, 2000б. С. 144–146).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.

Археологические находки в провинции Хэбэй при земляных работах 1960 года // Вэнь'у. 1960. № 2 (на кит. яз.).

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.

Бердникова В.И., Ветров В.М., Лыхин Ю.П. Скифосибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены // СА. 1991. № 2.

Боровко Г. Искусство доисторическое // Сибирская советская энциклопедия. Т. II. М., 1931.

Волков В.В. Раскопки в Монголии // АО–1971. 1972.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. М., 1997.

Граков Б.Н. Чи мала Ольвія торговелні зносини з Поволжям і Приураллям в архаічну і класичну епохи // Археологія. 1947. Т. I.

[1] Автор не может согласиться с мнением, что на Верхней Лене были степные участки, где и жили проникшие сюда люди культуры плиточных могил, о чем говорят находки Отонконского и Корсуковского кладов (Свинин, 1970. С. 70; Гришин, 1995. С. 63). Если это еще можно предположить для Отонконского клада, найденного в самом верхнем течении Лены, датируемого V–III вв. до н.э. и потому здесь не рассматриваемого, то Корсуковский клад нашли примерно в 600 км (по прямой) к СВ от северного побережья Байкала (рис. 11). "Предбайкальем" этот край назвать никак нельзя. Никаких признаков могильника или поселения здесь не обнаружено. Здесь и в скифскую эпоху была тайга.

Предупреждая возможные возражения, скажу сразу, что отнюдь не все находки бронз "скифского типа" в тайге есть следы древних золотоискателей: они найдены на поселениях (с керамикой) в районе Томска (Плетнева, 1976. С. 235; Мец, 2000. С. 134) и в могильнике в южнотаежном Прииртышье (Данченко, 1996). Найденные здесь бронзы (в зверином стиле), да и керамика обнаруживают сильное южное влияние: тагарской культуры (под Томском) или алтайское, опосредованное, через большереченскую и саргатскую культуры (Данченко, 1996. С. 103. Рис. 55, *18*; Могильников, 1989. С. 61). Дата всех этих находок – не ранее середины I тыс. до н.э. Золота в этих районах нет.

Гранат // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 12. М., 1953.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981.

Гришин Ю.С. Некоторые вопросы о памятниках культуры плиточных могил в Предбайкалье и на Байкале // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. Омск, 1996.

Евтюхова Л.А., Терехова Н.Н. Плиточные могилы Кондуйской долины // Новое в советской археологии. М., 1965.

Жуя, р. // Сибирская советская энциклопедия. Т. I. М., 1929.

Заярск // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 16. М., 1952.

Золото // Сибирская советская энциклопедия. Т. II. М., 1931.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Корсуковский клад // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995.

Илим, р. // Сибирская советская энциклопедия. Т. II. М., 1931.

Іллінська В.А. Скіфська вузда VI ст. до н.е. // Археологія. 1961. Т. XIII.

Іллінська В.А. Про скіфські навершники // Археологія. 1963. Т. XV.

Кисель В.А. Священная секира скифов. СПб., 1997.

Кочеев В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш в Горном Алтае // Древности Алтая. № 5. Горно-Алтайск, 2000.

Ленско-Витимский золотоносный район // Сибирская советская энциклопедия. Т. III. М., 1932.

Мец Ф.И. "Скифский" котел с зооморфными ручками из Томского Приобья // РА. 2000. № 4.

Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989.

Могильников В.А., Уманский А.П. Бронзовые котлы из Новотроицких курганов // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.

Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2.

Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

Плетнева Л.М. Предметы в зверином стиле в Среднем Приобье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском "зверином стиле" // РА. 1994. № 4.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

Свинин В.В. К вопросу о таежной бронзе Прибайкалья // ИВСОГО СССР. 1970. Т. 67.

Сергеева Н.Ф. 1991. О химическом составе изделий Корсуковского клада // СА. 1991. № 2.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Тр. ОИПК ГЭ. 1941. Т. I

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

Ступников Р.Н. Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской обл. // Бронзовый и железный век Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1974.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.

Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. 1970. № 2.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995.

Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

Членова Н.Л. Предыстория "торгового пути Геродота" (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах "скифского мира" // ПАВ. 1993. № 7.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Ч. I. М., 1997.

Членова Н.Л. Новые данные о связях Монголии и Северного Кавказа в скифскую эпоху // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову. М., 1999.

Членова Н.Л. Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // РА. 2000а. № 1.

Членова Н.Л. Являлись ли Прибайкалье, Ангара и Лена прародиной скифов Причерноморья и Северного Кавказа? // Древность: историческое знание и специфика источника. Матер. конф., посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского. М., 2000б.

Шедевры древнего искусства Кубани / Ред. Лесков А.М., Лапушнян В.Л. М., 1987.

Шлеев В.В. К вопросу о скифских навершиях // КСИИМК. 1950. Вып. 34.

Andersson J.G. Selected Ordos Bronzes // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 1933. № 5.

Egami N., Mizuno S. Inner Mongolia and the Region of the Great Wall // Archaeologia Orientalis. B. Series. Tokyo; Kyoto, 1935.

Gryaznov M.P. Der Grosskurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien. München, 1984.

Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London, 1941.

Janse O. L'Empire de Steppes et les relations entre l'Europe et Extrême-orient dans l'antiquite // Revue des Arts Asiatiques. 1935. T. IX. № 1.

Jettmar K. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1964.
Petrenko V.G. On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994.
Salmony A. Sino-Siberian Art. Paris,1933.
Volkov V.V. Early Nomads of Mongolia // Nomads of the Eurasian steppes in the Early Iron Age. Berkeley, 1996.

Was the Taiga on the Lena and Angara Rivers the Original Territory of the North Pontic Scythians?

N. L. Chlelonva

Summary

In the article the hoard is discussed found in taiga near the Korsukovo village in the Lena river basin, 600 km to the north-east from the Baikal lake. The assemblage is an intriguing monument of the Scythian epoch. It was published in 1991 by V.I. Berdnikova, V.M. Vetrov, and Yu.P. Lykhin and dated by the scholars from the 7th–6th cc. BC, being interpreted as an import to the taiga region from steppe area. In 1995 the hoard was published again by V.Yu. Zuev and R.B. Ismagilov who dated it to the late 9th–first half of the 8th cc. BC and claimed to be the earliest Scythian monument. The author of the present article questions the reliability of the paralleles drawn by V.Yu. Zuev and R.B. Ismagilov, correctness of the dates and cultural identification suggested. Having analyzed in details the artefacts comprised in the hoard, and pointed to numerous new analogies, the author concludes, that the assemblage displays strong relations with the culture of stone-slabs graves in steppe area of Cisbaikal and Transbaikal dated to the 7th–6th cc. BC It was brought to taiga on the Lena river in exchange of placer gold, extracted there since early times. Possible route from Cisbaikal to the Lena along the Angara tributaties is regarded, this way being marked by the finds similar to Korsukovo ones. The author defines the artefacts' style as East-Siberian variant of gripping animals style, closely connected with that of Mongolia, Ordos and some areas of North China inhabited by nomads. The conclusion is made that Korsukovo hoard has nothing in common with the origin of North pontic and North Caucasian Scythians.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 69–76

ГРЕЧЕСКИЕ АМФОРЫ ИЗ КРАСНОКУТСКОГО КУРГАНА

© 2001 г. А. Ю. Алексеев

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

В 1860 г. И.Е. Забелиным были частично исследованы насыпь, центральное захоронение и конская могила Краснокутского кургана, располагавшегося на правобережье Нижнего Днепра. Этот курган, высота которого достигала более 8 м, включается в настоящее время во все сводки погребальных памятников высшей скифской знати, не занимая в них, впрочем, места, сопоставимого с величайшими "царскими" курганами (Алексеев и др., 1991. С. 143. Табл. 2; Мозолевський, 1979. Табл. 4; Тереножкин, Мозолевский, 1988. Табл. 4; Болтрик, 1998). Тем не менее этот памятник давно вошел в разряд хрестоматийных для скифологии древностей и, несмотря на сокрушительное ограбление своей центральной катакомбы, ярко выделяется комплексом находок в насыпи (детали повозок, бронзовые навершия) и в конской могиле (серебряные уздечные украшения, некоторые из которых принадлежат группе изделий фракийского типа). Почти все обнаруженные в кургане материалы поступили в Эрмитаж и ныне хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири (коллекция Дн 1860 1/1-118). Отчет о раскопках, находящийся в рукописном архиве ИИМК РАН (Ф. 1. 1860. № 13), с некоторыми изменениями и с воспроизведением лишь части находок был опубликован во 2-м выпуске Древностей Геродотовой Скифии (1872). Полностью же коллекция представлена в монографии А.И. Мелюковой "Краснокутский курган", опубликованной в 1981 г. (Мелюкова, 1981) и фактически открывшей серию изданий результатов раскопок скифских "царских" гробниц, произведенных в XIX и в начале XX в. – Солохи, Чертомлыкского кургана, Келермесских курганов (Манцевич, 1987; Алексеев и др., 1991; Rolle et al., 1998; Галанина, 1997)[1]. А.И Мелюковой были проанализированы все группы источников по истории Краснокутского кургана – архивные данные, известные публикации и исследования, но в первую очередь – собственно вещевая коллекция.

Тем не менее в настоящее время оказалось возможным дополнить публикацию Краснокутского кургана важными архивными материалами. Среди находок, не поступивших в свое время в музей, судьба которых и сейчас остается неизвестной, числятся глиняные греческие амфоры и их фрагменты, обнаруженные И.Е. Забелиным в разных местах курганной насыпи и в центральном погребальном сооружении (Мелюкова, 1981. С. 103). Общеизвестно, что в последние годы именно греческие керамические изделия являются основным источником дат для скифской археологии и хронологии. Собственной надежной хронологической базы скифология так и не выработала и во многом находится в зависимости от античной хронологии. Поэтому, разумеется, чрезвычайно важна любая информация, касающаяся находок амфор в таких важных для скифологии памятниках, как Краснокутский курган.

В рукописном архиве ИИМК РАН хранится лист акварельных рисунков амфор и их фрагментов, которые были найдены, судя по надписи на обороте листа, в Толстой могиле у станции Краснокутской (Ф. Р-I. № 729. Л. 8). Эти рисунки, которые совершенно надежно сопоставляются с керамическими находками из Краснокутского кургана, не были широко известны исследователям, никогда ранее не воспроизводились и не использовались при датировке кургана. Несмотря на некоторые огрехи исполнения (например, форма ножек амфор воспроизведена неточно), вызванные отсутствием у рисовальщика должного опыта, оказалось возможным идентифицировать практически все изображения амфор (рис. 1).

По отчету И.Е. Забелина, в насыпи кургана и между камнями крепиды были встречены фрагменты разбитых амфор, в том числе в западной части траншеи среди камней цоколя было найдено горло амфоры с ручками. Еще одно горло амфоры было обнаружено во входном колодце катакомбы. В погребальной камере у восточной стены стояли в ряд восемь амфор, которые "были почти все равной величины, около $1^1/_4$ арш. вышиною". Рядом, у входа в грабительский ход, была обнаружена еще одна разбитая нижняя половина амфоры. То, что И.Е. Забелину удалось измерить высоту сосудов, противоречит, как будто бы, его же сообщению о том, что амфоры были уже раздавлены обрушившейся землей. Очевидно, некоторые из них все же достаточно хорошо сохранились, о чем и свидетельствуют их акварельные рисунки.

[1] На год раньше книги А.И. Мелюковой была опубликована монография Л.К. Галаниной о Курджипском кургане, также раскопанном в XIX в., но этот памятник относится все же не к собственно скифской, а к местной закубанской культуре IV в. до н.э. (Галанина, 1980).

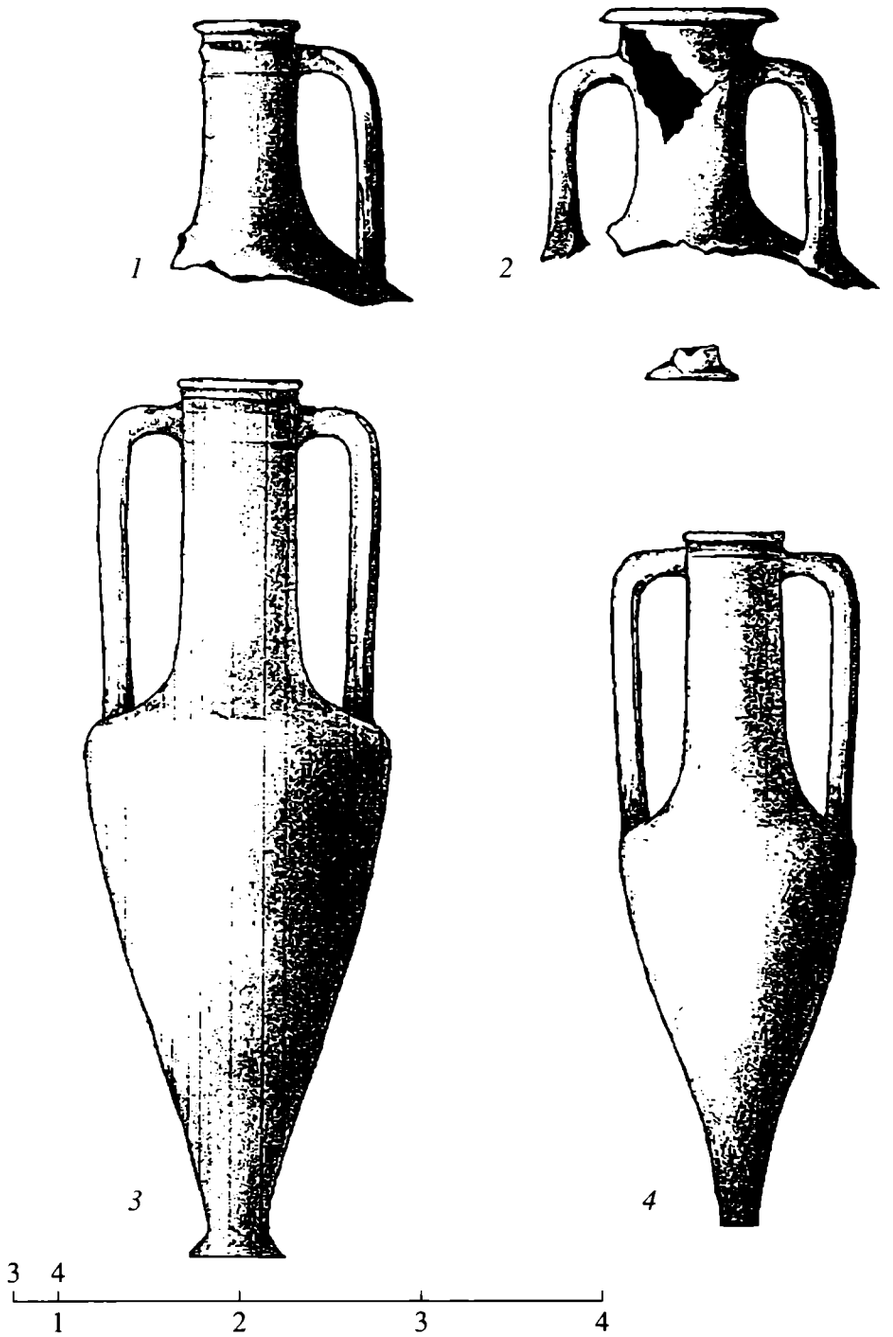


Рис. 1. Амфоры, найденные в Краснокутском кургане (рисунки из рукописного архива ИИМК РАН. Ф. Р-I. № 729. Л. 8). *1* – верхняя часть гераклейской амфоры; *2* – верхняя часть амфоры "рыжановского" типа и фрагмент ножки амфоры типа Солоха II; *3* – амфора типа Солоха II; *4* – гераклейская амфора.

Судя по надписям, сопровождавшим рисунки и полностью соответствующим тексту отчета, во входном колодце (который И.Е. Забелин называл "центральной ямой или главной гробницей") и в камнях крепиды Краснокутского кургана с западной стороны (рис. 1, *1* – "кувшин, найденный в гробнице"; *2* – "кувшин, найденный среди камней цоколя могилы") были обнаружены, соответственно, верхние части гераклейской амфоры и типа Солоха I с грибовидным венцом (так называемого "рыжановского" типа, выделенного С.Ю. Монаховым) и фрагмент ножки, возможно, принадлежавшей амфоре типа Солоха II, если судить по форме ножки такой амфоры на другом рисунке (рис. 1, *3*). В погребальной камере катакомбы (рис. 1, *3*, *4* – "кувшины, найденные в северном подземелье") находились амфоры типа Солоха II и гераклейские II типа, по И.Б. Брашинскому[2]. Учитывая конкретное указание И.Е. Забелина на высоту большинства амфор, стоявших у восточной стены камеры, соответствующую высоте амфор типа Солоха II на рисунке (около 90 см), можно допустить, что последних было больше ге-

[2] Благодарю за ценные консультации по этому вопросу С.Ю. Монахова, К.К. Марченко и Е.Я. Рогова.

раклейских, высота которых достигала приблизительно 70 см.

Исходя из современных разработок, хронология всех амфорных находок Краснокутского кургана может быть представлена следующим образом. Что касается амфор "рыжановского типа", то помимо эпонимного памятника аналогичные сосуды известны в комплексах IV в. до н.э., позднейшие из которых датируются, по С.Ю. Монахову, 330-ми годами до н.э. (Монахов, 1999. С. 423). Но при этом следует иметь в виду то, что дата собственно Рыжановского кургана (330–300 гг. до н.э.; см.: Алексеев, 1992. С. 154–157), в котором амфоры этого типа были обнаружены не только в обеих катакомбах, но и среди материалов тризны, в настоящее время пересмотрена С.А. Скорым в сторону некоторого омоложения – до первой четверти III в. до н.э. (Скорый, 1998). Поскольку хронология Рыжановского кургана важна для установления даты керамического комплекса Краснокутского кургана, необходимо прокомментировать новые тенденции в исследовании этого памятника.

В настоящее время Рыжановский курган блестяще раскопан Украинско-Польской экспедицией под руководством С.А. Скорого и Я. Хохоровского. Помимо того, что были сделаны дополнительные находки в боковой женской могиле обнаружено и исследовано неграбленное первичное мужское захоронение (Chochorowski, Skoryi, 1997; Chochorowski i i., 1997). Авторы раскопок, считая обе могилы кургана практически одновременными, датировали его, опираясь не только на археологическую, но и на радиоуглеродную хронологию, в рамках III в. до н.э. (Chohorowski i i., 1997. S. 90; 1998; Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin, 1999; Скорый, 1998). Но чрезвычайно тщательный анализ хронологической позиции вещевого комплекса Рыжановского кургана, предпринятый С.А. Скорым, в результате которого были выделены четыре группы вещевого инвентаря, позднейшая из которых может датироваться и первой четвертью III в. до н.э. (Скорый, 1998. С. 132), оказался плохо согласующимся с вероятными "субкалиброванными" радиокарбонными датами позднейшего деревянного "пенька" из центральной могилы (260–250-е гг. до н.э.) и опорного столба оттуда же (235–175 гг. до н.э.) (Chochorowski i i., 1998. S. 118; Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin, 1999. S. 295). С одной стороны, если допустить, что последние даты точны, придется или согласиться с отсутствием в самих могилах находок, даже приближающихся по времени к одному из "пеньков" и подпорному столбу, или подвергнуть существенной коррекции все современные представления о хронологии многих эталонных категорий изделий, включая и греческие. При этом сочетание некоторых амфор из тризны, также относящихся к разряду позднейших находок (например, двух вариантов с грибовидными венцами – "рыжановского" типа и типа "водяной могилы", по С.Ю. Монахову), аналогичное комплексу находок с усадьбы № 6 поселения Панское I, позволяет считать для них максимально возможной верхней границей 270-е годы до н.э. (ср.: Chochorowski, Skoryj, Grigor'ev, Rydzewski, 1999. Il. 2; Монахов, 1999. С. 497–509). С другой стороны, начало III в. до н.э. устанавливается по вещам, которые допускают в том числе и датировку самым концом IV в. до н.э. – лакримарий и перстень с золотым статером из впускной женской могилы, бляшки с личиной Медузы Горгоны с закрытым ртом из мужской. Даже ближайшая аналогия конской узде из центральной гробницы Рыжановки в могиле № 2 Хоминой Могилы, датированной по херсонесскому клейму Геродота 300–285 годами до н.э., еще не является безусловным свидетельством совершенно аналогичной даты Рыжановского кургана[3]. Весь комплекс данных о хронологии вещевого набора кургана свидетельствует все же о том, что в отношении времени совершения захоронения в настоящее время наиболее уверенно следует говорить о конце IV и начале III в. до н.э. (в пределах приблизительно 315–285 годов до н.э.).

Помимо этого есть еще одно важное обстоятельство, связанное с радиоуглеродной датировкой этого памятника. Из трех "пеньков", обнаруженных в первичной могиле, один (№ 2) был срублен, по данным авторов публикации, в IV в. до н.э., а два других – № 1 и 4, якобы, в III в. до н.э. Но определенное сомнение вызывает уверенность в том, что это единственно возможные решения. Анализ опубликованных таблиц (Chochorowski i i., 1998. Tab. VII, VIII) демонстрирует возможность получения иных результатов. Для всех "пеньков" оказывается вероятным их "изготовление" также и в IV в. до н.э. (приблизительно в третьей–начале четвертой четверти столетия), что сразу же снимает многочисленные вопросы и недоумения (проверка проводилась методом wiggle matching, программа OxCal v. 2.18). Близкие результаты получены и при анализе данных, касающихся подпорного столба из центральной катакомбы кургана, который авторы раскопок считают одним из позднейших предметов могилы (Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin, 1999. S. 295). Его могли срубить не только в конце III–начале II в. до н.э., как это демонстрирует анализ исследований Я. Хохоров-

[3] В этой связи следует, кстати, отметить, что вопреки мнению С.А. Скорого о датировке Хоминой Могилы первой четвертью III в. до н.э. (Скорый, 1998. С. 131) период 300–285 годов до н.э. (могила № 2), видимо, является лишь terminus ante quem центрального захоронения (если, разумеется, все могилы под насыпью разновременны), которое следует скорее осторожно отнести к самому концу IV в. до н.э. или рубежу IV–III вв. до н.э., и ничего не говорит о точной дате боковой могилы № 3, где были найдены бляшки, аналогичные рыжановским.

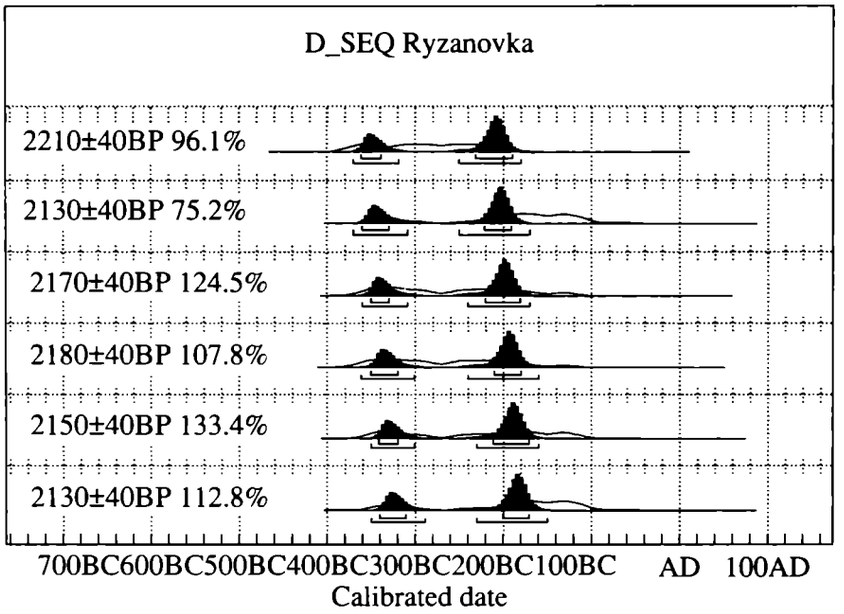


Рис. 2. Вероятные датировки подпорного столба из центральной катакомбы Рыжановского кургана (программа OxCal v. 2.18): левая позиция – около 340/335–310/305 гг. до н.э. (1 Sigma / 68.2% confidence) или 350/345–290/285 гг. до н.э. (2 Sigma / 95.4% confidence); правая позиция – около 200/195–170/165 гг. до н.э. (1 Sigma / 68.2% confidence) или 230/225–150/145 гг. до н.э. (2 Sigma / 95.4% confidence).

ского, Н. Ковалюха и В. Скрипкина, но и в конце IV–начале III в. до н.э. – в 340/335–310/305 гг. до н.э. (1 Sigma / 68.2% confidence) или в 350/345–290/285 гг. до н.э. (2 Sigma / 95.4% confidence) (рис. 2). Таким образом, амфоры "рыжановского типа" в действительности могут датироваться и более поздним временем, чем 330-е годы до н.э., но все же, видимо, не позднее 280-х годов до н.э.

Амфоры типа Солоха II из Краснокутского кургана наиболее близки находкам из Северного погребения Гайманової Могилы и из Чертомлыкского кургана, что позволяет надежно ограничить их дату рамками третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 389). При этом, если амфорный комплекс Гайманової Могилы С.Ю. Монахов относит к середине 330-х годов до н.э., то сооружение Чертомлыкского кургана датируется в настоящее время в рамках начала 330–начала 320-х годов до н.э., хотя поздняя дата при этом является все же более предпочтительной (Алексеев, 2001. С. 137–141).

Гераклейские амфоры по своим морфологическим особенностям несомненно являются более ранними, чем александропольские из бокового погребения (Алексеев, 1986; Монахов, 1999) и сопоставимы с образцами из Восьмого Пятибратнего кургана, что в настоящее время предполагает для них интервал между 340 и 315 годами до н.э. (Алексеев, 1992. С. 154). Таким образом, "узкий" период сочетания амфор Краснокутского кургана по современным представлениям можно скорее ограничить интервалом 330–320 годов до н.э. Но не следует исключать и того, что к этому временному отрезку следует относить только центральную катакомбу. Если под насыпью находилось неисследованное боковое погребение, то оно могло быть совершено и позднее, чему не противоречит находка в камнях крепиды фрагментированной амфоры "рыжановского типа".

Итак, получены новые чрезвычайно важные данные для хронологии позднейших скифских "царских" курганов. Тем не менее значение этих материалов для установления "узких" дат скифских гробниц, или времени их сооружения, не следует и переоценивать. Все более очевидным оказывается то, что даже при опоре на греческие изделия пределы датирования остаются достаточно ограниченными. Пожалуй, та точность, которая сейчас допустима при использовании этих источников, в наиболее благоприятных случаях достигающая одного-двух десятилетий, является максимально возможной. Даже в том случае, если какая-либо отдельная находка может быть датирована с точностью до года, эта дата вовсе не обязательно будет соответствовать дате сооружения могилы. При этом хронологический диапазон датированных изделий комплекса, включая и амфоры, оказывается обычно гораздо шире нескольких лет. Например, так произошло с коллекцией из Чертомлыкского кургана, в которой в настоящее время выделены амфорные находки и третьей четверти, и самого конца IV–начала III в. до н.э. (Алексеев, 2001). Во всех подобных случаях приходится подыскивать конкретные объяснения такой ситуации, связывая, как правило, поздние находки с обрядами, имевшими место уже после захоронения, или допуская сравнительно долгое предварительное использование вещей в быту.

Учитывая подобные обстоятельства, существенными можно признать несколько установленных хронологических закономерностей, являющихся в настоящее время обычными, хотя, разумеется, и не обязательными. Во-первых, археологическая дата погребального комплекса, в том случае, когда тем или иным способом датировано всего лишь несколько изделий, может оказаться древнее реальной даты совершения захоронения. Эта ситуация прямо противоположна той, которая отражает следствия более масштабных явлений – миграций, нашествий и т.п., когда археологически фиксируемые события и явления будут датироваться более поздним временем, чем события, их вызвавшие. Во-вторых, определение хронологии исключительно по столовой и парадной античной посуде, а в некоторых случаях и по амфорному материалу, дает также нередко заниженные датировки, обусловленные, например, бережным отношением к этим предметам как в эллинской, так и в варварской среде. Равным образом и установление даты исключительно по амфорам (используя и данные керамической эпиграфики), найденным за пределами погребальных камер (в насыпи или во впускных захоронениях, когда последовательность комплексов определена стратиграфией), может привести и к ее омоложению. В-третьих, поскольку хронология опорных предметов античного производства постоянно корректируется, можно ожидать и адекватных уточнений хронологии кочевнических комплексов Северного Причерноморья. В настоящее время наиболее актуальным направлением следует считать синхронизацию хронологических систем, построенных для разных греческих керамических центров, поскольку в некоторых случаях мы неожиданно сталкиваемся с парадоксальной асинхронностью амфорного материала, присутствующего в одном археологическом комплексе. Так, ярким примером из монографии С.Ю. Монахова (1999 г.) может служить курган 26 (1911 г.) Елизаветовского могильника, где даты гераклейских амфор фабриканта Сотера и магистрата Андроника расходятся почти на 30 лет – от 380-х до 350-х годов до н.э., или Деев курган, где разрыв между гераклейским клеймом и фабрикантским синопским может достигать 15 лет.

Именно поэтому при нынешней неизбежности опоры на античный импорт весьма насущным направлением хронологических изысканий является поиск иных методов и способов, лишенных посредников в лице греческих хронологических индикаторов и предоставляющих независимые данные для определения даты скифского памятника. К таковым, например, помимо все более широко распространяющегося в скифологии радиоуглеродного датирования можно отнести историко-биографический способ, основанной на идентификации курганов с гробницами известных скифских династов. Он пока еще весьма необычен, тем не менее на современном уровне исследований в сочетании с традиционными способами датирования может в некоторых случаях оказаться вполне эффективным. Базируется этот способ, во-первых, на списке известных в настоящее время скифских династов V–IV вв. до н.э. и установленных датах больших "царских" курганов (причем количество и тех и других оказывается вполне сопоставимым) и во-вторых, на характерных деталях погребального комплекса или присутствии в могиле особенно выразительных или необычных находок, вписывающихся в контекст определенных исторических событий. Так, для Чертомлыкского кургана в рамках применения этого способа предложены две даты – 339 г. до н.э. (захоронение Атея) и 329/328 г. до н.э. (могила анонимного царя, умершего, по Арриану, во время обмена посольствами с Александром Македонским) (ср.: Болтрик, Фиалко, 1994; 1995; Алексеев, 1992; 1994; 1996; 2001).

Как же соотносятся данные по амфорной таре с традиционными представлениями о хронологии Краснокутского кургана? А.И. Мелюкова датировала этот "царский" курган концом IV–началом III в. до н.э., полагая при этом, что он занимает промежуточное положение между Чертомлыкским и Александропольским курганами (Мелюкова, 1981. С. 105). Действительно, на относительной шкале эта гробница должна быть близка Александрополю, о чем свидетельствуют и две разновидности наконечников стрел, совершенно идентичные в обоих комплексах (Алексеев, 2000. С. 301). Это достаточно высокий показатель, так как чаще речь может идти лишь об одном тождественном типе в каждой паре сравниваемых памятников. Но при этом, если сохранившийся стрелковый набор из Краснокутского кургана демонстрирует наличие связей с такими курганами, как Куль-Оба, Деев, Кекуватского, то наконечники Александрополя – нет, что является дополнительным подтверждением правильности относительной хронологии, установленной А.И. Мелюковой.

Таким образом, дату Краснокутского кургана, определенную по греческим амфорам, можно прежде всего проверить или скорректировать по датам двух других памятников, один из которых древнее, а другой моложе Краснокутского. Под насыпью Чертомлыкского кургана, раскопанного в настоящее время полностью, выявлено два погребальных комплекса – Центральная и Северная могилы, представлявшие собой или разновременный (Алексеев и др., 1991), или одновременный ансамбль сооружений (Болтрик, Фиалко, 1994; 1995). В насыпи и окружавшей ее каменной крепиде во время исследований 1862–1863-х и 1980-х годов было найдено четыре амфорных фрагмента с клеймами херсонесского астинома Ксанфа, синопского астинома Бория, гераклейского магистрата Писистрата и неясного центра (Родос?) с прямоугольным клеймом и надписью

ΤΙΜΑΡ... (Алексеев и др., 1991; Полин, 1994). Сведения о местах находок клейм, которые позволили бы соотнести их с тем или иным погребальным комплексом, не всегда точны и определенны и не дают оснований безусловно увязать этих находки или со временем создания центрального погребального комплекса (за исключением, пожалуй, родосского клейма, найденного, возможно, в центральной части подкурганной поверхности), или Северной Могилы, или совершения поминальных ритуалов. Совокупная дата всех клейм – вторая половина IV в. до н.э., что же касается более точного их хронологического распределения, то оно в настоящее время таково: херсонесское клеймо Ксанфа – 315–300 годы до н.э. (Кац, 1994), синопское клеймо Бория группы 306–284 годы до н.э. (Федосеев, 1994), 310–285 годы (Conovici et al., 1989) или 299 г. до н.э. (Федосеев, 1999); неизвестное клеймо – не точнее, чем последние десятилетия IV–начало III в. до н.э.; гераклейское магистрата Писистрата: 350–325 годы до н.э. (Полин, 1994) или конец 340-х–первая половина 330-х годов до н.э. (Монахов, 1999)[4]. Установленная асинхронность керамических клейм может свидетельствовать о том, что одни из них (гераклейское) могут быть связаны хронологически с первичной могилой, а другие (синопское и херсонесское) – с впускной или позднейшими поминальными ритуалами. Поэтому я не могу безусловно согласиться с С.В. Полиным, который отнес все амфорные материалы (включая и происходящие из тризны) к третьей четверти IV в. до н.э. и даже ближе к середине этого столетия (Полин, 1991; 1994), поскольку в этом случае так и остается необъясненным отсутствие амфор, синхронных двум позднейшим чертомлыкским клеймам.

Поступившие в музей греческие керамические материалы из центрального погребального сооружения (камера V) – чернолаковая миска и фрагмент чернолакового килика, датируются 350–325/320 годами до н.э. (Алексеев, 1981; Алексеев и др., 1991). Дата "ядра" комплекса, включающая многие типы штампованных нашивных украшений, парадный воинский набор "троянской" серии, также относится к 350–320 годам до н.э., что не противоречит данным радиоуглеродного датирования нескольких фрагментов древков стрел (Зайцева и др., 1997; Zaitseva et al., 1997). Причем изготовление золотых накладок на горит и ножны скорее всего произошло после начала восточного похода Александра Великого (что дает основание установить 334 г. до н.э. в качестве terminus post quem) и было вызвано гипотетической дипломатической акцией боспорского правителя Перисада I, предпринятой незадолго до 328 г. до н.э. и направленной в адрес некоторых ближних и дальних соседей (Алексеев, 1987; Алексеев и др., 1991. С. 140, 141). Это заключение находит подтверждение в анализе изображений на ножнах "чертомлыкского" типа, позволившего А.К. Нефедкину отнести их создание ко времени после 331 г. до н.э. (Нефедкин, 1998). Присутствие некоторых относительно более поздних изделий (отдельные разновидности бляшек-аппликаций: розетки, личины Медузы, голова Диониса, мужская бородатая голова вправо монетного типа[5], наконечники стрел) указывает на "узкую" дату комплекса в пределах последней трети IV в. до н.э. (Алексеев, 1987). Таким образом, согласно археологическим данным, сооружение центрального погребального комплекса можно совершенно уверенно относить к широкому периоду 350–320 годов до н.э. В этих рамках, как уже упоминалось, предложены две точные даты – "ранняя" (339 г. до н.э.), по Ю.В. Болтрику и Е.Е. Фиалко, и "поздняя" (329/328 г. до н.э.), по А.Ю. Алексееву. Но более предпочтительным, учитывая даты некоторых указанных выше находок, все же следует считать начало последней трети IV в. до н.э. (интервал в 10–15 лет между 334/331–325/320 гг. до н.э.). Для определения времени сокрушительно ограбленной Северной могилы Чертомлыкского кургана надежные данные практически отсутствуют.

Под насыпью Александропольского кургана было совершено несколько (по крайней мере два, но возможно, и три) последовательных или одновременных захоронений (последняя точка зрения высказана Ю.В. Болтриком (1997). В боковой и позднейшей могиле кургана обнаружены две гераклейские амфоры с клеймами МН и ΕΤΥ/ΜΟΥ, которые в целом датируются последними десятилетиями IV в. до н.э.–рубежом IV–III в. до н.э. (Алексеев, 1986. С. 35), а по В.И. Пругло, даже временем не позже 20-х годов IV в. до н.э. (Пругло, 1972. С. 17). Еще более раннюю дату для клейм Етюма – 30-е годы IV в. до н.э. – сначала предложил С.Ю. Монахов (Монахов, 1993; Monahov, 1995/1996. P. 48). Позднее он, правда, скорректировал эту дату, отодвинув ее к концу IV в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 438). Во входном колодце центральной могилы был найден фрагмент гераклейской амфоры с клеймом АΨΟΓ(О), также конца IV в. до н.э. (Алексеев, 1986. С. 35, 36).

[4] Весьма любопытно, что в очевидное противоречие с текстом работы С.Ю. Монахова вступают данные его таблицы синхронизации клейм гераклейских, фососских и синопских магистратов, в которой гераклейский магистрат Πισ ί στρατος отнесен к 329 г. до н.э. (!). Эта дата, притом, что сам С.Ю. Монахов допускает вероятность погребения в кургане в 339 г. до н.э. царя Атея, удивительно точно совпадает с той более поздней датой захоронения, что было предложена мною.

[5] Среди перечисленных типов особенно важны две разновидности – розетка и личина Медузы, оттиснутые тем же штампом, что и аппликации, найденные в 1-й жженой гробнице ("а") Большой Близницы, датируемой посмертным статером Александра Македонского последним десятилетием IV в. до н.э. (Зограф, 1945).

Клейма Етюма (в варианте с лунарной сигмой ETY/MOC) были обнаружены на Елизаветовском городище в подвале 1993 г. в достаточно надежном закрытом комплексе первых десятилетий III в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 489, 490). В кург. 4 (1909 г.) Елизаветовского могильника клеймо, аналогичное александропольскому, сочетается с греческими сосудами второй половины IV в. до н.э. (позднейший из них – чернолаковый канфар – датируется 320–310 гг. до н.э. (Брашинский, 1980. № 120, 134, 203). Можно было бы допустить разновременность амфор из погребений Александрополя, но известен один комплекс, опубликованный С.Ю. Монаховым – с Беглицкого некрополя (комплекс XII, представляющий, вероятно, остатки тризны), где клейма Етюма и Апсога встречены совместно, к тому же вместе с херсонесским клеймом Аполлонида I (группа IA), которое датируется, по В.И. Кацу, 325–315 годами до н.э. С.Ю. Монахов считает, что херсонесское клеймо может быть несколько старше гераклейских (Монахов, 1999. С. 431, 432). Последнее обстоятельство свидетельствует, во-первых, о хронологической близости комплексов Александрополя, а во-вторых, о том, что все погребения этого кургана могли быть совершены между 320 и 300 годами до н.э.

Таким образом, все имеющиеся в настоящее время данные позволяют отнести дату известного комплекса Краснокутского кургана, исследованного И.Е. Забелиным в 1860 г., приблизительно к десятилетию между 330 и 320 гг. до н.э.

Работа выполнена при поддержке гранта INTAS, проект № 97-20362.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана (по керамическим материалам) // АСГЭ. 1981. Вып. 22.

Алексеев А.Ю. Греческая керамика из Александропольского кургана // СГЭ. 1986. Вып. 51.

Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. 1987. Вып. 28.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э., историко-археологический очерк). СПб., 1992.

Алексеев А.Ю. Большие "царские" курганы V–IV вв. до н.э. в Европейской Скифии, хронология и толкования // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Материалы "Круглого стола". СПб., 1994.

Алексеев А.Ю. Скифские цари и "царские" курганы V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1996. № 3.

Алексеев А.Ю. Наконечники стрел из Александропольского кургана и их значение для истории скифских древностей IV в. до н.э. // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000.

Алексеев А.Ю. Когда и кто был погребен в Чертомлыкском кургане? // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Матер. Междунар. научн. конф. Ч. 2. СПб., 2001.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.

Болтрик Ю.В. Про місце жіночих поховань в курганах скіфськоі еліти // Археологія. 1997. № 1.

Болтрик Ю.В. Попытка социальной стратификации Скифии второй половины IV в. до н.э. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. конф. (22–26 ноября 1998 г.). Ростов-на-Дону, 1998.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Курганы царей Скифии второй половины IV в. до н.э. Поиск исторических реалий // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Материалы "Круглого стола". СПб., 1994.

Болтрик Ю.В., Фіалко Е.Е. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. (пошук історичних реалій) // Археологія. 1995. № 2.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.

Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. "Царские" погребения раннескифской эпохи. М., 1997 (Степные народы Евразии. Т. 1).

Древности Геродотовой Скифии. Вып. 2. (Материалы по археологии России). СПб., 1878.

Зайцева Г.И., Посснерт Г., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Семенцов А.А. Радиоуглеродные даты ключевых памятников Европейской Скифии // Радиоуглерод и археология. 1997. Вып. 2.

Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // Труды Отдела истории и искусства античного мира. Т. 1. Л., 1945.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л., 1987.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979.

Монахов С.Ю. К хронологии Александропольского кургана // 2-я Кубанская археол. конф. Тез. докл. Краснодар, 1993.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999.

Нефедкин А.К. Сцена боя на золотой обкладке ножен акинака из Чертомлыка и военная реформа Дария III, к вопросу об интерпретации изображения // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Матер. научн. конф., декабрь 1998. СПб., 1998.

Полин С.В. Амфоры кургана Чертомлык // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.

Полин С.В. Еще раз об амфорах кургана Чертомлык // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994.

Пругло В.И. Энглифические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекия // КСИА. 1972. Вып. 130.

Скорый С.А. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана // Materialy i sprawozdania. Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. T. XIX. Rzeszów, 1998.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Федосеев Н.Ф. Хронология синопских магистратских клейм // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. II. Запорожье, 1994.

Федосеев Н.Ф. Елизаветовское городище – Псоя – Танаис // Донская археология. 1999. № 3–4.

Chochorowski J., Kovaljuch N., Skripkin V. Subkalibrowane datowanie radiowęglowe grobowca "księcia" scytyjskiego z Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // Materialy i sprawozdania. Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. T. XIX. Pzeszów, 1998.

Chochorowski J., Kovaljuch N., Skripkin V. Nowe dane do chronologii radiowęglowej kurhanów grupy ryżanowskij // Materialy i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. T. XX. Rzeszów, 1999.

Chohorowski J., Skoryi S. Prince of the Great Kurgan // Archaeology. 1997. September/Oktober.

Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. Centralny pochywek Wielkiego kurhanu Ryżanowskiego // Materialy i sprawozdania. Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. T. XVIII. Rzeszów; Krosno; Sandomirz; Tarnów, 1997.

Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego – etap końcowy (sezon 1998) // Materialy i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. T. XX. Rzeszów, 1999.

Conovici N., Avram A., Bordea G. Nouveaux timbres amphoriques sinopéons de Callatis // Dacia. NS. 1989. XXXIII. 1–2.

Monahov S.Yu. La chronologie de quelques kourganes de la noblesse scythe du IV siècle av. N.È. du littoral septentrional de la mer Noire // Il mar Nero. 1995/1996. II.

Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju. Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. Vorchristlichen Jahrhunderts (Hamburger Forschungen zur Archäologie. 1.1997). Teilband I–III. Mainz, 1998.

Zaitseva G.I., Possnert G., Alekseev A.Yu., Sementsov A.A., Dergachev V.A. The First Radiocarbon Dates of Monuments in European Scythia // ^{14}C Groningen. Book of abstracts. 16th International Radiocarbon Conference. June 16–20, 1997.

Greek Amphorae from Krasnokutsky Burial Mound

A. Yu. Alekseev

Summary

In the article unknown drawings of Greek amphorae originating from Krasnokutsky barrow are published. The burial mound constructed over the "royal" Scythian grave was excavated by I.E. Zabelin in 1860, the drawings are preserved in the Institute of History of Material Culture, Manuscript department (St. Petersburg). Several types of amphorae are depicted in the drawings: Solokha I type (the variant of Ryzhanovsky barrow), Solokha II type, as well as Heraclean ones. The amphorae are now lost, therefore their images represent the most reliable source for establishing chronology of Krasnokutsky barrow. The recent ideas on the chronology of the vessels in question permit us to date the assemblage back to 330–320 BC, thus confirming its relative chronology suggested by A.I. Melyukova in 1981. Krasnokutsky mound (its central burial anyway) should be dated later than Chertomlyk barrow (its chronology points to 329/328 BC), and earlier than Aleksandropol barrow (terminus ante quem 320–300 BC).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 77–91

ЕВРОПЕЙСКИЕ АЛАНЫ И АЛАНЫ-ТАНАИТЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

А. В. Симоненко

Институт археологии НАН Украины, Киев

В обширной историографической традиции степные древности финальной фазы позднесарматского периода (вторая половина III–IV в. н.э.) устойчиво идентифицируются с аланами. Основным письменным источником для этого служит сочинение Аммиана Марцеллина, где неоднократно упоминаются аланы-танаиты (XXXI, 3, 1), аланы-"прежние массагеты" (XXXI, 2, 12), аланы (XXXI, 2, 13), европейские аланы (XXII, 8, 42). Однако один из ведущих исследователей древностей этого времени С.И. Безуглов справедливо заметил, что данные текста Аммиана Марцеллина, написанного в самом конце IV в. н.э. о событиях третьей четверти этого столетия, часто некорректно экстраполируются на более древнюю эпоху I–III вв. н.э. (Безуглов, 1990. С. 80). Внимательно проанализировав источники, он пришел к верному, на мой взгляд, выводу о том, что ретроспектива данных Аммиана Марцеллина возможна лишь до середины III в. н.э., но не ранее (Безуглов, 1990. С. 86). Таким образом, мы будем исходить из той посылки, что для археологических памятников финальной фазы позднесарматского периода использование данных Аммиана Марцеллина практически корректно с поправками на географические и хронологические подробности.

Собственно исследованию я хотел бы предпослать небольшой этюд о периодизации сарматских памятников Северного Причерноморья и их соотношении с европейской хронологической шкалой[1]. Это необходимо не только потому, что подобная работа по исследуемому региону проделана впервые (Симоненко, 1999. С. 64–67), но и для ориентации читателя в буквенных обозначениях хронологических фаз сарматского времени, которые будут встречаться ниже.

Наиболее ранние европейские и восточные импортные изделия в сарматских памятниках Северного Причерноморья относятся ко II–I вв. до н.э. Это фибулы среднелатенской схемы (скрепленные и "неапольские" подвязные), шлемы южногреческие и Монтефортино, ситулы Эггерс 21–23, редкие образцы буролаковой керамики, ближневосточное серебро. Эти вещи диагностируют в целом ступень D Латена или фаз A_1–A_3 позднего предримского времени европейской хронологии. По периодизации сарматской культуры они совпадают с раннесарматским периодом. При попытке подразделения на более дробные хронологические отрезки корреляционным методом мы встречаем определенные трудности. Одна из них состоит в том, что погребальный обряд практически не меняется на протяжении всего раннесарматского периода. С другой стороны, хроноиндикаторы требуют детализировать хронологию. Так, крупные скрепленные фибулы В-Костшевский, преобладающие в раннесарматских памятниках, датируются в комплексах оксывской и пшеворской культур первой половиной II в. до н.э. (Dąbrowska, 1988. S. 302), а более мелкие – второй половиной II–первой половиной I в. до н.э. (Dąbrowska, 1988. S. 305). Но, как говорилось, сарматские погребения и с теми, и с другими по остальным признакам не различаются. Не отличаются от них и погребения с фибулами "неапольского" варианта I в. до н.э. и с "воинскими" фибулами конца I в. до н.э.–начала I в. н.э. Иными словами, несмотря на смену модных типов вещей, в раннесарматское время население, пользовавшееся ими, оставалось одним и тем же. Более того, доминирующий в Северном Причерноморье погребальный обряд – впускные погребения в открытых ямах, ориентированные в северном секторе, – не менялся вплоть до середины I в. н.э., когда вместе с мигрантами с востока появились могильники с основными погребениями и иными типами погребальных сооружений. Поэтому, объединив памятники II в. до н.э.–первой половины I в. н.э. в одну ступень (А), предлагается выделять среди них хронологические фазы: А1 – с фибулами В-Костшевский первой половины II в. до н.э., А2 – с мелкими скрепленными и "неапольскими" фибулами, А3 – с хроноиндикаторами первой половины I в. н.э. ("воинские" фибулы и лучковые подвязные 1-го варианта 1-ой серии, фибулы "бойев"). Следует обратить внимание на то, что хроноиндикаторы каждой фазы ни разу (кроме находки в Солонцах: Симоненко, 1993. С. 15–18) не встречены

[1] Шкала эта не является неким статичным целым, постоянно уточняется и изменяется в силу поступления нового материала, подчиняясь общему прогрессу научного знания. В данной работе используются главным образом шкалы Р. Волонгевича (Wołagiewicz, 1970) и М.Б. Щукина (Shchukin, 1989. Fig. 28).

в одном комплексе. Таким образом, фазы А1–А2 сарматской культуры Северного Причерноморья совпадают с поздним предримским, а фаза А3 – с ранней фазой раннеримского времени в Средней Европе.

Более монолитно выступает следующая группа хроноиндикаторов: римская и провинциальная металлическая посуда, прямоугольные зеркала, фибулы раннеримских и западных типов, броши, подвязные (2-го и 3-го вариантов 1-ой серии, "лебяжьинские"), "маркоманнские" пряжки и их дериваты, краснолаковая керамика, определенные формы стекла, фаянсовые пронизи-амулеты. Ковши, тазы, кувшины и цедилки типов Эггерс 100, 102, 139, 140, 144, 160, характерные частью для ступени В1, а в основном – В2 европейской хронологии, совпадают с датой остальных перечисленных индикаторов и в свою очередь – с признаками погребального обряда, характеризующими культуру населения среднесарматского времени. Таким образом, начальной датой следующей ступени (Б) относительной хронологии сарматской культуры Северного Причерноморья, совпадающей в целом со ступенью В2 европейской хронологии, следует считать 50/70 гг. н.э. Что касается ее конечной даты, то она немногим более ранняя, чем дата финала ступени В2 (170 г. н.э.), – во всяком случае памятники следующего, позднесарматского, периода не появляются раньше второй половины II в. н.э. Ряд сопоставимых фактов – гибель позднескифских городищ Нижнего Днепра и фортов Ольвийского государства, события 157 г. н.э. на дунайской границе и археологический материал – позволяют предполагать, что начало позднесарматского периода приходится на время правления Антонина Пия, а точнее – на 150-е гг. н.э.

Следующую фазу развития сарматской культуры диагностируют фибулы с высоким приемником, обычные для Средней Европы, где они датируются фазой С1 римского времени, т.е. в пределах 168/180 (Raddatz, 1957. S. 145–149) – 250/260 гг. н.э.; лучковые подвязные 4-го и 5-го вариантов 1-й серии (немногим боле ранние); сильнопрофилированные застежки западных и причерноморских типов. К надежным хроноиндикаторам следует отнести зеркала-подвески с орнаментом или тамгой на обороте, длинные мечи с рукоятью-штырем, стеклянные приземистые кубки на поддоне, наременную металлическую гарнитуру, подвески-"бигуди", амфоры "неапольского" типа. В сочетании с новыми чертами погребального обряда хроноиндикаторы определяют рамки этой фазы (В1) в пределах второй половины II–первой половины III в. н.э., что в общих чертах синхронно ступени С1 римского времени по европейской хронологии.

Хроноиндикаторами следующей фазы (В2а) являются лучковые подвязные фибулы 1-го и 3-го вариантов 3-ей серии, амфоры "танаисского" типа, умбон типа Кожень, полихромные серебряные с позолотой украшения "сердоликового" стиля, зеркала типа Чми-Бригеццио. Дата ее может быть определена в пределах второй половины III–начала IV в. н.э. В европейской хронологической шкале ей соответствуют ступень С2 (260–290 гг.) и начало ступени С3.

Прогнутые подвязные фибулы "черняховской" серии, костяные гребни, пряжки типа Келлер А-В-С, амфоры "инкерманского" типа, конические стеклянные кубки, украшения в стиле клуазоне встречены в наиболее поздних комплексах фазы В2б, синхронизирующихся с концом ступени С3 европейской шкалы (350/380 гг.).

Таким образом, в Северном Причерноморье раннесарматский период (А1-3) синхронен ступени А позднего предримского и В1 раннего римского времени; среднесарматский (Б) частично соответствует ступени В2; начальная фаза позднесарматского периода (В1) начинается несколько раньше ступени С1, но в целом синхронна ей, а финальные фазы этого периода (В2*а* и В2*б*) – ступеням С2 и С3 европейской хронологии.

В хронологических рамках статьи нас интересуют памятники двух последних фаз. Их количество невелико (24 пункта, 64 погребения). Интересны морфология и топография рассматриваемых памятников. Одна часть их (впускные, реже – одиночные основные могилы) расположена на востоке Левобережья с СЗ на ЮВ к Дону. Вторая часть (могильники с основными погребениями, реже – одиночные курганы) концентрируется в низовьях Дуная. В центральной части Украины и практически во всей Молдове (рис. 1) сарматских памятников этого времени нет[2] (историческое объяснение этому явлению см. ниже). Преобладают монолитные в типологическом отношении основные погребения, редкие впускные могилы типологически неустойчивы. Погребальные сооружения трех типов[3]: ямы в целом подпрямоугольных очертаний, ямы с подбоями и катакомбы. Первые немногочисленны (Балки, к. 12; Балковский курган; Богодар; Лихачевка; Новые Санжары), в основном впускные и производят впечатление памятников населения предшествующего времени. Подбои финальной фазы отличаются от более ранних по многим параметрам. Прежде всего, наряду с катакомбами они становятся ведущим типом погребального сооружения поздних сарматов (около 30%). Изменяются их конструктивные особенности. Входные ямы по форме, как правило, ближе к прямоугольнику, камеры широкие, прямоугольные, иногда трапе-

[2] В статье не рассматриваются многокомпонентные и сложные памятники Крыма этого времени (могильники типа Инкерман, Дружное, Нейзац и пр.), этническое определение которых дискуссионно.

[3] Тип погребального сооружения некоторых памятников (Нещеретово, Прелестное, Соколово) неизвестен.

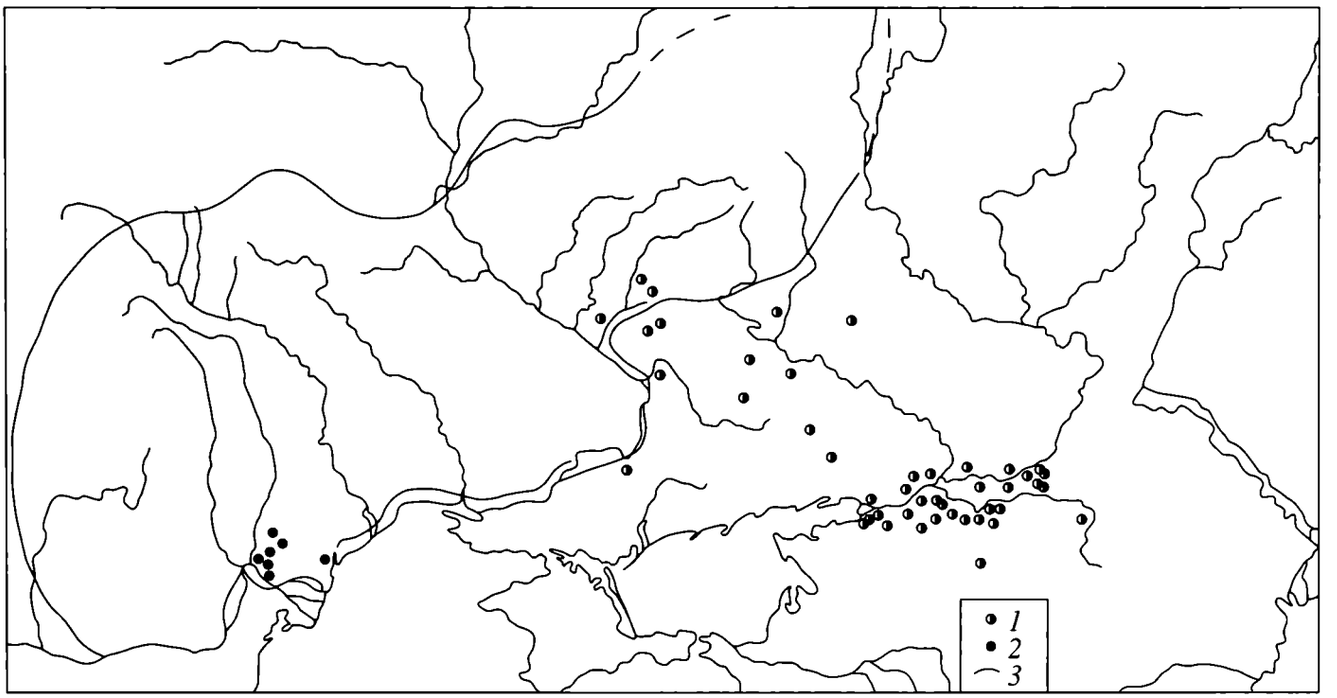


Рис. 1. Северное Причерноморье в финальной фазе позднесарматского периода (вторая половина III–IV в. н.э.). *1* – памятники аланов-танаитов; *2* – памятники европейских аланов; *3* — ареал черняховской культуры.

циевидные (рис. 2, *б*). Катакомбы характерны для финальной фазы, на начальной (вторая половина II–середина III в. н.э.) они отсутствуют. Из 32 погребений[4] 19 относятся ко II типу по К.Ф. Смирнову (1972. С. 74), 7 – к близкому ему III, 4 – к I типу, типологическая позиция двух погребений неопределима. Камеры катакомб III типа (могильник Фрикацей) настолько мало смещены под углом по отношению к оси входной ямы, что близость их II типу очевидна (рис. 2, *2*).

Таким образом, среди позднесарматских катакомб Северо-Западного Причерноморья наиболее распространены конструкции II типа по К.Ф. Смирнову. В этом отношении данный регион отличается от Нижнего Подонья (рис. 3; 4). Там не наблюдается подобной унификации, конструкции катакомб более разнообразны, часты катакомбы I и III типов (Bezuglov, 1995. P. 326).

Отдельно следует остановиться на глубине камер подбойных и катакомбных могил – от 3 до 5 м. Судя по составу инвентаря (или его остатков, так как большинство катакомб ограблено), глубина погребального сооружения находилась в прямой зависимости от социального статуса погребенного.

Примечательно различие левобережных и придунайских катакомб. Левобережный массив типологически неустойчив: здесь представлены могилы и I, и II типов, а также конструкции, вообще не вписывающиеся в схему К.Ф. Смирнова (рис. 5). С другой стороны, придунайский массив удивительно монолитен в типологическом отношении (рис. 2). В сочетании с устойчивым набором инвентаря это явление отражает принадлежность рассматриваемых сооружений родственной группе населения.

Вещевой комплекс памятников богат, разнообразен и обладает хорошими датирующими возможностями. Среди вооружения показательны железные ручка и умбон щита из к. 17 могильника Курчи (рис. 6, *1*). Умбон с полусферическим слегка заостренным шипом, сужающейся калоттой и плоским рантом типа Кожень (Каргопольцев, Бажан, 1992. С. 116) или К2 по Н. Цилингу (Zieling, 1989. Taf. 24). Он считает временем бытования таких умбонов фазу С2, что в абсолютных датах соответствует второй половине III в. н.э. (260–290 гг.).

Фибулы из рассматриваемых погребений двух основных типов – лучковые подвязные 3-й серии и прогнутые подвязные "черняховские". Первые представлены несколькими вариантами. Застежки 1-го варианта с массивной дужкой и гладкой ножкой, 2-го – с плоской дужкой, причем дужка и ножка орнаментированы фацетировкой или гравировкой (рис. 7, *1–4*). По общему мнению, такие фибулы характерны для причерноморских памятников второй половины III–начала IV в. н.э. (Bezuglov,1995. P. 327). Застежка редкого 3-го варианта со спинкой в виде пластины, поставленной на ребро (рис. 8, *1*), найдена в могильнике Кубей вместе с пряжкой, характеристики которой предполагают дату не ранее середины IV в. н.э. "Черняховских" фибул известно две (Кубей, шахта

[4] Сложные подземные конструкции из Дмухайловки и Прядовки, возможно, относятся к позднесарматскому времени, но из-за полного ограбления их культурная принадлежность однозначно неопределима. Поэтому я исключаю их из анализа.

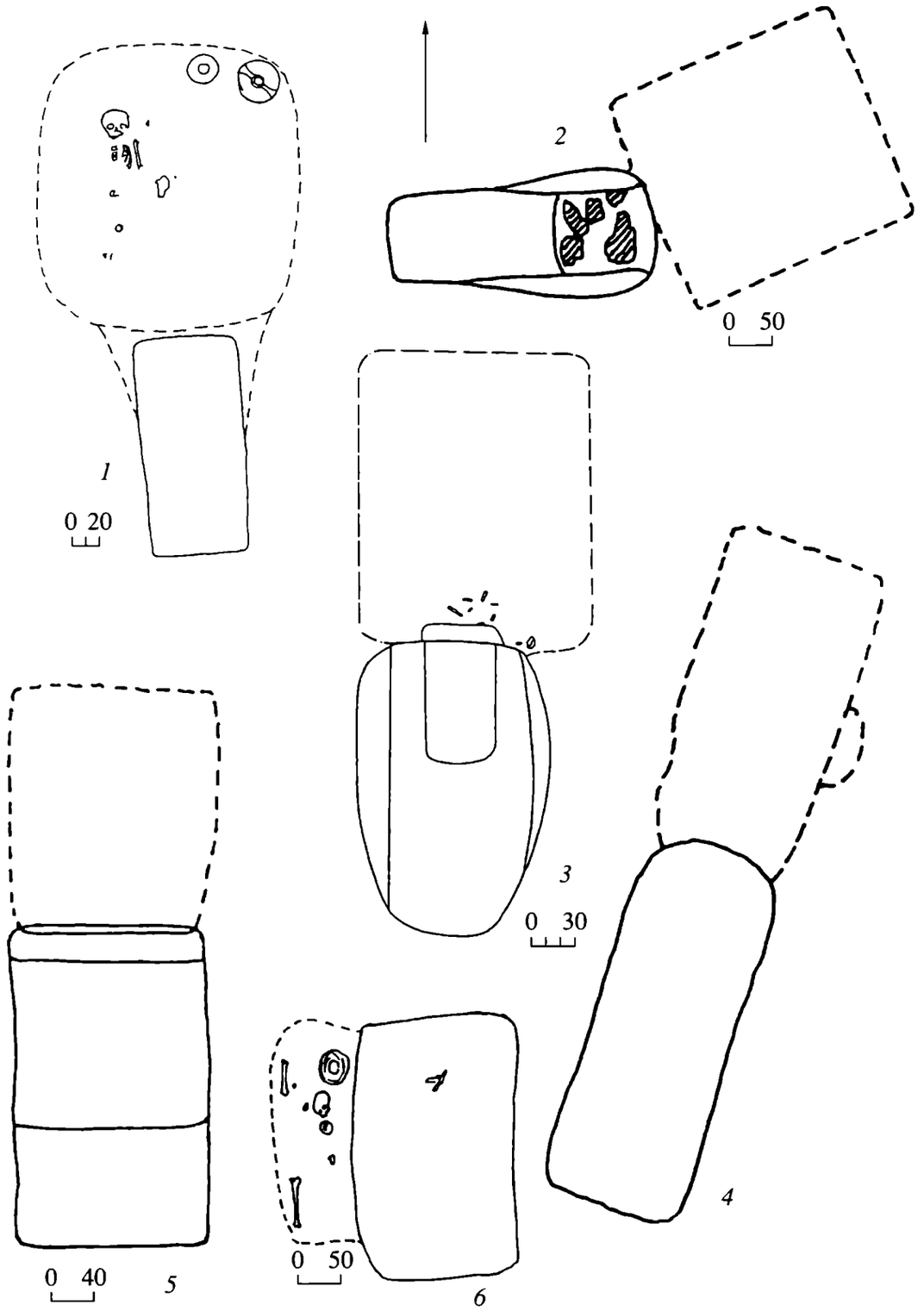


Рис. 2. Погребальные сооружения придунайской группы. *1* – Чауш, к. 3; *2* – Фиркацей, к. 6; *3* – Казаклия, к. 14; *4* – Кубей, к. 3; *5* – Владычень, к. 12; *6* – Градешка, к. 7.

Моспинская; рис. 8, *2, 3*). По Е.Л. Гороховскому (1988. С. 35) они относятся к разновидности *б* варианта 3-й серии А "гладких", т.е. не фацетированных, застежек (А3*б*). Согласно этому же автору, пряжки из погребения у шахты Моспинская принадлежат разновидности *б* варианта 2-ой серии В (В2*б*). Такое сочетание позволило датировать комплекс в пределах 350–380 гг. (Podobed, Simonenko, 1998. P. 107). Уникальна золотая, инкрустированная сердоликами в технике клаузоне фибула из Фрикацея (рис. 8, *7*).

Зеркала представлены экземплярами с петлей и орнаментом на обороте и центральной петлей. Принято считать, что первые характерны для начальной фазы позднесарматского периода (вторая половина II–середина III в. н.э. или В1 по

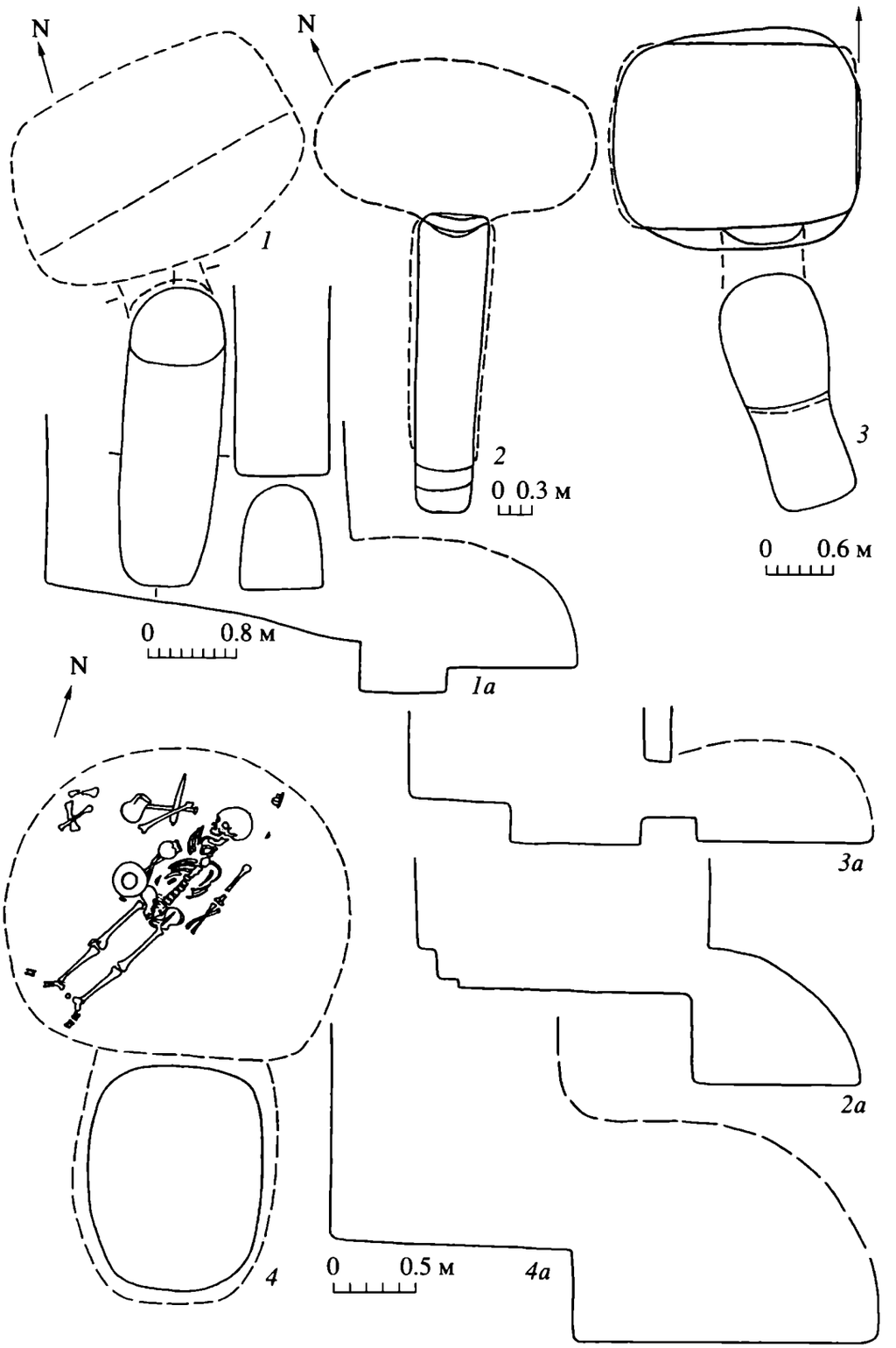


Рис. 3. Древности аланов-танаитов (по: Bezuglov, 1995).

предложенной периодизации). Однако дата зеркала из Балков (рис. 7, *10*) в пределах второй половины III в. н.э. определяется находкой лучковой подвязной фибулы 2-го варианта 3-й серии и 14-гранных сердоликовых бус (Гороховский, 1987. С. 56). Не противоречит этой дате и сосуд в виде барана (рис. 6, *11*) 2-го типа по моей классификации (Симоненко, 1998. С. 73). Зеркало из к. 5 могильника Владычень (рис. 7, *9*) найдено совместно с фибулой с завитком на конце приемника (рис. 7, *1*). Она относится к типу с очень широкой – с I по IX в. (Амброз, 1966. С. 47) – датой. Однако катакомбные конструкции могильника и его место в кругу подобных памятников (Simonenko, 1995. P. 345–374) склоняют к дате не ранее середины III в. н.э. Зеркало из к. 13 могильника Курчи

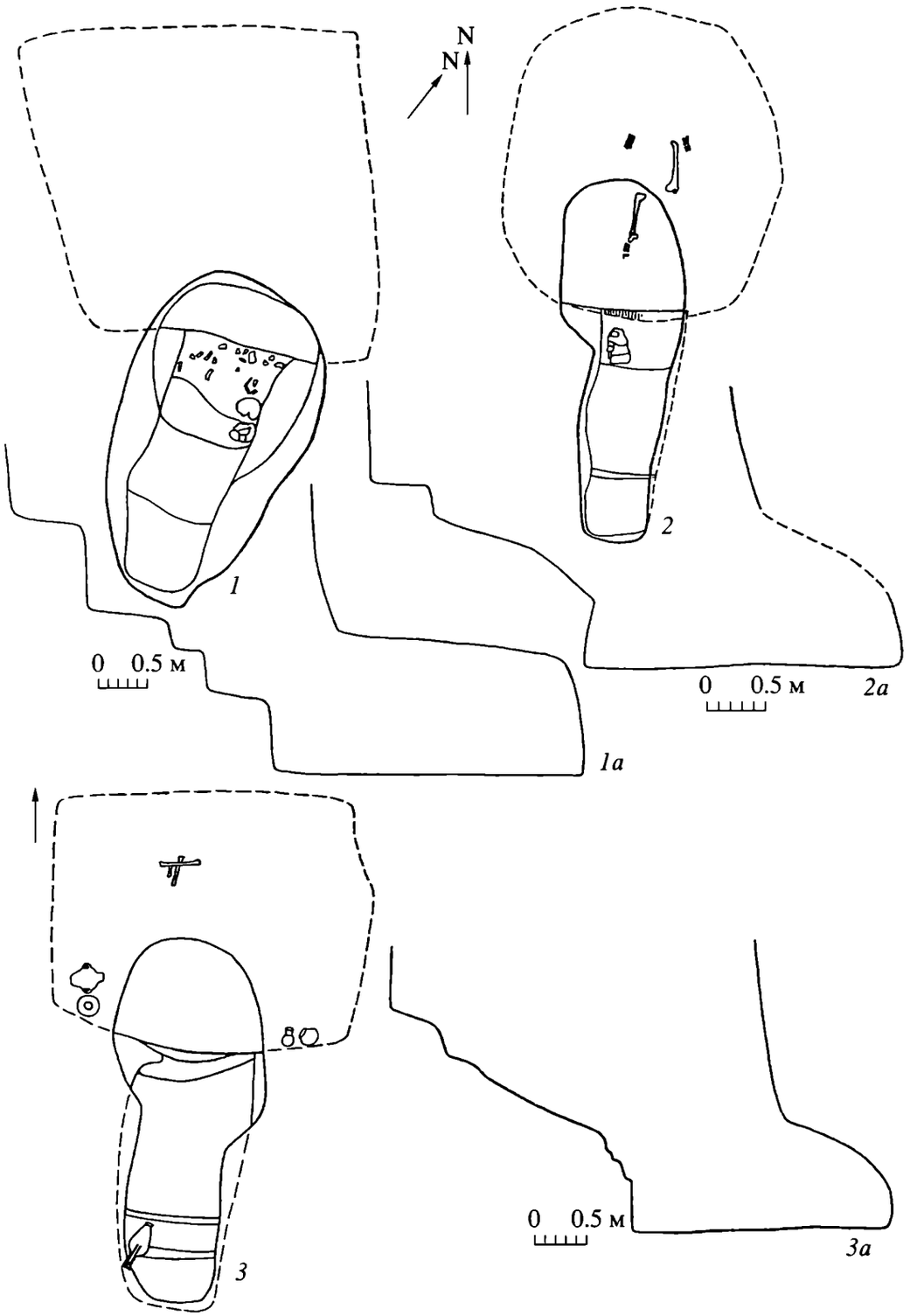


Рис. 4. Древности аланов-танаитов (по: Bezuglov, 1995).

найдено с подвязной фибулой 3-й серии и, стало быть, не древнее второй половины III в. н.э. Зеркало типа Чми-Бригеццио найдено в к. 26 могильника Градешка (рис. 7, *11*). Такие зеркала известны в позднесарматских памятниках Нижнего Поволжья с середины III по IV в. н.э. (Скрипкин, 1984. С. 48) и в Танаисе этого же времени. Могильник Градешка датируется второй половиной III–началом IV в. н.э. (Дзиговський, 1993. С. 92; Гороховский, 1991. С. 35; Гудкова, Редина, 1999. С. 189).

Наременная гарнитура нескольких типов (Симоненко, 1999. С. 242–253): пряжки с прямоугольным щитком и округлой рамкой, с округлым щитком и округлой рамкой, двучастные наконечники ремней. Рамки пряжек первого типа, подчиняясь общей моде того времени, значительно утолщены спереди. Почти все они овальные,

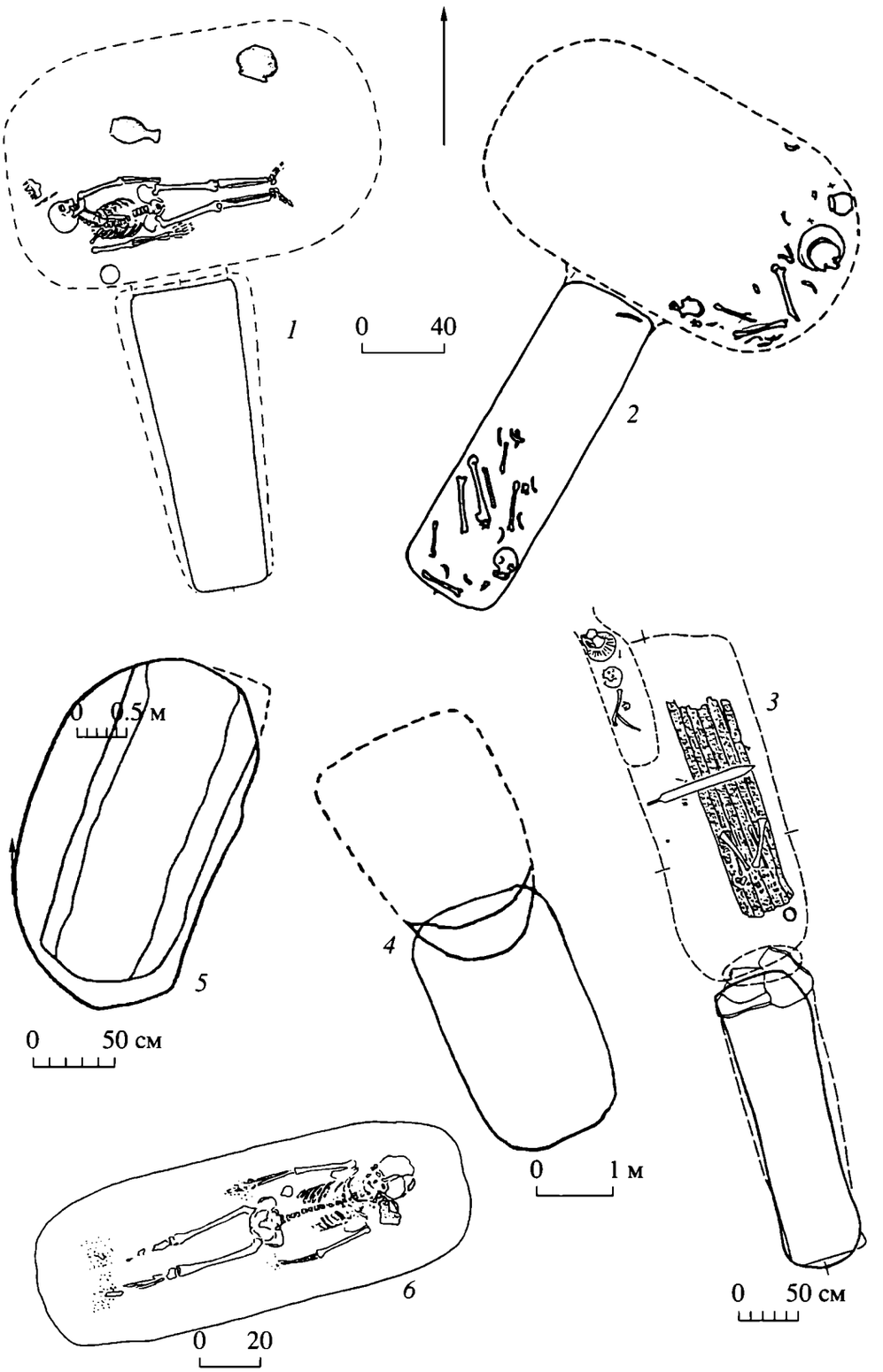


Рис. 5. Погребальные сооружения левобережной группы. *1* – Дмухайловка, к. 13; *2* – Колпаковка, к. 4; *3* – шахта Моспинская; *4* – Кантемировка, к. 3; *5* – Ново-Амвросиевка, к. 2; *6* – Балки, к. 12, п. 2.

круглые редки. Язычки длинные, у позднейших (вторая половина IV в.) нависающие над краем рамки. Пряжки второго типа гораздо многочисленнее, что говорит об их большей популярности в это время. Рамки их в основном овальные, из полукруглого в сечении бруска. Передняя часть рамки значительно утолщена, задняя иногда прямая, с изломом формы для удобства крепления щитка. Язычки длинные, нависающие над рамкой. Щитки двух разновидностей: округлые меньше рамки и овальные почти равные по размерам рамке (рис. 7, *5–8*; 8, *4–6*, *8–11*).

Важной в хронологическом отношении деталью этих изделий является наличие на рамках, язычках и щитках отделки фацетировкой и профилировкой. Фацетируются края рамки, что при-

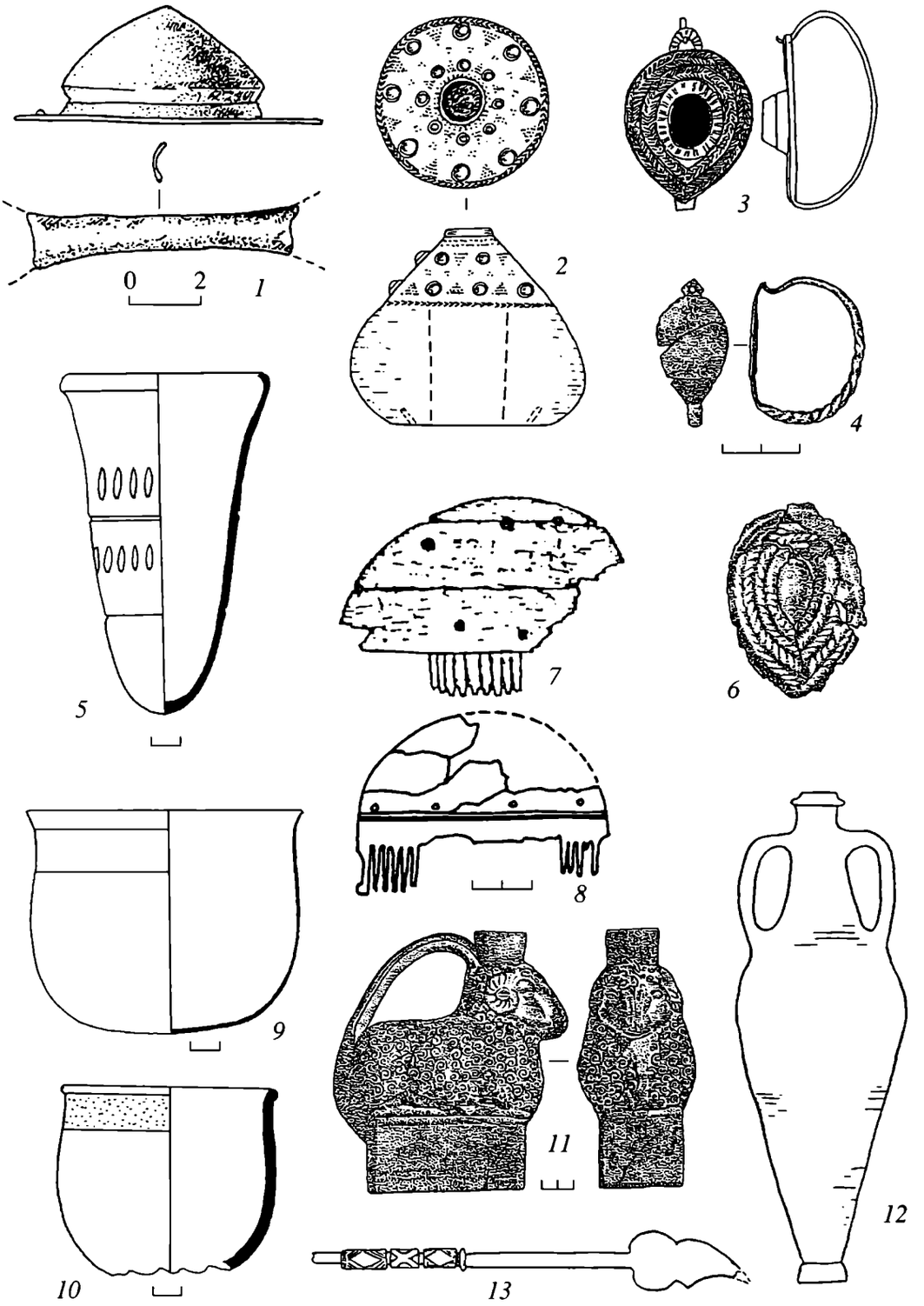


Рис. 6. Древности фазы В2*а*. *1* – Курчи, к. 17; *2*, *3*, *9* – Градешка, к. 9, 26; *4*, *6*, *11* – Балки, к. 12, п. 1 (по: Савовський, 1977); *5* – Шаболат (по: Кропоткин, 1970); *7* – Ново-Амвросиевка, к. 2 (по: Косиков, 1986); *8* – Кубей, к. 15 (по: Субботин, Дзиговский, 1990); *10* – Градешка, к. 7; *12* – Курчи, к. 16; *13* – Чауш, к. 12.

дает ей трапециевидное сечение, края щитка по периметру или участками. Хронологическими показателями являются почти непременный ступенчатый срез и (реже) прямоугольная площадка у основания язычка, а также фацетировка его боковых граней и кончика.

Аналогии рассматриваемым изделиям достаточно многочисленны в сарматских и синхронных античных и черняховских древностях. По мнению А.К. Амброза, такие признаки, как массивность рамки в передней части, ступенчатый срез и прямоугольная площадка у основания языч-

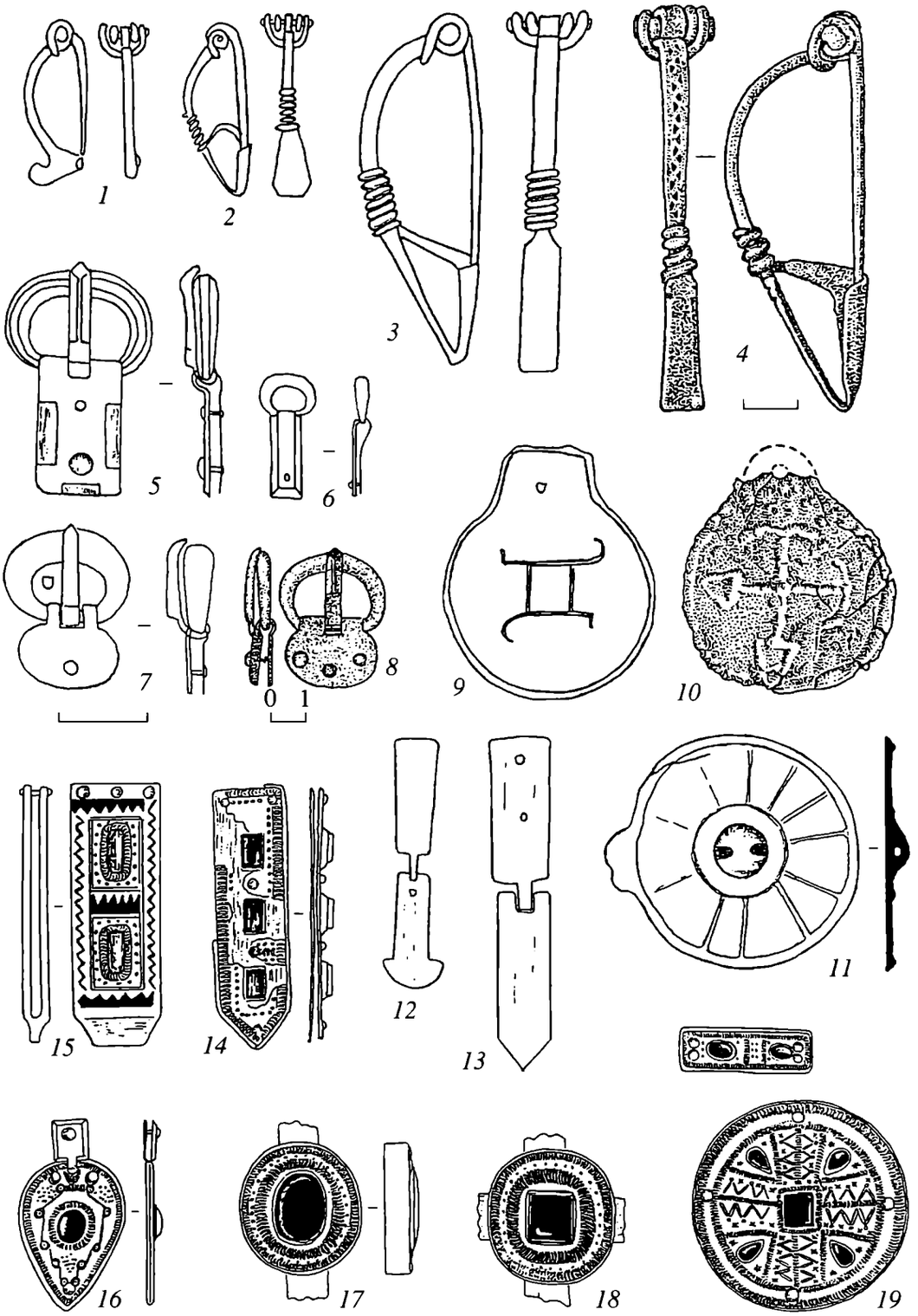


Рис. 7. Древности фазы B2*а*. *1*, *9* – Владычень, к. 5, п. 1; *2* – Курчи, к. 13, п. *1*; *3* – Градешка, к. 7, п. 1; *4*, *10* – Балки, к. 12, п. 1 (по: Савовський, 1977); *5*, *6*, *16–19* – Чауш, к. 5, п. 1; *7*, *12*, *13* – Курчи, к. 17, п. 1; *8* – Соколово (по: Костенко, 1979); *11* – Градешка, к. 26, п. 1; *14*, *15* – Градешка, к. 9, п. 1.

ка, появляются в Ш, но доминируют в IV в. н.э. (Амброз, 1971. С. 100; 1989. С. 27). А.И. Айбабин относит эти изделия к вещам черняховского круга (Айбабин, 1990. С. 27, 28). М.М. Казанский полагает, что они относятся к провинциально-римским формам или являются их имитациями и датируются IV в. н.э. (Казанский, 1995. С. 240, 241). Однако в крымских древностях этого времени есть находки подобных пряжек в комплексах, нижняя дата которых не исключает вторую половину Ш в. н.э. (Храпунов, Масякин, 1998. С. 146).

Наконечники ремней (рис. 7, *12*, *13*) – двучастные с длинной обоймой. Соотношение длины обоймы и окончания у них не менее 2 : 1, что является

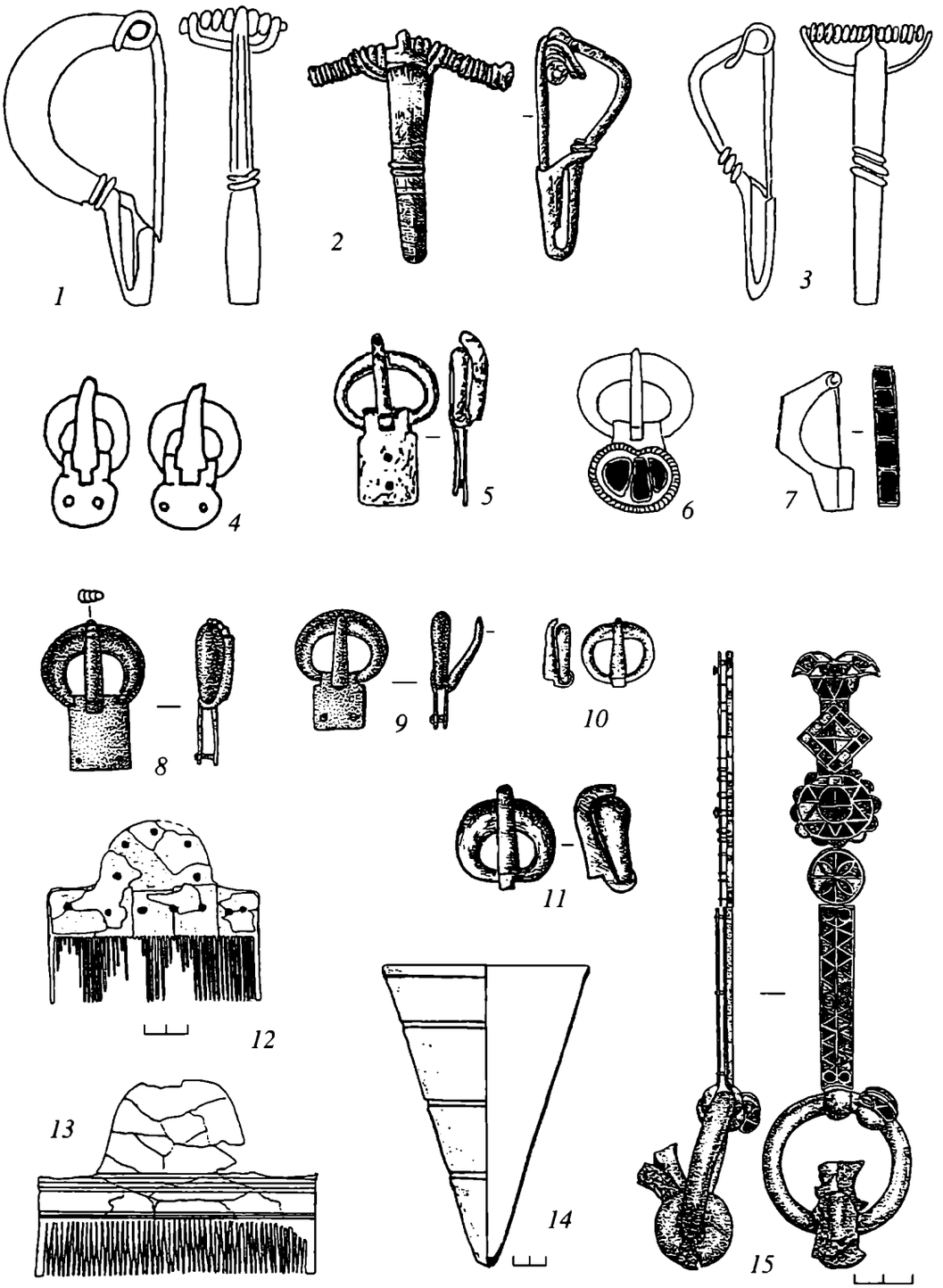


Рис. 8. Древности фазы В2*б*. *1* – Кубей, к. 8; *2*, *11* – Моспинская; *3* – Кубей, к. 9; *4*, *13* – Кантемировка, к. 3; *5* – Балковский курган; *6* – Кубей, к. 10; *7* – Фрикацей, к. 6; *8*, *9*, *15* – Казаклия, к. 14; *10*, *12*, *14* – Дмухайловка, к. 13 (по: Шалобудов и др., 1983).

надежным датирующим признаком. Обоймы прямоугольные или несколько сужающиеся к концу. Окончания наконечников разнообразны по форме – стрелковидные (Градешка), грибовидные и треугольные (Курчи). Аналогичные богато фацетированные наконечники известны в комплексах второй половины III–IV в. н.э. на Нижнем Дону (рис. 9, *12*; 10, *15*).

Полихромные изделия представлены различными по назначению вещами (уздечная и поясная гарнитура, личные украшения), исполненными в "сердоликовом" стиле и в стиле клуазоне. К первым относятся конский убор из к. 5 могильника Чауш, наконечники ремней, навершие меча из к. 9 и серьги из к. 26 могильника Градешка (рис. 7, *14*, *15*, *16–19*; 6, *2*, *3*).

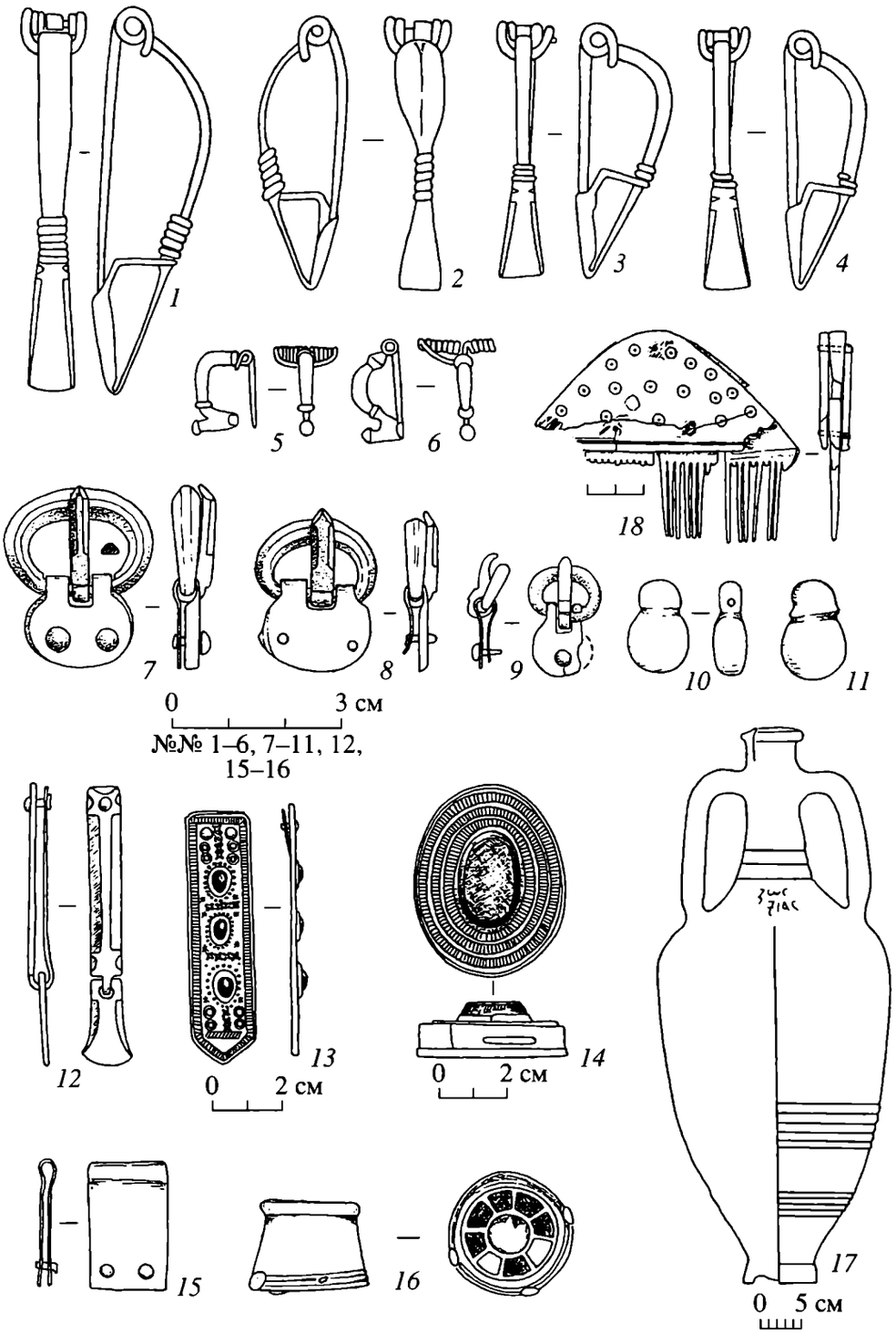


Рис. 9. Древности аланов-танаитов (по: Bezuglov, 1995).

Аналогичные уздечные наборы достаточно хорошо известны. Это находки в могильниках Аэродром I и Комаров I (Белинский, Бойко, 1991. С. 85–96) на Нижнем Дону, погребение у селения Кишпек, три уздечных набора из гробниц в Керчи и Аджимушкае (Šarov, 1994. S. 418, 421. Taf. 1–3). М.М. Фокеев считает, что к. 5 могильника Чауш относится ко второй половине III в. н.э. (Фокеев, 1990. С. 109). Исследователи нижнедонских комплексов относят их к более широкому хронологическому диапазону – Аэродром к концу III–началу IV в. н.э., Комаров – ко второй половине IV в. н.э. (Белинский, Бойко, 1991. С. 95). М.М. Казанский и О.В. Шаров полагают, что этот стиль появляется не раньше IV в. н.э. (Казанский, 1995. С. 238–243).

Серьги из могильника Градешка принадлежат разновидности украшений, имеющей надежные привязки к абсолютным датам. Аналогичные серьги трижды встречены в Чернореченском мо-

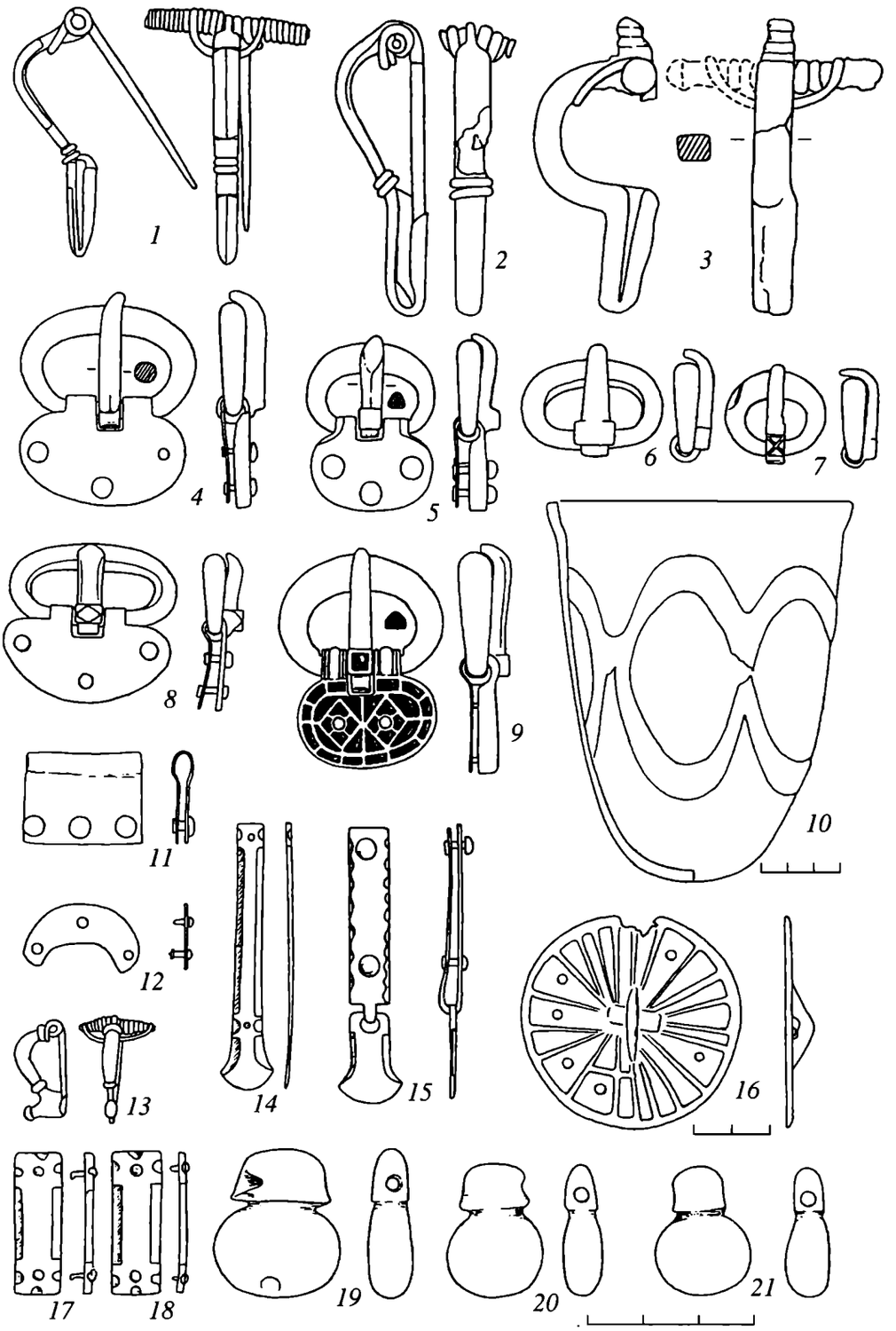


Рис. 10. Древности аланов-танаитов (по: Bezuglov, 1995).

гильнике – один раз с янтарными грибовидными подвесками, диагностирующими фазу С2 европейской хронологии, и дважды – с монетами Гордиана III (238–244 гг. н.э.). Абсолютный аналог им найден в разрушенном погребении конца III–раннего IV в. н.э. некрополя Танаиса (Безуглов, Захаров, 1989. С. 44; там же остальные аналогии в Подонье). Недавно такие серьги найдены в п. 24 середины III в. н.э. некрополя Дружное в Крыму (Храпунов, 1995. С. 531, 532). Перечисленных аналогий достаточно, чтобы определить дату серег из Градешки в пределах второй половины–конца III в. н.э. Следовательно, время бытования "сердоликового" стиля у сарматов следует определять как вторую половину III–первую половину IV в. н.э.

Изделия, инкрустированные в стиле клуазоне, на исследуемой территории немногочисленны, но

достаточно ярки. Это украшения узды из к. 14 у Казаклии (Agulnikov, Simonenko, 1993. P. 92–97), фибула из могильника Фрикацей, щиток пряжки из могильника Кубей (рис. 8, *6, 7, 15*). Учитывая датировку пряжек, мы отнесли убор из Казаклии к концу IV в. н.э. (Agulnikov, Simonenko, 1993. P. 95). Второй половиной этого столетия датируются ограбленные катакомбы из курганов могильников Фрикацей (Simonenko, 1995. P. 438) и Кубей (Гороховский, 1991. С. 35). Таким образом, изделия в стиле клуазоне в сарматских памятниках Северного Причерноморья служат хронологическими индикаторами второй половины IV в. н.э.

В к. 9 могильника Градешка была обнаружена бронзовая ситула. Аналогичный сосуд, являющийся поздним вариантом ситул типа Хеммор (Казанский, 1995. С. 239), найден в гробнице Кишпек.

Стеклянный кубок из к. 26 могильника Градешка (рис. 6, *9*) центрально-европейского происхождения. По схеме Н.П. Сорокиной, это тип Г (9–11), датирующийся II–III в. н.э. (Сорокина, 1965. С. 226). Конические кубки из Шаболата (рис. 6, *5*) и Дмухайловки (рис. 8, *14*) более поздние. Г. Рау датирует их рубежом IV–V вв. н.э. (Rau, 1972. P. 167). В классификации К. Айсингс это форма 106d IV–V в. н.э. (Isings, 1957. P. 130, 131). В Дмухайловке найдены костяной гребень Томас III и пряжка со ступенчатым срезом у основания язычка (рис. 8, *10, 11*). Эти вещи ограничивают дату концом IV в. н.э.

В памятниках финальной фазы преобладают амфоры поздних типов – "танаисские" (Градешка) и "инкерманские" (Фрикацей, Курчи, Чауш; рис. 6, *12*). Первые датировались Д.Б. Шеловым первой половиной III в. н.э., однако недавние находки показали, что выпуск амфор этого типа не прекратился после разгрома города, сейчас датируемого 60-ми годами III в. н.э. (Фокеев, 1998. С. 44). Это подтверждают и находки "танаисских" амфор в таких ярких памятниках позднего III в. н.э., как курганы Градешки. "Инкерманские" амфоры датируются концом III–IV в. н.э. (Шелов, 1978. С. 16–21).

Таким образом, рассматриваемые памятники могут быть разделены на более дробные хронологические группы. Часть их (Градешка, Владычень, Чауш, Шаболат, к. 4, Курчи, Кубей, к. 8, Балки-Носаки, к. 12, Богодар, Новые Санжары, Мечеболово, Нещеретово, Лимеревка) объединяются в фазу В2а (в абсолютных датах это время в пределах второй половины III–начала IV в. н.э.). В европейской хронологической шкале ей соответствуют ступень С2 (260–290 гг.) и часть ступени С3. Могильники Казаклия, Фрикацей, Кубей, погребения в Кантемировке, Балковском кургане (не путать с к. 12 Балки-Носаки), Лихачевке, Дмухайловке, Моспинской, Ново-Амвросиевке входят в фазу В2б, синхронную концу ступени С3 европейской шкалы (350/380 гг.), причем Кантемировские курганы, судя по пряжкам с хоботовидными язычками (рис. 8, *4*), могут быть и позднее (начала V в.).

Ближайшие аналогии погребальному обряду и вещевому комплексу левобережной групп причерноморских памятников – древности Нижнего Подонья (рис. 9, 10), детально изученные С.И. Безугловым и его соавторами (Безуглов, Захаров, 1988; Безуглов, Копылов, 1989; Безуглов, 1990; Bezuglov, 1995). Ими устанавливается юго-восточное (по отношению к бассейну Нижнего Дона) происхождение носителей этого обряда и предполагается распространение его по линии центральное Предкавказье–Нижний Дон. Действительно, немногочисленность подобных памятников на других сарматских территориях и отчетливое типологическое и культурно-хронологическое единство донских и предкавказских катакомб как будто подтверждают их выводы. В этом случае левобережные могилы Северного Причерноморья продолжают эту линию, маркируя направление дальнейшего продвижения носителей этой обрядовой нормы. Совершенно очевидно, что восточно-причерноморские и донские катакомбы находятся между собой в типологической, хронологической и генетической связи.

Не так однозначно устанавливается генезис нинжнедунайских катакомб, что справедливо недавно заметили М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев (1999. С. 199). Доминирование среди них конструкций II типа, не характерное для синхронных восточных памятников, делает проблематичной прямую генетическую связь тех и других. Однако остальные детали обряда и материальный комплекс нижнедунайских памятников во многом аналогичны донским катакомбам. Наличие же среди последних катакомб II типа, пусть и немногочисленных, указывает на Нижний Дон как исходный регион продвижения на запад какой-то группы носителей этого обряда. Местное его происхождение исключается отсутствием прототипов, а наиболее близкие типологически катакомбы Золотого кладбища отделены от рассматриваемых почти 100-летним промежутком и также не могут рассматриваться в качестве исходных форм.

Катакомбные и подбойные захоронения Нижнего Дона С.И. Безуглов отождествил с аланами-танаитами (Безуглов, 1990. С. 86). Он полагает важным для этого указание Аммиана Марцеллина на их "сопредельность с гревтунгами", тождественными у этого автора с остроготами (XXXI, 3, *1*). Если под последними понимать носителей черняховской культуры, то сведения Аммиана Марцеллина и данные археологии совпадают. Мне представляется не менее важным упоминание Аммианом Марцеллином европейских аланов рядом с "костобоками и бесчисленными скифскими племенами" (XXII, 8, 42). Первые – дакийское племя,

с которым обоснованно отождествляют липицкую культуру I–II вв. н.э. Архаизм "костобоки", употребленный Аммианом, указывает на Северо-Западное Причерноморье. Не исключено, что в поздней античной письменной традиции так "по привычке" называли какое-то население, жившее на территории более ранних костобоков. Под вторыми Аммиан, вероятно, подразумевал вообще варваров Северо-Западного Причерноморья (ср. "скифские войны"), ибо в это время этноним "скифы" применялся древними авторами только к данному региону. Таким образом, место обитания европейских аланов по Аммиану Марцеллину можно с большой долей вероятности определить как Северо-Западное Причерноморье, где находится западная группа позднесарматских памятников (рис. 1).

Возникшая в Северном Причерноморье черняховская культура как бы расколола сарматский мир надвое. На востоке, в приазовско-донецких степях немногочисленные погребения финальной фазы позднесарматского периода территориально тяготеют к Нижнему Дону, граница с ареалом черняховской культуры и изредка попадая в него. Такая топография памятников говорит, на мой взгляд, о том, что сарматы этой территории (аланы-танаиты, по С.И. Безуглову) не входили в готское объединение. Находящиеся близко от него позднейшие памятники (Дмухайловка, Кантемировка, шахта Моспинская, Ново-Амвросиевка) содержат яркие черняховские вещи (грени, фибулы, керамика). О близости причерноморских и донских сарматов говорит и такая деталь, как Т-образные катакомбы Дмухайловки и Колпаковки, характерные для Нижнего Дона, но абсолютно не известные на западе. Иная ситуация сложилась в Нижнем Подунавье, где расположена западная группа сарматских памятников финальной фазы. Здесь сарматские могильники находятся непосредственно на черняховской территории в соседстве с памятниками этой культуры. И в этих могилах есть черняховские вещи (умбон щита в Курчи, фибула и гребень в Кубее). Катакомбы на черняховских могильниках (Беленькое и др.) свидетельствуют о начавшейся этнокультурной интеграции сарматов и носителей черняховской культуры. Эти памятники я связываю с европейскими аланами Аммиана Марцеллина – федератами готских королей и родственниками аланов-танаитов.

Финал сарматской эпохи в Северном Причерноморье связан с вторжением в начале 370-х годов гуннов. Сарматские памятники этого времени достаточно редки (Казаклия, Кубей, Лихачевка, Дмухайловка, шахта Моспинская, Ново-Амвросиевка). Все они суммарно датируются последней третью IV в. н.э., но насколько соотносятся с гуннским нашествием – трудно сказать. Как всегда, бурные исторические катаклизмы финала одной эпохи и начала другой почти не оставляют археологических следов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.

Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Д1-30.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.

Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.

Безуглов С.И., Захаров А.В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье // ИРОМК. 1988. Вып. 5.

Безуглов С.И., Захаров А.В. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // ИРОМК. 1989. Вып. 6.

Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3.

Белинский И.В., Бойко А.Л. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника "Аэродром I" // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1991.

Гороховский Е.Л. Сарматское погребение в Новых Санжарах на Полтавщине (о позднесарматских древностях второй половины III в. н.э. в междуречье Дона и Дуная) // Областная научно-практическая конф., посв. 100-летию со дня рождения М.Я. Рудинского. Полтава, 1987.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Матер. 5-го Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988.

Гороховский Е.Л. Некоторые проблемы хронологии юга Восточной Европы позднеримской эпохи – начала раннего средневековья. Черняховская культура и ее окружение // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ, 1991.

Гудкова А.В., Редина Е.Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 1999.

Дзиговський О.М. Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. Київ, 1993.

Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей в Понтийских степях // МАИЭТ. 1995. Вып. 4.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // ПАВ. 1992. Вып. 2.

Косиков В.А. Курганы у с. Ново-Амвросиевка // ДАС. 1986. Вып. 6.

Костенко В.И. Сарматы в междуречье Орели и Самары // КДСП. 1979.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия на территории Восточной Европы (II в. до н.э.–V в. н.э.) // САИ. 1970. Д1-27.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в

эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.

Савовський І.П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. 1977. № 3.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Симоненко А.В. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 1998.

Симоненко А.В. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этнополитическая история. Дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1999.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов, 1984.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1.

Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса // МИА. 1965. № 127.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (препринт). Вып. 1–3. Киев, 1990.

Фокеев М.М. Полихромные изделия из могильника Чауш в междуречье Днестра и Дуная // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Ч. 2. Белгород-Днестровский, 1990.

Фокеев М.М. Население Буджакской степи в I в. до н.э. – IV в. н.э. Дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1998.

Храпунов И.Н. Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. 1995. Вып. 4.

Храпунов И.Н., Масякин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. 1998. № 4.

Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности степного Поднепровья. Днепропетровск, 1983.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. // КСИА. 1978. Вып. 156.

Agulnikov S.M., Simonenko A.V. A Late Sarmatian Bridle Set from Moldova // Communicationes Archaeologiae Hungariae. Budapest, 1993.

Bezuglov S.I. Késö római kori katakombás temetkezések az Alsó-Don-vidék sztyeppéin // Studia archaeologica. I. (MFMÉ). Szeged, 1995.

Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskej. Warszawa, 1988.

Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta, 1957.

Podobed V.A., Simonenko A.V. A Late Sarmatian Burial in the central Donetsk Basin // Communicationes Archaeologiae Hungariae. Budapest, 1998.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck // Offa-Bücher. 1957. Bd. 13.

Rau G. Körpergräber mit glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // APA. 1972. № 3.

Šarov O.V. Ein reiches Pferdeschirr aus Kerč // Beitrage zu römischer und barbarischer Bevaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium, 1994. Lublin; Marburg, 1994.

Shchukin M.B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st cent. B.C. – 1st cent. A.D. // BAR. 1989. International Series. 542 (I–II).

Simonenko A.V. Catacomb graves of the Sarmatians of the North Pontic region // Studia archaeologica. I. (MFMÉ). Szeged, 1995.

Wołagiewicz R. Naplyw importów rzymskich do Europy na pólnoc od srodkowego Dunaju // AP. 1970. T. XV. Z. I.

Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlaténe und römischer Kaiserzeit un freien Germanien // BAR. 1989. International Series. 505 (III).

The European Alans and the Alans-tanaitians in North Pontic Region

A. V. Simonenko

Summary

Ammianus Marcellinus often used the terms "the Alans-Tanaitians" and "the European Alans" concerning Sarmation population of North Potic region of the late 3rd–4th cc. A.D. The former, according to his data, "were contiguous to the Grevtunig", the latter were the neighbors of "the Costoboci and the uncountable Scythian tribes". S.I. Bezuglov with good reasons identifies the alans-Tanaitians as the latest Sarmatian burials in the Lower Don basin deposited in catacombs and niche-graves and accompanied by the characteristic set of chronological indicatores. The burials in question are identical to those of the eastern group of late Sarmatian monuments situated in North Pontic area; in the west this group is adjacent to the territory occupied by Chernyakhovo culture. The Lower Danube group of catacomb and niche-graves of the second half of the 3rd–4th cc. A.D. that is culturally similar to the Lower Don one can be identified with the European Alans. The latter, unlike the Alans-Tanaitians, lived among the people of Chernyakhovo culture and most probably entered the Gothic political union.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 92–113

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I: ИТОГИ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (1997–2000 гг.)

© 2001 г. **Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Ш. Н. Амиров**

Институт археологии РАН, Москва

В 1969 г. впервые российские ученые начали полевые археологические исследования на территории Месопотамии. Первоначально (1969–1985 гг.) работы экспедиции Института археологии РАН были сосредоточены на северо-западе Ирака, в Синджарской долине, простирающейся от Тигра на востоке до бассейна Хабура (левого притока Евфрата) на западе. В отмеченные годы исследования экспедиции охватили ряд последовательных периодов праистории Северной Месопотамии от конца VIII до середины IV тыс. до н.э. Результаты этих работ получили широкий резонанс в научном мире. Они регулярно освещались на страницах периодических изданий целого ряда стран (Ирак, Англия, Германия, Япония и др.) и прежде всего в журнале "Советская археология".

В 1988 г. Месопотамская экспедиция Института археологии перебазировала свои исследования на смежную с Ираком территорию Северо-Восточной Сирии. Экспедиция не только расширила территориально проблематику, столь плодотворно разрабатывавшуюся в Ираке, но и раздвинула хронологическую шкалу. Работами охвачены как праисторические памятники, так главным образом и относящиеся к концу IV–III тыс. до н.э., т.е. ко времени формирования древнейших городов, государственности и цивилизации.

Работы экспедиции в Северо-Восточной Сирии сосредоточены в провинции Хасаке, в 25 км к северо-востоку от города того же названия, у деревень Аляви и Хазна. Здесь уже нами проведены 13 полевых сезонов. Исследованиям подверглись два памятника – Телль Хазна I и Телль Хазна II.

На страницах "Советской археологии", а затем "Российской археологии" были освещены результаты раскопок Телль Хазны I в 1988–1991 и 1994–1995 гг. и Телль Хазны II – в 1992–1993 гг. (Мунчаев и др., 1990. С. 5–24; 1993. С. 5–21; Мунчаев, Мерперт, 1997. С. 5–28). В последующие годы – вплоть до 2000 г. – широкие исследования этого замечательного и в то же время предельно сложного и специфичного памятника продолжались регулярно. Площадь сплошного раскопа его была заметно расширена (рис. 1), охватив большую часть южного склона холма, где она превысила 2000 м^2. В 2000 г. впервые было начато вскрытие и северного склона, пока еще в ограниченном числе прилегающих к вершине телля квадратов (рис. 2). Ряд участков был заметно углублен, что позволяет судить как о времени и специфике создания уникального храмово-административного комплекса, так и о предшествующих ему слоях, толщина которых оказалась весьма значительной, окончательно доказав существование здесь долговременного поселка урукской культуры (IV тыс. до н.э.) и еще более раннего убейдского поселения (V тыс. до н.э.).

В свете результатов исследований последних четырех полевых сезонов может быть заметно дополнена характеристика основных параметров памятника, предложенная в наших предшествующих публикациях, как отмеченных выше, так и других (Munchaev, Merpert, 1994. P. 5–48; Merpert, Munchaev, 1994. P. 38–40).

Прежде чем перейти к изложению полученных новых результатов, напомним основные показатели памятника. Телль Хазна I – это крупный холм диаметром в среднем 150 м и высотой 17.2 м. Он имеет округлую в плане форму со склонами, более крутыми на северной и восточной сторонах (рис 1). Телль расположен на левом берегу вади Ханзир (или вади Риджла), впадающего в Джаг Джаг – левый приток Хабура. Общая мощность культурного слоя более 16 м. Из них 12 м относятся к раннединастической эпохе (I–II), а нижележащие слои, как уже указывалось, – к убейдской и урукской культурам.

Следует подчеркнуть, что до последнего времени о наличии материалов Убейда и Урука можно было судить лишь по выбросам и прорезанным слоям у основания наиболее фундаментальных храмовых построек Телль Хазны I. Ныне же вскрыт специальный шурф в квадрате XI/20 с уровня 11.0 м до 16.0 м, давший регулярный и стратифицированный материал обеих культур. Основные показатели шурфа (рис. 3) сводятся к следующему.

Шурф площадью около 25 м^2 на севере примыкал к стене монументального сооружения раннединастической эпохи (№ 47), ограждавшего площадку перед южным фасом башни № 37 и стоявшего на поверхности около 11.90 м от вершины холма, отмеченной мощной забутовкой, состоявшей из глиняных блоков размерами до 0.70–0.60 × 0.60 м.

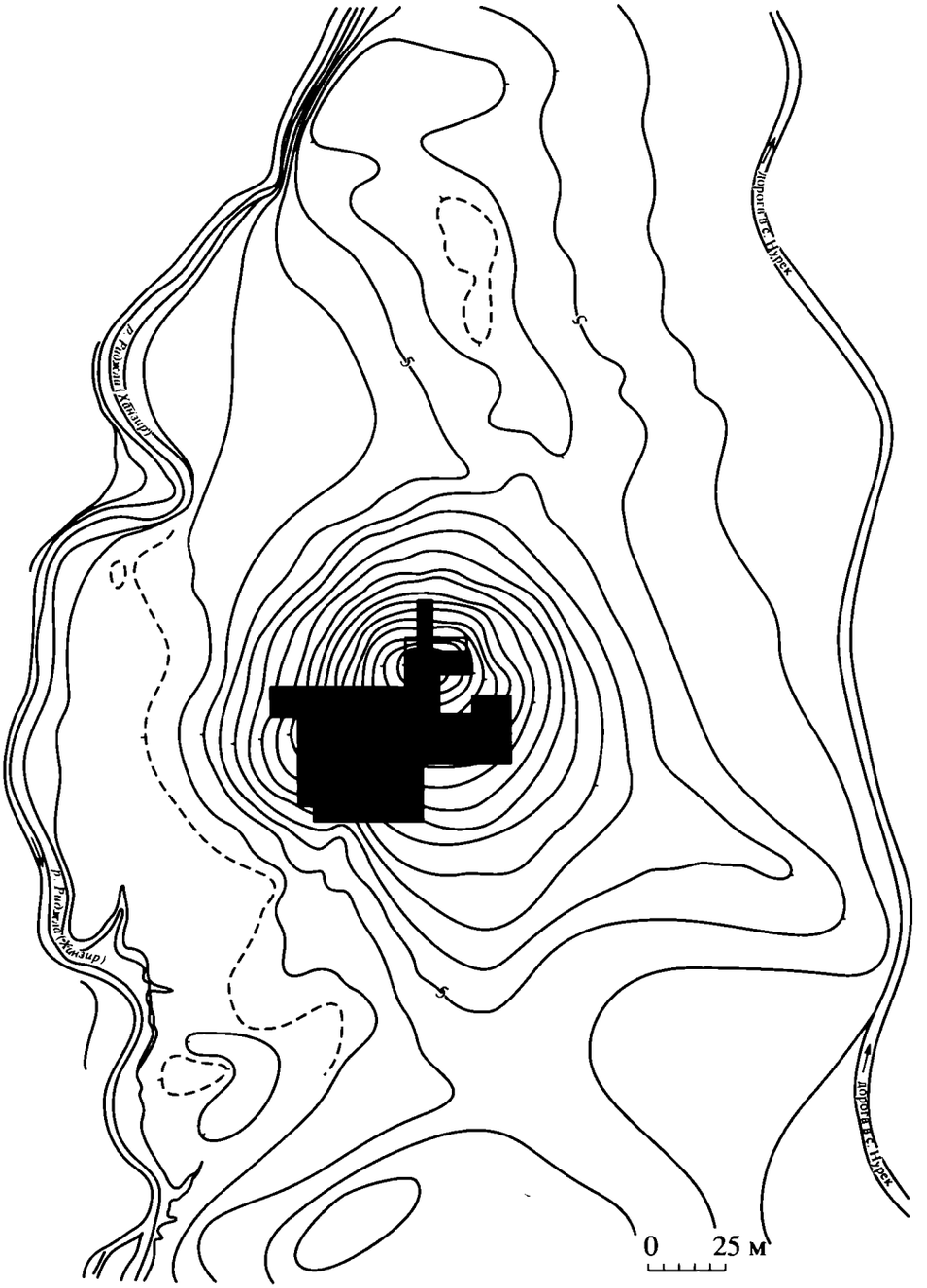


Рис. 1. Телль Хазна I. Топографический план 2000 г.

Забутовка отделяла монументальные раннединастические постройки от урукского слоя. Финальная урукская постройка представлена стеной № 216, занимавшей весь северо-западный угол шурфа на уровнях 12.00–12.90 м. Сохранились восемь венцов кирпичной кладки стены (рис. 3), ниже еще пять венцов смещены и частично разрушены: они принадлежали скорее всего предшествовавшей постройке того же плана (№ 227). Под ней прослежен 75-сантиметровый массив плотной глиняной забутовки со значительными зольными включениями, частично распространившимися и на прочие участки шурфа. Массив подстилался тремя утрамбованными поверхностями полов на уровнях 13.50–13.70 м.

В западной и восточной частях шурфа на уровнях 11.80–13.70 м отмечен резкий спад глинистых строительных остатков (возможно, мощных стен урукских построек толщиной до 0.70 м) под углом 30–45°. Такие остатки четко представлены на указанных уровнях в профилях шурфа. Они безусловно свидетельствуют о сильном разрушении, причина которого не ясна. Весь этот слой, как и подстилающие его большие зольники, прослеженные до глубины 14.40 м, насыщены только урукской керамикой.

Перекрытый же зольниками метровый слой, идущий вплоть до материка, отмечен доминантой убейдской керамики. В нем сохранились остатки двух параллельных долготных стен (по шесть

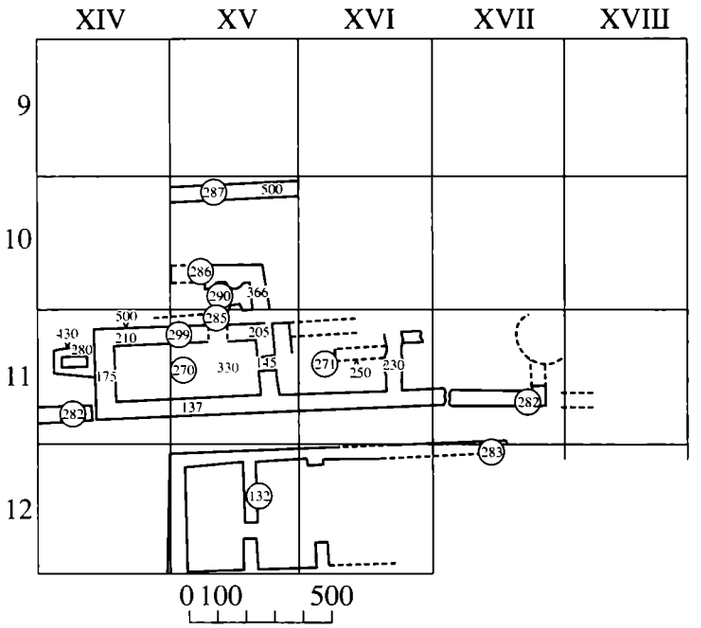


Рис. 2. Телль Хазна I. Постройки на вершине и северном склоне холма.

венцов кирпичей) и – фактически в материке – погребение младенца в убейдском сосуде.

Таким образом, метровый убейдский слой был перекрыт 3-метровым урукским, подстилавшим основной 12-метровый слой раннединастической эпохи. Подчеркнем, что при переходе к последнему заметно меняется и цвет слоя: для всей его толщи характерен темно-коричневый цвет с отдельными участками темно-серого, тогда как урукский слой светлый, желто-серый. Первоначальные и наиболее массивные сооружения раннединастической эпохи, основания которых определены ниже уровня 12.0 м, углублены в урукский слой или брали свое начало с конца этой эпохи.

Приведенные данные шурфа, касающиеся соотношения слоев урукской и раннединастической эпох, полностью подтверждаются показателями древнейших монументальных построек (рис. 4). Прежде всего это относится к башне № 37, составляющей с ней единый комплекс стене № 69, отмеченной мощными полупилястрами в верхней своей половине (кв. XI–XIII/18), и башни-зернохранилища № 110 (кв. XIV/17–18). Ранее их основания были достигнуты лишь в ограниченных шурфах. Ныне же они вскрыты полностью по всему южному фасу первых двух сооружений и на протяжении более 3 м по тому же фасу третьего. Обе башни стояли на единой поверхности на глубине 14.40 м от вершины телля. Стена № 69 непосредственно примыкала к башне № 37 с востока (рис. 5). Основание ее располагалось на 1.0 м выше (13.30 м), но, как и у последней, внутри урукского слоя. Отмеченное различие обусловлено здесь, как мы полагаем, не хронологической последовательностью, а степенью массивности построек и их функциональными особенностями. Оба сооружения знаменуют начало создания чрезвычайно долговременного, неоднократно реконструировавшегося комплекса, получившего по архитектурным и прочим показателям наименование "нижнего храма".

Этот комплекс находился в центре южной дуги древнейших массивных сооружений. Последняя же составляла часть овального плана, присущего памятнику в целом. Подчеркнем, что именно овальный план имели ближайшие аналоги Телль Хазне I – храм Нинхурсаг в Телль Убейде (Sievertsen, 1998. Teil II. Abb. 113, 114), "Овальный храм" в Хафадже (Delougaz, 1940. Fig. 3; Tunca, 1984. Fig. 55, 58, 59) и др.

В пределах вскрытого до сего времени участка, охватившего фактически южную дугу почти полностью (рис. 4), раскопаны следующие, особо монументальные и долговременные сооружения, стоящие на одной поверхности (с запада на восток): № 2 (кв. VII–VIII/14–15); № 4 (кв. VIII–IV/15–16); № 61 (кв. IX–XI/16–17); № 37 (кв. XI–XII/17–18); № 69 (кв. XIII–XIV/17–18); № 110 (кв. XIV–XV/17); № 149 (кв. XVI–XVII/17); № 209 (кв. XVIII–XIX/14–15 – крайний восточный для исследуемой площади).

Весь этот комплекс взаимосвязанных, подчиненных единому плану и безусловно синхронных построек свидетельствует о том, что мощность слоя раннединастической эпохи превышала 12 м, а основания этих построек находятся внутри урукского слоя на глубине до 15.00 м. И весьма рано фиксируются свидетельства определенной нивелировки, повышения поверхности, а далее и создания террас.

Одним из древнейших сооружений слоя может быть признана оборонительная стена № 13 участок которой расчищен у южного подножия холма в кв. X–XII/20 на протяжении около 12 м (рис. 4). Верхний срез ее фиксируется на уровне 14.06 м, ниже она прослежена до глубины 14.46 м, основание не достигнуто в силу значительных разрушений участка. Стена сложена из крупных (длиной до 40–50 см) сырцовых кирпичей. Она почти полностью уходит в урукский слой. Но с верхней ее частью стратиграфически соотносятся оба отмеченных выше монументальных сооружения – башни № 37 и 110, а также и составляющие единую систему с последними и подчиненными общему с ними плану постройки более восточных участков – прежде всего № 149 и 209. Их создание явно предшествовало периоду весьма серьезной реконструкции оборонительной системы. Остатки стены № 13 были перекрыты 45-сантиметровым слоем золы и сильно обгоревшего строительного мусора, подстилавшим новое оборонительное сооружение № 17 (кв. VIII–XIII/20–22). Оно представляло собой скорее вал, нежели стену. При насыпке его использована земля, сдвинутая к краю основания холма при нивелировке площади, предназначенной для строительства раннединастической эпохи. Ширина его приближается к 4 м,

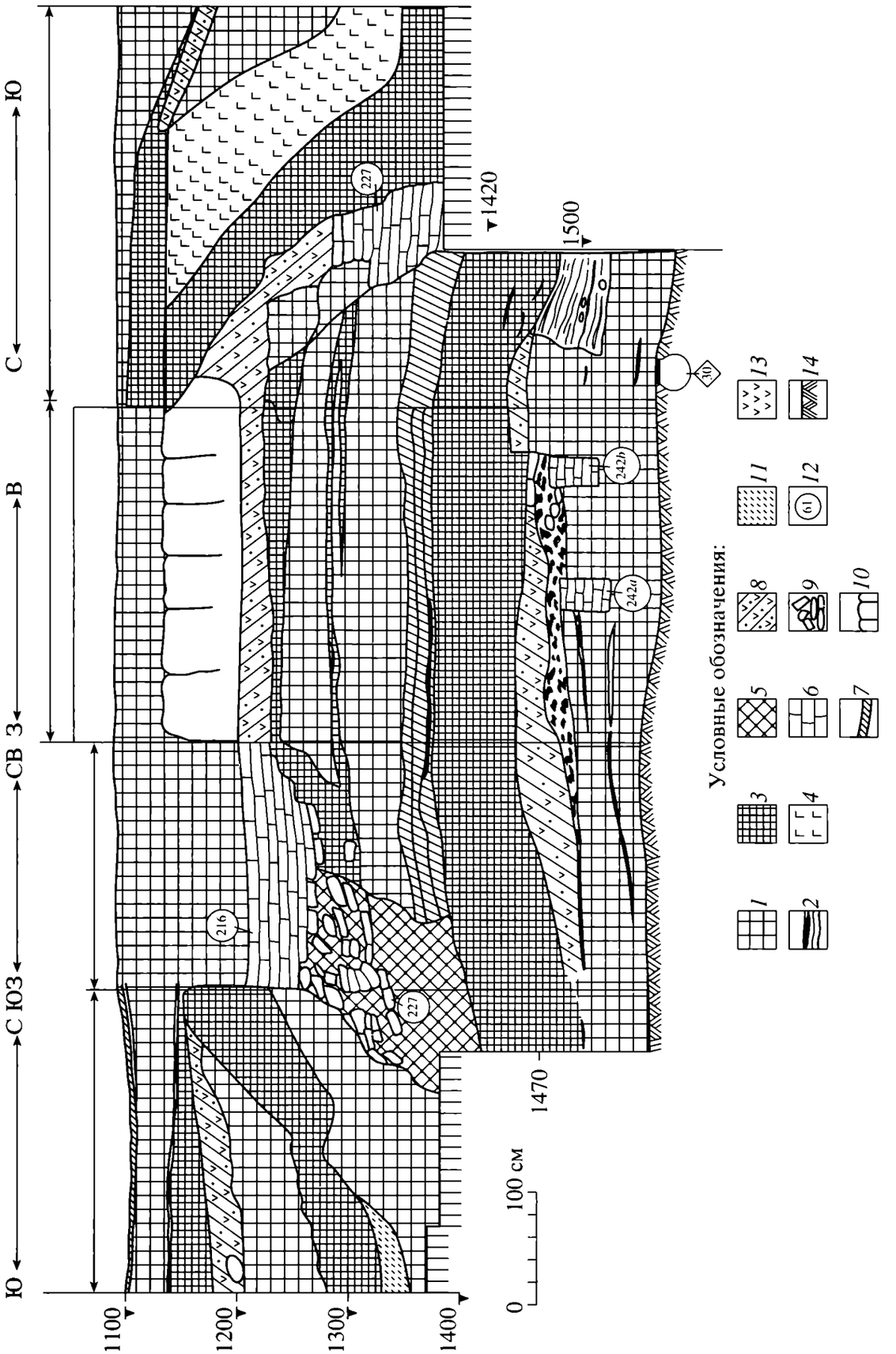


Рис. 3. Телль Хазна I. Разрезы стен шурфа на участке XI/20. *1* – плотные массивы коричневой глины; *2* – угольные прослойки; *3* – плотные массивы серой глины; *4* – мягкая коричневая глина; *5* – строительный развал; *6* – кирпичная кладка; *7* – полы; *8* – золистый серый рыхлый слой; *9* – развал кирпичной кладки; *10* – глиняные блоки; *11* – прослойка серой глины; *12* – номер конструкции; *13* – зола; *14* – материк.

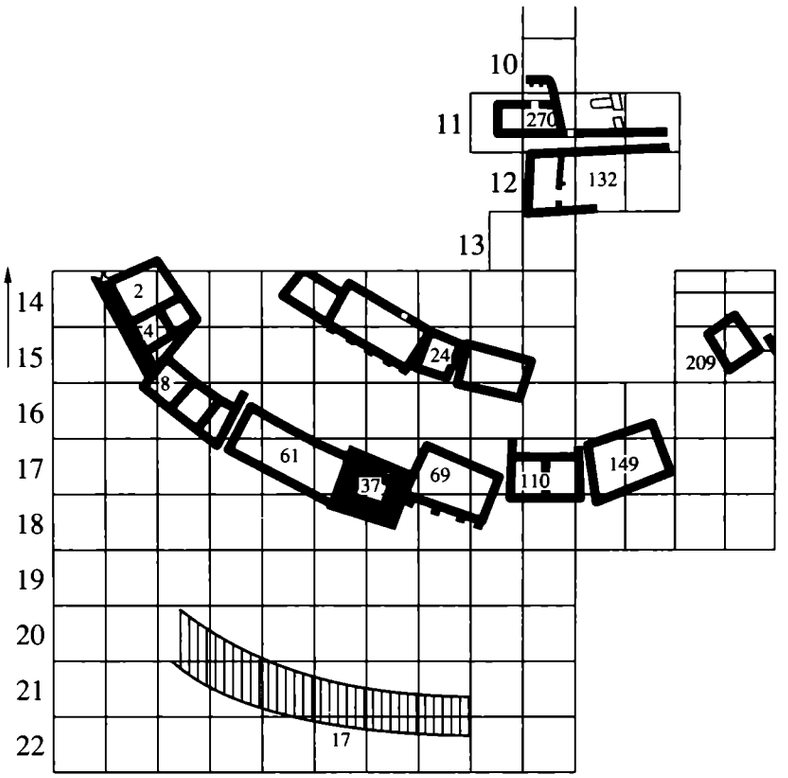


Рис. 4. Телль Хазна I. Основные массивные сооружения различных уровней.

сохранившаяся высота достигает 3.25 м. Ход внутреннего фаса документирован также сопряжением его с примыкающим к нему с севера рядом разновеликих смежных прямоугольных помещений № 30–33. Их кирпичные долготные стены упираются в северный фас вала № 17. В целом вал прослежен на протяжении около 30 м (рис. 4). Линия его дугообразна, на данном участке направлена с юго-востока на северо-запад. Подошва была определена на уровне 13.20 м, верхний срез – на уровне 9.85 м.

Строительство упомянутых выше монументальных сооружений потребовало создания достаточно мощной субструкции и даже метровых кирпичных цоколей, на которые опирались башни № 37 и 110, а также стена № 69. Однако поскольку здесь скорее всего, имело место углубление в урукский слой, говорить об искусственной террасе еще не приходится. Но уже отмеченная система связанных с валом поперечных стен и смежных ему построек № 30–33 стояла на поверхности 12.20 м – на 1.0 м выше основания вала. Это требовало значительной подсыпки поверхности, фактически создания метровой платформы, примкнувшей к валу и прослеженной вдоль всего вскрытого участка последнего.

Дальнейшая стратиграфическая схема памятника достаточно сложна. Здесь мы ограничимся лишь самыми основными ее реперами, полученными в пределах наиболее показательного участка площади – долготной полосы квадратов XIII–XVI.

Отмеченная выше метровая платформа имела ширину 3.25 м. Далее к северу она была повешена еще на 1.0 м, достигнув уровня 11.0 м. Южный ее борт был укреплен длинной (свыше 20 м) стеной (№ 5) высотой в 1 м, снабженной с обратной – северной стороны не менее чем семью контрфорсами. Стена ограничивала с юга значительный участок террасы с поверхностью на уровне 11.0 м – на три метра с лишним выше основания древнейших массивных сооружений памятника. Здесь стояла большая двухъярусная керамическая печь № 15 (кв. X/18–19) и сооружения в кв. XI/19 и XII/19, созданные значительно раньше (основания их еще не достигнуты), но до уровня 11.0 включенные в тело платформы. Последняя распространялась к северу от них. Она подходила вплотную к башне № 37, возможно, укрепляя эту восьмиметровую конструкцию, и продолжалась в том же направлении еще более чем на 4 м. Особо подчеркнем, что именно на поверхность этой платформы выходили два дверных проема башни № 37, открытые в ее северной и южной стенах. На ней же и также с обеих сторон, находились оформленные площади перед дверьми (кв. XI–XII/18 и XII/17) и прежде всего каменные вымостки, проходящие и внутрь самой башни. И особенно важно для вопроса о соотношении строительных поверхностей, что начиная с кв. XII/16 каменная вымостка начала подниматься кверху – на уровень 9.0–9.50 м, маркирующий поверхность следующей – третьей террасы. Здесь она подстилает основание башни № 24 (кв. XII/15) – цент-

Рис. 5. Телль Хазна I. Аэрофотосъемка части раскопа. В центре – башня № 37. Фото Jan Driessen.

рального сооружения комплекса построек "верхнего храма". Башня № 24 стоит на единой оси с башней № 37 "нижнего храма" но разница в уровнях их оснований достигает пяти метров (рис. 4). Укажем, что на протяжении этих пяти метров в пределах "нижнего храма" выделены два строительных уровня. Более ранний – на уровне 10 м – маркируется замечательной анфиладой построек № 136 (святилище), 159 (двор перед северным дверным проемом башни), 69 (большая храмовая постройка) и другими сооружениями. Второй уровень – 8 м также представлен анфиладой построек – № 121, 129, 131, 157, 158, 134, непосредственно перекрывающей первую.

Башня № 24 сохранилась на высоту свыше пяти метров (от –3.90 до –9.30 м). Она являлась центром комплекса построек южного ряда третьей террасы – № 154, 151, 24, 81, 82, взаимосвязанных, основанных на единой поверхности – около 9.0 м – и огражденных с юга стеной с полупилястрами № 60. Позднее она была усилена стеной № 157 и продолжена к востоку стеной № 133. С севера указанный комплекс был огражден стеной № 139, параллельной стенам № 60, 157, 133. Стена № 60 аналогична стене № 69 "нижнего храма", отличаясь от нее лишь несколько меньшей высотой и полупилястрами, крепившими не только верхнюю половину стены, но всю ее на полную высоту. По своему оформлению она сопоставима прежде всего с сооружениями культовой архитектуры древней Месопотамии. Обе стены связаны единой плановой системой. Значительная же разница в уровнях их оснований (13.30 м для нижней, 9.0 м для верхней стены) позволяет с уверенностью отнести весь комплекс к специфическому типу так называемых "высоких храмов" (Lloyd, 1978. P. 94), имевшему в Месопотамии глубокие

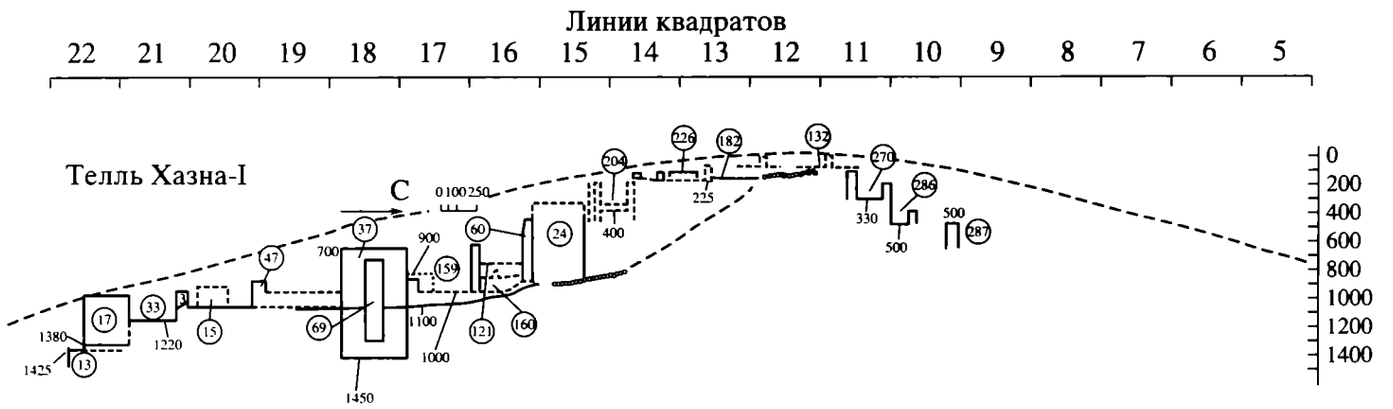


Рис. 6. Телль Хазна I. Схема основных строительных уровней (цифры в кружках – номер сооружений).

корни и принявшему наиболее законченные формы к рубежу IV и III тыс. до н.э.

Ряд строительных уровней фиксируется и для "верхнего храма". Уже упомянутые выше основные сооружения южного его комплекса (№ 154 и 151) располагались на двух уровнях – 9.0–8.60 и 7.20 м. Близкие уровни фиксируются и для активной застройки третьей террасы к северу от стены № 149. Стоящие на этих уровнях сооружения также должны быть отнесены к "верхнему храму".

Видимо, с поздними горизонтами построек на той же террасе следует связывать конструкцию № 204 в кв. XV/14–15 на глубине 2.04–4.0 м. Но далее к северу расположение строительных остатков позволяет говорить еще об одной платформе – террасе с несколькими уровнями полов. На верхнем из них – на глубине 1.10 м – располагалась крупная постройка на самой вершине телля (№ 132); на втором сверху уровне – 2.25 м находились остатки построек № 182 и 226, на третьем уровне – 4.0 м упомянутая конструкция № 204.

Застройка вершины холма подтверждена начатым в 2000 г. исследованием его северного склона. Там, в кв. XIV–XVII/11, на уровнях 3.30/2.50 м вскрыт ряд вытянутых по линии запад–восток помещений (№ 270, 271, 281). Они параллельны сооружению № 132, но расположены на 1.50–2.30 м ниже его (рис. 2). Их уровень в целом соответствует уровню построек № 182 и 304 южного склона. В свою очередь они подстилаются массивным сооружением № 286. Последнее стоит на уровне около 4.50 м, соответствуя постройке № 204 на южном склоне.

Такова в кратком изложении общая стратиграфическая схема исследуемого памятника (рис. 6). За более чем 500 летний период его существования застройка конкретных платформ подвергалась заметным изменениям. Ряд сооружений был сменен, остатки предшествующих включались в тело платформы, уровень последней возрастал.

Хотелось бы подчеркнуть особую сложность картины строительных остатков на верхней террасе. Там развал первоначально связанных с террасой построек перекрыт остатками наиболее поздних сооружений, относящихся, возможно, ко времени после прекращения функционирования самого культового центра. Но от последних отличны отмеченные сооружения на вершине холма и прежде всего постройка № 132 с примыкавшей к ней каменной вымосткой. Хорошо выраженная зеленая обмазка стен этой постройки позволяет сопоставлять ее с храмовыми сооружениями нижних уровней. Этому соответствует и состав находок внутри постройки № 132, среди которых отмечен целый ряд фрагментов сосудов типа Ниневия V.

Все приведенные показатели позволяют относить постройки на вершине холма к основному – раннему комплексу памятника, а следовательно, и предполагать наличие обусловившей их расположение верхней – четвертой террасы.

Особое внимание экспедиция уделила всестороннему исследованию основных, монументальных построек. Прежде всего это касалось башни № 37, которая с большой долей вероятности может рассматриваться, как древнейший зиггурат на территории Сирии и всей Северной Месопотамии. Башня № 37 являлась центральным сооружением культового комплекса, получившего, как уже говорилось, условно наименование "нижний храм". Более того, она в значительной мере определяла планировку всего южного участка памятника. Башня сохранилась на высоту около 8.0 м. На верхней ее площадке, размерами 4.0 м (С–Ю) × 6.0 м, открыт вход в уходящее в глубь тела башни внутреннее шахтообразное помещение. Размеры входа 2.20 м (С–Ю) × 2.50–3.0 м. Четко отмечено наличие консолей для поддержке перекрытия, арочного или сводчатого. Основание же башни не менее чем на 1.5 м уходило в урукский слой. Главным элементом основания служил цоколь высотой от 1.0 до 1.70 м. Он состоял из особо крупных сырцовых кирпичей (30–50 × 25–40 × 9 см). Край цоколя выступал на 15 см от плоскости стен. Он выравнивал основание башни. В отличие от самих стен

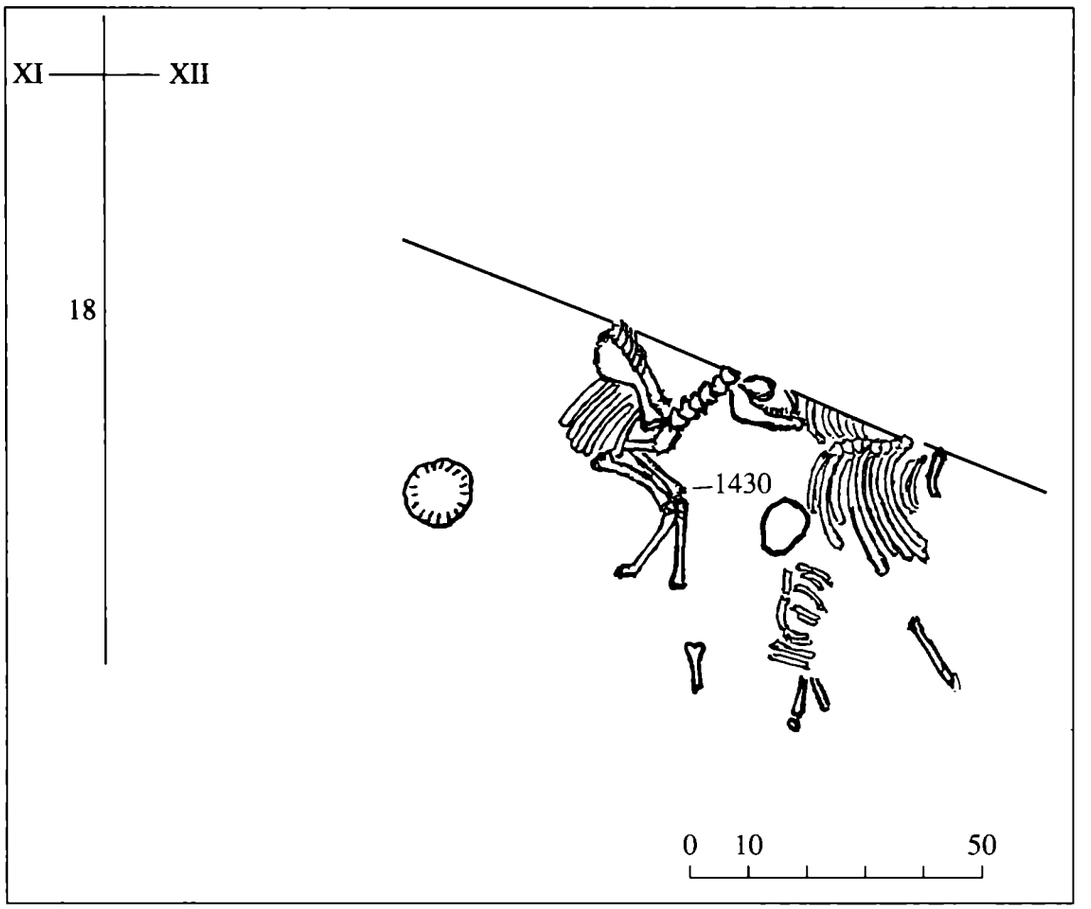


Рис. 7. Телль Хазна I. Останки жертвенных животных под платформой башни № 37.

цоколь не был оштукатурен, что подтверждает утопленность его в предшествующий слой. Стены же тщательно обмазаны глиной, поверх которой сохранились следы зеленой окраски.

Но и цоколем не ограничивалась сложная система подготовительных сооружений, связанная с основанием и креплением столь массивной конструкции, как башня № 37. Цоколь был усилен целым рядом параллельных и перпендикулярных ему дополнительных стен. Сам же он располагался на 90-сантиметровой "подушке" сооруженной из светло-серого суглинка. Под "подушкой" же на специальной, вымощенной керамическими фрагментами платформе лежали скелеты трех копытных животных: двух взрослых – газели и барана и одного ягненка (рис. 7). Весьма вероятным представляется предположение, что это, безусловно преднамеренное захоронение, являлось "строительной жертвой", совершенной в момент закладки башни.

Башня № 37 отличалась уникальной сохранностью (рис. 8). Она неоднократно реконструировалась, причем дополнительные крепящие стены пристраивались как с внешней, так прежде всего и с внутренней стороны. В северной и южной стенах башни открыты ведущие вовнутрь ее дверные проемы. Они расположены на единой оси и на близких уровнях (от 9.70 до 11.40 м). Через северную дверь вовнутрь башни входила спускавшаяся с третьей террасы полоса каменной вымостки. Она пересекала башню, выходила через южную дверь и охватывала площадку перед последней.

В верхней части южной стены открыты три симметрично расположенные узкие окна высотой от 35 до 41 см при ширине основания 12–16 см. Внутри крайнего восточного окна был устроен заклад, обрамленный кирпичами и состоявший из 17 кремневых вкладышей для серпов (рис. 9, *2*) и прямоугольной печати из белого камня с резным изображением сцены терзания львом копытного животного (рис. 9, *1*). Можно предполагать, что нижний "строительный заклад", выраженный жертвенным захоронением трех копытных животных, был связан с началом строительства, а верхний – с его завершением.

Рассмотрим внутренние конструкции башни № 37. Внутри нее были три камеры, расположенные на одной оси (рис. 8*б*). Верхняя продолжалась от уровня 6.0 до 8.70 м. Ее максимальные размеры 2.2 × 2.2 м. Пол камеры сплошной. Он был вымощен крупными кирпичами и тщательно обмазан сверху. Доступ в камеру был только с верхней площадки, от нижних камер она была наглухо изолирована. В засыпи (мягком золистом заполнении) камеры найдены две глиняные антропоморф-

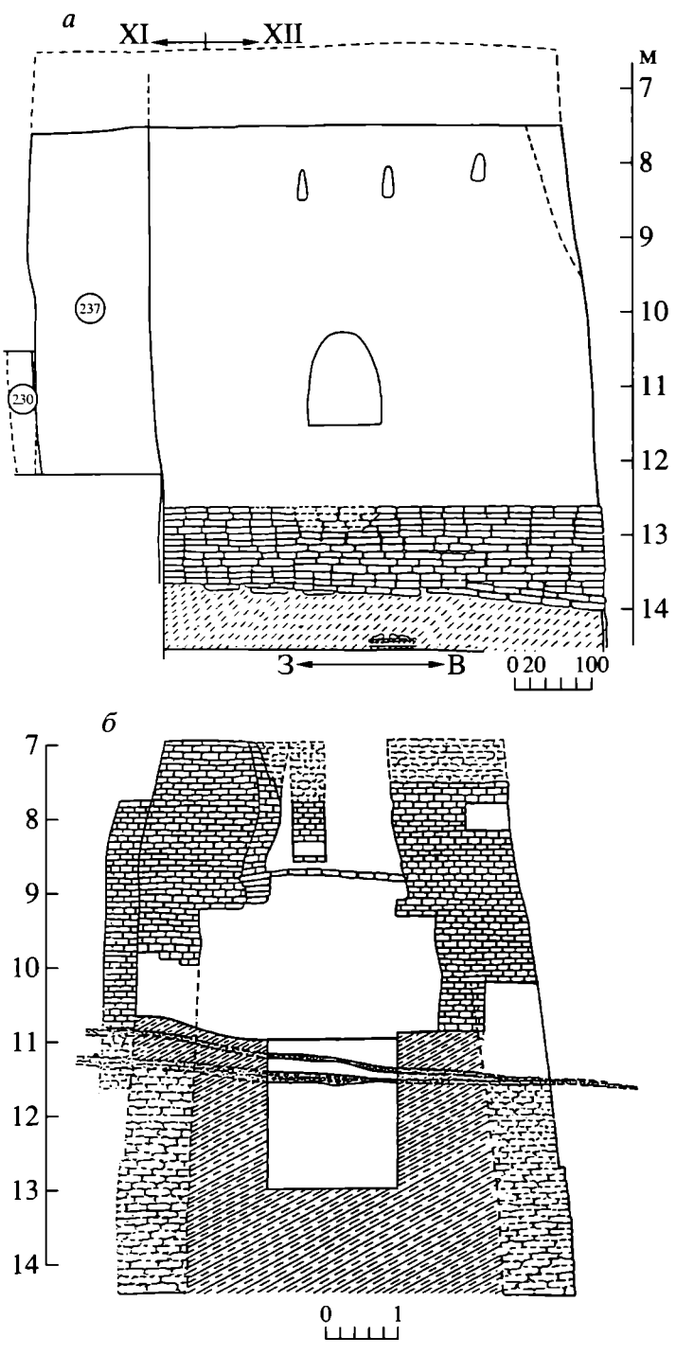


Рис. 8. Телль Хазна I. Башня № 37: *а* – южный фас; *б* – разрез по оси запад–восток.

ные статуэтки, ряд обломков глиняных очажных подставок, миниатюрный рюмкообразный глиняный сосудик и фрагменты раннединастической керамики.

Ниже верхней камеры, начиная с уровня 8.80 м, по всему периметру внутренней шахты прослежен карниз из трех–пяти венцов кирпичей, выступающий на 8–20 см от внутренних стен. Ниже его расположена вторая камера размерами 3.20 × 3.20 м. Верхняя ее часть плотно забутована, являясь субструкцией отмеченного пола верхней камеры. Керамика в забутовке редка и сильно измельчена. Далее во второй камере чередуются слои крупных зольных скоплений со слоями забутовки. Насыщенность керамикой заметно возрастает. На отдельных участках отмечены остатки кирпичной кладки, крепившей стены. Чередование слоев продолжается до уровня 11.0–11.15 м, на котором располагался пол камеры, перекрытый зольной прослойкой и подстилаемый грубой выкладкой из крупных керамических фрагментов, и ниже – на глубине 11.20–11.30 м полосой каменной вымостки. Последняя соединяла северный и южный дверные проемы башни и через них выходила за ее пределы. На этом полу найдены фрагменты двух преднамеренно разбитых каменных зернотерок, кремневые лезвия серпов, фрагменты глиняных зооморфных статуэток, костяные проколки, кости крупного копытного животного.

Вторая каменная выкладка расчищена на 20 см ниже, хотя разрыв этот у южного проема уменьшается до 5 см. Камни второй вымостки лежат в четыре ряда. Среди них найдены крупные фрагменты грубых сосудов и вновь кремневые лезвия серпов и куски расколотых зернотерок. Под подошвой же вымостки шел слой плотной забутовки, перемежавшийся с зольниками и кирпичной кладкой. Насыщенность находками в нем резко сократилась, но характерно, что лезвия серпов, в том числе обсидиановые, продолжали встречаться вплоть до достигнутой в этой, уже третьей, камере глубины 13.0 м (дальнейшее углубление ее в целях безопасности не производилось).

Башня № 37 имела достаточно длительную и сложную историю. Она неоднократно реконструировалась и укреплялась. В частности, на уровне 11.0 м северная дверь была перекрыта дополнительной стеной, а южная плотно замурована. К башне примыкали не менее восьми строительных уровней, начиная с кирпичных кладок на глубине 13.0 м и далее на уровнях 11.0, 10.30, 10.0, 9.16, 8.85, 8.03, 7.70 м. Это еще раз подчеркивает особую роль башни в жизни исследуемого памятника.

В этой связи остановимся на свидетельствах функциональной специфики башни. По ряду собственно архитектурных показателей и месту в планировке "священного района" (наличие особой обводной стены с характерными полупилястрами, обширных дворов, святилищ со столами для жертвоприношений и пр.) она связывается с совершением культовых акций. При этом имеется в виду прежде всего земледельческий культ. Прямым подтверждением тому служат находки внутри башни земледельческих орудий – зернотерок, как правило, преднамеренно разбитых, вкладышей для составных лезвий серпов и пр. Особенно характерен здесь жертвенный заклад в "окне" южной стены, содержавший три серпа, что еще раз подтверждает сакральную функцию башни. Именно последняя выделяет рассмотренную башню из числа прочих монументальных соору-

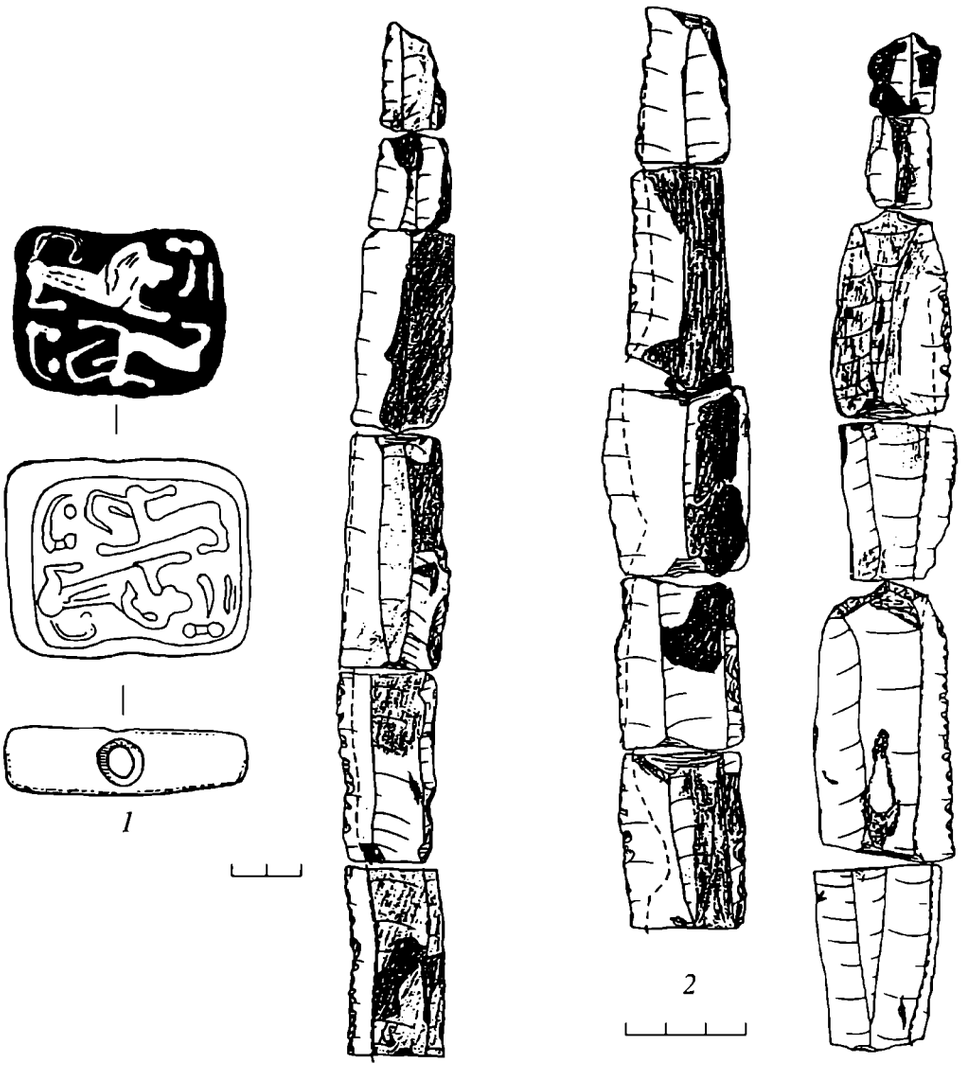


Рис. 9. Телль Хазна I. Кремневые вкладыши (*2*) и печать (*1*) из заклада в башне № 37.

жений Телль Хазны I, показатели которых свидетельствую об ином функциональном характере.

Наиболее ярким примером является здесь башня № 110, исследованная в кв. XIV–XVI/17–18 (рис. 10). Она непосредственно примыкала к восточному участку стены № 69, ограждавшей комплекс храмовых конструкций, непосредственно связанных с башней № 37. Полагаем, что в определенной связи с этим комплексом находилась и башня № 110.

Сохранившаяся поверхность верхней площадки башни зафиксирована на уровнях 5.70/6.20 м от вершины телля. Размеры ее 7.30 (З–В) × 5.0 м (рис. 10*а*). Основание постройки достигнуто на уровне 14.35 м, отдельные участки стен поднимаются на 0.70 м над верхней площадкой, что позволяет считать полную высоту постройки не менее 9.35 м. Отмечено некоторое расширение башни к основанию – до размеров 8.50 (З–В) × 6.0 м (рис. 10*б*). Конструктивно сооружение в значительной мере идентично башне № 37. И здесь в основании была создана более чем метровая платформа (цоколь) из особо крупных кирпичей (50 × 50 × 9 см), выступавших на 30–40 см перед плоскостью стены. Цоколь не обмазан, а между его венцами в скрепляющем их растворе отмечены измельченные фрагменты урукских сосудов. Как и у башни № 37, цоколь подстилался суглинистой "подушкой". Основные же стены были сложены из обычных сырцовых кирпичей (30–25 × 20 × 7 см), обмазаны коричневой, а поверх нее зеленой глиной.

Сверху в башню были впущены два шахтообразных помещения – № 110а и 110в (рис. 10*с*). Оба прямоугольны и близки по размерам – в среднем на поверхности верхней площадки 2.50/2.20 (С–Ю) × 2.0 м. Входы в них были огорожены четырехугольником стен размерами 6.50 (З–В) × 3.50 м при высоте свыше 0.60 м. В стене этого четырехугольника у каждой из камер открыты следы окон (или дверных проемов). В основной же южной стене башни на участках обеих камер открыты три щелевидных окна высотой до 40 см при ширине основания до 45 см. Функцией таких окон было обеспечение необходимого тока воздуха, а вместе с ним –

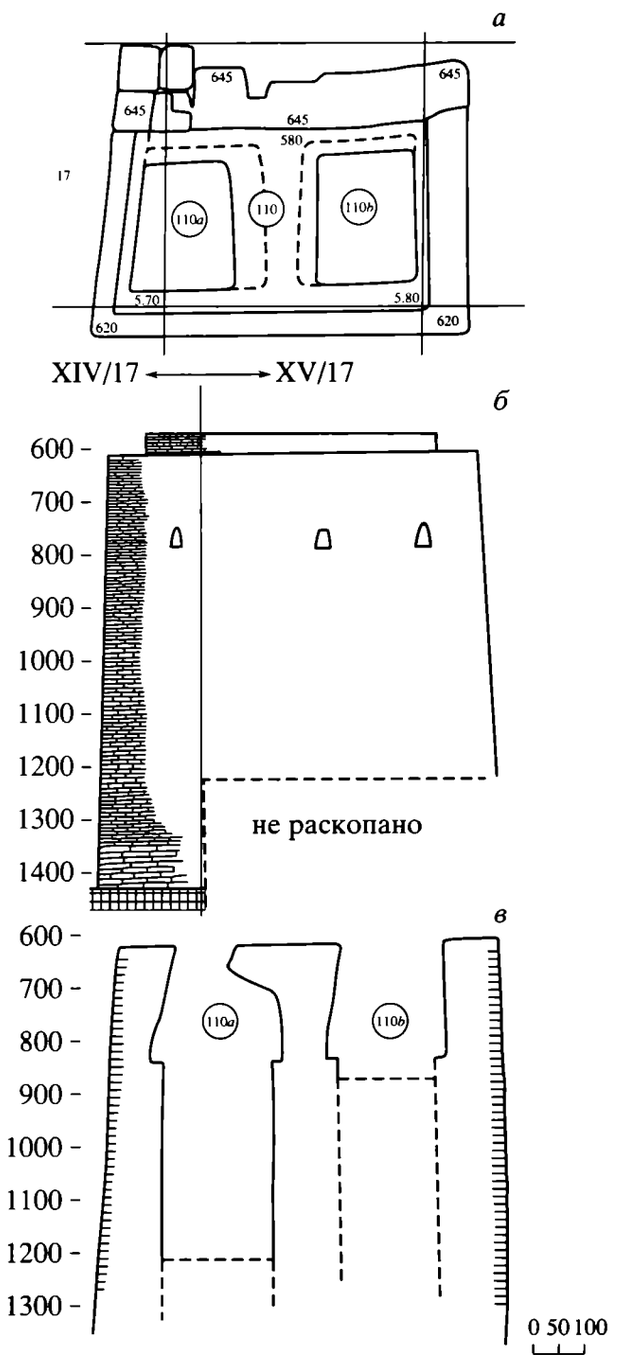


Рис. 10. Телль Хазна I. Башня № 110: *а* – верхняя площадка; *б* – южный фас; *с* – разрез по оси запад–восток.

режима прохлады и сухости в помещениях, что наиболее существенно для зернохранилищ.

Шахтообразные камеры вскрыты до глубины 12.25 м (дальнейшее углубление прекращено в целях безопасности), продолжение их вплоть до цоколя не вызывает сомнений. Кверху стены их заметно сходятся, что позволяет предполагать, что перекрытия их носили характер полуцилиндрического или купольного свода. Книзу же обе камеры расширяются до 2.90 (110а), 2.40 м (110в) на уровне 8.28 м. Здесь они вновь сужаются до 2.25 м. Ниже стенки их спускаются отвесно. Отдельные поверхности внутри камер выражены крайне слабо. Фундаментальных полов, подобных полам башни № 37, нет. Насыщенность находками минимальна, но отмечается значительная насыщенность перегноем органики, а на ряде уровней найдены скопления обугленного зерна. Свидетельств же культовых акций в башне не найдено.

Есть все основания видеть в башне № 110 большое массивное зернохранилище. Сооружения подобного рода известны в целом ряде позднеурукских и раннединастических памятников Месопотамии и протоэламской Сузианы. Все они связаны с хранением зерновых запасов (Schwartz, 1987. P. 94–96; Pittman, 1993. P. 235–245), а возможно, и корма для скота (Fortin, Cooper, 1994. P. 44). Для аргументации подобных заключений, помимо собственно археологических свидетельств особое значение имеют изображения загрузки и разгрузки башен, аналогичных нашей, на цилиндрических печатях, найденных в памятниках указанных областей. Мы видим на них (рис. 11) и сами башни с приставленными к ним лестницами, и поднимающихся по последним людей с мешками и занимающихся распределением зерна у подножий башен (Pittman, 1993. Fig. 3–6; Schwartz, 1987. Fig. 2).

Приведенные данные свидетельствуют об определенных функциональных различиях между двумя рассмотренными башнями. Но различия эти не исключают принадлежности башни-зернохранилища храмовому комплексу: с глубочайшей древности земледельческие культы и земледельческая практика находились в неразрывной связи и шли нога в ногу (Зубов, 1997 С. 100–105). Вполне вероятна и бифункциональность связанных с ними фундаментальных сооружений.

Более того, приведенными примерами отнюдь не ограничивается функциональная специфика различных монументальных построек "южной дуги" Телль Хазны I. Весьма показательна в этом аспекте конструкция № 149 (рис. 12*а*), непосредственно граничившая с востока с башней № 110 и расположенная в квадратах XVI–XVII/16–17. Это прямоугольное (трапециевидное) в плане сооружение, площадью около 40 м^2 – самое крупное из вскрытых до сего времени в исследуемом памятнике. Обе широтных его стены продолжают линии соответствующих стен башни № 110 с некоторым отклонением к СВ. Размеры постройки 7.25 (ЗЮЗ–ВСВ) × 5.0 м. Верхний срез стен на уровне 5.60 м. Южная стена вскрыта на глубину 5.50 м (т.е. до уровня свыше 11.0 м). Но безусловное сопряжение планов башни № 110 и рассматриваемой конструкции позволяют с уверенностью отнести сооружение № 149 к числу древнейших построек Телль Хазны I, основанных на уровне свыше 14.0 м от вершины холма. Юго-западный угол этого сооружения крепится мощным

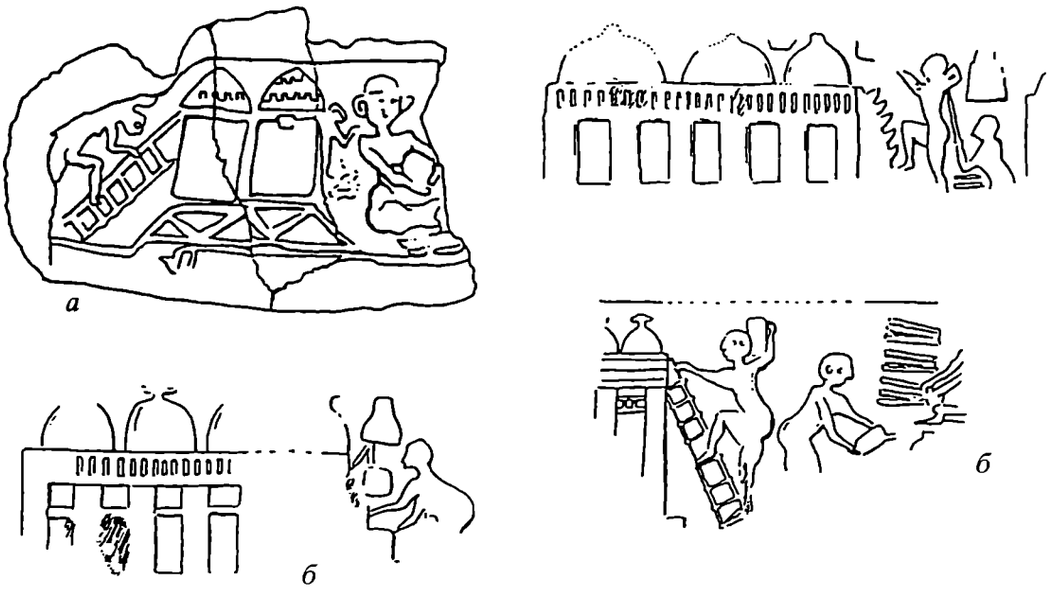


Рис. 11. Телль Хазна I. Цилиндрические печати с изображением башен-зернохранилищ: *а* – Сузы, протоэламский период; *б* – поздний Урук (оттиски).

контрфорсом. Толщина обводных стен 0.50 м, на некоторых участках они усилены дополнительной кладкой, при этом общая их толщина превышала 0.75 м. Столь же массивны и внутренние стены (№ 172 и 175), расположенные крестообразно и разделяющие внутреннее пространство постройки на четыре камеры (149 *a*, *b*, *c*, *d*). Две первые соединены дверным проемом в стене № 172 на уровнях 7.55–9.50 м. Следы дверного проема, позднее замурованного, прослежены и в южной стене конструкции на том же уровне. Заполнение камер свидетельствует о производившихся внутри постройки активных и долговременных огневых действиях. Так, в северо-восточной части помещения № 149*b* на полу уровня 8.25 м находился огромный зольник с чередованием зольно-угольных прослоек с прослойками прокаленной глины (рис. 12*б*). Общая толщина зольника достигала 1.25 м, ширина 2.30 м. Остальная часть помещения была разделена на две камеры долготной стеной № 184. В ней на том же уровне 8.25 м расчищена весьма необычная выкладка из кирпичей, положенных в два венца с интервалами и составлявшими несколько рядов. Интервалы между рядами образуют сеть узких (10–20 см) каналов (рис. 13*а*, 13*б*). Все эти остатки, как и сама поверхность пола площадью 1.60 (З–В) × 1.40 м, носят явные следы длительного огневого воздействия: они прокалены и закопчены, перекрыты зольными скоплениями, а обильные угольные пятна отмечены на всех стенах этой части камеры. Вне сомнения связь их с отмеченным выше огромным зольником.

Интерпретация этого комплекса крайне сложна. Прямые аналогии ему нам не известны. В качестве относительной аналогии может быть указана большая (1.30 × 1.0 м) прямоугольная печь K 44:3 в "Овальном храме" в Хафадже. Огражденная прямоугольной стеной, она имела систему низких поперечных кирпичных стенок с проходами для горячего воздуха как между стенками, так и в виде отверстий в последних (Delougaz, 1940. P. 23. Fig. 17).

С юга описанный комплекс в камере № 149*b* был ограничен небольшими глиняным валиком, а далее стеной № 172. В западной ее части на глубине 7.25 м обнаружена ниша, а в ней перекрытый глиняной "лепешкой" заклад в виде большого ожерелья из 122 пастовых, сердоликовых, хрустальных, агатовых, бирюзовых, раковинных, костяных бусин и четырех серебряных (?) муфточек или подвесок.

Наличие этого безусловно жертвенного заклада в стене помещения, в котором производились активные огневые действия, явно не производственного характера позволяет и здесь предполагать культовое назначение постройки. Ему соответствуют и огромные зольники на ряде уровней, и ритуальное погребение собаки, возможно, в крупном сосуде, и серия очагов и пр. Нет никаких оснований считать постройку ни жилым сооружением, ни хранилищем зерна или фуража подобно башне № 110. Исследование ее будет продолжено. Но уже сейчас конструкцию № 149 можно рассматривать как яркое свидетельство многообразия монументальной архитектуры Телль Хазны I как по ее формам, так и по функциональному назначению.

Наряду с исследованием глубинных участков основных массивных сооружений экспедиция в указанные годы продолжала расширять вскрываемую площадь раскопа. Выше уже отмечалось

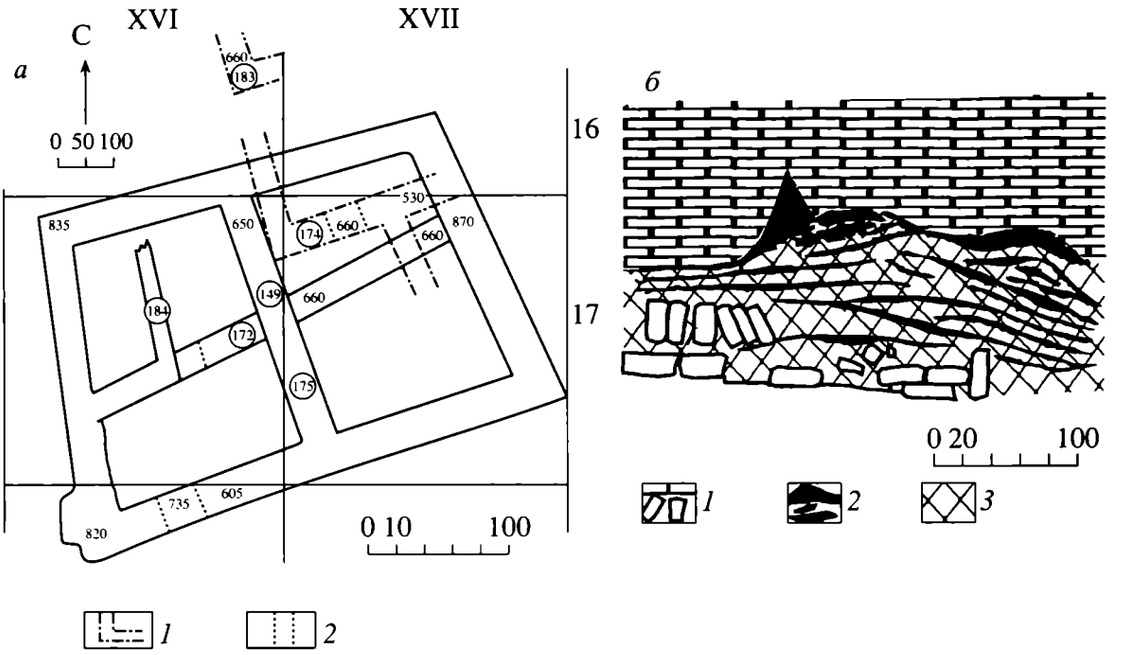


Рис. 12. Телль Хазна I. Сооружение № 149: а – общий план (*1* – перекрывающие конструкции, *2* – дверные проемы); *б* – профиль северной стены (*1* – кирпичи, *2* – уголь и зола, *3* – обожженная глина).

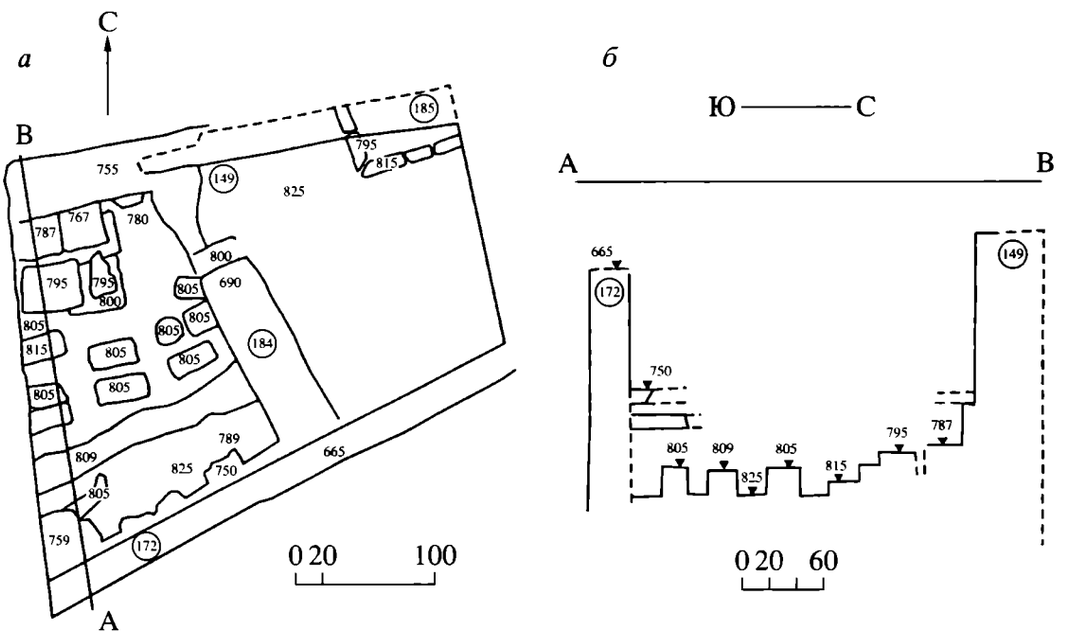


Рис. 13. Телль Хазна I. Сооружение № 149. Детали интерьера. *а* – план помещения № 149; *в* – на уровнях 6.90–8.30 м. Кирпичные выкладки и каналы между ними; *б* – разрез по линии А–Б.

начало вскрытия северного склона холма. Значительно более масштабные работы проведены в юго-восточной его части, где ими была охвачена площадь более 300 м^2, вскрытая на глубину от 5.50 до 8.0 м в кв. XVI–XIX/14–18. Весь этот участок оказался густо застроенным (рис. 14). В восточном его конце (кв. XVIII–XIX/14 15) открыта еще одна массивная башня (№ 209), входящая в состав упоминавшейся выше южной дуги монументальных сооружений. Башня имела в плане форму прямоугольника размерами 4.60 × 4.0 м, вытянутого с ЮВ на СЗ. Толщина ее стен от 0.60 до 1.40 м. Верхний срез стен открылся на уровне около 4.25 м, основание еще не достигнуто, с южной стороны башня вскрыта пока до уровня свыше 8.30 м. На верхней площадке очерчен вход в прямоугольное шахтообразное помещение размерами 2.90 (ЮВ–СЗ) × 2.0 м. С востока к башне примыкали остатки не менее массивной постройки, уходящей за пределы раскопа.

Расположенная в 8.30 м к северо-востоку от постройки № 149, башня № 209 знаменует поворот дуги комплекса древнейших монументальных конструкций памятника к северу. Оба названных со-

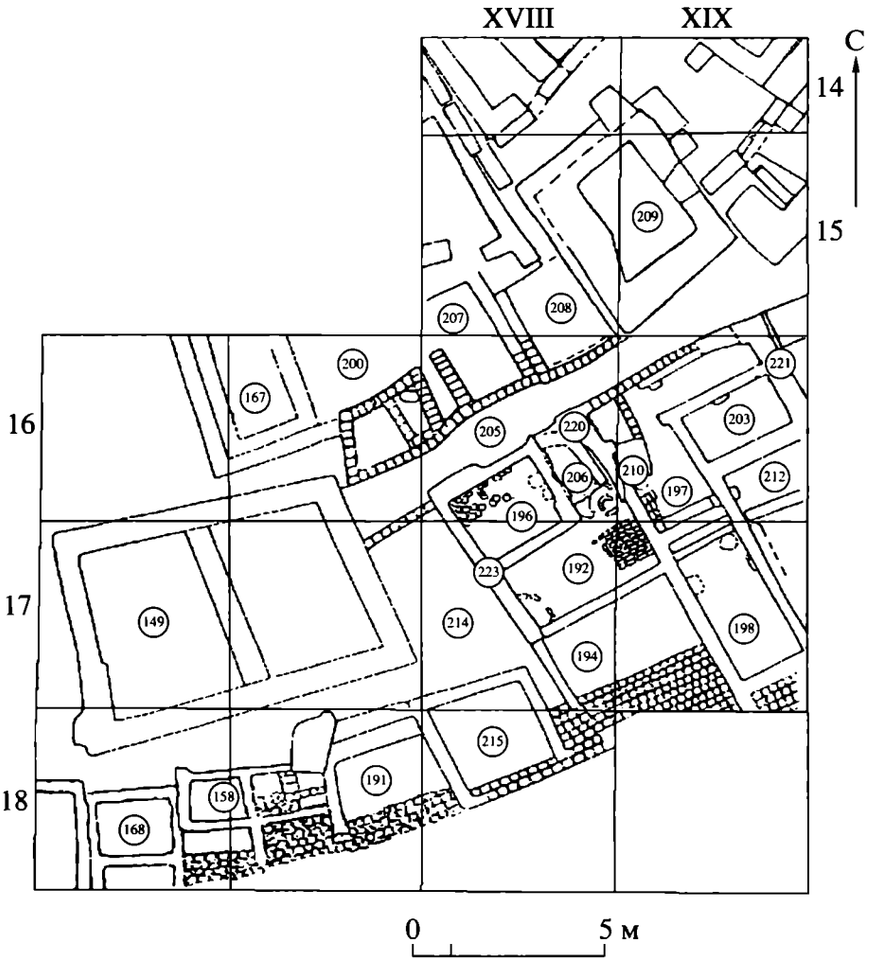


Рис. 14. Телль Хазна I. Юго-восточный участок на уровнях 6.50–8.50 м.

оружения соединены своего рода "улицей" (№ 205), идущей с СВ (кв. XIX/15) на ЮЗ (кв. XVII/16) и прослеженной на протяжении 13.0 м. С обеих сторон "улицы" вскрыты комплексы смежных построек, примыкавших к "улице" с севера торцовыми, с юга – длинными сторонами. К северу густая застройка продолжается вплоть до квадратов XVIII–XIX/14 и уходит за пределы раскопа. К югу от "улицы" расположена система построек, безусловно подчиненных единому плану: все они были четко ограничены едиными длинными стенами ЮВ–СЗ, перпендикулярными "улице" (№ 220, 221, 223). В среднем основания построек колеблются между глубинами 6.50 и 6.75 м, но в ряде случаев отмечено по несколько уровней полов, что позволяет говорить о сохранении единого плана на протяжении длительного времени. Между постройками открыты остатки ряда круглых, овальных и прямоугольных печей, в одной из которых найдены фрагменты зооморфных и антропоморфных статуэток, которые, вероятно, обжигались в этой печи, по конструкции своей являвшейся гончарным горном. То же следует сказать и о прочих печах этого участка. В кв. XIX/17 рядом с печью № 206 расчищены кубическая кирпичная конструкция со стороной 1.20 м при высоте 0.75 м. Поверхность ее была перекрыта зольным скоплением. Конструкция явно была связана с печью (или подстилавшим печь круглым очагом) и могла служить стволом для жертвоприношения.

В целом рассматриваемый участок производит впечатление хозяйственного комплекса, для единичных построек не исключено и жилое назначение. Хозяйственные же конструкции к западу от южной части стены № 123 составляют правильный ряд, занимавший значительную часть квадратов XV–XVIII/18 и прослеженный на протяжении не менее 25 м (№ 168, 158, 190, 191, 215) (рис. 14). Основания этих построек располагались в среднем на уровне 650 м. Полы их частично или полностью были выложены кирпичом. Отмеченный ряд на сравнительно позднем этапе фланкировал с юга древнейшие массивные сооружения № 149 и 110. Сильная закопченность верхней части южных стен последних являлась результатом длительного воздействия производственных акций, совершавшихся в постройках упомянутого ряда. На западе ряд упирался в крупное сооружение № 111, расположенное в кв. XV/18 и почти вплотную подходящее с юга к башне № 110. Постройка № 111 уже довольно массивна: в плане

она близка квадрату со стороной 3.50 м, внутри она разделена на ряд небольших отсеков и отмечена наличием ряда полов с очагами, большими зольниками, следами гипсовой обмазки и скоплениями зерна, связанными с развалами крупных сосудов. Верхний пол постройки определен на уровне 7.50 м, основание же открыто на глубине около 9.0 м. Сооружение носило скорее всего культовый характер. Хозяйственные постройки указанного ряда примкнули к нему несколько позже.

Сами же остатки сложной и оригинальной конструкции № 111 были включены в массив платформы, зафиксированной под всеми рассмотренными сооружениями восточного участка (кроме монументальных построек № 149 и 209). Платформа эта, состоящая из плотных глиняных массивов, больших зольно-угольных слоев и архитектурных остатков, располагалась с уровня 6.50 м (поверхность "улицы") до глубины 9.30 м в центральной части южного склона телля и 11.0 м у ее края.

Таковы результаты исследования архитектуры Телль Хазны I на участках, вскрытых в 1997–2000 гг. Они полностью подтверждают особенности этого замечательного объекта как первого древнейшего на территории Сирии культового центра. По своим архитектурным показателям от относится к числу так называемых "высоких храмов", известных до сего времени только в Средней и Южной Месопотамии.

Прежде чем перейти к рассмотрению вещевого материала, кратко остановимся на открытых в Телль Хазне I в указанные годы погребениях. Всего их было раскопано четыре (№ 28–31), не считая описанного выше жертвенного захоронения трех животных (кв. XII/18) под платформой башни № 37. Мы уже выше останавливались и на погребении (№ 30), открытом в материке и относящемся к убейдской культуре.

Погребения № 28, 29 и 31 были впущены в культурный слой. Первое из них (№ 28), открытое в кв. XI/18 на глубине 10.95–11.05 м, представляло собой парное захоронение – взрослого и ребенка. Сохранность остатков погребенных слабая. Ребенок был положен на левом боку или спине, головой на запад. Положение костяка взрослого человека определить не удалось. Предположительно он лежал головой на СЗС. У головы взрослого погребенного был поставлен небольшой горшок, оказавшийся раздавленным, возможно, преднамеренно. Других предметов в погребении не было.

Погребение № 29 выявлено в том же квадрате (XI/18), на глубине 11.35–12.0 м. Здесь найдены лишь остатки черепа, часть трубчатой кости, ребро и фаланги, принадлежащие ребенку. Рядом с ними обнаружены целый округлодонный сосуд высотой 13.8 см и множество разнообразных бус, в том числе 90 плоских округлой формы из зеленого камня (?), 20 – из горного хрусталя, пять сердоликовых, одна гагатовая и 31 – из белой и сероватой пасты.

Наиболее интересно погребение № 31, открытое в кв. XI/19 на глубине 11.20–11.35 м. Костяк лежит скорченно на левом боку, головой на запад. Перед ним стояли два округлодонных сосуда типа Ниневия V, украшенных в одном случае расписным (рис. 15, *1*), а в другом – штампованным орнаментом. У костей рук находились две бронзовые булавки, одна с отверстием в верхней части, а другая – с грибовидной головкой. Кроме того, на костяке и под ним обнаружено 24 сердоликовых, 17 хрустальных, 20 – из зеленого камня (?) и 240 пастовых бусин.

Между костями и стеной № 47 отмечены большой камень ромбовидной формы и глиняный массив трапециевидной формы, под и особенно внутри которого найдено несколько костей животных (жертвенное мясо – ?) и 15 пастовых, пять сердоликовых и одна обсидиановая бусины. Еще одна сердоликовая бусина находилась в зольном слое ниже костей на 20 см. В промежутке между этими уровнями обнаружено еще до 50 бус, лежавших вытянутыми линиями.

Описанные погребения, несомненно, синхронны, как и большинство раскопанных на Телль Хазне I ранее. Они относятся к периоду, непосредственно последовавшему за прекращением функционирования храмового комплекса. Судя по керамике, прежде всего сосудам типа Ниневия (погребение № 31), погребения должны быть датированы временем не позднее середины III тыс. до н.э. С таким определением полностью согласуются находки в телльхазнинских погребениях бронзовых булавок с дисковидной головкой и расширением в центре с отверстием для подвешивания, а также отмеченных выше каменных, хрустальных и пастовых бус.

Перейдем к рассмотрению находок из культурного слоя. Как и в предшествующие полевые сезоны, в Телль Хазне I в рассматриваемые годы находки представлены прежде всего двумя категориями изделий. К первой относятся каменные орудия, связанные с земледельческим процессом. Это зернотерки, песты, ступы и терочники. В наибольшем же числе обнаружены кремневые вкладыши для составных лезвий серпов. Их уже многие сотни. Почти все вкладыши содержат следы битума, с помощью которого они закреплялись в основе серпа, и несут характерные свидетельства сработанности. Находка вкладышей от трех серпов в строительном закладе башни № 37 дает основе связывать их с сакральными акциями. Отсюда понятна значительная концентрация подобных орудий в слоях раннединастического периода Телль Хазны I. По всей вероятности, такую же функцию несли и прочие земледельческие орудия, связанные с этим памятником. Характерно в этой связи, что многие из них носят следы предна-

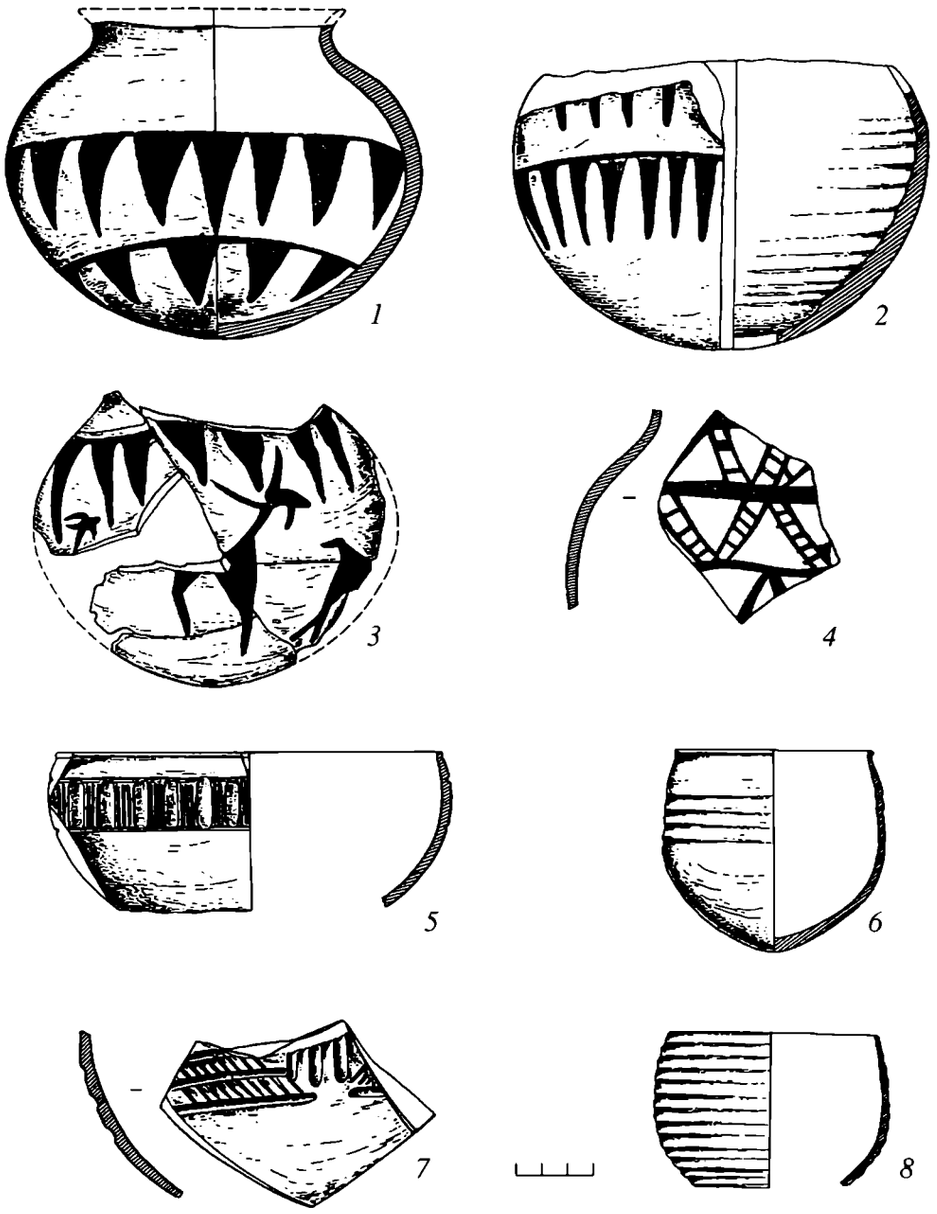


Рис. 15. Телль Хазна I. Керамика типа Ниневия V.

меренных изломов. Все это свидетельствует о культовом характере памятника в целом и прежде всего здесь следует иметь в виду земледельческий культ.

Учитывая, что для установления датировки раннединастического слоя Телль Хазны I важное значение имеют керамика и печати, на них мы остановимся в первую очередь. Керамика представляет собой наиболее массовую часть находок. Древнейшая ее группа, связанная с самыми ранними отложениями памятника, и в формах и в росписи отмечена типичными признаками традиции убейдской культуры. Особенно важно отметить, что если в прежние годы эта керамика была встречена на поверхности телля и местах перекопов, то сейчас основная ее часть происходит из специального стратиграфического шурфа, описанного выше. Согласно подсчетам, только украшенная росписью керамика убейдского типа составляет 34% находок нижней части слоя (рис. 16, *1–11*).

Реминисценции этой традиции явно чувствуются и в последующих слоях и более всего в урукском. При этом урукский слой по ряду показателей керамики прочно сопоставляется с материалами из слоев XIIa–XII Тепе Гавры (Tobler, 1950. P. LXXIX), траншеи CH Телль Брака (Oates, 1987. P. 194–196), IVd–Va поселения Хамам эт Туркман (Akkermans, 1988. Fig. 2, *5*; 15) и др.

Выше отмечено резкое падение количества сосудов с росписью убейдского типа. Теперь эта разновидность керамики не превышает 10%. Наиболее многочисленными становятся встречавшиеся и ранее открытые слабо профилированные сосуды типа coba-bowls. В целом зафиксирован рост

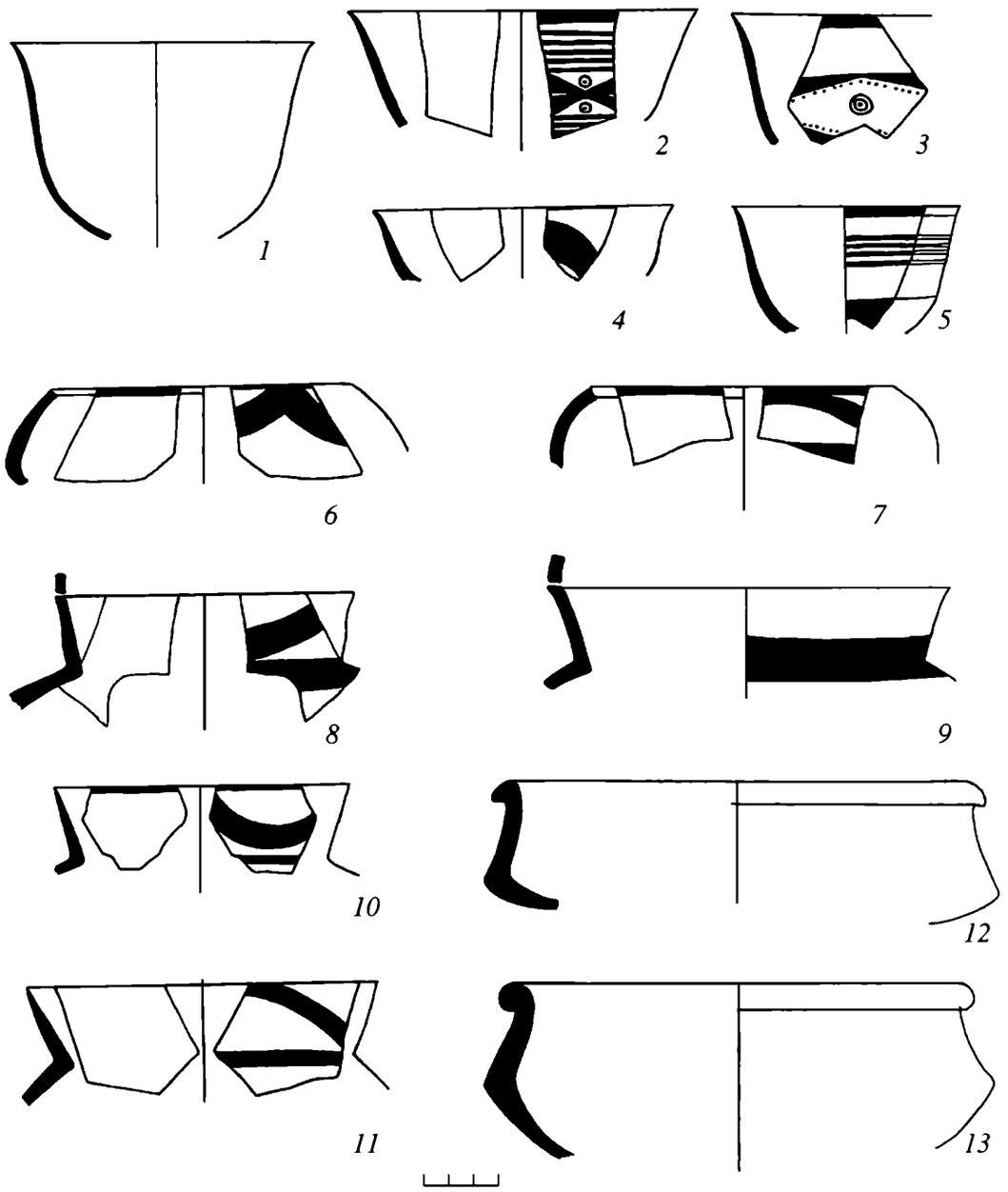


Рис. 16. Телль Хазна I. Керамика. *1–11* – фрагменты сосудов с убейдской росписью; *12*, *13* – сосуды урукской культуры.

числа сосудов урукских форм (рис. 16, *12*, *13*; 17), которые могут быть уверенно синхронизированы с материалами Тепе Гавры XI–IX (Tobler, 1950. Pl. CXLI–CXLVIII), фазы 2а Умм Ксеир (Tomita, 1998. P. 146), слоев VIIa–VIIb Телуль эт Талятат (Egami, 1959. Fig. 53, *9*) и других памятников. Позднеурукская керамика Телль Хазны I, как и соответствующая ей посуда Тепе Гавры, Телль Брака, Телль Лейлана и других памятников Джезиры, продолжает культурную традицию Северной Месопотамии, восходящую к Убейду и в отдельных проявлениях даже к более ранним комплексам.

Выше, в слоях, связанных со временем сложения и функционирования храмового комплекса Телль Хазны I, наблюдаются заметные изменения в составе керамической коллекции памятника. Здесь впервые появляется тонкостенная посуда типа Ниневия V, которая встречается на всем протяжении функционирования культового центра и даже позже (об этом свидетельствуют находки ее в описанном погребении № 31). В Телль Хазне I зафиксированы целые формы и многочисленные фрагменты этой керамики, в том числе как с расписным, так и прочерченным орнаментом (рис. 15). Подавляющее большинство ее обнаружено внутри храмовых сооружений. Прежде всего это касается участков XII–XIV/14–17, т.е. центральной части "нижнего храма". В это же время начинают широко распространяться груболепные так называемые кухонные сосуды и появля-

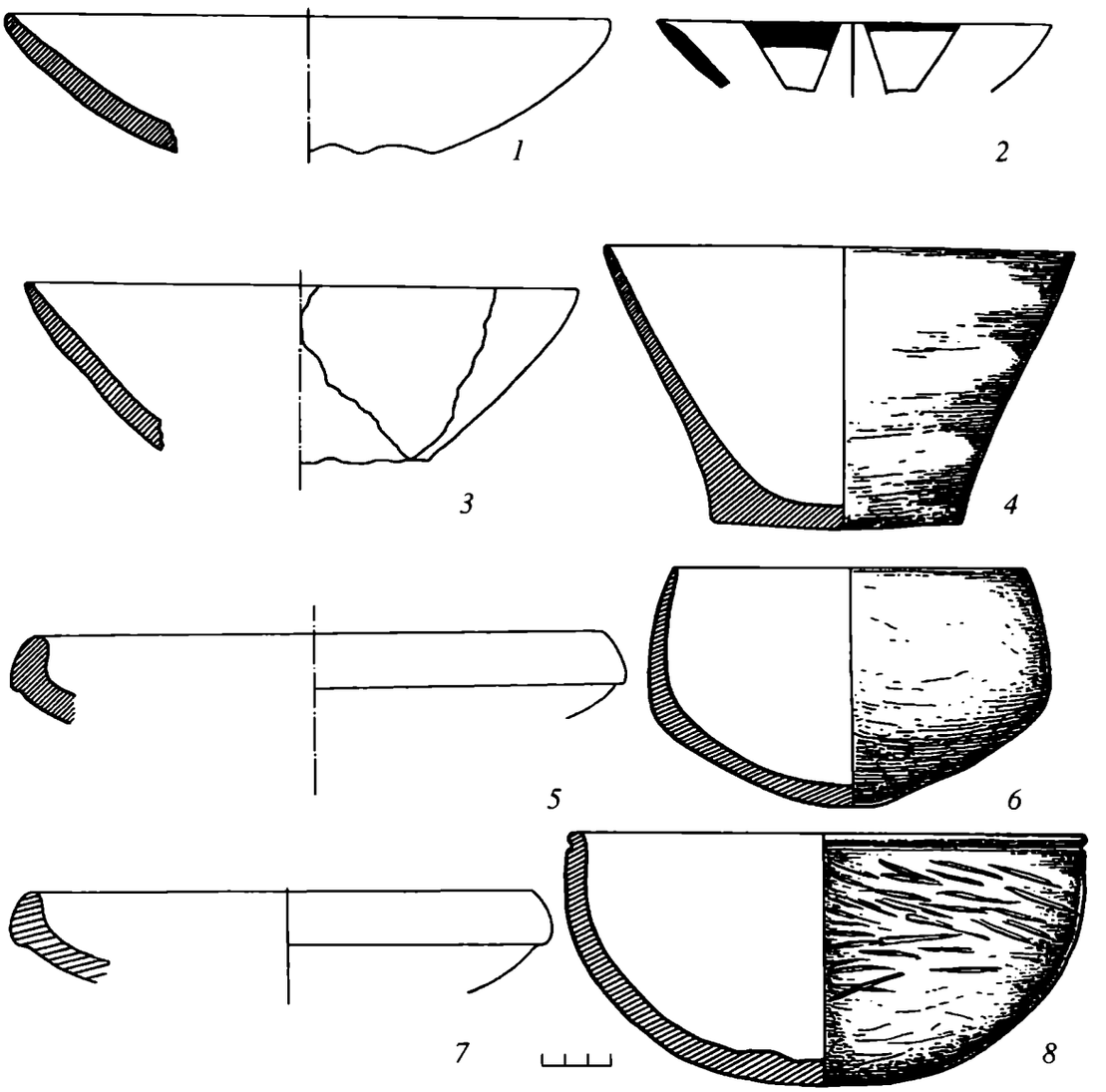


Рис. 17. Телль Хазна I. Керамика урукской культуры.

ются тарелки с молоточковидным венчиком и кувшины с носиком-сливом.

Весь комплекс керамики из этих слоев находит аналогии в тех же памятниках Джезиры, в частности в слоях XI–IX траншеи CH на Телль Браке (Oates, 1986. P. 163. Fig. 3), 5–7 Телль Ракаи (Schwartz, Curvers, 1992. P. 416), а также в Тепе Гавре VIII–VII (Speiser, 1935. Pl. LXIII–LXVI) и т.д., поэтому слои, в которых она найдена, могут быть датированы поздним Уруком и началом раннединастического периода.

В последующих слоях распространяются сосуды новых форм, включая крупные округлодонные пифосы для хранения зерна и воды, разнообразные горшки и т.д. (рис. 18). Все они характерны уже для собственно раннединастической керамической традиции и связаны, как правило, с использованием круга быстрого вращения. Аналогичные им сосуды встречены в слоях раннединастической эпохи (периода I–II) целого ряда памятников Северо-Восточной Сирии: слой 3 Телль Ракаи (Schwartz, Curvers, 1992. P. 416), четвертый слой Чагар Базара (Mallowan, 1936. Fig. 11–13), слой IIId Телль Лейлана (Weiss, 1991. P. 706) и т.д.

Таким образом, керамические показатели свидетельствуют о том, что культовый центр на Телль Хазне I возник скорее всего в урукский период и просуществовал до первых двух периодов раннединастической эпохи, т.е. от рубежа IV–III тыс. до н.э. до второй четверти III тыс. до н.э. Этому не противоречит и основная масса прочего материала, прежде всего весь остальной комплекс керамических находок. Он включает в себя глиняные очажные подставки (их обнаружено около 40), модели колес (почти все со ступицами), пряслица и отдельные поделки. Особо выделим находки антропоморфных и зооморфных фигур. Заметно преобладают последние. За минувшие четыре сезона их найдено здесь около 25 (рис. 19, *6–11*). Как и фигурки из раскопок Телль Хазны I предшествующих лет (а общее число их уже превышает 120), они изображают баранов, собак, свиней и

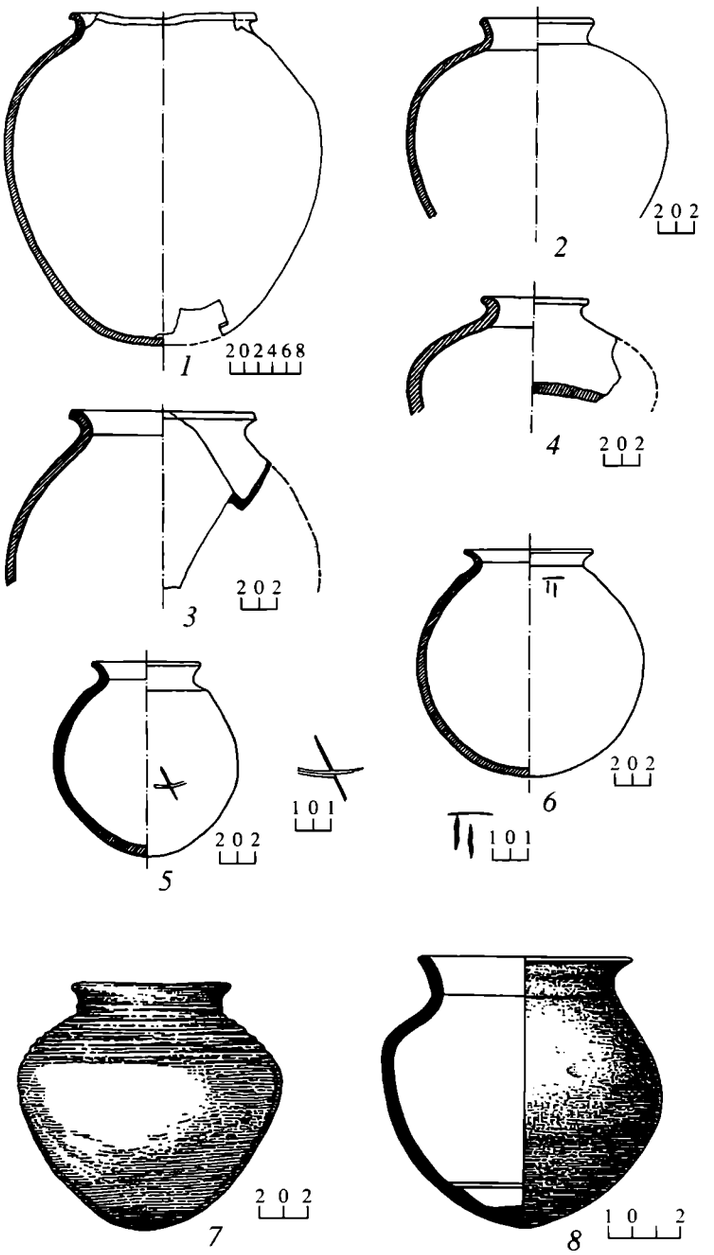


Рис. 18. Телль Хазна I. Керамика раннединастического периода.

прочих животных и продолжают, можно сказать, месопотамскую традицию, корни которой уходят в докерамический неолит (Джармо, Телль Магзалия и т.д.). В данной связи отметим и находку скульптурной головки быка (рис. 19, *11*).

Антропоморфных же статуэток найдено значительно меньше, около 20, в том числе 10 в 1997–2000 гг. (рис. 19, *1–5*). Они представляют несколько схематизированных типов человеческих фигур, но есть и выполненные в реалистической манере. Вся коллекция пластики требует отдельного рассмотрения и изучения. Тогда, возможно, и она может быть использована в какой-то степени при определении датировки памятника в целом.

Обратимся теперь к печатям. Всего их на Телль Хазне I обнаружено 12, в том числе в 1997–2000 гг. – 8. По форме и изображениям на них они разделяются на две группы. Первая – в виде небольших цилиндров (рис. 20, *1*, *2*, *9*). Их пять – три каменные и две глиняные. Изображения на них отличаются геометрическими и сильно схематизированными растительными мотивами. Показательно, что все они обнаружены в верхних горизонтах Телль Хазны I. Как показало исследование Д. Коллон, печати с подобным стилем изображений широко распространены на Ближнем Востоке и датируются раннединастической эпохой, а именно 3000–2234 г. до н.э. (Collon, 1988. P. 7–2).

Вторая группа печатей заметно отличается от цилиндрических. Они каменные, плоские, прямоугольной и округленной формы (рис. 20, 3–8). К ним относится упоминавшаяся уже печать из заклада башни № 37. На ней изображена, вероятно,

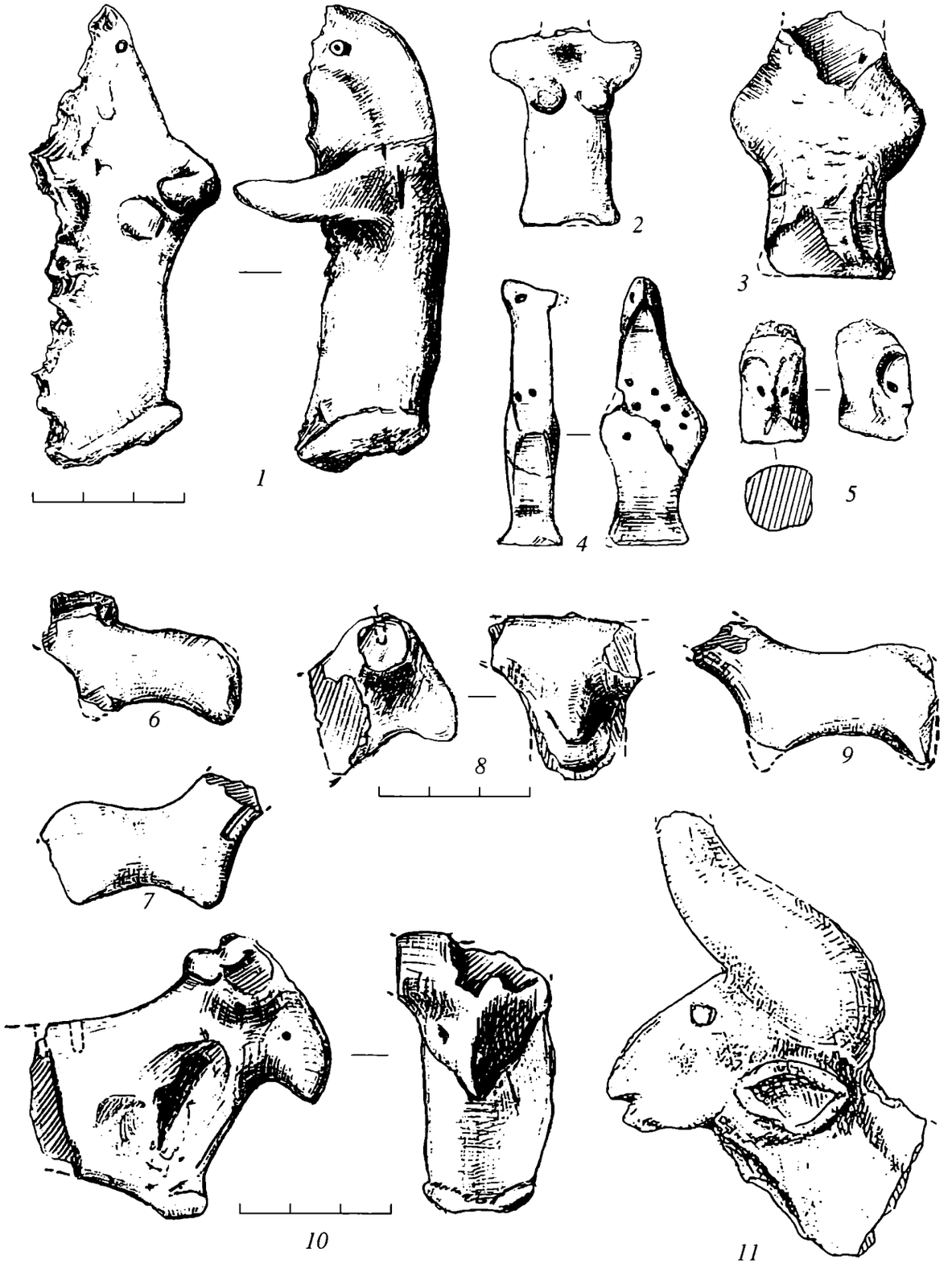


Рис. 19. Телль Хазна I. Антропоморфные (*1–5*) и зооморфные (*6–11*) фигурки.

сцена терзания львом копытного животного (рис. 9, *1*; 20, *6*).

На Телль Хазне I найдена и другая печать с близким сюжетом – лев и под ним козел – ? (рис. 20, *3*). Еще на одной печати изображены два копытных с подогнутыми ногами (рис. 20, *8*). Эти печати в отличие от цилиндрических обнаружены в нижней части культурного слоя Телль Хазны I. Они четко сопоставляются с печатями из слоев XI–XIA Тепе Гавры (Tobler, 1950. Pl. CLXIV, *98*, *100*; CLXVIII, *145*, *146*, *152*, *153*, *156*) и позднеурукского слоя Чагар Базара (Mallowan, 1947. Pl. XX, *2*, *34*, *36*). Представленный на них стиль изображения характерен для печатей конца IV–начала

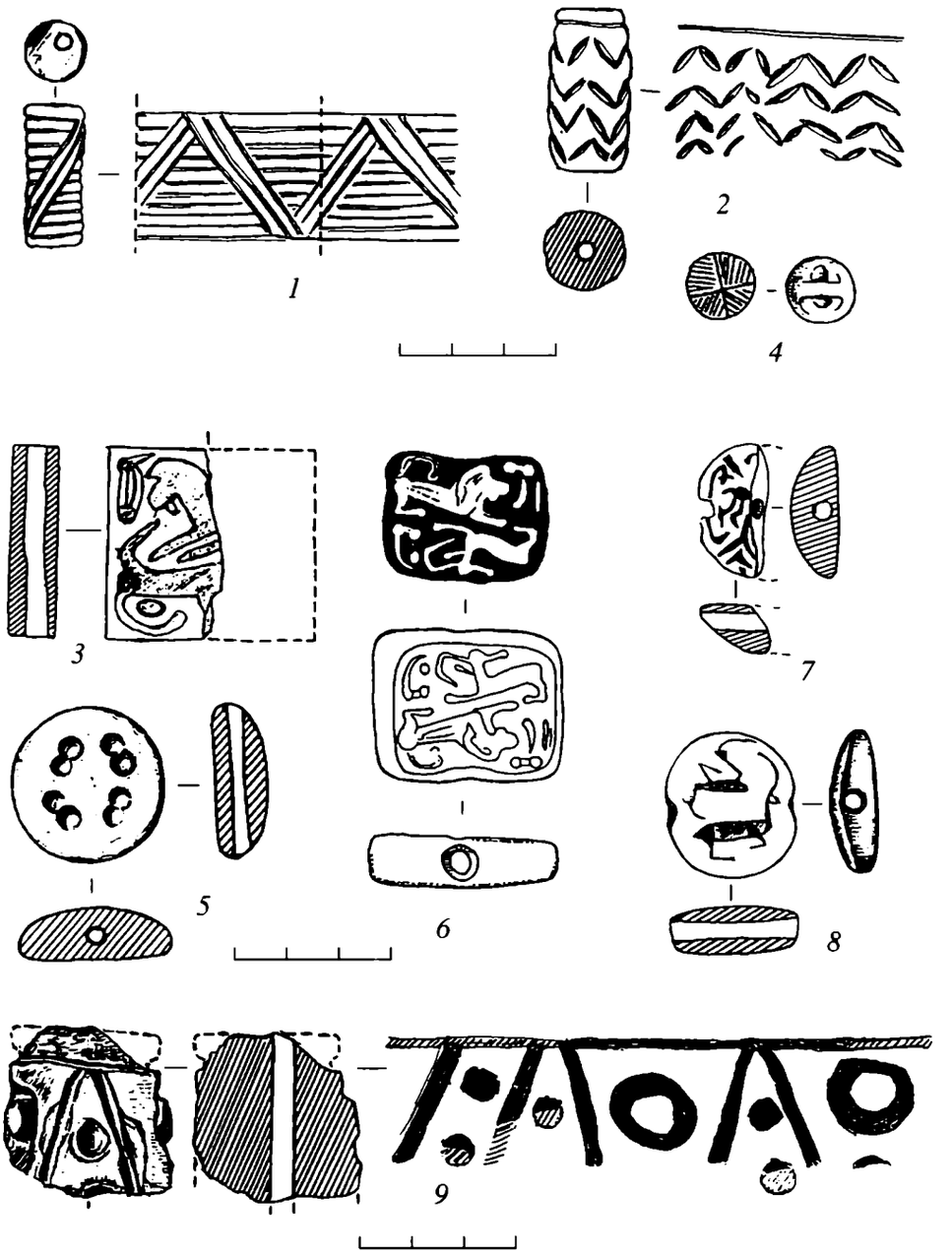


Рис. 20. Телль Хазна I. Печати. *1*, *3–8* – камень; *2*, *9* – глина.

III тыс. до н.э. и из других памятников Ближнего Востока (Collon, 1988. P. 13–19. Fig. 11, 17).

Этим же временем могут быть датированы и три другие печати из черного камня (рис. 20, *4*, *5*, *7*). Поэтому мы склонны относить именно к этому – позднеурукскому – периоду и начало функционирования культового центра на Телль Хазне I. С этим согласуются показатели и всех прочих категорий находок из Телль Хазны I.

Таким образом результаты раскопок Телль Хазны I в 1997–2000 годах полностью подтвердили и развили высказанные нами ранее заключения об уникальности данного памятника, его архитектурной специфике, функциональном назначении и хронологии. Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что Телль Хазна I – это древнейший на территории Сирии и Северной Месопотамии в целом памятник типа "высокого храма", отличающийся к тому же беспрецедентной сохранностью. По всем своим параметрам и степени древности он не уступает своим немногочисленным аналогам в Южной и Средней Месопотамии.

Статья написана в рамках выполнения проекта № 99.01.00043а по гранту РГНФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зубов А.Б. История религии. Кн. I. М., 1997.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // РА. 1997. № 2.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О. Телль Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988–1989 гг.) // СА. 1990. № 2.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4.

Akkermans P.P.N.M. An Updated Chronology for the Northern Ubaid and late chalcolithic periods in Syria: new evidence from Tell Hammam et-Turkman // Iraq. 1988.

Collon D. First impressions cylinder seals in the Ancient Near East. Chicago; London, 1988.

Delougaz P.A. The Temple Oval at Khafajah // Oriental Institute Publications. 1940. № 53.

Egami N. Talul eth-Tnalathat. The excavation of Tell II, 1956–1957. Tokyo, 1959.

Fortin M., Copper L. Canadian excavations at Tell Atij (Syria) // Bulletin of Canadian Society for Mesopotamian studies. 1994. № 27.

Lloyd S. The archaeology of Mesopotamia. London, 1978.

Mallowan M.E.L. Excavations at Chagar Bazar and archaeological survey of the Habur region of north Syria 1934–1935 // Iraq. 1936. III.

Mallowan M.E.L. Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. 1947. IX.

Merpert N.Ya., Munchaev R.M. Religious complex at Tell Hazna I in North-East Syria // The International colloguium "Aleppo and Silk Road". Damascus, 1994.

Munchaev R.M., Merpert N.Ja. Da Hassuna a Accad. Scavi della missione russa nella regione di Hassake, Siria di NE // Mesopotamia. 1994. XXIX.

Oates J. Tell Brak: The Uruk/ED seguence // Gemdet Nasr – Period or Regional style? Wiesbaden, 1986.

Oates D. Excavations at Tell Brak 1985–1986 // Iraq. 1987. 49.

Pittman H. Pictures of an administration of the Late Uruk scribe at work. Between the rivers and over the Mountains // Archaeologica Anatolica and Mesopotamica. Alba Palmieri dedicata. Roma, 1993.

Schwartz G.M. The Ninevit V Period and the development of complex society in Northern Mesopotamie // Paleorient. 1987. V. 13/2.

Schwartz G., Curvers H. Tell al-Ragai 1989 and 1990: Further investigations at small rural site of early urban northern Mesopotamia // American Journal of Archaeology. 1992. 96.

Sievertsen V. Untersuchungen zur Pfeiler-Nischen Architectur in Mesopotamien und Syrien von ihren Anfangen im 6. Jahrtausend bis zum Ende der frudynastischen Zeit. Teil I, II // BAR. Inter. Series. 1998.

Speiser F.A. Excavations at Tepe Gavra. I. Philadelphia, 1935.

Tobler A. Excavations at Tepe Gavra. II. Philadelphia, 1950.

Tomita T. Chapter 2 – Pottery // Excavations at Tell Umm Qseir in middle Khabur valley. North Syria, report of 1996 season. Tokyo, 1998.

Tunca O. L'architecture religiese protodinastique en Mesopotamie. I–II. Leuven, 1984.

Weiss H. Archeology in Syria // American Journal of Archaeology. 1991. 95.

Tell Hazna I: the Recent Excavations' Results

R. M. Munchaev, N. Ya. Merpert, Sh. N. Amirov

Summary

In the article there are presented the results of the recent field seasons at Tell Hazna I – a unique site of the 4th–3rd mill. BC in North-East Syria. The site represents an ancient religious and administrative centre of North Mesopotamia, marked by its well-preserved temple constructions. The hill is 150–200 m in diameter and 17 m high, its cultural deposit being 16 m thick. The lower layers belong to the Ubaid and Uruk cultures (the 5th–4th mill. BC), whilst the main stratum dates to the Early Dynastic period (the first half of the 3rd mill. BC). This particular stratum is the basic subject of the investigations carried out. The excavated area exceeds 2000 sq. m. The remains of over 250 constructions were discovered, built over several platforms-terraces. Massive towers are of special interest, they are interpreted as buildings of both cult and storage function; some of them are preserved nearly to their original heigth. In the year 2000 the excavations on the tell's north slope were started, an interesting system of massive constructions was cleared there as well. Numerous collection of finds from Tell Hazna I should be mentioned, comprising agricultural tools, pottery (including vessels of Nineveh V type), zoomorphic and anthropomorphic figurines, stone and clay seals, etc. The site in question sould be ascribed to so-called "High Temples", khown so far in Middle and South Mesopotamia only.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 114–123

ПУБЛИКАЦИИ

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА – ПОСЕЛЕНИЕ ЯЗЕВО-1

© 2001 г. Н. П. Матвеева*, Т. М. Потемкина**, И. Ю. Чикунова*

*Институт проблем освоения Севера, Тюмень.
**Институт археологии РАН, Москва

30 лет назад при раскопках многослойного поселения II–I тыс. до н.э. Язево-1 в лесостепном Притоболье была получена значительная коллекция керамики раннего железного века с четкими стратиграфическими и планиграфическими привязками. Эти материалы были охарактеризованы Т.М. Потемкиной лишь в самой общей форме при публикации комплексов эпохи бронзы (Потемкина, 1985. С. 30–75. Рис. 15, 16, 33, *3*. Табл. 13). В силу конкретной научной направленности исследования автора раскопок материалы раннего железного века необходимой оценки так и не получили. Между тем этот хорошо стратифицированный и датируемый рядом находок комплекс довольно обширен и нуждается в более детальном анализе.

Поселение находится южнее д. Язево Куртамышского района Курганской области на левом берегу Тобола. Оно было открыто в 1963 г. разведочным отрядом УАЭ под руководством В.Т. Юровской. Памятник расположен на мысу первой надпойменной террасы высотой до 2 м. Площадь его составляла около 20 тыс. м^2. Вдоль края террасы на расстоянии 12–20 м друг от друга четко выделялись 11 земляночных западин размерами 10–25 × 12–35 м и глубиной 0.2–0.6 м, расположенных двумя параллельными неровными рядами (рис. 1, А). Ко времени раскопок поселение распахивалось.

С 1968 по 1971 г. на селище велись исследования археологической экспедицией Курганского пединститута под руководством Т.М. Потемкиной. За четыре полевых сезона тремя раскопами вскрыто шесть жилищ, хозяйственная постройка, очаги, столбовые и хозяйственные ямы, большая часть которых относится к эпохе бронзы (Потемкина, 1985. С. 30, 31).

Керамический материал, относящийся к раннему железному веку, из всех трех раскопов аналогичен. Он насчитывает 567 фрагментов керамики, не менее чем от 315 сосудов. Следует отметить, что предварительная обработка проводилась отлично от позднее выработанных приемов статистической обработки, а именно: шейки и орнаментированные стенки учитывались суммарно. Кроме этого, поскольку классификация культур раннего железного века этого региона появилась позже (Стоянов, 1970. С. 238–253), не была проведена статистическая обработка керамики раннего железного века по культурно-типологическим группам.

В настоящее время типологически вся керамика может быть разделена на два неравноценных в количественном отношении комплекса.

Первая группа – 273 экз. (86.4%) – включает круглодонные сосуды средних размеров с яйцевидным или шаровидным туловом и большой примесью песка в тесте (рис. 2; 3). Посуда с прямой или отогнутой наружу шейкой (таблица, А; рис. 4, А). Внешняя и внутренняя поверхность посуды шероховатая на ощупь и в большинстве случаев заглажена. Примерно четверть общего количества сосудов обработаны щепой или травой. Венчик в основном уплощенный, округлый или с карнизиком. За редким исключением орнаментированы все фрагменты этой группы. Декор покрывает край венчика, шейку и плечики либо только край венчика и плечики, срез венчика и шейку, шейку и плечики или только плечики (рис. 4, Б). В технике орнаментации преобладают гребенчатый штамп (таблица, А; рис. 5, А) и резные линии. Узоры довольно однообразны: горизонтальные ряды наклонных длинных насечек в один – четыре ряда. Несколько сосудов украшены волнистыми линиями, выполненными протащенной гребенкой (рис. 2, *4, 8, 9*; 3, *1, 6, 7*).

Встречаются ряды уголков, решетка (рис. 2, *3, 5–7*; 3, *5*). Часто в дополнение к плоскостному узору сосуды декорировались рельефным: рядом ямок или жемчужин (рис. 2, *1, 2*; 3, *6, 8*; 5, Б). По срезу венчика часто наносился ряд наколов, отпечатков гребенчатого штампа или насечек.

Описанная керамика имеет широкие аналогии в материалах с ряда лесостепных зауральско-западносибирских памятников баитовской культуры (рис. 1, В). Они получили распространение в начале раннего железного века в VII–IV вв. до н.э., например Узловское поселение на Ишиме (Стоянов, 1969. С. 65–90), Носиловское-2 (Стоянов, 1975. С. 115–138), Ботниковское-1а и Рафайловское-2 поселения на Исети (Матвеева, 1989. С. 77–103).

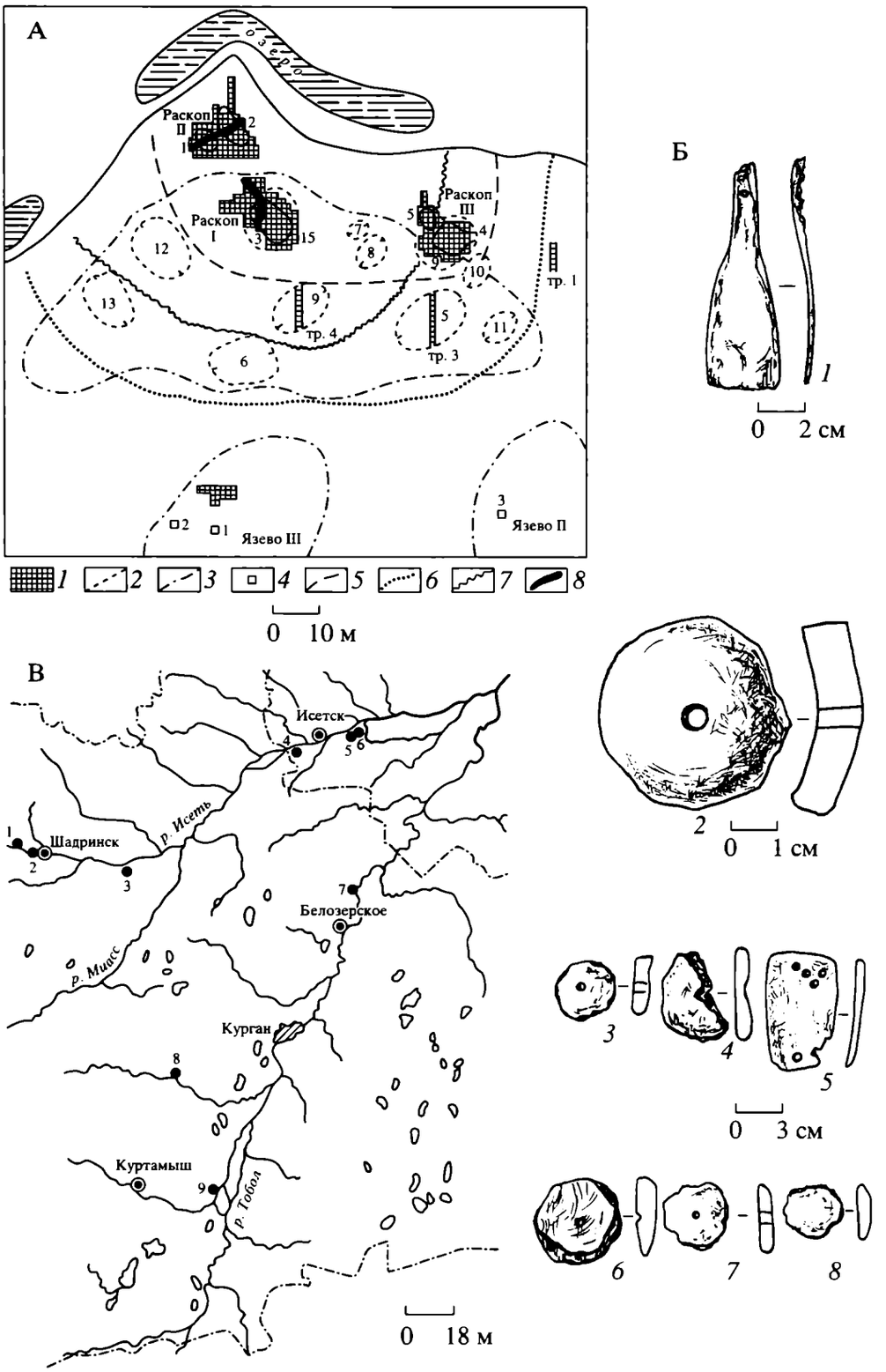


Рис. 1. Поселение Язево – 1. А – общий план: *1* – раскопы; *2* – очертания земляночных западин на поверхности; *3* – граница распространения находок на поверхности; *4* – шурфы; *5* – предполагаемая граница поселения эпохи развитой бронзы; *6* – предполагаемая граница поселения эпохи поздней бронзы; *7* – предполагаемая граница поселения в эпоху раннего железа; *8* – канавы раннего железного века. Б – инвентарь: *1* – костяная лопаточка; *2–4, 6–8* – глиняные пряслица; *5* – костяная панцирная пластинка. В – схема расположения опорных памятников баитовской и гороховской культур в Среднем Притоболье: *1* – Воробьевское; *2* – Носиловское-2; *3* – Прыговское; *4* – Рафайловское-2; *5* – Ботниковское-1а; *6* – Ботниковское-1б; *7* – Речкино-1; *8* – Чудаки (Гороховское); *9* – Язево-1.

В связи с отсутствием датирующих вещей в данном комплексе для определения его хронологической позиции мы предприняли сравнение язевской коллекции с керамикой баитовской культуры Носиловского городища, а также селищ Речкино-1, Рафайлово-2 и Ботники-1а по

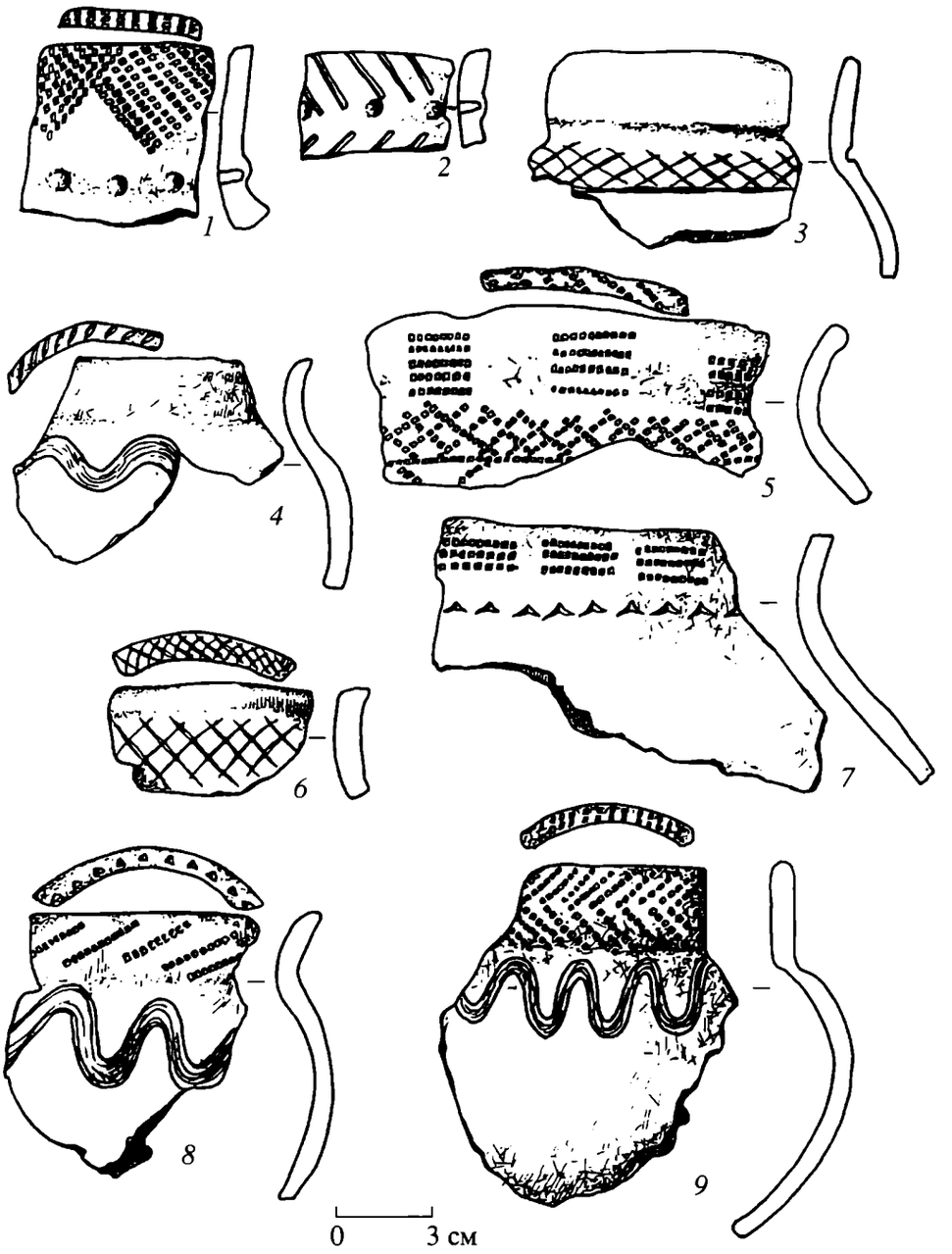


Рис. 2. Поселение Язево-1. Керамика первой группы. Баитовская культура.

следующим категориям: форма сосуда, форма венчика, техника орнаментации и элементы узора[1] Анализ построенной дендограммы (рис. 6, А) также показал большое сходство названных памятников, в частности Язево-1 и Речкино-1, баитовский слой которого предположительно датирован серединой I тыс. до н.э. (Стоянов, Ширяев, 1964. С. 81). Это дает возможность хронологической трактовки описываемой баитовской выборки как одной из наиболее поздних и позволяет отнести ее к V–IV вв. до н.э.

[1] Статистическая обработка всех использованных здесь керамических комплексов баитовской культуры проведена Н.П. Матвеевой в кандидатской диссертации (Матвеева, 1987а. Табл. II).

Вторая группа керамики представлена обломками 42 крупных толстостенных сосудов с шаровидным туловом и округлым дном, диаметр которых по венчику составляет от 18 до 24 см (рис. 7; 8). Вся посуда лепная, изготовлена из глины с примесью мелко толченного талька. Венчик в большинстве случаев скошен внутрь либо имеет уплощенную форму (таблица, Б; рис. 9, А). В основном прямая шейка плавно переходит в тулово. Внутренняя и внешняя поверхности этой посуды во всех случаях заглажены щепой. Орнамент покрывает шейку, реже – плечико (рис. 9, Б) и состоит из одного-трех рядов наклонных насечек или елочки по шейке или плечикам, выполнен гребенчатым штампом или прочерчиванием (таблица, Б; рис. 10, А, Б). Встречаются вертикальные

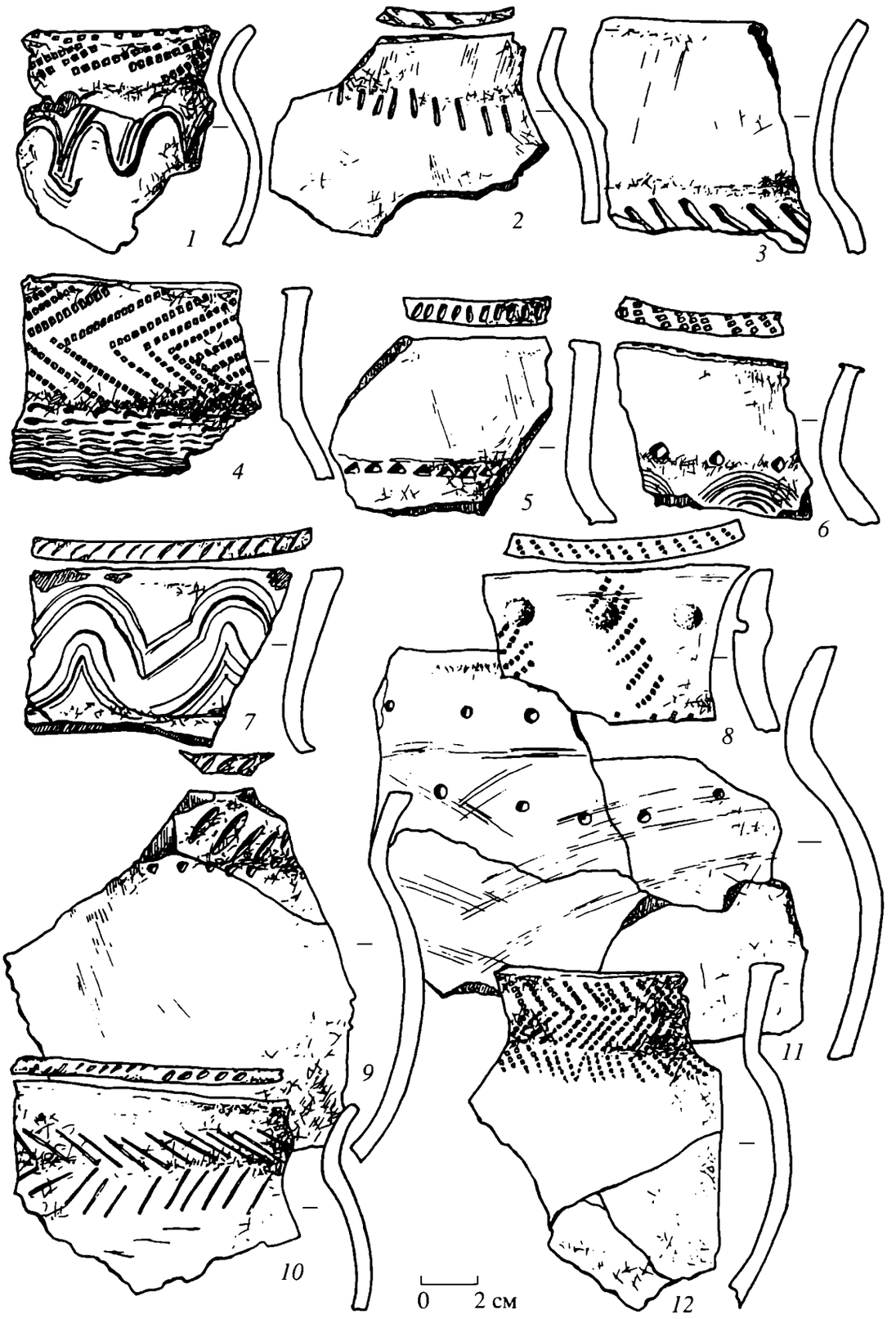


Рис. 3. Поселение Язево-1. Керамика первой группы. Баитовская культура.

отпечатки гребенчатого штампа (рис. 7, *4, 9*; 8, *7*). Один фрагмент украшен по плечику защипами (рис. 8, *10*). Часто оформлялся и срез венчика (рис. 7, *1, 3, 4, 7, 8, 11, 15*).

Данная керамика находит самые близкие аналогии на памятниках раннего железного века, относимых к гороховской культуре (рис. 1, В), – городищах Чудаки, Воробьевском и Ботниковском-1б поселениях (Сальников, 1947; Матвеева, 1991. С. 148), а также на многослойных, имеющих комплексы данного типа: Прыговском, Рафайловском горо-

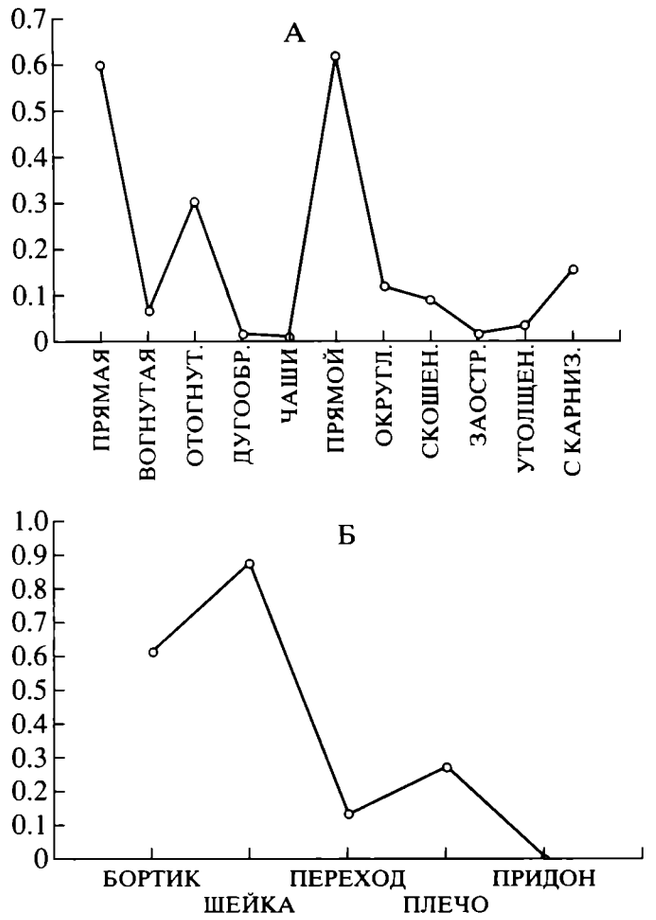


Рис. 4. Поселение Язево-1. Керамический комплекс баитовской культуры. А – график средних формообразующих показателей керамики; Б – график средних показателей по зонам орнаментации.

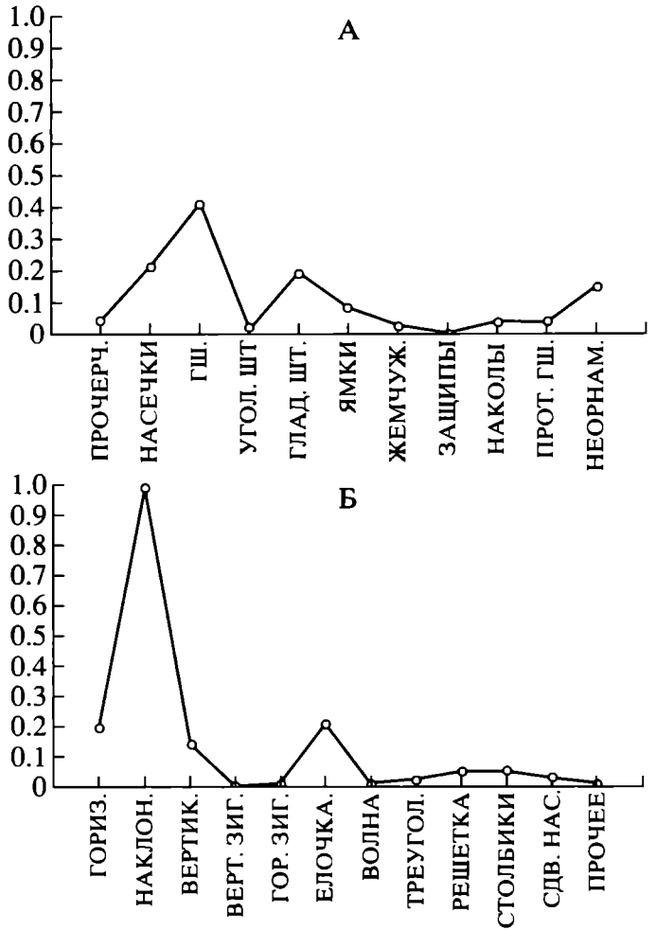


Рис. 5. Поселение Язево-1. Керамический комплекс баитовской культуры: А – график средних показателей техники орнаментации; Б – график средних показателей по элементам узора.

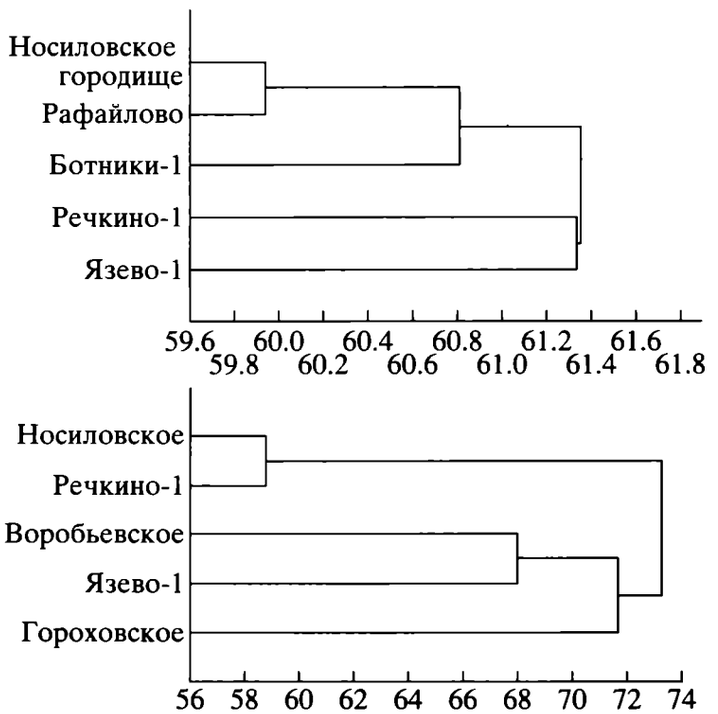


Рис. 6. Иерархические дендрограммы керамических комплексов с памятников раннего железного века Среднего Притоболья: А – баитовская культура; Б – гороховская культура.

дищах (Генинг, Позднякова, 1974. С. 36–71; Матвеева, 1991. С. 156).

Для определения места гороховского комплекса Язево-1 среди других однокультурных памятников был предпринят кластер-анализ керамики, в котором использованы выборки с Носиловского, Воробьевского, Гороховского (Чудаки) городищ и селища Речкино-1[2]. Иерархическая классификация проведена по перечисленному при описании баитовской посуды набору категорий. Дендрограмма показывает наибольшее сходство Язево-1 и комплекса с Воробьевского городища (рис. 6, Б), датированного V–IV вв. до н.э., что дает нам основания их синхронизировать. Таким образом, можно отнести время последнего заселения рассматриваемого памятника ко второму, собственно гороховскому этапу данной культуры, понимая под ним период V–II вв. до н.э. в периодизации, предложенной Н.П. Матвеевой (1987б. С. 14; 1991. С. 158–160).

[2] Статистические данные по керамике гороховской культуры с памятников Речкино-1, Носиловского поселения, Гороховского, Воробьевского городищ взяты из статьи Н.П. Матвеевой (1991. С. 154, 155. Табл. 1.).

Характеристика керамики раннего железного века поселения Язево-1

Показатель	Баитовский комплекс А		Гороховский комплекс Б	
	кол-во	%	кол-во	%
Форма шейки				
Прямая	165	60.25	24	55.51
Вогнутая	17	6.57	5	11.63
Отогнутая	85	31.02	14	32.56
Дугообразная	4	1.46	–	–
Чаши	2	0.73	–	–
Всего	273	100	43	100
Форма венчика				
Прямая	168	60.82	11	23.4
Округлая	28	10.13	6	12.77
Скошенная	20	7.24	16	34.04
Заостренная	10	3.62	2	4.26
Утолщенная*	8	2.9	6	12.77
С карнизиком*	42	15.20	6	12.77
Всего	273	100	43	100
Количество строк по зонам				
Бортик	167	31.99	10	15.38
Шейка	242	46.36	45	69.23
Переход	31	5.93	2	3.08
Плечо	81	15.51	8	12.31
Придонная часть	1	0.21	–	–
Всего строк	522	100	65	100
Техника орнаментации				
Прочерченная	13	3.84	5	10.64
Насечки	79	18.80	4	8.51
Гребенчатый штамп	101	29.88	19	40.42
Уголковый штамп	5	1.57	–	–
Гладкий штамп	47	13.90	7	14.89
Ямки	23	6.8	–	–
Жемчужины	7	2.3	–	–
Защипы	–	–	1	2.13
Наколы	11	3.25	–	–
Протащенная гребенка	12	3.55	2	4.26
Не орнаментирован	40	11.84	9	19.15
Всего	273	100	43	100
Элементы узора				
Горизонтальные	54	11.15	4	7.56
Наклонные	270	55.78	26	49.06
Вертикальные	39	8.05	4	7.56
Вертикальный зигзаг	1	0.2	2	3.77
Горизонтальный зигзаг	2	0.41	–	–
Горизонтальная елочка	66	13.63	14	26.42
“Волна”	7	1.44	–	–
Треугольники	4	0.82	–	–
Решетка	13	2.68	–	–
Столбики	14	2.89	2	3.77
Сдвоенные насечки	12	2.47	1	1.89
Другое	2	0.41	–	–
Всего	273	100	43	100

* Данные признаки могут сочетаться с предыдущими.

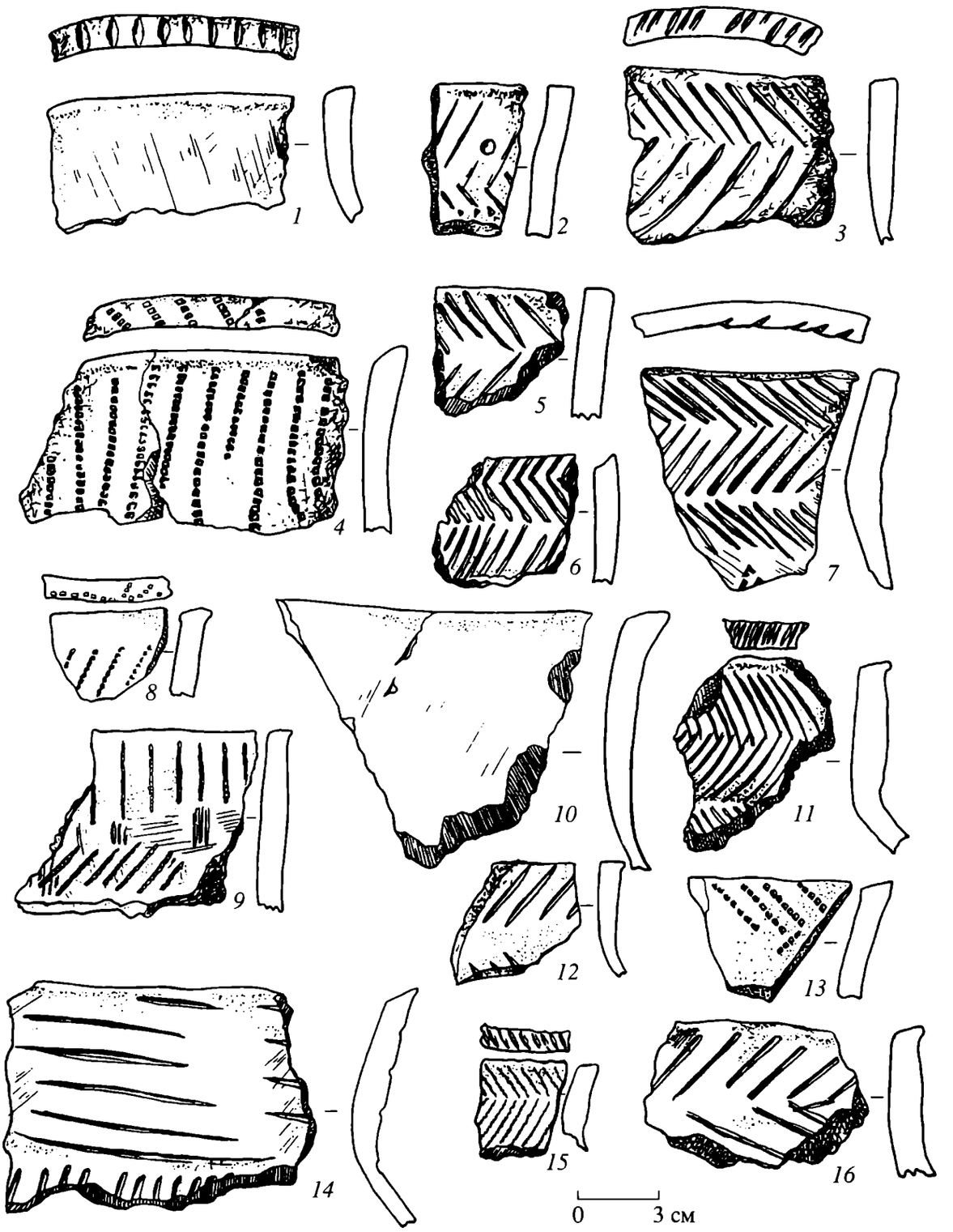


Рис. 7. Поселение Язево-1. Керамика второй группы. Гороховская культура.

Рассмотрим распределение керамики баитовской и гороховской культур на поселении. Фрагменты раннего железного века были сосредоточены в основном в северо-западной части поселения, а из них около 65% – на раскопе II (на площади ранних жилищ 1 и 2) (рис. 1, А). Битые черепки, а также развалы гороховских и баитовских сосудов (Потемкина, 1985. С. 60. Рис. 15) не удалось разделить стратиграфически[3], они залегали совместно в верхних слоях практически всех раскопанных жилищ и сооружений. Учитывая

[3] Стратиграфические таблицы распределения керамики раннего железного века на поселения Язево-1 представлены в кандидатской диссертации Т.М. Потемкиной (1976. Р-2. № 2208. С. 63; № 2298а. Табл. 13–17, 20; № 2298б. Табл. 24–27).

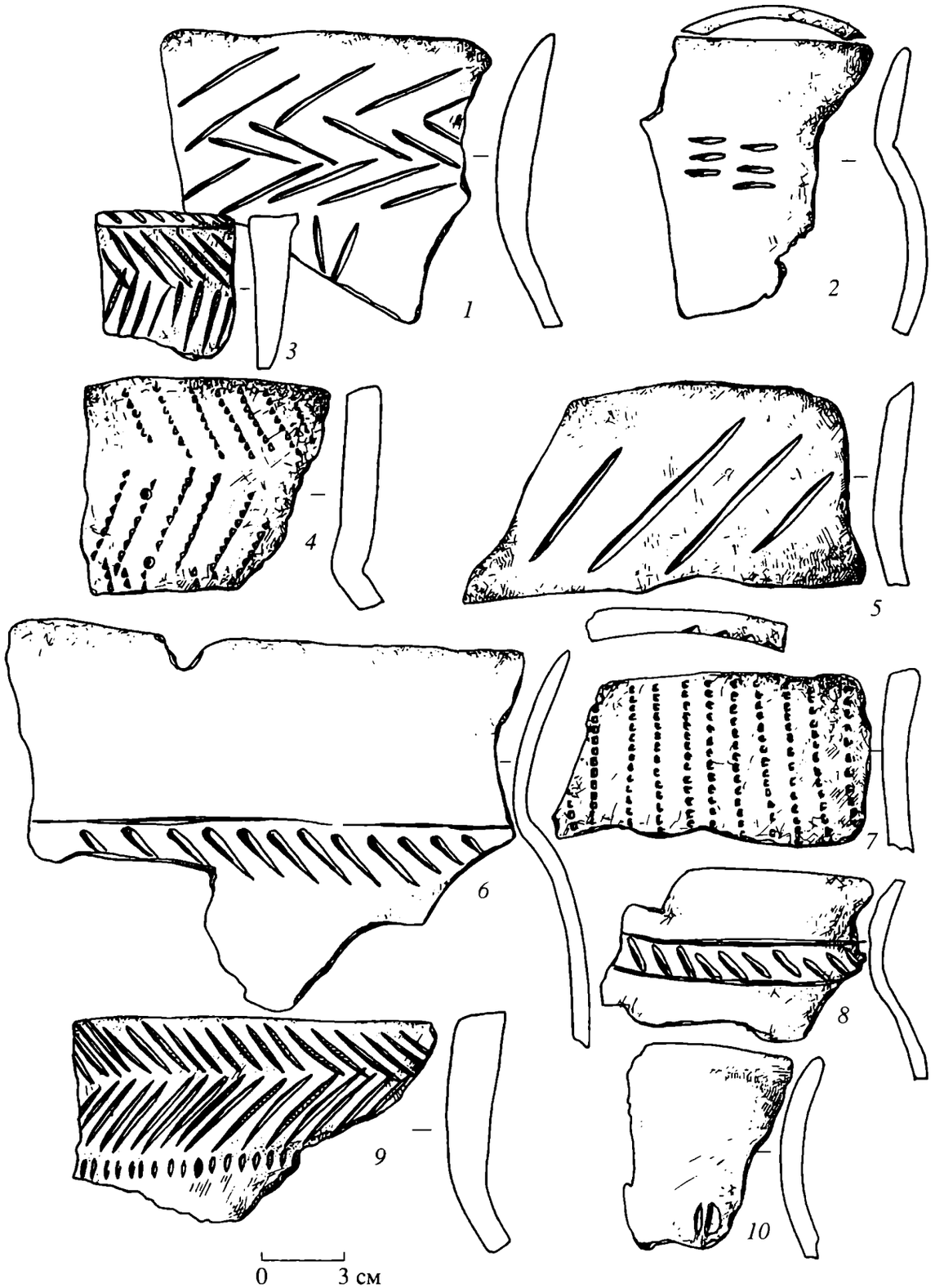


Рис. 8. Поселение Язево-1. Керамика второй группы. Гороховская культура.

скопления керамики в котлованах землянок, особенно жилищ 1 и 2 (II раскоп), можно сделать вывод, что постройки раннего железного века были впущены в жилищные западины эпохи бронзы, и почти полностью повторяли их очертания. Культурные наслоения раннего железного века не разрушают, а перекрывают более ранние. О значительном хронологическом разрыве между вторым (алексеевско-саргаринским) и последним (эпохи раннего железа) периодами существования поселения свидетельствуют стерильные прослойки толщиной 15–20 см. Например, в жилищах 3 и 9 очаги и сосуды раннего железного века находились непосредственно на стерильной про-

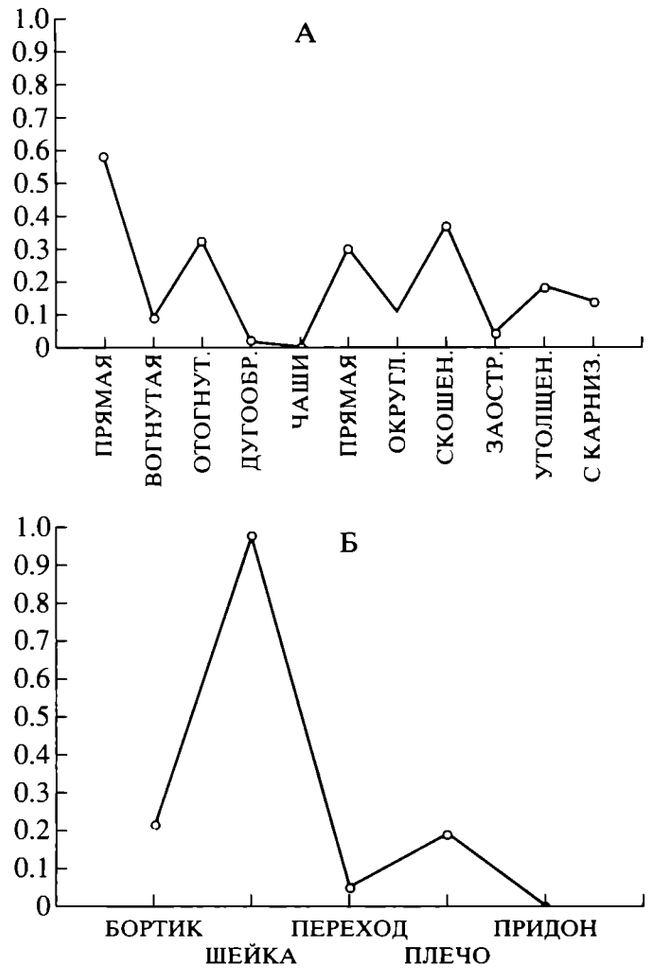


Рис. 9. Поселение Язево-1. Керамический комплекс баитовской культуры: А – график средних формообразующих показателей; Б – график средних показателей по зонам орнаментации.

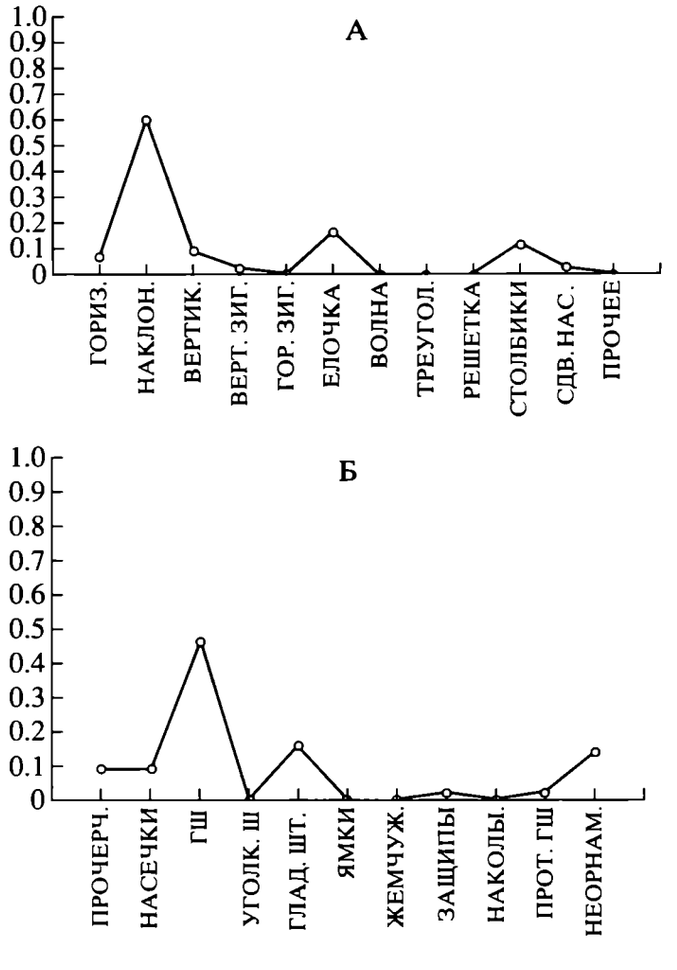


Рис. 10. Поселение Язево-1. Керамика гороховской культуры: А – график средних показателей по элементам узора; Б – график средних показателей техники орнаментации.

слойке (Потемкина, 1985. С. 31, 39, 64). Совместное залегание баитовской и гороховской керамики с определенностью указывает только на недолговременность пребывания здесь групп разнокультурного населения в раннем железном веке, оставляя открытым вопрос об их последовательности. Впрочем, несколько более крупные размеры гороховских черепков и малое их количество могут свидетельствовать в пользу более поздней их позиции на памятнике. Если считать гороховский слой самым поздним и кратковременным, то это может объяснить, почему баитовских остатков больше в количественном отношении и они оказались не слишком сильно разрушенными.

Из вещевого материала к последнему периоду заселения памятника относятся несколько пряслиц, изготовленных из обломков посуды с примесью талька. По типологическим признакам, стратиграфическим и планиграфическим данным к последнему этапу существования Язево-1 могут быть также отнесены костяная лопаточка (рис. 1, Б–*1*), находящая аналогии на памятниках раннего железного века (Генинг, Позднякова, 1964. Табл. II, *1*; Чернецов, 1953. Табл. XIII), и костяная панцирная пластинка (рис. *1*, Б–*5*). Панцири из костяных пластин были наиболее распространенным видом защитного вооружения в Западной Сибири и широко представлены в инвентаре гороховских и саргатских погребений IV–II вв. до н.э. (Зданович, 1964. С. 87, 88. Табл. I–IV; Корякова, 1988. С. 68; Могильников, 1992. С. 303). Поскольку ближайшие аналогии керамике гороховского типа по результатам кластер-анализа мы находим в памятнике V–IV вв. до н.э., инвентарь позволяет нам ограничить датировку IV в. до н.э.

В заключение можно предположить, что на последнем этапе существования памятника поселок, занявший лишь две трети площади предшествующего поселения, стал местом кратковременного проживания отдельных общин баитовского и гороховского населения. Они занимали удобный мыс на берегу Тобола с небольшим интервалом в несколько лет или десятилетий, разделившим периоды обитания их на селище. Этот вывод принципиально не опровергает высказан-

ное ранее одним из авторов мнение о некоторой синхронности баитовской и гороховской культур в рамках VII–IV вв. до н.э. и сравнительно подвижной границе между ними, проходившей на юге и юго-востоке по правобережью Тобола (Матвеева, 1991. С. 161; Археологическое наследие..., 1995. С. 180). Конкретное использование одной и той же площадки группами разнокультурного населения могло приходиться на финальный отрезок первой и расцвет второй археологической культуры, вероятно, на первую половину IV в. до н.э., когда расселение гороховцев достигло максимального ареала и ими была занята вся долина Тобола. Аналогичная картина наблюдается на многих памятниках, открытых и исследованных в последние десятилетия, и отражает ситуацию, сложившуюся в Притоболье в конце V–IV в. до н.э. (Археологическое наследие..., 1995. С. 191).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическое наследие Тюменской области. Памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск, 1995.

Генинг В.Ф., Позднякова М.К. Прыговское городище на р. Исети // ВАУ. 1964. Вып. 6.

Зданович Г.Б. Находки из кургана на р. Куртамыш // ВАУ. 1964. Вып. 6.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Среднего Притоболья. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИПОС СО РАН. Новосибирск, 1987а.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Среднего Притоболья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987б.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989.

Матвеева Н.П. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991.

Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, М., 1992.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Потемкина Т.М. Культура населения бронзового века лесостепного Притоболья. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р–2. М., 1976.

Сальников К.В. Городище Чудаки Челябинской области по раскопкам 1937 года // СА. 1947. № IX.

Стоянов В.Е., Ширяев А.Г. Селище Речкино-1 // ВАУ. 1964. Вып. 6.

Стоянов В.Е. Узловское поселение // ВАУ. 1969. Вып. 8.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Стоянов В.Е. Носиловское-2 поселение // ВАУ. 1975. Вып. 13.

Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // МИА. 1953. № 35.

Pottery Assemblages of the Early Iron Age From the Stratified Dwelling Site of Yazevo I (Forest-steppe Area of the Tobol River Basin)

N. P. Matveeva, T. M. Potemkina, I. Yu. Chikunova

Summary

The authors consider the cultural and chronological positions of pottery assemblages attributed to Baitovo and Gorokhovo cultures known in forest-steppe Transuralian area and dated to the Early Iron Age. The data on stratigraphy and planigraphy of the investigated area at Yazevo I dwelling site, as well as separate constructions discovered, typological and technological analysis of the pottery lead the authors to a conclusion, that the occupational levels left by Baitovo and Gorokhovo cultures' tribes were divided by short chronological interval of several years or decades. These data do not cancel wide-spread opinion as for partial synchronousness of the cultures in question, since the period of overlapping might be indentified with the climax of Baitovo and the prime of Gorokhovo cultures. The area occupied by the bearers of Gorokhovo culture in that period reached its maximum covering the whole of the Tobol basin. Similar situation is observed at the other sites, it reflects the situation formed in the Tobol river basin in the 4th century B.C.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 124–137

ПУБЛИКАЦИИ

БОЛЬШОЙ КУРГАН ЭПОХИ СКИФСКОЙ АРХАИКИ НА КИЕВЩИНЕ

© 2001 г. С. А. Скорый*, О. Б. Солтыс**, Ю. А. Белан***

* Институт археологии НАН Украины,
** Киевский областной центр охраны памятников истории, археологии и искусства,
*** Музей исторических драгоценностей Украины

Памятники скифской эпохи Киевского Поднепровья – составной части Киево-Черкасского региона в Днепровском Лесостепном Правобережье – в целом изучены слабо по сравнению, например, с древностями близлежащих территорий – Поросья и бассейна р. Тясмин (Ковпаненко и др., 1989. С. 106, 176–182, 256–260). Сказанное особенно касается подкурганных погребальных памятников. Большая часть из них, в том числе известный архаический курган Перепятиха (Скорий, 1990), была раскопана еще в XIX в. и имеющаяся о них информация в силу использования присущей тому периоду методике ущербна. На должном же научном уровне в указанном районе Правобережной Лесостепи исследованы лишь два кургана, относящиеся к архаическому времени: у с. Глеваха А. И. Тереножкиным в 1950 г. и у с. Малая Офирна Е.А. Петровской в 1964 г. (Тереножкін, 1954; Петровська, 1968).

Между тем Киевское Поднепровье представляет чрезвычайный интерес с точки зрения изучения скифского периода в Днепровском Правобережье в целом. Во-первых, оно является наиболее северным ареалом девностей скифской культуры в указанном регионе. Во-вторых, именно на этой территории обнаружены наиболее грандиозные курганы скифского архаического периода в границах всей украинской Лесостепи: у с. Глеваха и Перепятиха, у с. Марьяновка. В-третьих, здесь одновременно проживало население скифской и подгорцевской культур (или подгорцевского варианта милоградской культуры) (Петровська, 1971; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 276). Все это заставляет с пристальным вниманием относиться к исследованию любых древностей скифской поры в Киевском Поднепровье, тем более если речь идет о масштабном погребальном памятнике.

Курган у с. Иванковичи Васильковского района Киевской области был исследован летом 1994 г. экспедицией Отдела охраны памятников археологии Киевского областного управления культуры под руководством О.Б. Солтыса[1]. Он располагался в 2.5 км к юго-западу от села, севернее Васильковской птицефабрики. Входил в группу курганов из семи насыпей, протянувшихся цепью с северо-запада на юго-восток, к востоку от трассы Киев–Одесса, вдоль шоссе, идущего в с. Подгорцы. Данный курган (№ 1) являлся самым крупным в группе (рис. 1). Отметим, что в 5.5 км к северо-востоку от него находится городище скифской эпохи Большое Ходосовское площадью около 2000 га (Ковпаненко и др., 1989. С. 10, 20, 21. Рис. 2, *4*). К сожалению, оно пока слабо изучено. В 4 км к юго-западу от кургана некогда располагался упоминавшийся выше курган у с. Глеваха. Примечательно, что близ с. Иванковичи в XIX в. было раскопано несколько курганов скифского времени. Два из них (Обросшая и Острая Могилы) исследованы в 1847 г. Н.Д. Иванишевым, третий – в 1854 г. Я.Я. Волошинским. Возможно, эти курганы входили в названную группу, но сведения о них кране скудны (Антонович, 1895. С. 21; Ковпаненко и др., 1989. С. 6, 140, 178, 258).

К началу раскопок от насыпи кургана № 1 сохранился лишь северный останец неправильной геометрической формы, задернованый и заросший густой травой, с размерами основания 15 × 7 м (т.е. площадью 105 м^2) и максимальной высотой 6.3 м от уровня современной поверхности (6.75 м от уровня погребенной почвы) (рис. 2–4). Большая часть насыпи была разрушена до уровня ниже современной поверхности в 60-х годах XX в. при строительстве шоссейной дороги. Кроме того, ее землю вывозили на близрасположенные приусадебные участки. У западной полы останца к моменту раскопок фиксировалась прямоугольная в плане яма неясного назначения (3 × 1 × 0.8 м), у восточной полы – поздняя бульдозерная траншея (25 × 3 × 1.2 м), проложенная перпендикулярно полотну шоссе в направлении ССВ–ЮЮЗ. К югу от останца находились поздняя яма и траншея кабеля связи шириной до 1.8 м, ориентированная по оси ЮВ–СЗ (рис. 4; 5).

Изучение стратиграфии сохранившегося участка насыпи показало, что она была сооружена в один прием из дерновых вальков различной формы и размеров[2]. Под ней располагалось единственное погребальное сооружение, состоявшее из

[1] Предварительную информацию об исследовании кургана см.: Солтис, Білан, 1999. С. 26, 27; 2000. С. 107–113.

[2] Очертания последних на сохранившемся участке насыпи были крайне нечеткие.

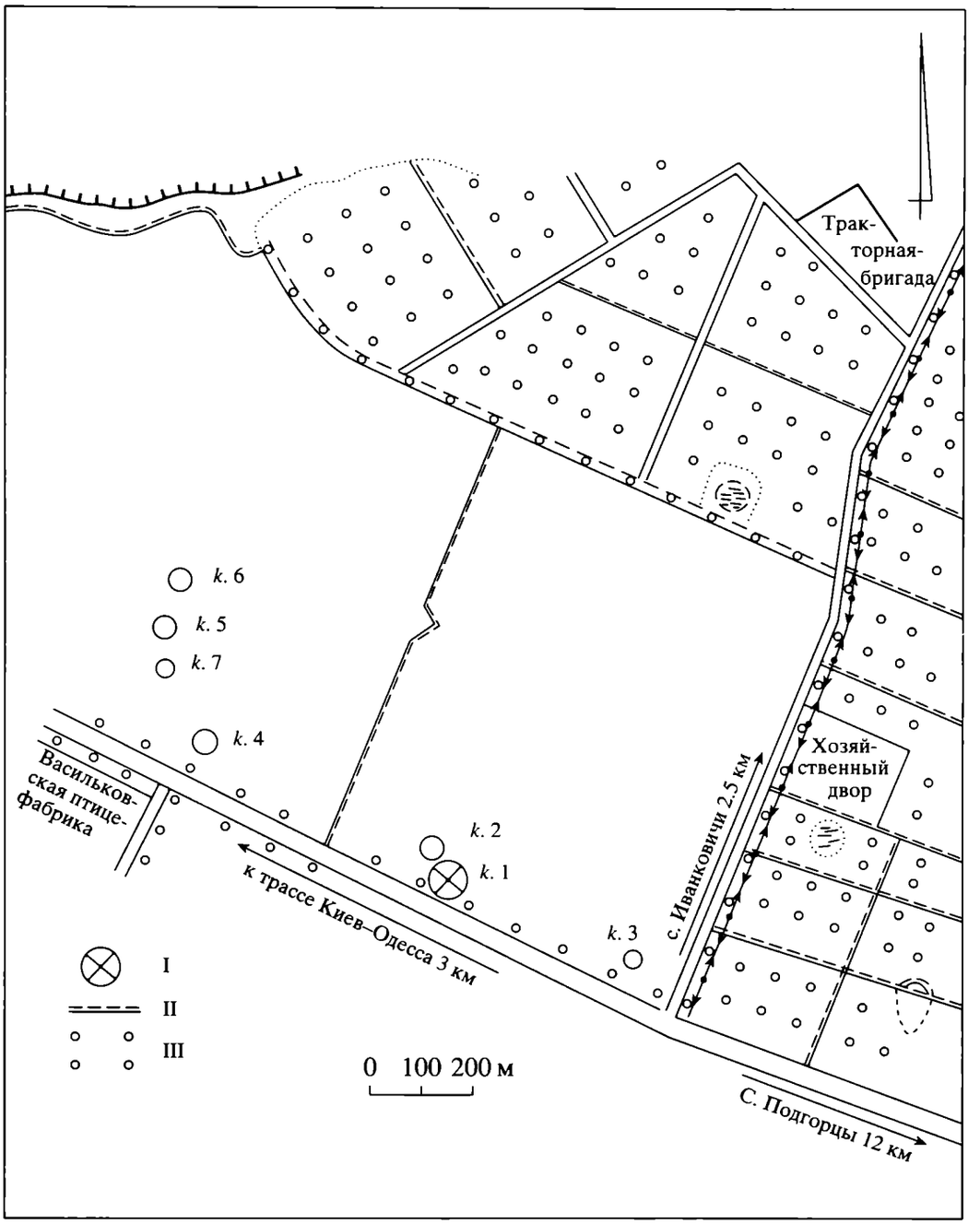


Рис. 1. План расположения курганной группы у с. Иванковичи Киевской области: I – курган № 1, раскопанный в 1994 г.; II – проселочная дорога; III – сад.

двух частей: надмогильной конструкции и собственно могилы.

Надмогильная часть сохранилась не полностью. Она представляла собой кольцевой вал вокруг могилы на уровне погребенной почвы, выложенный из древнего чернозема и материковой глины, и закрепленной в нем шатровидной конструкции из радиально выложенных бревен. Реконструируемый диаметр вала 21–21.5 м, высота под сохранившейся частью останца насыпи 0.8 м.

Стратиграфические наблюдения свидетельствуют о сооружении вала в два этапа. Вначале в основу его был уложен черноземный грунт, извлеченный при рытье могилы, на расстояние около 2.5 м от края при высоте 0.6 м. Этот первичный вал обложили хворостом и подожгли, очевидно, в ритуальных целях, что подтверждается следами горения на поверхности вала: слоем пепла и древесных углей до 5 см. Затем углубление могилы было продолжено и оставшимся черноземом и материковой глиной вал значительно увеличен. Поверхность его была уплощена, а внешний край укреплен обмазкой из материковой, вероятно, увлажненной глины мощностью до 0.5 м. Такой же глиной, слоем до 5 см, были покрыты верх вала и погребенная почва на расстояние около 6.5 м от его края (рис. 4).

Нижние концы бревен шатровидной конструкции (диаметр бревен 0.2–0.4 м) были закреплены в кольцевом валу. На хорошо сохранившемся его

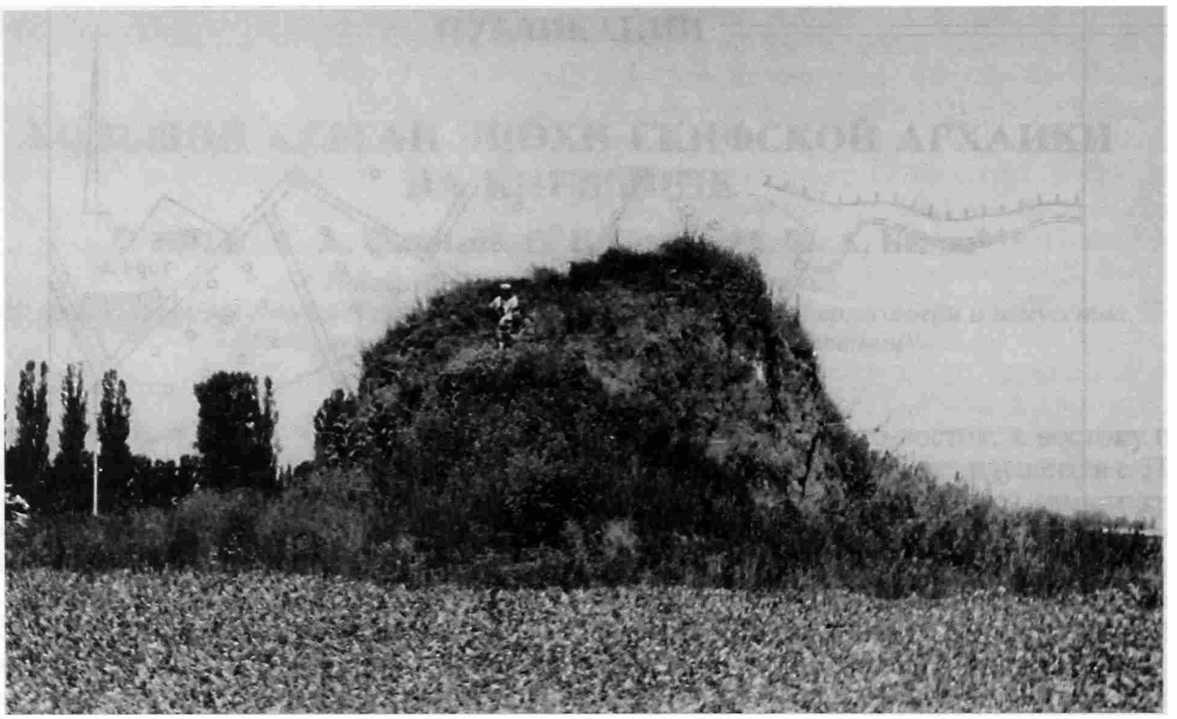


Рис. 2. Иванковичи. Останец кургана № 1. Вид с востока.

участке они были углублены более чем на метр, располагаясь наклонно к центру подкурганной поверхности под углом 38°–44° относительно горизонтали (рис. 4). Судя по сохранившимся отпечаткам концов бревен, диаметр "шатра" составлял 17–19 м. Учитывая угол наклона бревен, высота его могла быть до 8 м (?), а длина бревен соответственно около 14 м (?). Характер их крепления над могилой неясен, но они могли и не иметь такового и просто сходились на конус. Возможно, шатровидная конструкция была покрыта сверху камышом: прослойка белого тлена прослеживалась на валу и обвалившихся краях могилы. С восточной стороны "шатер" имел разрыв шириной около 5.5 м, в центре которого, на уплощенной поверхности вала, была овальная в плане яма (1.6 × 1.2 × 0.5 м) со следами погребальной тризны (?) в виде кострища и нескольких невыразительных кальцинированных костей животных. Слой угля в кострище 0.3–0.35 м.

Могила представляла собой деревянный прямоугольный склеп, ориентированный по оси ССЗ–ЮЮВ, сооруженный в грунтовой яме с входом-дромосом. Максимальные размеры могилы по дну 8.65 × 6.5 м (т.е. площадь могилы составляла 56.2 м^2), глубина от уровня погребенной почвы 2 м (рис. 5).

Стены были облицованы горбылем шириной 0.4–0.6 м, нижние концы которого входили в дно на глубину 0.4 м. Вероятно, они были заострены, но проследить это из-за высокого уровня грунтовых вод не удалось. На дне могилы выявлены девять круглых ям диаметром 0.45–0.50 м и глубиной 0.6–0.7 м, расположенных тремя рядами по три в каждом ряду. Некогда в них стояли столбы-колонны, поддерживавшие перекрытие могилы. Средний столб в центральном ряду смещен на 0.9 м к югу от оси ряда, ближе к входу в склеп, очевидно, для увеличения погребального пространства для основного (?) покойника.

Пол был устлан поперек досками длиной 4.8–5.2 м и шириной 0.35–0.45 м. Толщина досок, по сохранившимся отпечаткам, составляла 2–2.5 см, за исключением брусьев, примыкавших к столбам. Они были прямоугольные в сечении, шириной до 35 см и толщиной до 15 см и использовались, вероятно, для обеспечения большей устойчивости столбов. У юго-восточного и центрального рядов лежало по два бруса с обеих сторон, а у северо-западного – только один с внутренней стороны.

Перекрытие могилу двухслойное. Следы от него сохранились лишь у северо-восточного угла склепа. Вначале вдоль могилы положили три горбыля шириной 0.4–0.6 м, опиравшиеся на три ряда столбов. Концы их выступали за края склепа на 0.6, 0.8 и 1.2 м. Затем горбыль был перекрыт поперек досками, от одной из которых в заполнении могилы сохранился отпечаток шириной 0.35 м. Этот дощатый настил покрыли камышом: белый тлен от него был виден в профиле бровки (рис. 4).

В погребальное сооружение с юго-юго-восточной стороны вел наклонный дромос шириной 2.4 м, который обрывался у юго-восточного угла камеры вертикальной ступенькой высотой 0.4 м. Полная длина дромоса не восстанавливается из-за разрушения его южной части траншеей кабеля связи. Сохранившаяся его длина составляла 4.4 м. Стенки и дно дромоса были продольно обшиты

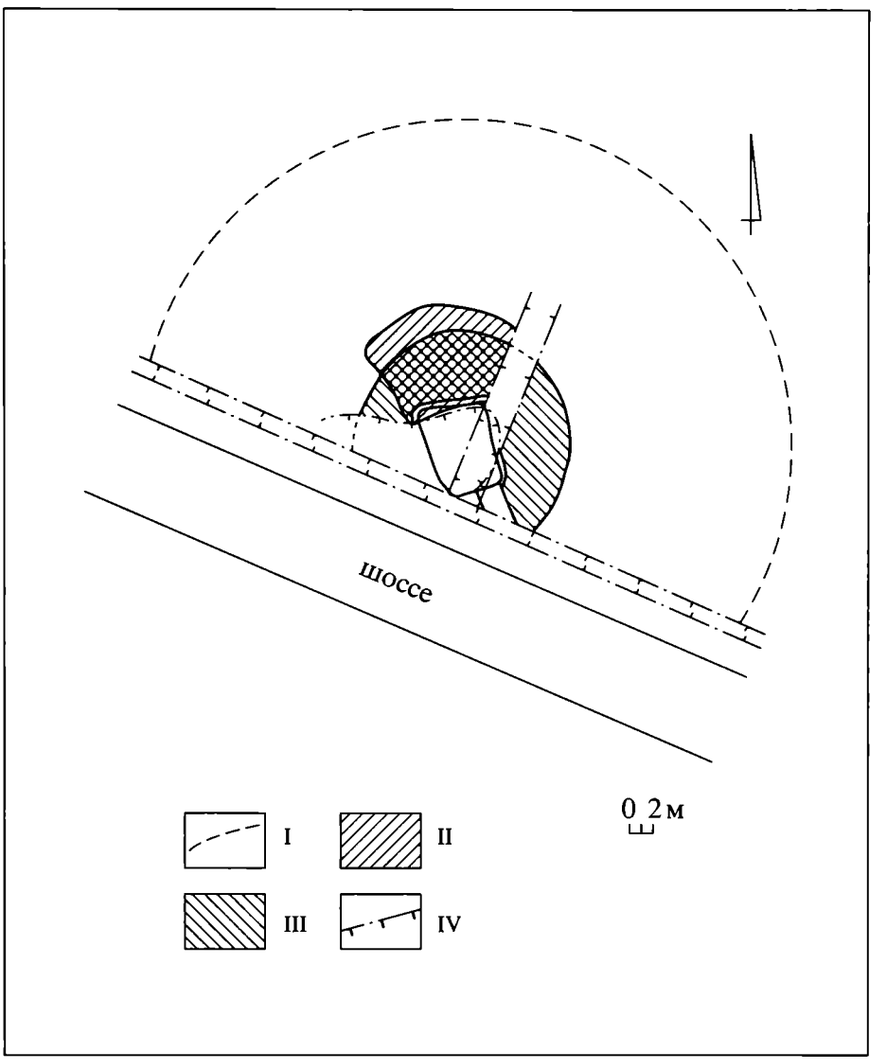


Рис. 3. План взаимного расположения останца насыпи и материкового вала надмогильной конструкции на фоне реконструируемых размеров насыпи: I – реконструируемый диаметр насыпи; II – площадь основания останца насыпи; III – материковый вал надмогильной конструкции; IV – поздние траншеи и перекопы.

досками шириной 0.4–0.5 м. Погребение ограблено в древности, очевидно, еще до того, как обрушилась надмогильная конструкция. После ограбления вход в гробницу, видимо, был открыт. Из-за свободного доступа воздуха деревянные элементы подкурганного сооружения истлели без остатка, хотя следы их присутствия сохранились в виде хорошо фиксируемых в земле отпечатков.

Все сохранившиеся *предметы погребального инвентаря* были обнаружены в переотложенном состоянии, в придонном слое, на глубине до 20 см от дна[3] (рис. 6). Последнее обстоятельство, похоже, говорит о том, что могила подвергалась ограблению и в последующее время.

Большая часть находок сосредоточена в северной половине гробницы, где, очевидно, был погребен основной покойник. Не исключено, что он лежал головой на северо-восток, на что указывают находившиеся в северо-восточном углу погребальной камеры, справа от предполагаемого местонахождения головы умершего развалы двух лепных сосудов – плоскодонной кружки и круглодонного с яйцевидным туловом горшка (рис. 7, *2*, *4*), а также найденные в районе несохранившейся его грудной клетки (?) скопление просверленных раковин Cyprea moneta (24 целых и 12 фрагментов), пастовые кольцевидные бусины желто-зеленого цвета (17 целых и 7 фрагментов), обломок золотой пластины, имевшей первоначально вид треугольника из трех соединенных кружков, и золотая витая пружинообразная пронизь (рис. 8, *1*, *2*, *5*, *14*). Все дно камеры между северным и средним рядами столбов было усеяно чрезвычайно мелкими пастовыми бусинами цилиндрической формы песочно-желтого и темно-коричневого цветов (бисером). Удалось собрать лишь около 250 штук; остальные в переувлажненном придонном заполнении камеры размокли и распались. Возможно, ими было расшито погребальное покрывало или костюм основного покойника. Здесь же найдены 2 бронзовых двулопастных наконечника стрел с лавро-

[3] Ныне хранятся в археологических фондах Национального музея истории Украины (Киев).

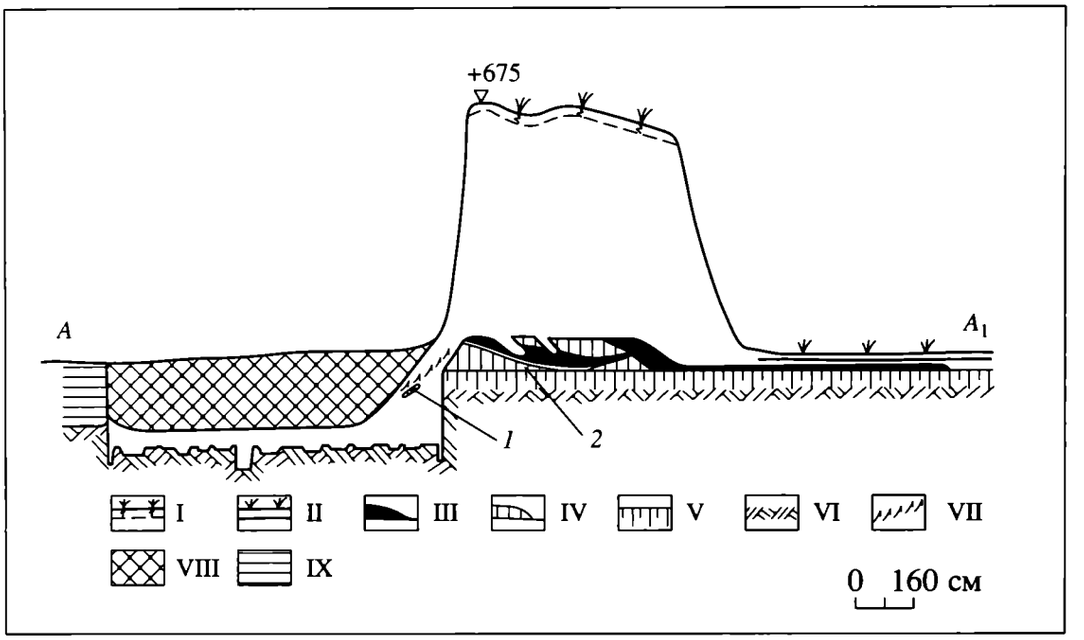


Рис. 4. Северо-западный профиль останца насыпи и разрез могильной ямы по оси СВ–ЮЗ: I – задернованная поверхность; II – пахотный слой; III – материковый выкид; IV – черноземный выкид; V – погребенная почва; VI – материк; VII – слой камышового (?) тлена; VIII – поздний перекоп; IX – траншея кабеля связи; *1* – торец доски поперечного перекрытия склепа, *2* – слой золы и угля.

листной и подромбической головкой, довольно длинной втулкой и шипом в ее основании и обломок втулки еще одного бронзового наконечника (рис. 8, *6*, *7*, *9*). Южнее скопления бисера обнаружен железный трехлопастный наконечник стрелы с высокой втулкой и втулка еще одного железного экземпляра (рис. 8, *11*, *12*). Вдоль северной стенки склепа располагались обломки большого лепного горшка тюльпановидной формы, украшенного у венчика и по плечикам налепными валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями, и дополнительно под верхним валиком – треугольными наколами[4].

Какие-либо остатки погребального ложа в районе предполагаемого размещения основного покойника не зафиксированы.

Вдоль западной стены склепа, видимо, в ногах основного покойника обнаружены сдвинутые кости, судя по черепам, двух, возможно зависимых лиц. У черепа одного из них найдены две бронзовые гвоздевидные серьги-заушницы или височные подвески с круглым широким щитком на одной из сторон (рис. 8, *4*), говорящие в пользу того, что один из этих погребенных являлся женщиной.

У восточной стены, примерно посредине, среди хаотичного скопления человеческих костей обнаружена небольшая костяная пряжка-пронизь усеченно-конической формы от конской узды (?). Две аналогичные пряжки располагались у среднего столба центрального ряда (рис. 8, *13*). Остальные находки обнаружены южнее западного столба упомянутого ряда: бронзовая серьга-заушница или височная подвеска гроздевидной формы с маленькой грибовидной головкой на одной из сторон, бронзовый трехгранный наконечник стрелы с короткой лавролистной головкой и длинной втулкой и фрагмент острия еще одного бронзового трехлопастного наконечника (рис. 8, *3*, *8*, *10*).

В юго-западном углу фиксировалось еще одно скопление человечески костей, в том числе фрагменты черепов[5].

Помимо упомянутых трех лепных посудин в придонном заполнении погребальной камеры были обнаружены фрагменты еще как минимум пяти лепных сосудов: трех горшков (один из них имел первоначально яйцевидное тулово и круглое дно, второй – с плавно отогнутым, горизонтально обрезанным венчиком и расчесами на внешней поверхности; от третьего, плоскодонного, сохранилась только нижняя часть), небольшого сосуда с прямым краем и стенка еще одной посудины, тип которой не ясен. Кроме этого, найдены фрагменты лепного глиняного диска (рис. 7, *1*, *3*, *5*) и кусочки реальгара.

Несмотря на опустошительное ограбление, в кургане у с. Иванковичи сохранились вещи, обычные для погребальных памятников скифской поры, в частности предметы вооружения, украшения, посуда. Это позволяет с учетом данных погребального обряда высказать соображения о хронологических позициях кургана, этнокультурной принад-

[4] Графическую реконструкцию сосуда осуществил П.А. Улько.

[5] К сожалению, по не зависящим от авторов раскопок обстоятельствам костные останки из кургана у с. Иванковичи впоследствии оказались утраченными.

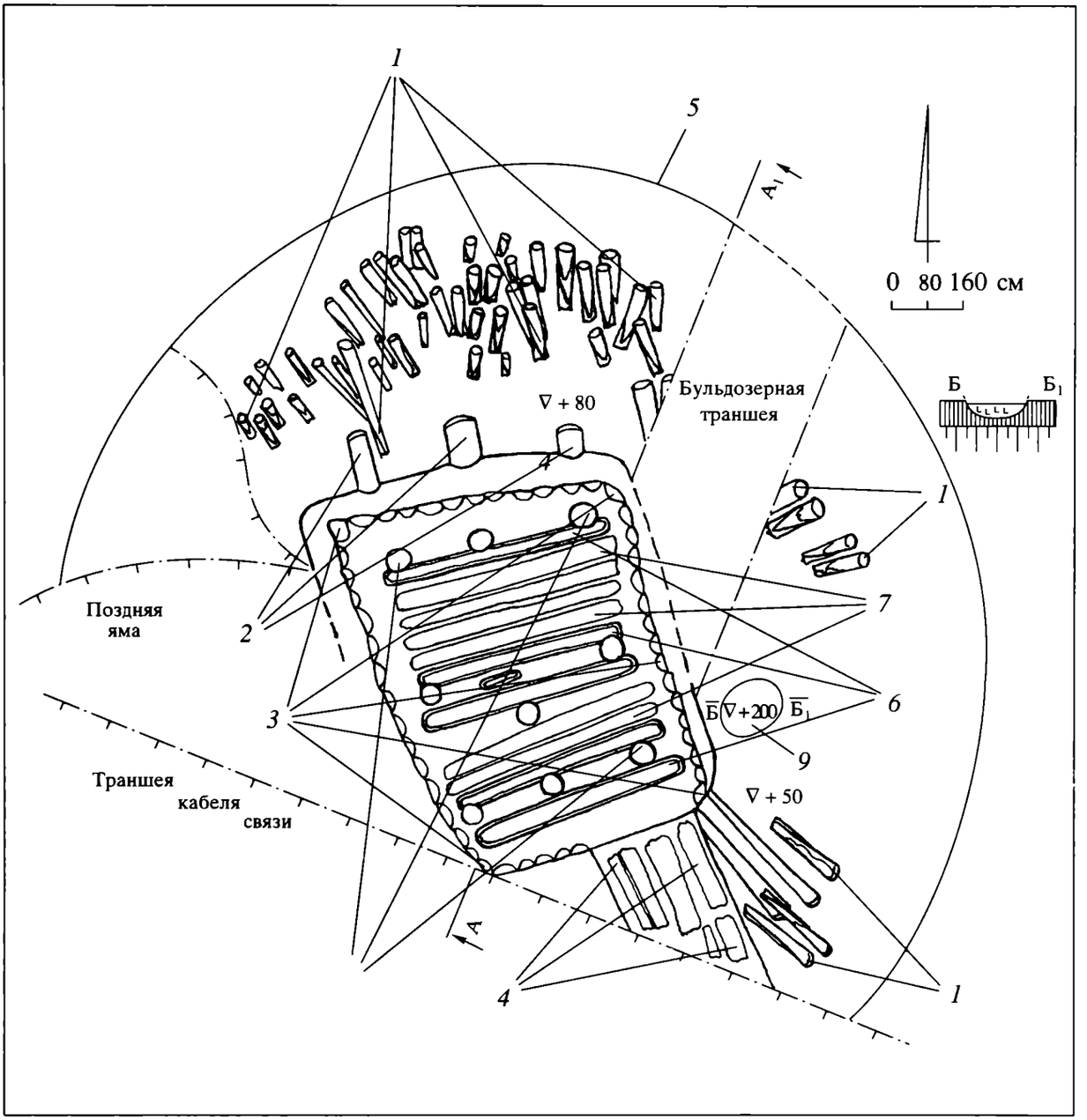


Рис. 5. Остатки деревянных частей надмогильного сооружения и склепа: *1* – бревна шатровидной конструкции; *2* – горбыли продольного перекрытия склепа; *3* – ямки от горбылей – облицовки стен склепа *4* – доски облицовки дромоса; *5* – контур кольцевого вала вокруг могилы; *6* – брусья пола, укреплявшие столбы; *7* – доски пола; *8* – столбовые ямы; *9* – кострище.

лежности погребенных в нем лиц и по некоторым другим вопросам.

Бронзовые наконечники стрел (двулопастные с шипом и трехгранный) имеют хорошие аналогии в памятниках второй половины VII–начала VI вв. до н.э. на юге Восточной Европы. Так, двулопастные наконечники в лавролистной головкой представлены в курганах Днепровской Лесостепи: № 42 у с. Берестняги; гробнице № 1 Репяховатой Могилы; № 38 у с. Гуляй-Город[6], № 17 (урочище Стайкин Верх) и № 467 у с. Аксютинцы (Ковпаненко, 1981. С. 10. Рис. 5; Ильинская и др., 1980. С. 36. Рис. 29, 30; Мелюкова, 1964. Табл. II, *4*, *9*; Ильинская, 1968. Табл. XI, *35–37*; XIII, *5*), а также на Северном Кавказе: кургане № 23 Келермесского могильника (Галанина, 1997. С. 248. Табл. 12, *393*). Двулопастные наконечники с головкой подромбической формы более характерны для древностей второй половины VII в. до н.э. примеры: экземпляры из кургана № 20 Нартанского могильника на Северном Кавказе, кладовой помещения № 26 в Кармир-Блуре (Батчаев, 1985. Табл. 48, *26*, *27*; Галанина, 1995. С. 42. Рис. 2, *13*, *17*). Трехгранный наконечник стрелы имеет аналогии прежде всего в курганах Приднепров-

[6] В данной работе использованы уточненные даты архаических курганов Днепровского Лесостепного Правобережья. См. (Ковпаненко и др., 1989).

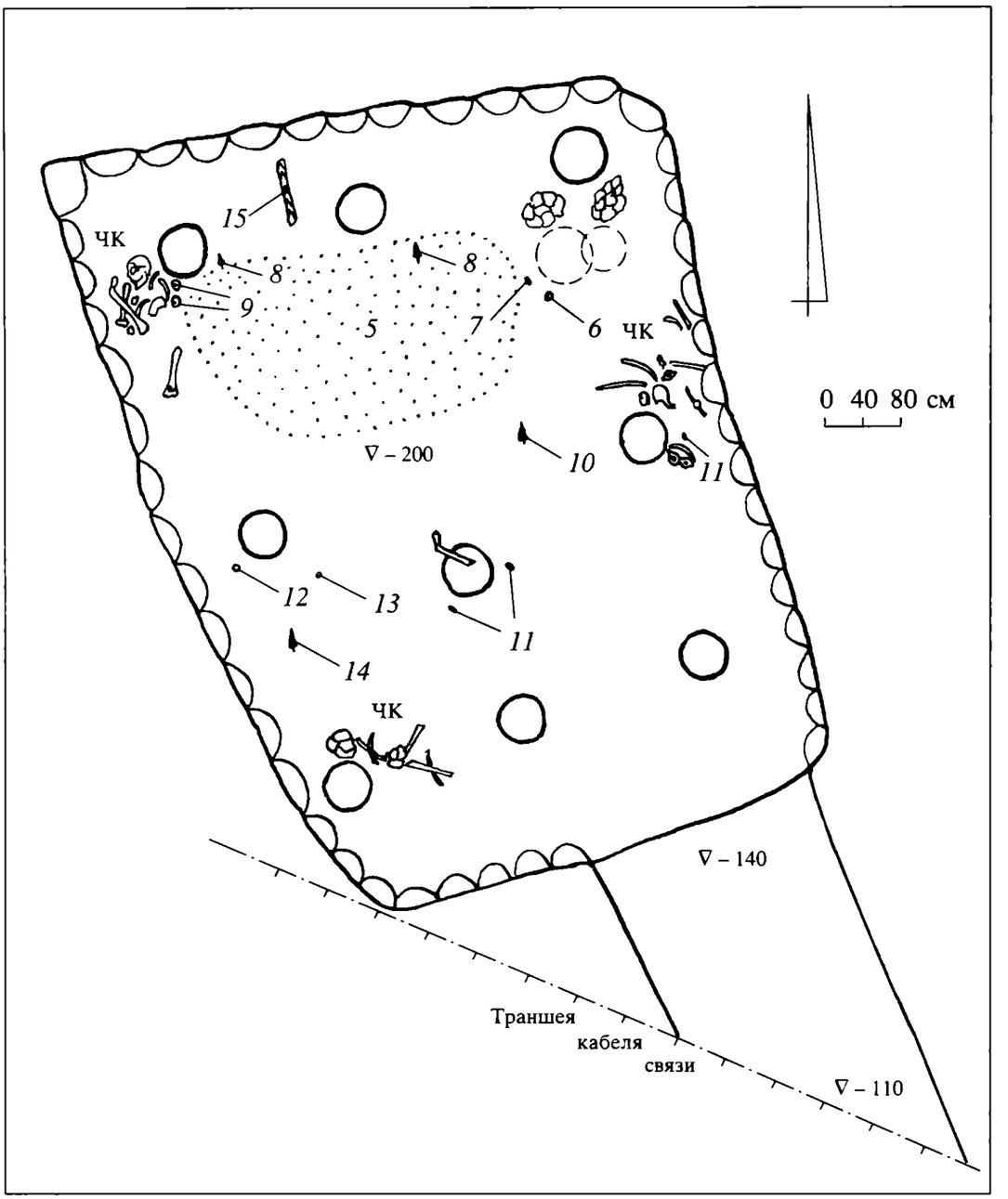


Рис. 6. План расположения находок в придонной части заполнения погребального сооружения: *1*, *2* – развалы лепных сосудов; *3* – скопление раковин каури; *4* – пастовые бусины; *5* – бисер; *6* – обломок пластины золотой; *7* – пронизь золотая; *8*, *13*, *14* – наконечники стрел бронзовые; *9* – серьги-заушницы бронзовые с большим щитком; *10* – наконечник стрелы железный; *11* – пряжки-пронизи костяные; *12* – серьга-заушница бронзовая с малым щитком; *15* – обожженное дерево; ч. к. – человеческие кости.

ской Лесостепи конца VII–начала VI вв. до н.э.: у с. Малая Офирна; кургане 1901 г. у с. Медвин; гробнице № 1 Репяховатой Могилы; № 478 у с. Волковцы; № 483 у с. Басовка (Петровська, 1968. С. 169. Рис. 5, *8*; Ковпаненко, 1981. С. 46. Рис. 36, *5*; Ильинская и др., 1980. С. 36. Рис. 6, *6*, *7*; Галанина, 1977. С. 48. Табл. 25, *25*; 23, *17*).

Железные наконечники стрел, подражающие по форме бронзовым, не характерны для колчанных наборов Скифии, особенно трехлопастные экземпляры (Мелюкова, 1964. С. 23). Несколько таких наконечников происходят из Приднепровской Лесостепи: очень крупный экземпляр найден в кургане № 491 у с. Макеевка (V в. до н.э.), наконечник меньших размеров – в кургане № 482 у с. Басовка (VI в. до н.э.) (Галанина, 1977. С. 28. Табл. 11, *28*; Ильинская, 1968. Табл. XXVII, *14*). Однако даты этих памятников вовсе не ограничивают низний хронологический рубеж бытования таких наконечников исключительно VI в. до н.э. Подтверждение тому – два железных трехлопастных экземпляра в составе инвентаря кургана № 376 у с. Константиновка в Днепровском Лесостепном Правобережье (Ильинская, 1975. Табл. XVI, *8*), относящегося к началу VII в. до н.э. (Скорый, 1999. С. 36, 63, 84).

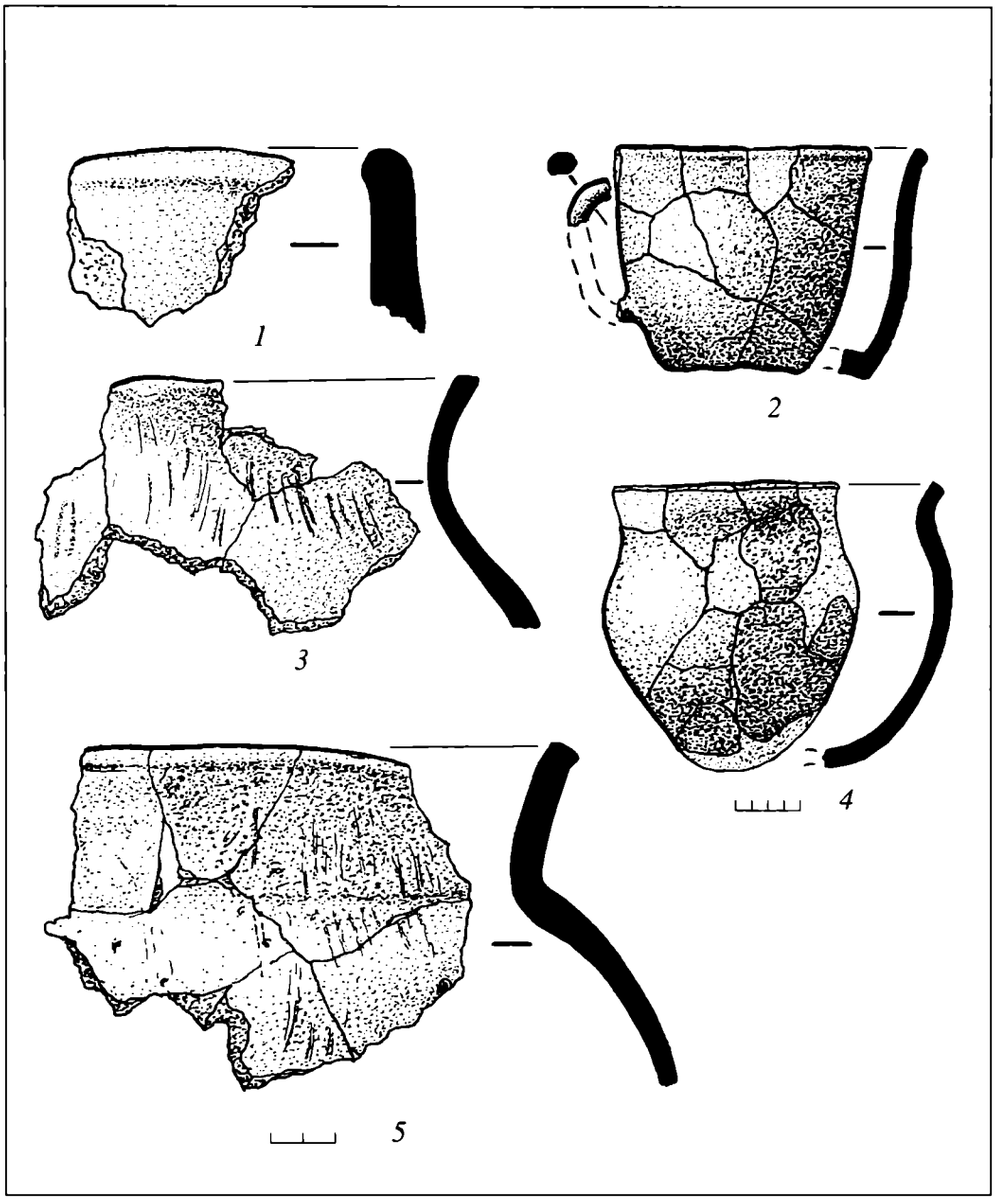


Рис. 7. Фрагмент глиняного диска (*1*), лепная посуда (*2–5*).

Костяные пряжки-пронизи с двумя парами сквозных поперечных отверстий для соединения ремней оголовья коня – характерные предметы раннескифского уздечного набора: в Восточно-Европейской Лесостепи они особенно хорошо представлены в курганах Посулья на Левобережье (Ильинская, 1968. С. 108. Табл. II, *44–48*; XII, *8*, *23*; XIII, *10*; XIX, *5*; XXI, *5*; XXXIV, *6*, *13*; XXXIX, *6*). В Днепровском Правобережье встречаются реже, например известны в курганах № 407 (VII–начало VI вв. до н.э.) и № 447 (первая половина VI в. до н.э.) у с. Журовка (Ильинская, 1975. С. 111. Табл. XX, *8*, *9*; С. 112. Табл. XXI, *17*). Пряжки-пронизи из Иванковичей отличаются малыми размерами.

Мелкие пастовые бусины (бисер) обычны в погребениях эпохи скифской архаики (Ильинская, 1968. С. 141; Ковпаненко, 1981. С. 119; Ковпаненко и др., 1989. С. 73), исчисляясь иногда сотнями и даже тысячами штук, как, например, в кургане Чертвона Могила у с. Фляркoвка (Ковпаненко, 1984. С. 112).

Бусины пастовые кольцевидные также хорошо известны в архаических могилах Лесостепи, например в кургане Перепятиха (Скорый, 1990. С. 34, 35. Рис. 5, *2*). Разнообразные пастовые бусины, по-видимому, являлись античным экспортом в Лесостепь.

Моллюски Cypraea moneta, по последним данным, обнаружены в десяти комплексах раннескифского времени Приднепровской Лесостепи, шесть из которых расположены на Правобережье (Бруяко, 1999. С. 51, 52. Приложение 1). По-видимому, в составе ожерелья таких раковин могло быть весьма много. Так, в неограбленной могиле кургана № 100 у с. Синявка в одном из ожерелий насчитывалось 160 раковин Каури (Ковпаненко, 1981. С. 119).

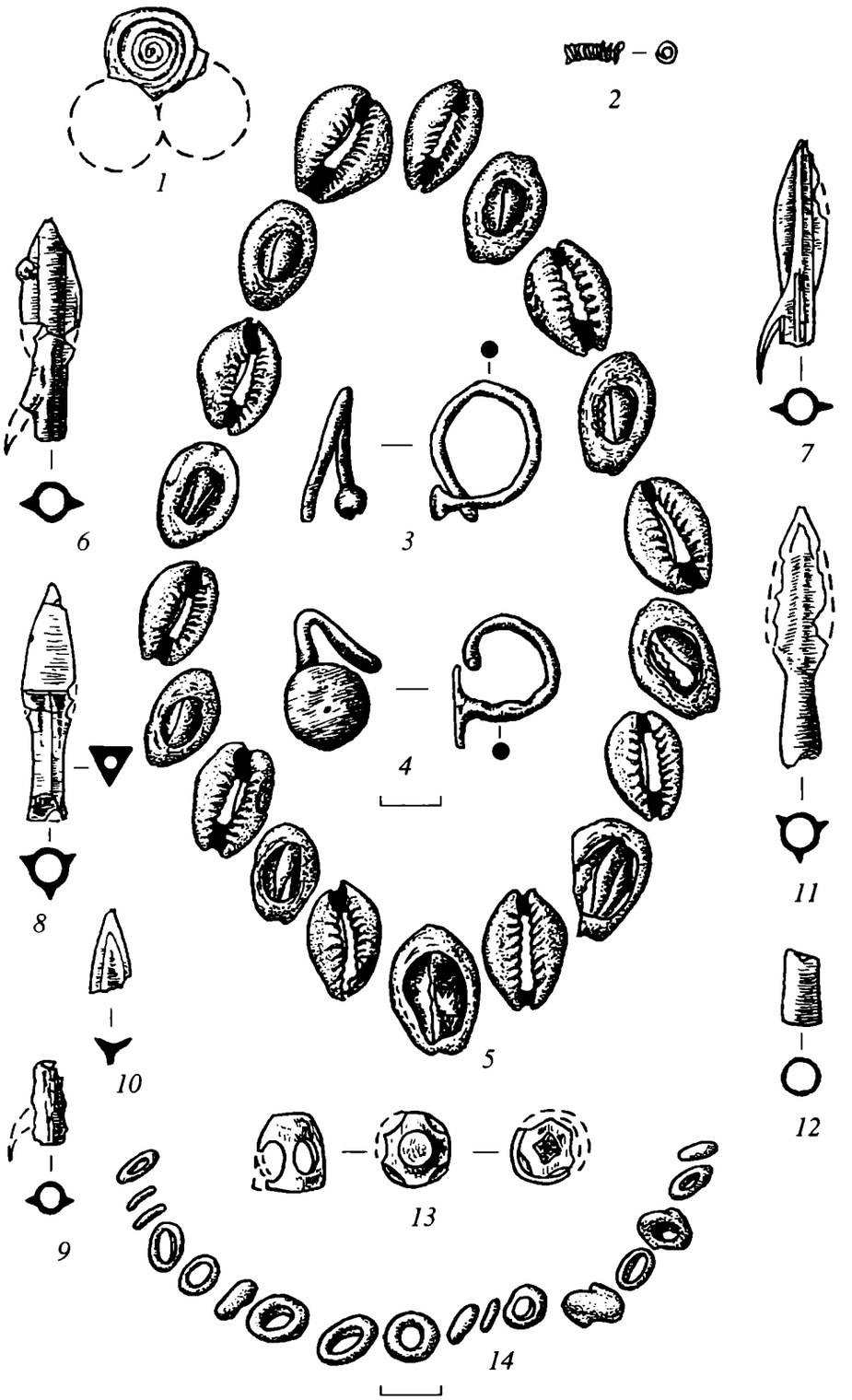


Рис. 8. Погребальный инвентарь: *1* – обломок пластины золотой; *2* – пронизь золотая; *3*, *4* – серьги-заушницы бронзовые; *5* – раковины каури; *6–10* – наконечники стрел бронзовые; *11*, *12* – наконечники стрел железные; *13* – пряжка-пронизь костяная; *14* – бусины пастовые.

Бронзовые гвоздевидные серьги-заушницы или височные подвески – типичные украшения, характерные для населения Лесостепи раннескифской эпохи, особенно в Днепровском Правобережье, хотя они известны и на Левобережье Днепра. Экземпляры же с узким щитком наиболее характерны для Среднего Поднестровья (Петренко, 1978. С. 21, 26). Серьги-заушницы обоих типов, аналогичные найденным у с. Иванковичи, обнаружены в архаическом кургане № 2 у с. Ра-

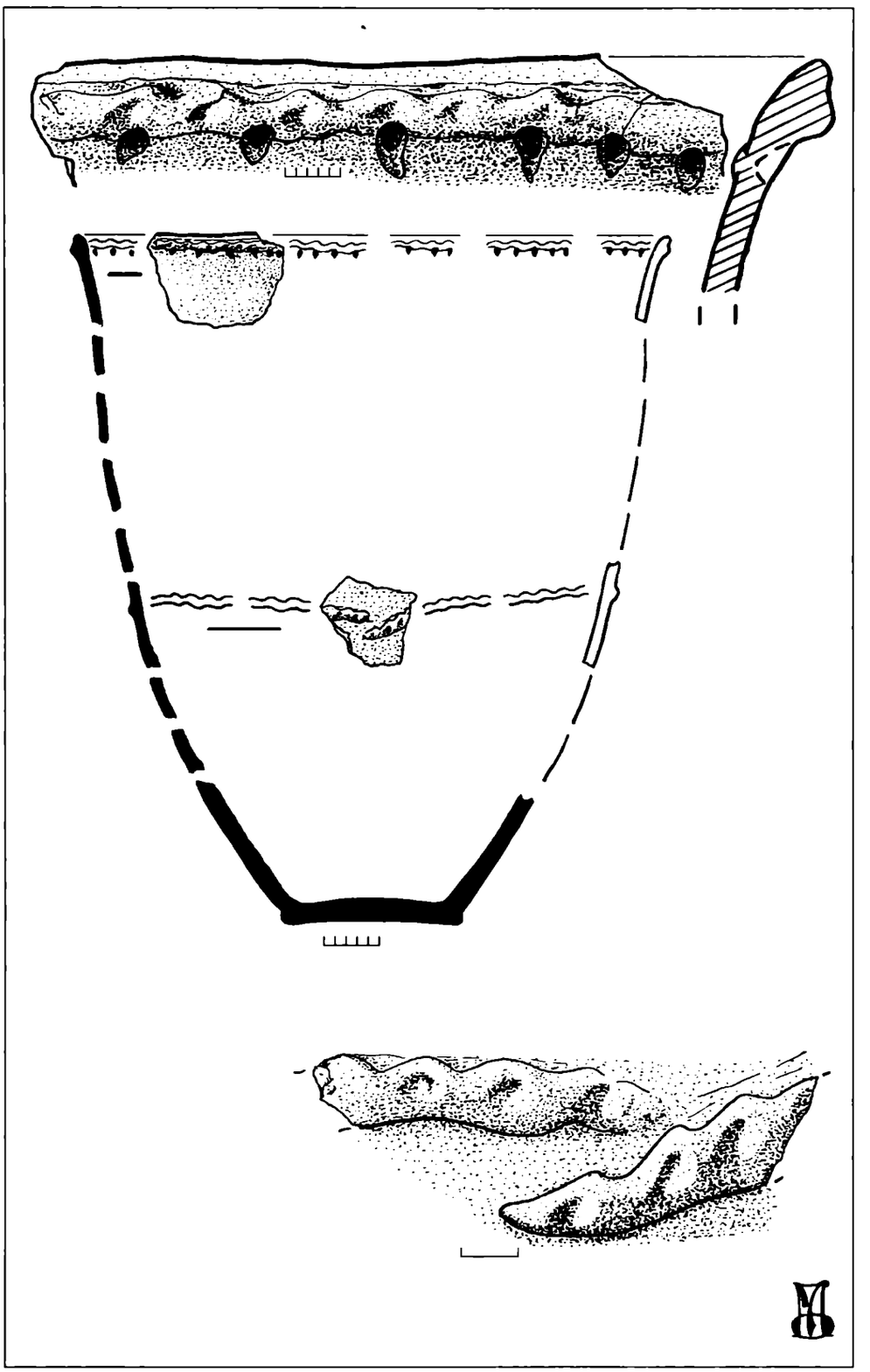


Рис. 9. Лепной горшок. Графическая реконструкция.

ков Кут Тернопольской области (Sulimirski, 1936. S. 79. Fig. 18). Подобные украшения с узким щитком происходят из кургана № 35 у с. Бобрица в Поросье (Ковпаненко, 1981. С. 14. Рис. 10, *19*, *20*).

Фрагментированная золотая пластина пополняет небольшую серию золотых аппликаций в виде строенных окружностей из захоронений знати Восточно-Европейской Лесостепи конца VII–начала VI в. до н.э. Такие пластины найдены в курганах: № 35 у с. Бобрица; № 100 у с. Синявка; № 407 у с. Журовка; на поле воле бывшей Владимирской экономии близ Смелы; № 13(?) у с. Михайловка (Пруссы); № 13 у хутора Поповка; № 2 в урочище Осняги к западу от Бельского городища (Ковпаненко, 1981. С. 13–15. Рис. 10, *3*; С. 51, 52. Рис. 41, *5*; Ильинская, 1968. С. 60. Табл. LII, *13–15*;

1975. С. 24. Табл. XI, *7*; XXIII, *1*; Ханенко Б.Н. и В.И., 1900. Табл. XLIII, *354*; Шрамко, 1987. С. 151. Рис. 71, *13*). В неограбленных могилах курганов № 35 у с. Бобрица и № 100 у с. Синявка они входили в состав головных уборов, будучи прикрепленными к налобной ленте. Это обстоятельство позволило выдвинуть предположение о том, что подобные аппликации наряду с пластинами с изображением животных составляли традиционный комплекс раннескифского головного убора, заключавший в себе определенный магический смысл, связанный с культом солнца и плодородия. В таких уборах могли быть погребены знатные лица, осуществлявшие жреческие функции (Ильинская, 1968. С. 136; 1975. С. 152)[7]. Тем не менее подобные украшения не являлись исключительно принадлежностью архаических головных уборов (Мирошина, 1977. С. 89). Как известно, в кургане у с. Глеваха ими была первоначально украшена чернолощенная корчага (Тереножкін, 1954. С. 92. Рис. 13).

Горшки тюльпановидного профиля с двумя налепными, расчлененными пальцевыми вдавлениями, валиками – обычная посуда населения Правобережной Лесостепи в VII в. до н.э. (Ильинская, 1975. С. 144, 146. Рис. 22, *11*). Сосуды с подобной орнаментацией найдены в курганах № 1 у с. Гатное, № 5 у с. Рыжановка, у с. Малая Офирна, на поселении у с. Хрещатик и др., при этом экземпляр из Малой Офирны конца VII в. до н.э., возможно, идентичен горшку, найденному у с. Иванковичи (Петровська, 1968. С. 170, 171, 172. Рис. 6, 7).

Чрезвычайно интересны два круглодонных яйцевидных горшка (один из них целый, а от второго сохранился лишь большой фрагмент верхней части), являющихся типичными сосудами раннего периода милоградской культуры (Мельниковская, 1967. С. 98, 101, 104. Рис. 42). Подобная керамика известна и на поселениях подгорцевского варианта милоградской культуры Киевщины (Даниленко, 1956. С. 8; Петровська, 1971. С. 11), а также – как выяснилось в последнее время – встречается и на городищах скифской культуры Киевского Поднепровья, в частности – Большом Ходосовском (Батуревич, 1986. С. 17, 18). В погребениях же скифской культуры Лесостепи горшки милоградского типа обнаружены впервые.

Не меньшего внимания заслуживает плоскодонная кружка в виде прямостенной банки, совершенно не характерная для керамического комплекса Приднепровской Лесостепи скифского времени. Вместе с тем весьма близкие по форме сосуды широко известны среди керамики лужицкой культуры более западных территорий, в том числе ее восточной ульвивецкой группы, охватывающей территорию Западной Волыни (Крушельницька, 1985. С. 64. Рис. 20, *3*; Балагури и др., 1990. С. 109. Рис. 33, *2*). Особенно схожи с сосудом из Иванковичей кружки, найденные в могильнике у с. Рованцы на левом берегу р. Стырь (Балагури и др., 1990. С. 11. Рис. 34, *16*). Правда, несколько таких кружек обнаружено на Бельском городище в бассейне р. Ворскла на Левобережье, но их происхождение вполне правомерно связывают с лужицко-высоцкой средой (Светличная, 1996. С. 154. Рис. 1, *25*).

Горшок с расчесами на внешней поверхности также чужд керамике Лесостепи скифской поры и, похоже, связан с традициями изготовления лепной посуды населением значительно более северных территорий – племенами культуры штрихованной керамики Средней Белоруссии (Митрофанов, 1978. С. 28–30, 64, 66. Рис. 12, 14). Такая посуда в небольшом количестве попадала в земли соседних племен милоградской культуры (Мельниковская, 1967. С. 98) и, очевидно, через их посредство – в Киевское Поднепровье.

Лепные диски, возможно предназначавшиеся для выпекания культовых лепешек, не дают узкой даты: они известны как на поселениях раннескифского времени Лесостепи, например у сел Иванэ-Пустэ и Залесье на Среднем Днестре, так и на поселениях боле позднего времени, например Шарповском городище второй половины VI–IV вв. до н.э. в Среднем Поднепровье[8].

Приведенные аналогии вещам погребального инвентаря из кургана у с. Иванковичи позволяют определить время его сооружения концом VII–началом VI вв. до н.э.; уточнив, таким образом, предлагаемую ранее дату – начало VI в. до н.э. (Солтис, Білан, 1999. С. 27; 2000. С. 112). Действительно, среди сохранившихся предметов вещевого комплекса нет ни одного, который был бы характерен исключительно для VI в. до н.э.

Не противоречит предложенной датировке и тип погребальной конструкции, а также некоторые иные детали погребального обряда, сближающие курган у с. Иванковичи с рядом архаических погребальных памятников Лесостепного Правобережья и прежде всего с расположенным неподалеку курганом у с. Глеваха конца VII–начала VI вв. до н.э. (Тереножкін, 1954. С. 82–89).

Таким образом, описанный курган в целом входит в группу погребальных древностей Киево-Черкасского региона Днепровского Лесостепного Правобережья второй половины VII–первой половины VI вв. до н.э., насчитывавшую, по данным на 1990 г., около 180 погребений (Скорий, 1990. С. 78). При этом он хорошо коррелируется по некоторым вещам с рядом погребений более узкого хронологического пласта – конца VII–на-

[7] Подробно данные украшения рассматриваются в статье В.А. Ильинской (1971. С. 71–79).

[8] Хранятся в археологических фондах Национального музея истории Украины. На них наше внимание любезно обратила сотрудник фондов М.А. Хомчик.

чала VI в. до н.э. В Киевском Поднепровье – это Глеваха (золотые пластины из строенных кружков, бисер); в Поросье – Бобрица, курган № 35 (золотые пластины из строенных кружков и серьга-заушница, бронзовый наконечник стрелы, бисер) и Синявка, курган № 100 (золотые пластины из строенных кружков и пронизи, раковины каури); в бассейне Тясмина – Журовка, курган № 407 (золотые пластины из строенных кружков, костяные пряжки-пронизи, бисер) и Репяховатая Могила, гробница № 1 (бронзовый наконечник стрелы, бисер, раковины каури).

Ряд черт погребально-поминальной обрядности кургана у с. Иванковичи генетически чужд населению Лесостепи. Он относится к признакам погребального ритуала, выделяемым на этой территории и соотносящимся с погребальной практикой населения скифского времени степной полосы Евразии, в том числе – скифов (Скорий, 1996. С. 33, 34). Речь идет о следующих чертах.

1. Использование дерновых вальков при сооружении насыпи кургана, что было свойственно для степных племен эпохи энеолита-бронзы, а позже стало достаточно характерной особенностью скифского обряда. Подчеркнем, что в Лесостепном Правобережье – это третий, после Перептихи и Большого Рыжановского кургана, достоверно отмеченный случай.

2. Традиция сооружения над могилой шатровидного перекрытия, получившая в скифское время широкое распространение в евразийской Степи. В целом же могилы с шатровидными конструкциями относятся к древнейшим погребальным сооружениям степных кочевников-скотоводов.

3. Сооружение земляного кольцевого вала вокруг могилы – обычная, восходящего к погребальному ритуалу населения степных культур эпохи бронзы, вошедшего в качестве наследия в скифский погребальный обряд.

4. Покрытие камышом перекрытия могилы, что было свойственно погребальному обряду скифов. Отметим, что эта черта была зафиксирована, например, в скифских курганах второй половины VII в. до н.э. у хутора Красное Знамя на Северном Кавказе (Петренко, 1986. С. 42, 43).

5. Присутствие в погребении реальгара, находки которого известны в скифских могилах Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Центрального Предкавказья. Эта же деталь отмечена и в захоронениях архаического периода Приднепровской Лесостепи.

Приведенные особенности погребального обряда, засвидетельствованные в кургане у с. Иванковичи, позволяют предполагать, что основной погребенный, для которого сооружена эта усыпальница, был этнически связан с миром степняков-скифов.

Несмотря на сильное разграбление кургана, размеры его насыпи и самой могилы говорят о том, что основной погребенный занимал при жизни чрезвычайно высокое общественное положение. Действительно, размеры погребального сооружения, сложность его конструкции, воплощающие затраты живого труда коллектива, по общепризнанному мнению, соответствовали в древности прижизненному положению индивида в обществе (Массон, 1976. С. 169; Добролюбский, 1982. С. 61; Бунятян, 1985. С. 72, 73). По размерам могилы (площадь 56.2 м^2) склеп в кургане у с. Иванковичи уступает в Лесостепном Правобережье лишь грандиозной наземной конструкции Перепятихи (площадь 180 м^2) (Скорий, 1990. С. 70), но значительно превосходит могилу в кургане у с. Глеваха (площадь 41 м^2), являвшуюся, по мнению А.И. Тереножкина, усыпальницей одного из вождей раннескифского периода (Тереножкін, 1954. С. 86, 96).

Учитывая размеры останца (высота 6.75 м от уровня погребенной почвы), реконструируемую высоту (до 8 м) и диаметр шатровидной конструкции (17–19 м), можно предположить, что первоначальная высота насыпи кургана превышала 10 м, а диаметр его был не менее 60–70 м, т.е. по данным параметрам он был близок кургану у с. Глеваха.

Таким образом, курган ус. Иванковичи наряду с Перепятихой и курганом у с. Глеваха составляет круг самых крупных из исследованных курганов скифского периода (а соответственно и архаического времени) в Днепровском Лесостепном Правобережье. Не исключено, что погребенный в нем представитель высшей знати раннескифского периода входили в состав кочевого контингента, продвинувшегося в лесостепной регион Восточной Европы с территории Северного Кавказа на завершающем этапе или по окончанию скифских переднеазиатских походов. Проникновение этой волны номадов скифской культуры в Лесостепь в конце VII–начале VI в. до н.э. довольно хорошо улавливается археологически (Скорый, Бессонова, 1987. С. 178–181).

Не ясно, все ли лица, погребенные вместе с основным покойником, являлись его слугами, или некоторые из них могли состоять с ним в родственных связях. Учитывая присутствие среди сохранившегося инвентаря типично милоградской посуды, которой пользовалось и подгорцевское население Киевского Поднепровья, можно допустить, что кто-то из сопровождавших главного погребенного лиц был представителем подгорцевских племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895.

Балагури Э.А., Крушельницкая Л.И., Конопля В.М. и др. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). Киев, 1990.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985.

Батуревич Е.Ю. К вопросу о керамическом комплексе городищ скифского времени Киевского Поднепровья // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. М., 1986.

Бруяко И.В. Моллюски семейства Сургеа и памятники раннескифской эпохи в Восточной Европе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкий в археологии (по материалам скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев, 1985.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. 1977. Вып. Д1-33.

Галанина Л.К. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ. 1995. № 32.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. "Царские" погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Даниленко В.М. Дослідження пам'яток підгірцевського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. // АП. 1956. Т. 6.

Добролюбский А.О. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.

Іллінська В.А. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. 1971. Вип. 4.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–VI вв. до н.э. Киев, 1983.

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.

Ковпаненко Г.Т. "Червона Могила" у с. Фляркова // Древности Евразии в скифо-античное время. М., 1984.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989.

Крушельницька Л.І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. Київ, 1985.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.

Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // СА. 1977. № 3.

Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978.

Петренко В.Г. Украшения Скифии в VII–III вв. до н.э. // САИ. 1978. Вып. Д4-5.

Петренко В.Г. О погребальном культе у скифских племен Предкавказья в VII–VI вв. до н.э. // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Орджоникидзе, 1986.

Петровська Є.О. Курган VI ст. до н.е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. 1968. Т. XXI.

Петровська Є.О. Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. 1971. Вип. 2.

Светличная Е.И. О связях населения Бельского городища и Днепровского Левобережья с лужицко-высоцкими племенами // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.

Скорий С.А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя). Київ, 1990.

Скорий С.А. Кочовики передскіфської та скіфської доби в Дніпровському Правобережному Лісостепу (питання етнокультурної історії). Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1996.

Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев, 1999.

Скорый С.А., Бессонова С.С. Некоторые вопросы ранней скифской истории и украинская Лесостепь // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тез. докл. Омск, 1987.

Солтис О.Б., Білан Ю.О. Дослідження кургану ранньоскіфського часу на Київщині // Археологічний літопис Лівобережної України. 1999. № 2.

Солтис О.Б., Білан Ю.О. Курган ранньоскіфського часу поблизу с. Іванковичі на Київщині // Музейні читання. 2000.

Тереножкін О.І. Курган біля с. Глеваха // Археологія. 1954. Т. IX.

Ханенко Б.Н. и В.И. Древности Приднепровья. Вып. III. Киев, 1900.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

Sulimirski T. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwow, 1936.

A Big Burial Mound of Archaic Scythian Epoch in Kiev Region

A. S. Skory, O. B. Soltys, Yu. A. Belan

Summary

In 1994 barrow situated near Ivankovichi village, Kiev region, the Dnieper basin was investigated. The site represents one of the biggest burial mounds in the forest-steppe of the Dnieper right bank area dated from the Scythian perios, similar to those near Perepyatikha Glevakha. When the excavations started, the remaining part of the partly destroyed mound was ca. 7 m high, its initial height exceeded 10 m, diameter measured not less than 60–70 m. Single burial was discovered below the moud, it represented a gib wooden camera constructed in the grave pit, its area coveting 56.2 sq. m. Over the camera a kind of hipped roof of radially put logs was constructed. The barrow was plundered in antiquity; nevertheless, separate bones of several buried have been preserved, as well as the grave goods, which suggest the date of the assemblage – the late 7th–early 6th cc. BC. Taking into consideration the labor consuming factors of the mound dimension and the extensive grave area, we suppose that the central person buriedin the construction described must have held an outstanding social position. Some features in the burial rite are not typical of the Scythian population of the forest-stepps zone and relate the central burial rather with the steppe Scyths. It cannot be excluded, that the buried person of high rank belonged to the nomadic contingent that had moved to East-European forest-steppe from the North Caucasus on the final stage, or after Scythian raids to Near East.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 138–143

ПУБЛИКАЦИИ

О ФРАКИЙСКИХ ВЛИЯНИЯХ В КУРГАННЫХ МАТЕРИАЛАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

© 2001 г. В. И. Гуляев

Институту археологии РАН, Москва

В июле–августе 2000 г. Потуданская археологическая экспедиция (ПАЭ) продолжала исследования большого курганного могильника у с. Колбино Репьевского района Воронежской области. Всего было раскопано четыре кургана, содержавших погребения скифской эпохи, сильно потревоженные грабителями еще в древности. Среди них особенно выделяется курган № 2 (Колбино 1) на западе группы, заметно деформированный интенсивной ежегодной распашкой. Высота насыпи – чуть более 0.5 м, диаметр – до 32 м. Под пахотным слоем прослежен округлый в плане выкид желтой материковой глины высотой до 0.03 м и шириной до 2 м, окружавший могильную яму со всех сторон полукольцом, кроме северо-востока, где был оставлен проход шириной до 1.9 м.

Единственное погребение находилось в центре кургана. Могила подпрямоугольной формы с закругленными углами ориентирована в широтном направлении. Размеры ее у дна 3.5 × 3.2 м, глубина от уровня погребенной почвы 1.9 м. Стены могильной ямы были облицованы деревянными плахами или досками, которые стояли вертикально и упирались торцами в неглубокие желобки-канавки, выкопанные по периметру могилы. Эти деревянные стены поддерживались восемью угловыми и пристенными опорными столбами, от которых сохранились ямки глубиной до 0.7–0.8 м с древесным тленом в заполнении. По центру могилы стоял когда-то еще один, девятый, очень мощный столб, поддерживающий перекрытие, опиравшееся своими краями на деревянные стены, на пристенные и угловые столбы и материковый выкид.

Гробница была основательно ограблена еще в древности. В заполнении могилы на разных уровнях удалось обнаружить кости лошади (ребра) – вероятно, остатки заупокойной пищи. Здесь же найдена роговая рукоять железного ножа, оформленная на конце в "зверином стиле": изображена голова волка в профиль с раскрытой пастью и плотно прижатыми ушами (рис. 1, *8*). Инвентарь, уцелевший на дне могильной ямы, состоял из бронзового трехгранного наконечника стрелы (рис. 1, *1*), фрагмента костяной пластинки трапециевидной формы, украшенной вертикальным рядом циркульного орнамента (вероятно, рукоять еще одного ножа) (рис. 1, *3*) и предметов конской сбруи – железной (рис. 1, *2*) и пяти бронзовых ворворок бипирамидальной и биконусной формы, а также двух серебряных литых фигурных блях с петлей на обороте (нащечников). И по обряду и по найденным вещам курган № 2 принадлежит, несомненно, к типичнейшим комплексам среднедонской культуры скифского времени и может быть датирован в пределах IV в. до н.э.

Среди немногочисленных предметов, попавших в наши руки после полного доследования кургана, особый интерес вызывают два упоминавшихся выше серебряных нащечника конской сбруи. На одном из них (рис. 2, *1*) изображена голова животного в профиль с широко раскрытой пастью, заполненной завитками или волютами. Заднюю сторону и верх этой головы обрамляет изящная фигура гиппокампа. На другом (рис. 2, *3*), хотя и в сильно стилизованном варианте, можно различить другой канонический для северопричерноморского искусства V–IV вв. до н.э. мотив – бедро и пару ног животного (непонятно только, какого – хищника или копытного) (Мелюкова, 1976. С. 115, 116). Ни в первом, ни во втором случае прямых аналогий нашим находкам в пределах Скифии пока найти не удалось. Однако как общий стиль названных предметов, так и отдельные характерные детали явственно указывают на их принадлежность к предметам так называемого "скифо-фракийского круга". Для первой бляхи-нащечника из колбинского кургана № 2 ближайшей аналогией следует считать серебряные нащечники с гиппокампами от уздечного набора № 1 конской могилы № 1 в кургане Хомина Могила (курган № 13) близ г. Орджоникидзе на Украине (степное Приднепровье) (Мозолевский, 1972. С. 216–218. Рис. 27). Эти детали конского убора автор раскопок Б.Н. Мозолевский считает определенно фракийскими (Мозолевский,

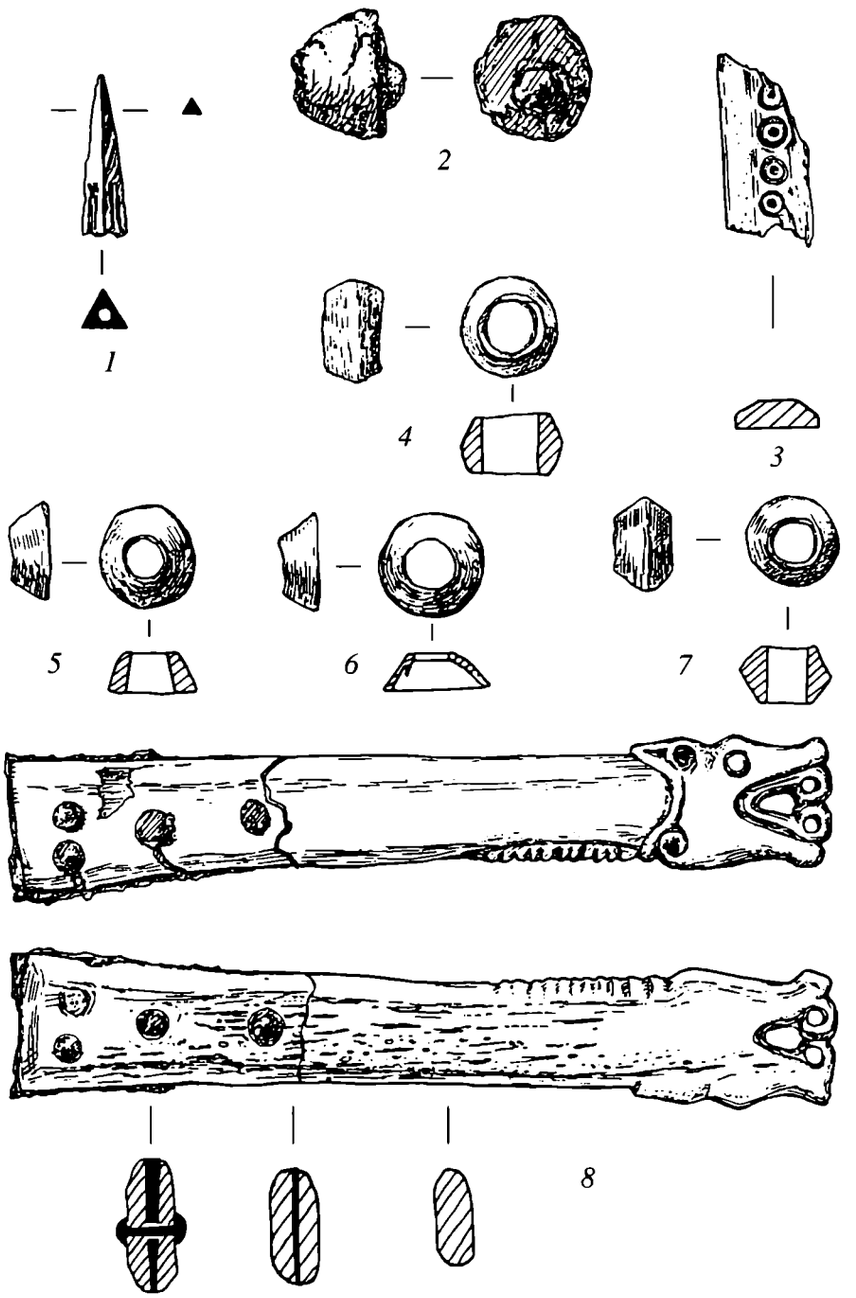


Рис. 1. Комплекс вещей из кургана № 2. Колбино 1: *1* – бронзовый наконечник стрелы; *2* – железная ворворка; *3* – фрагмент костяной ручки ножа с циркульным орнаментом; *4–7* – бронзовые пронизки конской узды; *8* – роговая рукоять ножа в "зверином стиле".

1972. С. 218) и датирует их концом IV–началом III вв. до н.э.

Для другой бляхи близкие параллели можно найти в скифских курганах: № 6 у с. Бобрица, Чмырева могила и особенно у г. Арциз (Мелюкова, 1976. С. 117. Рис. 6, *3*, *6*, *11*).

Колбинская находка сезона 2000 г. заставила более внимательно отнестись к вопросу о возможном влиянии фракийского искусства на среднедонскую культуру скифского времени. При просмотре материалов курганных комплексов V–IV вв. до н.э. из Воронежской области осязаемые следы такого влияния вскоре были обнаружены.

Речь прежде всего идет о наборе серебряных украшений конской узды из кургана № 11 группы "Частые курганы" под г. Воронежем (раскопки ВУАК), где были обнаружены налобник (рис. 3, *1*) в виде скульптурной головы барана (или "баранограифона") на плоском серебряном щитке и два нащечника со сложной резной композицией, напоминающей медвежью лапу (Замятнин, 1946. С. 42. Рис. 31, *1–4*). Узор нащечников очень похож по стилю на аналогичные предметы конско-

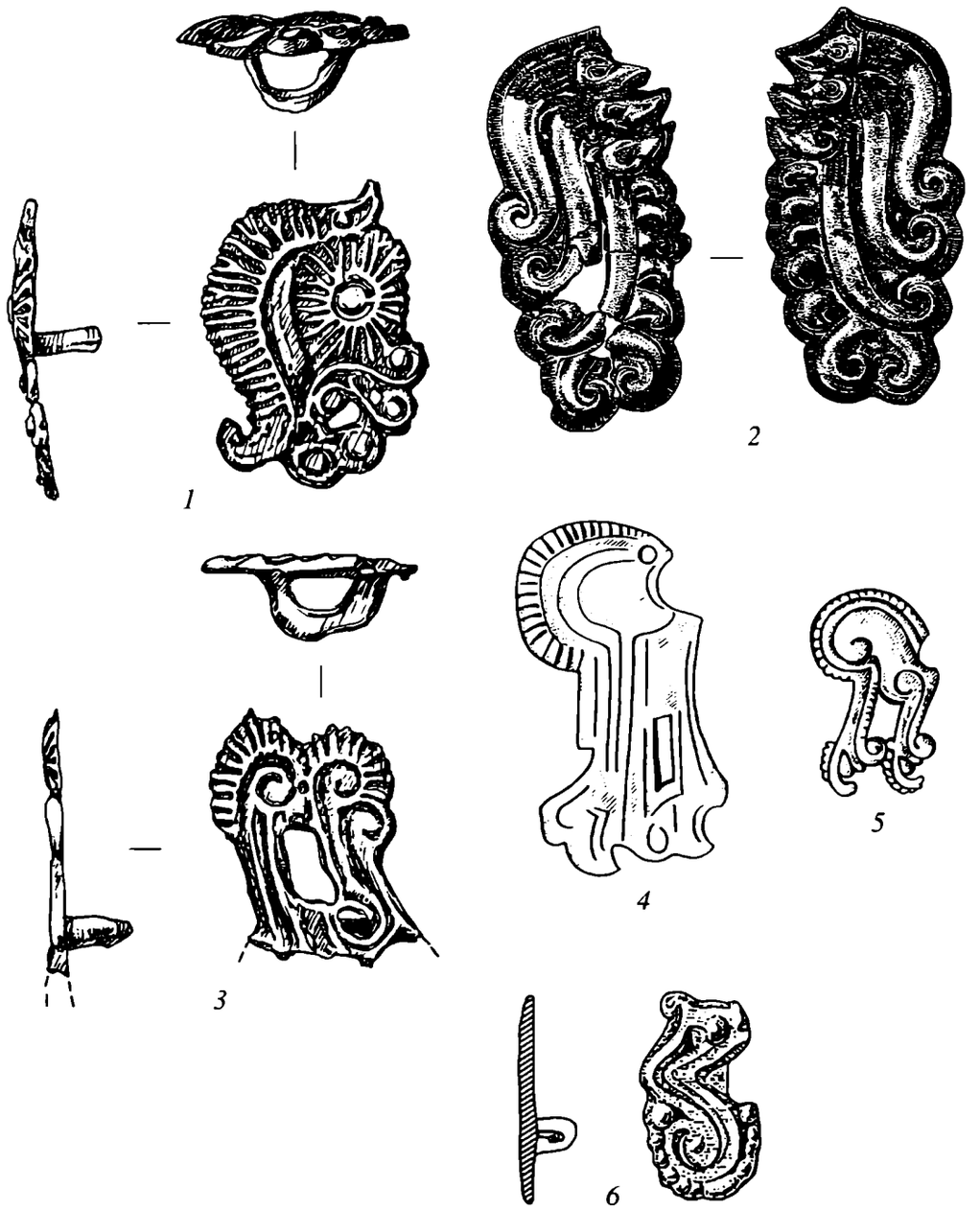


Рис. 2. Металлические нащечники и подвески от конской узды: *1* – серебряный нащечник с гиппокампом, курган № 2, Колбино I; *2* – серебряные нащечники с гиппокампами из кургана Хомина; Могила (курган № 14); *3* – серебряный нащечник в виде бедра и задних ног животного; курган № 2, Колбино I; *4–6* – бронзовые бляхи узды из лесостепной Скифии.

го убора из Краснокутского кургана (Замятнин, 1946. С. 42).

Что касается налобника, то многочисленные аналогии ему известны в конских захоронениях из наиболее богатых, "царских" курганов степной Скифии, таких, как Огуз (Фиалко, 1995. С. 134. Рис. 1; С. 137. Рис. 4), Чертомлык, Чмырева могила, Толстая могила, Козел, Александрополь (Мелюкова, 1976. С. 112, 113. Рис. 3, *4*, *5*, *6*, *7*, *8*, *9*). Точно такие же серебряные налобники известны и в наиболее пышных погребениях фракийской аристократии – например Аджигиоль и Крайова (Мелюкова, 1976. Рис. 4, *5*, *7*).

По поводу происхождения и места производства этих великолепных изделий до сих пор нет полного согласия среди исследователей. Болгарский и румынские ученые, а также некоторые наши украинские коллеги (Мозолевский Б.Н., Фиалко Е.Е. и др.) отстаивают их фракийское происхождение. Более осторожно подходит к данному вопросу А.И. Мелюкова. "Появление во Фракии ряда предметов, исполненных в зверином стиле, – пишет он, – было вызвано и стимулировалось воздействием скифского искусства, прошедшего к тому времени уже значительный путь развития. В IV в. до н.э., скорее около середины столетия, наблюдается обратный процесс – влияние на

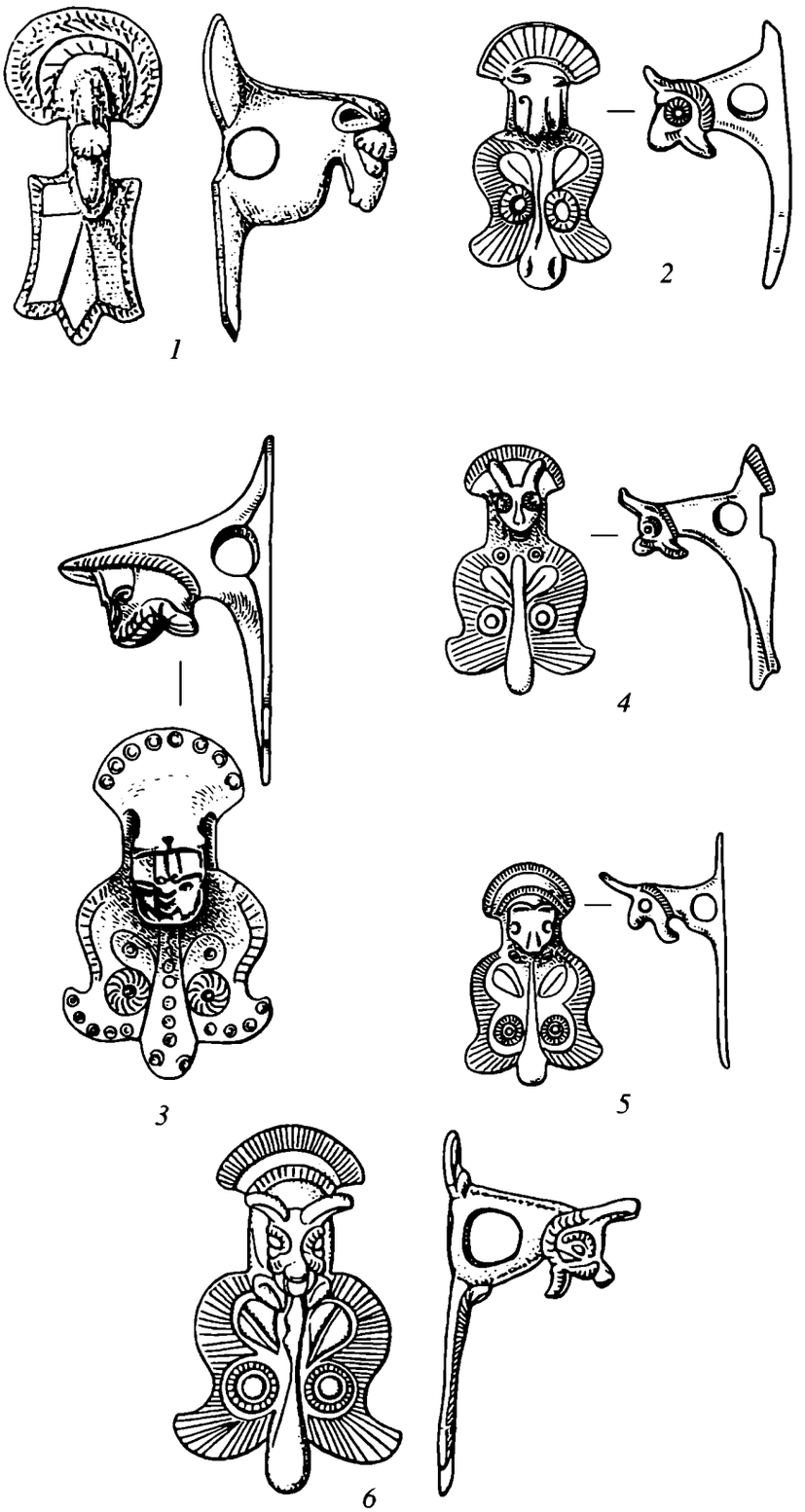


Рис. 3. Серебряные налобники "фракийского типа": *1* – курган № 11, "Частые Курганы"; *2* – Чертомлык; *3* – Толстая Могила; *4* – Александрополь; *5* – Козел; *6* – Чертомлык (бронза).

скифские произведения фракийского художественного творчества" (Мелюкова, 1976. С. 126).

Однако независимо от того, кто именно изготовлял серебряные наборы для конской узды скифской знати – фракийские мастера по своему разумению, сами скифы в подражание фракийским образцам или же, наоборот, фракийцы целиком заимствовали скифский стиль и образы реальных и фантастических животных, очевидно одно: в IV веке до н.э. (скорее середина–вторая половина его) по всей Скифии, от Дуная до Дона,

в высших кругах местной знати распространилась "фракийская мода" на украшения парадных конских уборов. Точнее, это даже не "мода", а целенаправленное распределение определенных категорий престижных вещей внутри правящей скифской элиты (в том числе и на Среднем Дону, который в V–IV вв. до н.э. был, на мой взгляд, неотъемлемой частью Скифии). Точно так же распределялись среди высшей скифской знати и такие особо значимые престижные вещи, как золотые пластины горитов со сценами из жизни Ахилла (Мелитопольский, Чертомлыцкий, Ильинецкий и Пятибратний № 8 курганы), произведенные одним греческим мастером и даже по одной матрице или форме (Манцевич, 1962. С. 109–111).

Можно сослаться и на знаменитые шаровидные ритуальные сосуды из золота и серебра с изображениями сцен скифского эпоса (Куль-Оба, "Частые курганы", Гайманова могила) или на серебряные ритоны, являвшиеся, по словам М.И. Ростовцева, как и шаровидные кубки, атрибутами царской власти (Ростовцев, 1918. С. 53, 54). Это касается и мечей "чертомлыцкого типа", с рукоятями, обтянутыми тонким золотым листом с абсолютно идентичными штампованными изображениями – олень, лань, орлиноголовые грифоны в геральдической позе (Чертомлык, Пятибратний курган № 8 у станицы Елизаветовской, Колбинский курган № 7 и др.), и нагаек с золотой оплеткой из толстой фольги (тот же курган № 7 у с. Колбино, Толстая могила, Чертомлык, и др.). В этой связи представляется не столь уж и важным, где именно и в каких мастерских производились упомянутые выше социально значимые для скифов предметы. Принципиально значимыми здесь являются два момента: во-первых, сам состав этих престижных вещей (культовые сосуды, мечи, нагайки и парадная конская сбруя), а во-вторых, то, что данный набор абсолютно идентичных предметов, символизировавших, несомненно, верховную власть, встречается во всех областях Скифии, как в степной, так и в лесостепной ее частях, от Дуная до Дона.

В заключение следует хотя бы в самой краткой форме охарактеризовать весь вещевой комплекс кургана № 11 группы "Частых Курганов". Несмотря на сравнительно скромные размеры (сильно распаханная насыпь была 0.45 м в высоту и 27 м в диаметре, а могильная яма имела 1.75 м в глубину от погребенной почвы и размеры 5.4 м × 3.5 м) и значительные разрушения от рук древних грабителей, этот курган содержал погребение знатного воина или вождя – типичное для среднедонской скифской культуры IV в. до н.э. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине вдоль восточной стенки могилы головой на юг. Его сопровождали железный чешуйчатый панцирь, колчан со стрелами (железные и бронзовые наконечники), наконечник копья, два дротика, бронзовый котел с тушкой ягненка (котел унесен грабителями, остались только позеленевшие от окислов кости), греческая чернолаковая чашечка на поддоне, конская узда с серебряными украшениями "фракийского типа", железная обтянутая золотом пряжка с серебряным язычком, золотые обкладки деревянного или костяного гребня (украшены головами кабанов), бронзовая поясная застежка с фигурой медведя и 794 золотые нашивные бляшки разных типов от погребального полога или украшений одежды (в том числе и бляшки в виде головы кабана) (Замятнин, 1946. С. 42).

Учитывая то, что серебряные украшения узды встречаются в самых богатых захоронениях скифской знати и прежде всего в "царских" курганах степного Приднепровья (Огуз, Александрополь и др.), можно предполагать, что и у человека, погребенного в кургане № 11 "Частых Курганов", находилось в гробнице немало драгоценных престижных вещей, увы, унесенных в первую очередь грабителями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Замятнин С.Н. Скифский могильник "Частые Курганы" под Воронежем // СА. 1946. Т. VIII.

Манцевич А.П. Горит из кургана Солоха // Культура и искусство античного мира. Л., 1962.

Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1972.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.

Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. 1995. № 1.

On Thracian Influences in Burial Mounds Material of Scythian Time From the Middle Don Basin

V. I. Gulyaev

Summary

The publication discusses a set of silver ornaments of horse bridle discovered recently on the Middle Don in the course of the Potudan expedition investigations, season 2000. The finds originate from burial mounds № 2 near Kolbino village, Repyevsky district, Voronezh region. The ornaments are performed in so-called "Thracian" style that is widely represented on the horse gear pieces excavated in Scythian nobility kurgan graves and dating to the second half of the 4th c. BC, such as Oghuz, Chmyreva mogila, Aleksandropol, Khomina mogila and others.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 144–152

ПУБЛИКАЦИИ

ПО ПОВОДУ РЕКОНСТРУКЦИИ ГОЛОВНОГО УБОРА ИЗ РЫЖАНОВСКОГО КУРГАНА

© 2001 г. Е. Е. Фиалко

Институт археологии НАНУ, Киев

Парадный костюм – одна из наиболее ярких и информативных составляющих материальной культуры скифов. И, пожалуй, самой эффективной его частью является головной убор. В основе реконструкции внешнего вида этих уборов лежат прежде всего их золотые украшения, а также изображения на предметах торевтики. Восстановление головных уборов достаточно сложный процесс из-за разрушенности комплексов, в которых они найдены. Поэтому обнаружение их деталей в неограбленном погребении чрезвычайно важно и интересно. Именно о такой находке, сделанной при раскопках центральной могилы Рыжановского кургана, и пойдет речь ниже.

Рыжановский курган находится южнее современного с. Рыжановка Звенигородского р-на Черкасской обл. (Скорий и др., 1999). Начало его исследованиям в 1884 г. положил Ю. Талько-Гринцевич, в 1890 г. небольшие работы на нем проводил Д.Я. Самоквасов. А спустя чуть более 100 лет к доисследованию памятника приступили сотрудники Украинско-польской экспедиции под руководством С. Скорого и Я. Хохоровски, работавшие в течение полевых сезонов 1995–1998 гг.

Курган раскопан скрупулезно и тщательно, а полученные материалы оперативно введены в научный оборот. Так, в различных изданиях вышла сначала серия публикаций обзорного характера (Chochorowski et al., 1996; 1998; 1999; Chochorowski, Skoryi, 1999; Скорий и др., 1999 и др.), а затем и статьи, где рассматриваются вопросы хронологии памятника и отдельные категории находок (Скорый, 1998; Chochorowski, 1999 и др.). Среди последних статья, посвященная реконструкции головного убора из Центрального погребения Рыжановского кургана (Chochorowski, Skoryj, 1999), на которой мы остановимся.

Авторы упомянутой статьи приводят полное описание деталей головного убора, которое дополняется прекрасным иллюстративным материалом, в том числе подробным чертежом и фотографиями расположения аппликаций на дне камеры. Логическим итогом тщательного анализа находок явилась авторская реконструкция головного убора. Как графическая реконструкция, так и изготовленный Маженой Савич муляж выглядят достаточно убедительно (Chochorowski, Skoryj, 1999. Il. 3. Foto 5, 6). Но одна деталь этой реконструкции (рис. 1) привлекает к себе особое внимание. Речь идет о накидке, а точнее, той ее части, которая размещена под метопидой (на лбу). Этот визуальный алогизм побудил к более внимательному сопоставлению приведенных в работе чертежа и фотографии, где отчетливо видны отдельные детали убора, с предложенной реконструкцией.

По подробному описанию, приведенному Я. Хохоровски и С. Скорым (Chochoroskhi, Skoryj, 1999. S. 301, 304), головной убор состоял из двух частей – шапки и покрывала, декорированных 138 золотыми нашивками-аппликациями. Покрывало по внешнему длинному краю украшали 34 круглые бляшки с изображениями Медузы Горгоны (диаметр 3.3–3.4 см) и 54 мелкие бантообразные бляшки. С шапкой связаны следующие детали[1].

1. *Метопида.* Лента длиной 35 см, шириной 2.3 см. Ее декор делится на две части – верхнюю украшает растительный орнамент из чередующихся розеток и веероподобных пальметок, перемежающихся цветками лотоса; нижняя оформлена в виде плетенки из полуов. 2. *Ажурная лента* длиной 44 см, шириной 1.3 см. Рисунок практически полностью повторяет верхний фриз метопиды. Сохранилась в пяти фрагментах. 3. *Лента из 16 ажурных бляшек*, на которых между двумя горизонтальными бортиками изображены пары сидящих друг против друга зайцев. Общая длина 58 см, ширина 1.3 см. 4. *Узкая лента-ободок* длиной 68 см, шириной (с подвесками) 1.6–1.8 см. Украшена овами и дисковидными подвесками. Сохранилась в семи фрагментах. 5. *Бляшки-треугольники* (1.6–1.7 × 1.9 × 2 см), украшенные псевдозернью, 21 экз.

Прежде всего следует выяснить, *как был положен головной убор в погребении.* Основываясь на расположении бляшек на полу камеры (рис. 2) и смещении большей их части в противоположную от метопиды сторону, авторы высказали предположение о том, что для лучшего "экспонирования" всех деталей головного убора он не просто лежал на полу, а опирался на деревянные колышки. В результате передняя парадная его

[1] Описание деталей дается в последовательности их расположения на предложенной Я. Хохоровски и С. Скорым реконструкции, снизу вверх.

Рис. 1. Реконструкция головного убора из центральной могилы Рыжановского кургана (авторы С. Скорый и Я. Хохоровски).

часть оказалась приподнятой над полом, а задняя касалась его и таким образом создавался эффект сдвинутой на затылок шапки (Chochorowski, Skoryj, 1999. S. 303. Il. 2). Однако, как любезно сообщил С.А. Скорый, следов деревянных колышков или каких-то иных приспособлений-подпорок в погребении не обнаружено.

На наш взгляд, положение бляшек свидетельствует о том, что головной убор был деформирован обрушившимся куском свода, завалившим, видимо, не всю камеру, так как два фрагмента аппликаций (№ 101 и 102) отлетели на 0.5 м в сторону и при этом лежали на полу. Надо думать, что и ткань, и крепившие к основе золотые бляшки нитки к моменту обвала еще не истлели, но были уже в плохом состоянии. Так, покрывало, очевидно, легко порвалось – круглая бляшка № 35 осталась на месте, а бляшки № 17 и 19 оказались на значительном от нее расстоянии. Об этом же свидетельствуют и другие отлетевшие части декора – № 79 и 99; 101 и 102; 103, 19, 125–128 (рис. 3). Судя по расположению расправленного покрывала, шапка стояла на полу вертикально. Ударом ее завалило чуть назад и на правый бок. Это фиксирует ряд деталей: 1) положение метопиды – ее подмятая правая сторона; 2) часть аппликаций оказалась беспорядочно сдвинутой в правую сторону; 3) несколько бляшек, занимавших верхние позиции на шапке, оказались обращенными лицевой стороной вниз. В этой связи привлекают к себе внимание три круглые бляшки (№ 15, 16, 18) и соответствующие им бантообразные (№ 131, 138), которые оказались как бы под шапкой, прием лицевой стороной вниз – т.е. они были нашиты на часть покрывала, накинутую на правую сторону шапки (на которую она и завалилась).

По определению Я. Хохоровски и С. Скорого, рыжановская "шапочка имела форму невысокого калафа с цилиндрическим легко расширяющимся к верху околышем и более широким донышком

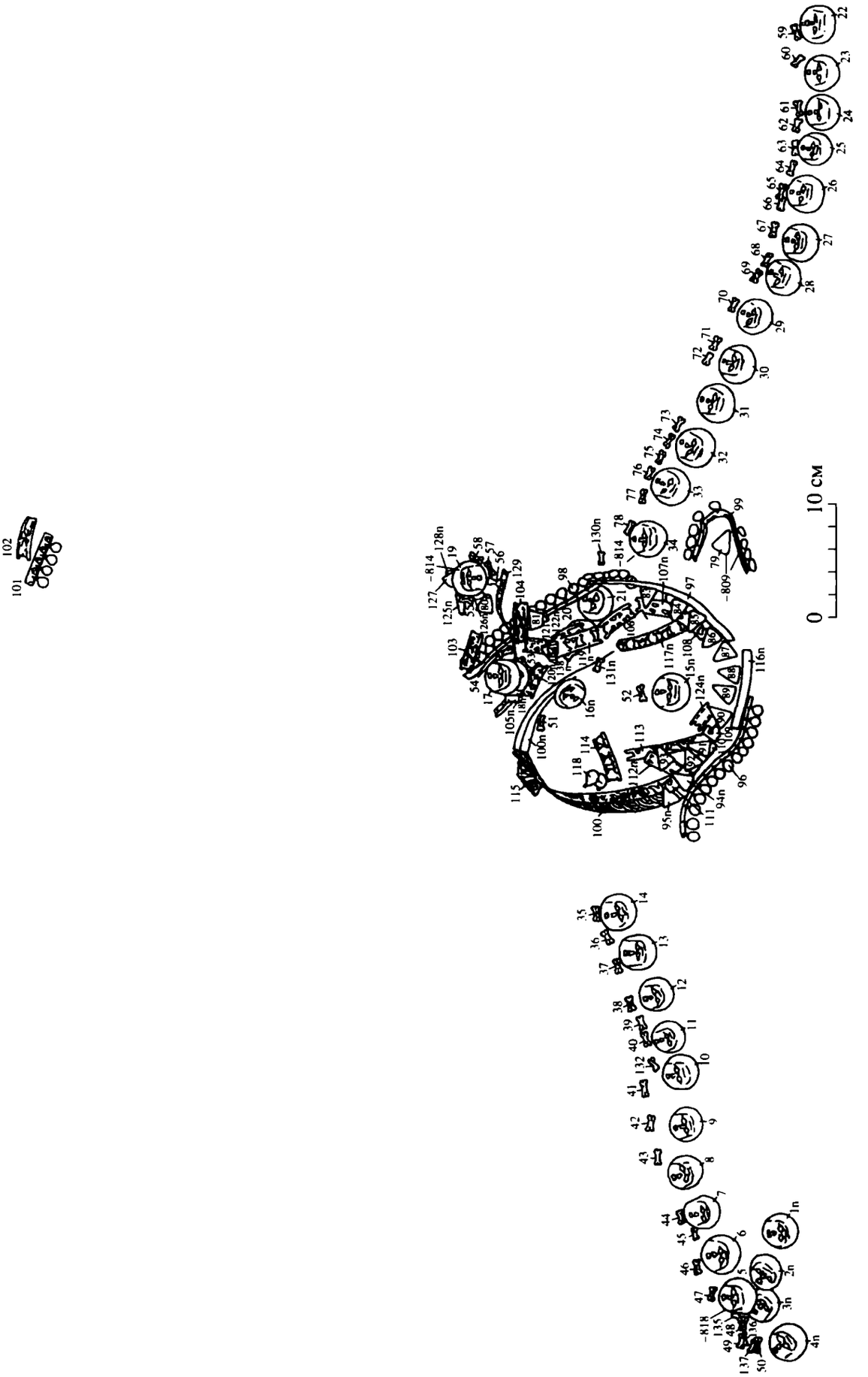


Рис. 2. Расположение аппликаций головного убора в центральной могиле Рыжановского кургана (по: Chochorowski, Skoryj, 1999).

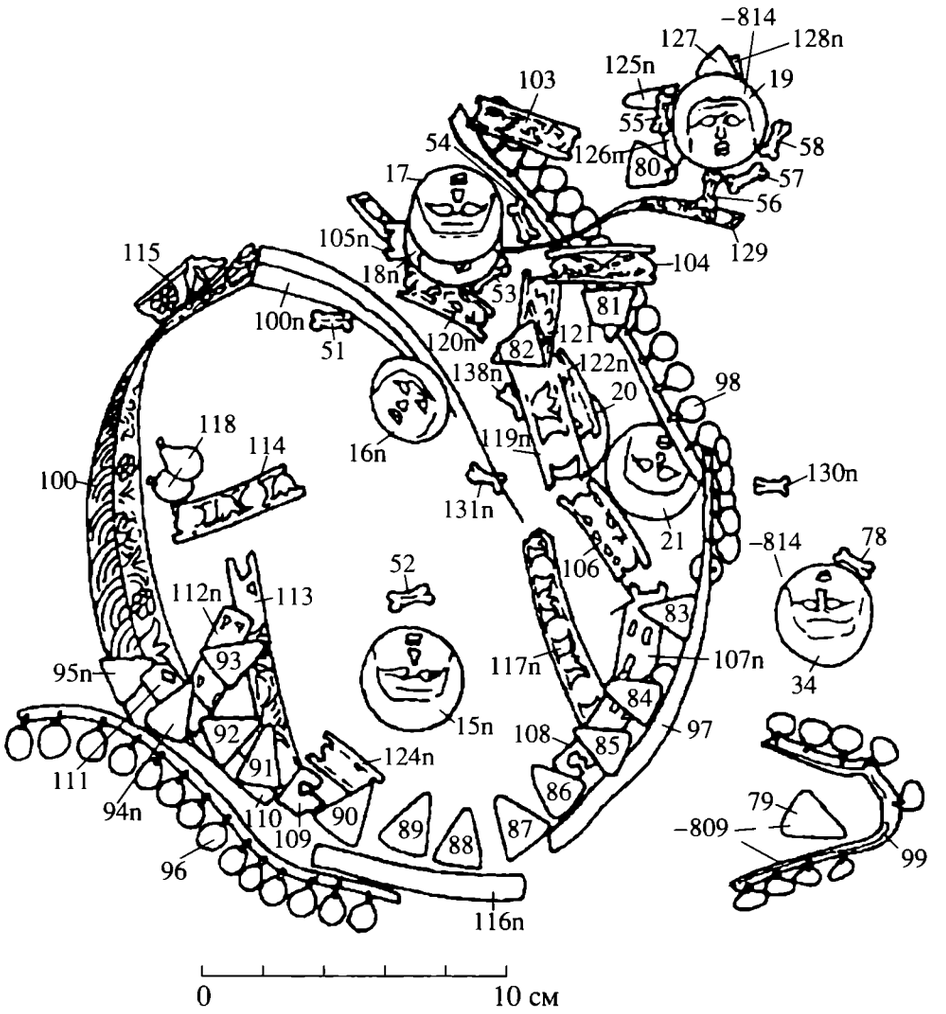


Рис. 3. Фрагмент центральной части схемы расположения аппликаций калафа в погребении.

(рис. 4А), что придавало ей форму, близкую грибовидной" (Chochorowski, Skoryj, 1999. S. 311). В основу этой реконструкции, несомненно, легли два воссозданных головных убора из погр. 2 кург. 21 у с. Каменка (Николаевской обл.) и погр. 2 Татьяниной Могилы (Клочко, Гребенников, 1982. Рис. 8; Клочко и др., 1991. Рис. 3). Л.С. Клочко считает, что обе шапки напоминают сплетенные из лозы корзинки. И совершенно справедливо, на наш взгляд, в качестве близкой аналогии приводит головной убор из Большой Близницы – так называемый греческий калаф. По поводу этой формы убора уместно вспомнить замечание Т.В. Мирошиной о том, что украшенные золотом греческие калафы известны только в Северном Причерноморье, в то время как в Греции их нет (Мирошина, 1980. С. 32). В то же время они хорошо известны по изображениям на различных изделиях античных торевтов. В таких уборах представлены змееногая богиня на ажурной бляшке из Куль-Обы и бляшке из Большой Близницы, нереиды на височных подвесках и менады на золотых бляшках из Куль-Обы, возможно, и крылатая богиня на навершии из Александропольского кургана (Артамонов, 1966. Табл. 230, 267, 296, 189).

Думается, именно калаф из Большой Близницы следует рассматривать как прототип для убора из Рыжановского кургана. Форма этого калафа точно определяется благодаря тому, что декор его был сплошным, а не ажурным. Фактически он представляет собой усеченный конус, перевернутый широким основанием вверх, при этом вогнутость с боков его весьма незначительна. Видимо, такой же тип головных уборов представляет и золотая пластина из кургана 2 у с. Сахновка (Археологическая летопись, 1901. С. 213). Но в этом случае пластина покрывала тулью не целиком (длина ее 36.5 см при высоте 9.8 см), оставляя заднюю ее часть не декорированной. Основываясь на изображениях танцовщиц с калафами на головах, представленных на аппликациях из кургана Большая Близница, Л.С. Клочко отметила ряд присущих этому типу головных уборов особенностей: "невысокие уборы расширяются снизу вверх, они имеют основу значительно уже окружности головы и потому закреплены высоко над лбом, на самой макушке" (Клочко и др., 1991. С. 60).

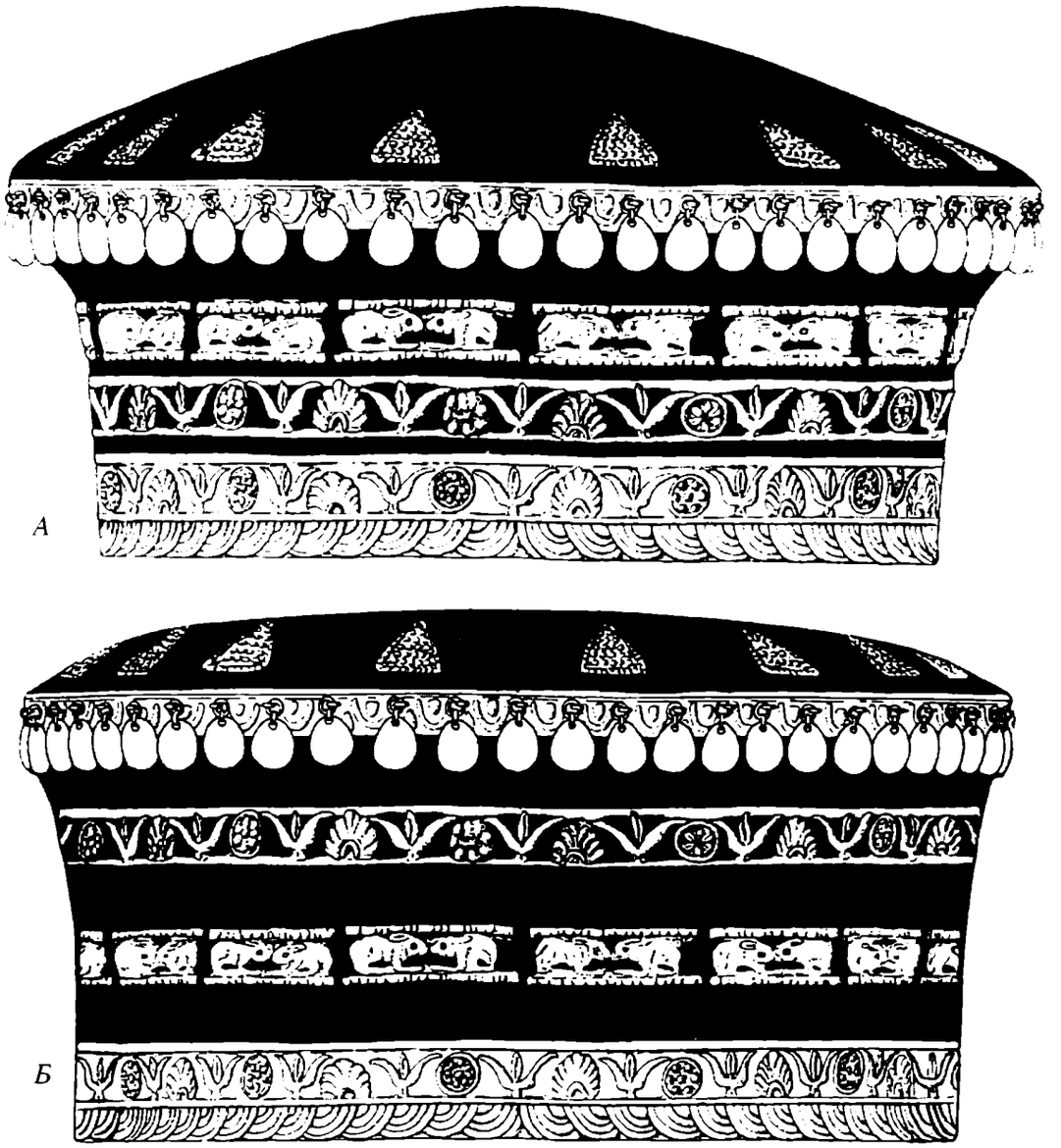


Рис. 4. Реконструкция калафа из центральной могилы Рыжановского кургана.
А – вариант С. Скорого и Я. Хохоровски; Б – вариант Е. Фиалко.

Если первое замечание – по поводу небольшой высоты – не вызывает сомнений, то со вторым – по поводу нижнего диаметра и соответственно ношения убора на затылке – согласиться трудно и вот почему. Для наглядности мы сравнили размеры четырех упомянутых выше уборов (таблица) и получили следующую картину. Окружность или длина нижнего основания уборов получается от 62 см (Большая Близница) до 55 см (Татьянина могила). При этом средний размер окружности женской головы равен 57 см (по Мирошиной, 1980. С. 38) или 56–58 см (по Клочко, 1982. С. 120). Следовательно, за исключением убора из Татьяниной Могилы, остальные три имели достаточно большой диаметр, который, даже с учетом плотной основы, не позволяет надеть калаф на затылок. Напротив, он должен был сидеть довольно низко над лбом. Что же касается убора из Татьяниной могилы, возможно, размер головы его владелицы был действительно небольшим; а, быть может, нижний диаметр его был немного больше, если ажурные пластины на тулье крепились не встык, а с небольшими промежутками, как на донышке.

Приведенные аналогии свидетельствуют в пользу того, что Рыжановский убор по форме, очевидно, относится к греческим калафам (рис. 4Б) и наиболее близким соответствием ему является золотой калаф из Большой Близницы.

Выше уже отмечалось, что к декору калафа относятся: метопида, три ленты и набор треугольных бляшек. Теперь остановимся на вопросе о последовательности орнаментальных рядов, которая, как кажется, несколько отличалась от предложенной Я. Хохоровски и С. Скорым.

Метопида, как известно, это налобная золотая лента, которая нашивалась на кожаный ремень,

Размеры греческих калафов из скифских памятников

Головной убор	Большая Близница	Рыжановка	к 21 у с. Каменка	Татьянина Могила
Высота калафа	10 см	≈8 см	7–8 см	≈6 см
Длина нижнего основания	62 см	58 см	55–57 см (?)	55 см
Длина верхнего основания	82 см	68 см	65 см	63 см
Метопида		Длина 35 см, Ширина 2.3 см	Длина 33 см, Ширина 2.5 см	Длина 36 см, Ширина 2.5 см

завязывающийся сзади (Мирошина, 1980. С. 36). Иногда такая лента помещалась на головном уборе, прижимая его налобную часть (Мирошина, 1977. С. 79). Без сомнения, в Рыжановском уборе метопида крепилась на лбу, но отдельно на ремне или на основе калафа? На чертеже видно, что непотревоженными остались левый конец и левая налобная часть метопиды (№ 100). Вся передняя часть калафа свезена назад вправо, метопида же осталась на месте, но при этом правая ее часть оказалась подмятой внутрь, как и сама тулья. Глиной как бы привалило левую (надвисочную) часть шапки, где ее декор "стыкуется" с метопидой, свезло переднюю часть, оставив на месте не скрепленную с ней метопиду, и сместило жестким каркасом калафа правую сторону метопиды. Тогда получается, что метопида в данном случае действительно крепилась к отдельному ремню, но тулья была плотно насажена на налобную ленту.

Нижний орнаментальный ряд калафа, судя по всему, составляла лента из ажурных пластин с зайцами. Во-первых, общая длина ее равна 58 см, что соответствует, как уже отмечалось выше, среднему размеру головного убора. Во-вторых, на чертеже, в том месте, где часть калафа пострадала менее всего, две бляшки с зайцами (№ 111 и 110) оказались непосредственно на метопиде и еще две (№ 112 и 109) рядом с ней. В-третьих, это единственная лента, которая дает полный замкнутый круг, равный длине нижнего основания головного убора. И наконец, в-четвертых, размещение рядом двух лент с практически совершенно одинаковым орнаментом выглядит не совсем логично.

Среднюю позицию, очевидно, занимала ажурная лента с растительным орнаментом. Общая длина ее составляет 44 см, т.е. она покрывала только парадную переднюю часть убора. Как известно, золотые аппликации часто размещают лишь на 3/4 поверхности калафа, оставляя заднюю часть тульи без украшений, поскольку затылок был прикрыт покрывалом (Клочко, Гребенников, 1982. С. 91). Кроме того, на чертеже, в правой части головного убора, на которую "легла" шапка, хорошо видно, что фрагмент ажурной бляшки (№ 119) лежит лицевой стороной вниз на бляшке с зайцами (№ 122), тоже обращенной вниз лицевой стороной, т.е. ажурная лента находилась выше ленты с зайцами.

Верхней на тулье калафа оказывалась лента с подвесками. Во-первых, это хорошо видно на чертеже. Во-вторых, длина ее – 68 см – дает максимальный размер расширяющейся части калафа. В-третьих, на золотой пластине калафа из Большой Близницы именно такая полоска из ов размещена по верхнему краю.

На чертеже *треугольные бляшки* с псевдозернью нигде не оказываются под лентами, только над ними. Например, треугольник № 93 лежит на (соответственно над) фрагментах лент № 112 и 113, № 82 на № 119 и 122 и т.д. При этом дуга треугольников находится внутри дуги ленты с подвесками. Это обстоятельство должно подтверждать размещение треугольных бляшек на донышке калафа.

Высота калафа определяется сложением ширины лент и промежутков между ними. Следует предположить, что первая лента, набранная из бляшек с зайцами, крепилась не к нижнему краю тульи, а на некотором расстоянии от него, иначе визуально она бы сливалась с метопидой. Как показывает опыт реконструкций калафов, при орнаментации их обычно придерживались определенных канонов. К таковым относится прежде всего соблюдение некоего ритма в чередовании различных составляющих декора, а также симметрия. Немаловажным моментом здесь является и цветовое решение – т.е. смена рядов золотых аппликаций рядами основного фона. Скорее всего промежутки между рядами аппликаций по ширине равнялись последним, составляя около 1.3 см каждый. Таким же, вероятно, было и расстояние от нижнего края тульи до первой золотой ленты. Тогда высота калафа без метопиды составляла: 1.3 см × 2 (ажурные ленты) + 1.3 см × 3 (промежутки) + 1.6–1.8 см (лента с подвесками), т.е. 8.1–8.3 см. Такой же размер – приблизительно 87 см – допускают для рыжановской шапки Я. Хохоровски и С. Скорый, но включая ширину метопиды (Chochorowski, Skoryj, 1999. S. 304). По нашим же расчетам, общая высота рыжановского головного убора (включая метопиду) составляла около 10 см, в то время как сам калаф достигал высоты около 8 см.

Теперь обратимся к *покрывалу*. Это дополнительная деталь головного убора, которая фиксируется в погребении только благодаря "золотой оторочке". В данном случае его первоначальное положение обозначено круглыми бляшками по внешнему длинному краю. Всего насчитывается 34 таких бляшки. На чертеже отчетливо видно, что покрывало лежало в расправленном виде по обе стороны от калафа. Ниже основания калафа с каждой стороны на покрывале размещалось по 14 бляшек (№ 1–14, 21–34) – эту цифру дает количество бляшек с левой стороны покрывала с загнутым краем. Если на боковинах орнаментальный ритм сохранен, то в средней части он оказался нарушенным. На эту часть, а интервал между бляшками боковин (№ 14 и 21) составляет около 25 см, остается шесть круглых бляшек (№ 15–20). Исходя, вероятно, из этого обстоятельства, авторы реконструкции посчитали, что шапка одевалась на покрывало (рис. 1), накинутое непосредственно на голову так, что украшенный бляшками край закрывал лоб (Chochorowski, Skoryj, 1999. S. 304). Форма покрывала определяется ими как "полукруглый платок" (Chochorowski, Skoryi, 1999. S. 311).

Согласиться с таким взаиморасположением составляющих убора довольно сложно по ряду причин.

1. Не вдаваясь в тонкости кроя, даже невзирая на то, имел ли плат прямоугольную или, как предполагают Я. Хохоровски и С. Скорый, полукруглую форму, в любом случае на лбу покрывало должно ложиться фалдами. Это наглядно демонстрирует реконструкция головного убора из кургана 18 у с. Львово (Клочко, 1992. Табл. 21, 2). Учитывая же то, что по краю рыжановского покрывала нашиты крупные круглые и мелкие бантообразные бляшки, ритм которых не совпадает, край его здесь должен был сильно топорщиться и не мог лежать или спускаться на лоб.

2. Как мы помним, в состав убора входит метопида, которая крепилась на лбу. Ширина ее 2.3 см. Над ней на голове размещался калаф, длина нижнего основания которого равнялась 58 см, что подтверждает его размещение на голове над лбом, а не на затылке. Если же учесть, что диаметр круглых бляшек 3.3–3.4 см и что рядом с ними (ближе к краю) на небольшом расстоянии крепились а бантообразные бляшки, то ширина опускающейся на лоб кромки накидки составляла чуть менее 4 см. Но в таком случае она закрывала уже не лоб, а верхнюю часть лица (включая глаза). Даже с учетом апотропеической функции аппликаций в виде головы Медузы Горгоны, с подобным их расположением на головном уборе вряд ли можно согласиться.

3. На чертеже видно, что все шесть бляшек, которые приходятся на центральную часть покрывала, оказались смещенными. Под метопидой или рядом с ее лобной частью ни бантообразных, ни круглых бляшек нет. Они находились среди "свезенных" с тульи калафа деталей декора. Причем три бляшки (№ 15, 16 и 18) повернуты лицевой стороной вниз, при этом одна из них (№ 16) лежит "внутри" на метопиде. Скорее всего эти три бляшки пребывают в таком положении потому, что первоначально находились на правой стороне тульи калафа. Как отмечалось выше, при падении калафа была подмята его правая сторона и поэтому крепившиеся к ней бляшки оказались на полу лицевой стороной вниз. Остальные три бляшки были свезены прижавшей их затем глыбой материкового грунта, поэтому лежат лицевой стороной вверх.

Изложенные наблюдения позволяют предположить, что шесть описанных выше круглых бляшек крепились по три с каждой стороны на те части покрывала, которые свисали по обе стороны тульи калафа (не нарушая общего ритма круглых блях). Средняя же часть покрывала, находившаяся на донышке калафа, оставалась недекорированной.

О длине покрывала позволяют судить все те же круглые бляшки в виде головы Медузы Горгоны. Известно два типа покрывал, дополнявших калафы, – до плеч – около 20 см и до или ниже талии (Мирошина, 1980. С. 42; 1981. С. 65). Рассматриваемое нами покрывало, несомненно, относилось ко второму типу. По мнению исследователей длина его составляла около 150 см – из расчета 34 бляшек диаметром 3.3–3.4 см + 33 сантиметровых промежутков между ними (Chochorowski, Skoryj, 1999. S. 305). С этим можно было бы согласиться при условии, что орнаментальный ряд на покрывале был непрерывным. Наши расчеты несколько отличны от приведенных выше. Длина двух сторон покрывала до нижнего основания калафа – из расчета (3.3–3.4 см × 14 экз. + 14 см – промежутки) × 2 – равна 120–123 см. К этому добавляется длина полотна, накрывавшего две боковины (8.3 см × 2) и донышко (21 см) калафа, составлявшая около 38 см. Таким образом, общая длина покрывала достигала приблизительно 160 см. Справедливости ради отметим, что получившаяся у нас разница в 10 см визуально практически не заметна.

Следует остановиться и еще на одном моменте, связанном с покрывалом. В наших построениях получается, что покрывало частично "прятало" дно и заднюю часть тульи калафа, а вместе с ними и золотой декор. Этот эстетический аспект и был решающим в воссоздании общего облика головного убора, где накидка оказалась одетой под калаф (Chochorowski, Skoryj, 1999. S. 304). Между тем уместно вспомнить, что средняя ажурная лента с растительным орнаментом не украшала заднюю часть тульи калафа. Такие случаи обычны в орнаментации головных уборов. Золотой де-

Рис. 5. Реконструкция головного убора из центральной могилы Рыжановского кургана (автор Е. Фиалко).

кор калафов очень часто покрывал лишь 3/4 его поверхности, так как затылок был закрыт покрывалом. Кроме того, следует учитывать, что калаф находился в погребении представителя скифской аристократии, которому по рангу полагалось значительное количество золота. И наконец, немаловажно и то обстоятельство, что погребение относится к первой четверти III в. до н.э. (Скорый, 1998. С. 132), т.е. периоду заката Великой Скифии, характеризующемуся особой пышностью погребального ритуала.

В итоге можно предложить откорректированный вариант реконструкции головного убора из центральной могилы Рыжановского кургана. Убор состоит из трех частей: 1) – метопиды, отдельно крепившейся на лбу; 2) Калафа греческого типа, который размещался на голове над метопидой, а, возможно, был частично надвинут на нее; 3) покрывала, накинутого на калаф сверху (рис. 5).

Не углубляясь особо в семантику изобразительного ряда украшений рыжановского головного убора, вспомним лишь, что практически все его элементы, размещенные на калафе, – пальметки, розетки, цветы лотоса, фигуры зайцев – символизируют производительные силы природы, т.е. плодородие и размножение. В то же время аппликации в виде головы Медузы Горгоны, расположенные по внешнему краю накидки служили апотропеями, призванными отводить беду и защищать владельца этого убора. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, возможно расценивать как еще один аргумент в пользу того, что накидка одевалась сверху на калаф.

Калафы греческого типа появляются в обиходе скифов со второй половины IV в. до н.э. и существуют по меньшей мере до конца первой четверти III в. до н.э. Насколько широко они были распространены, судить пока сложно. При этом мы не знаем двух одинаковых головных уборов этого типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966.

Археологическая летопись России. Т. 3. Киев, 1901.

Клочко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. Киев, 1982.

Клочко Л.С. Скіфський жіночий костюм. Дисертація на здобуття вченого ступеню кандидата історичних наук. Київ, 1992. НА ІА НАНУ. № 726.

Клочко Л.С., Гребенников Ю.С. Скифский калаф IV в. до н.э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Клочко Л.С., Мурзін В.Ю., Ролле Р. Головний убір з кургану Тетянина Могила // Археологія. 1991. № 3.

Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // СА. 1977. № 3.

Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. 1980. № 1.

Мирошина Т.В. Некоторые типы женских головных уборов IV–III вв. до н.э. // СА. 1981. № 4.

Скорый С. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана // MSROA. 1998. Т. XIX.

Скорий С.А., Хохоровські Я., Григор'єв В.П., Ридзевські Я. Центральна могила Великого Рижанівського кургану // Археологія. 1999. № 1.

Chochorowski J. Rings with panticapaeum staters from the Great Ryzhanovka Barrow // Notae Numismaticae. 1999. T. III/IV.

Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Byżanowskiego s Ryżan ówce na Ukraine // MSROA. 1996. T. XVII.

Chochorowski J., Skoryj S. Kobiece nakrycie głowy z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // MSROA. 1999. T. XX.

Chochorowski J., Skoryj S., Grigor' ev V., Rydzewski J. Trzeci sezon badań wykopaliskowych w Ryżnówce, raj. Zvenigorodka, obl. Čerkassy (Ukraina) // MSROA. 1998. T. XIX.

Chochorowski J, Skoryj S., Grigor' ev V., Rydzewski J. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego – etap końcowy (sezon 1998) // MSROA. 1999. T. XX.

On Reconstruction of the Head-dress from Ryzhanovka Burial Mound

E. E. Fialko

Summary

Head-dress represent one of the most characteristic and informative elments of Scythian material culture. The details of full dress are usually rare finds. In 1986 joint Ukrainian-Polish expedition headed by S. Skory and J. Chochorowski investigated undisturbed central burial of in Ryzhanovka barrow; golden ornaments from head-dress discovered there seem to be of special significance and interest. The decoration includes 138 golden applications, among them metope-shaped one, three narrow ribbons and sewed-on plaques. S. Skory and J. Chochorowski have suggested the dimension and appearance of the head-dress; it consisted of two elements: veil cloth and low fungiform calathos. The latter was worn on the veil. The reconstruction was based on two similar head-dresses from barrow 21 near Kamenka village and Tat'yanina Mogila barrow. According to the author's opinion, the head-dress in question was three-piece one and included the following elements: metope-shaped part worn on the forehead; calathos of Greek type, and veil cloth spread over the calathos. Head-dress from Bolshaya Bliznitsa barrow should be pointed to as the closest analogy. Head-dresses of calathos type occured among the Scythians since thesecond half of the 4th c. BC and were used till the end of the first quarter of the 3rd c. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 153–161

ПУБЛИКАЦИИ

"ЗАБЫТЫЙ" КУРГАН ИЗ РАСКОПОК П.Д. ЛИБЕРОВА

© 2001 г. Е. И. Савченко

Институт археологии РАН, Москва

В 1957 г. во время разведочных работ Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством П.Д. Либерова был обнаружен курганный могильник у сел Терновое и Колбино. В своем дневнике исследователь отмечает: "25 мая экспедиция обследовала большую курганную группу у с. Колбина, по предварительным подсчетам включающую до 30 насыпей" (Либеров, 1958. С. 18). Но большие объемы работ на других объектах и скудное финансирование не дали возможности исследовать памятник. Только в 1961 г. экспедиции "удалось взять один маленький курганчик ручным способом, в котором исследовано шесть погребений, относящихся к срубной эпохе и позднесарматскому времени" (Либеров, 1962. С. 73). Лишь через 10 лет, занимаясь поисками погребальных памятников группы Волошинских городищ, П.Д. Либеров вновь возвращается к этому некрополю (Либеров, 1972. С. 22, 23). В 1971 г. был снят план всех курганных групп могильника и раскопан курган № 1 (№ 9 по топосъемке, проведенной Потуданской археологической экспедицией ИА РАН в 1995 г.)[1].

Задачей данной работы является введение в научный оборот материалов из раскопок П.Д. Либерова в 1971 г., которые незаслуженно забыты и не нашли отражения не только в исследованиях воронежских и московских археологов, но и в трудах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН (см. сборник статей "Археология Среднего Дона в скифскую эпоху". М., 2001), ведущей уже на протяжении восьми лет работы на этом памятнике.

Курган № 1 (по топоплану ПАЭ – № 9) находился в северо-западной группе могильника, состоящей из семи насыпей, которые образуют две параллельные цепочки, вытянутые в меридиональном направлении. Курган использовался для хозяйственных нужд местного колхоза и поэтому "вся насыпь была засыпана белым порошком удобрений, залита различными техническими маслами и мазями и невозможно было ни определить нарушение поверхности насыпи (кроме распахивания), ни собрать возможную керамику" (Либеров, 1972. С. 28). Насыпь в плане округлая, куполовидной формы, диаметром до 38 м и высотой до 2.2 м (на полевом чертеже П.Д. Либерова последняя нивелировочная отметка на северной поле – 141 см) (рис. 1, *1*). Курган раскапывался бульдозером на гусеничной тяге. На поверхности заложено семь траншей, ориентированных в направлении север–юг, шириной от 2.0 до 3.0 м, между которыми были оставлены промежуточные бровки "почти метровой толщины". Насыпь, сооруженная из плотного почвенного чернозема, возведена в один прием и сильно нарушена распашкой.

Единственное погребение располагалось в центре подкурганной поверхности и было окружено сплошным кольцом материкового глинистого выкида, внешний диаметр которого до 21.8 м, внутренний – "более 14 м". В сечении вымостка куполовидной формы, высотой до 0.8 м, максимальной шириной до 4.5 м (рис. 1, *1*). На уровне древнего горизонта, под насыпью кургана, "между могильной ямой и кольцом выкида отмечались остатки дерева отдельными кусками без какой-либо конструктивной последовательности" – вероятно, остатки перекрытия могилы (Либеров, 1972. С. 30). Курган был ограблен еще в древности, грабительский лаз в его западной половине и контуры обширной грабительской воронки в центре диаметром до 11.8 м хорошо видны в плане и в профиле центральной бровки (рис. 1, *3*). В верхней части перемешанного заполнения могильной ямы найдены: обломок лезвия железного ножа (рис. 2, *20*), фрагмент стенки лепного сосуда красного цвета и расслоившиеся зубы крупного животного (лошадь?). Вторая попытка ограбления кургана была совершена в его северной половине. П.Д. Либеров отмечает: "Яма № 2 под северной полой кургана, нарушившая кольцо выкида и имевшая очень неправильную форму, мелкая (до 0.3 м) по глубине, по-видимому, также есть результат грабительских поисков. В яме ничего не найдено" (Либеров, 1972. С. 32).

Могильная яма подпрямоугольной формы, со округленными углами, размерами в верхней части 6.9 × 6.4 м, размерами у дна 6.4 × 4.6 м, ориентирована длинной осью на запад–восток. Глубина 2.75 м от уровня древнего горизонта. С западной стороны, почти рядом с юго-западным углом, в

[1] "Раскопки кургана производились под руководством П.Д. Либерова, при непосредственном участии – В.И. Гуляева, топографа экспедиции Ф.Г. Льва, сотрудников Воронежского областного музея краеведения – А.Т. Синюка, В.В. Попова. Ход раскопок фотографировал директор Острогожского краеведческого музея Ф.Е. Яхнев" (Либеров, 1972. С. 28).

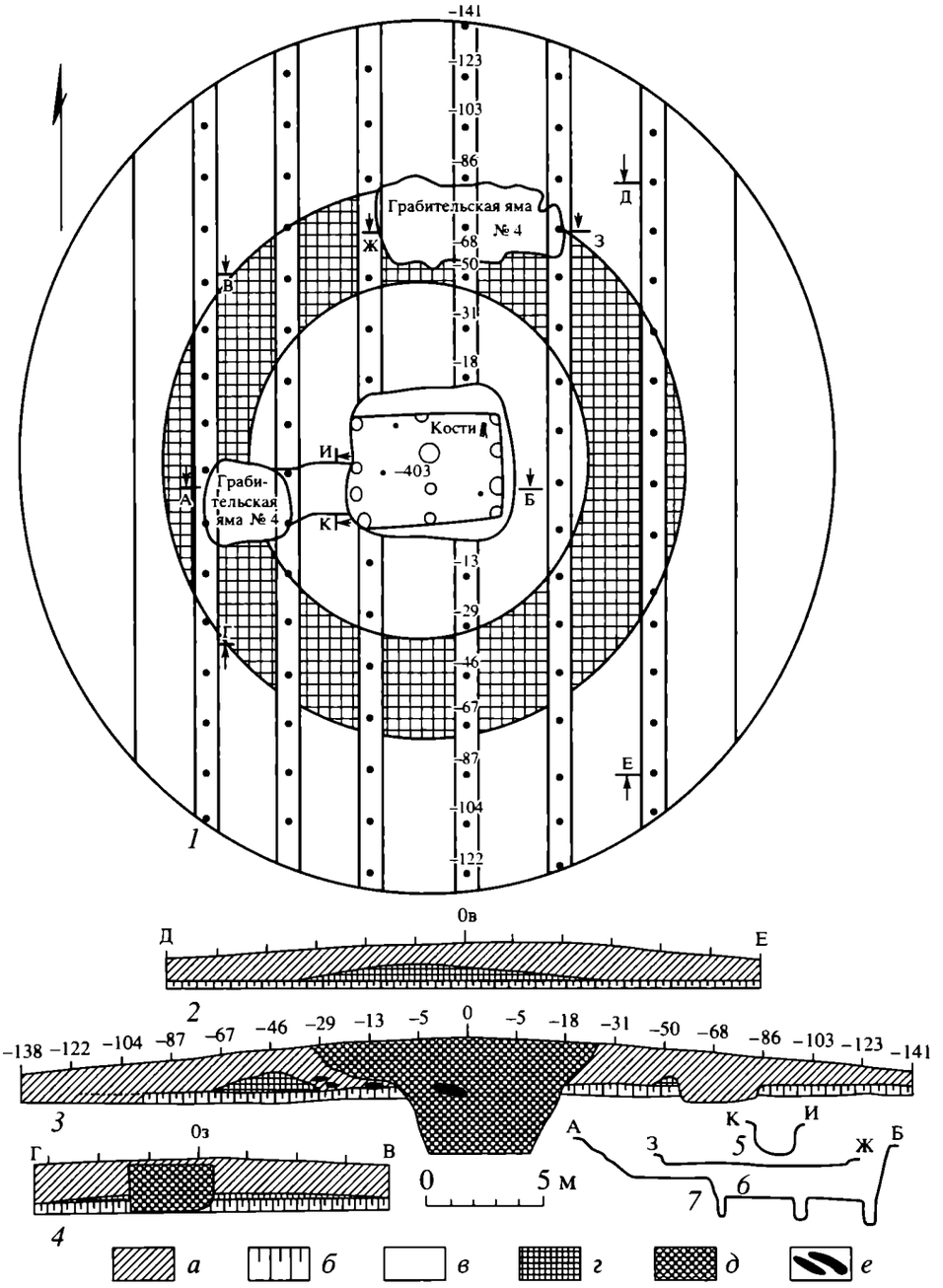


Рис. 1. Калбино 1, курган 9 (№ 1 по П.Д. Либерову). *1* – план кургана; *2–4* – стратиграфические разрезы кургана (*2* – западный фас восточной бровки; *3* – восточный фас центральной бровки; *4* – восточный фас западной бровки (*а* – насыпь; *б* – погребенная почва; *в* – материк; *г* – материковый выкид; *д* – заполнение дромоса; могильной и грабительской ям; *е* – дерево перекрытия); *5–7* – разрезы (*5* – дромоса; *6* – грабительской ямы № 2; *7* – могильной ямы с дромосом).

могилу входил подпрямоугольный в плане коридор-дромос, длиной до 3 м, при ширине до 2 м и глубине до 1.7 м от уровня древнего горизонта (рис. 1, *1*, *7*). Западная оконечность дромоса сильно испорчена древними грабителями (именно здесь располагалась грабительская воронка диаметром до 3 м, через которую кладоискатели проникли в дромос, а затем и в гробницу). Дно наклонное, к устью плавно понижается и переходит в могильную яму через ступеньку высотой до 0.8 м. Находок в дромосе не обнаружено.

В заполнении погребения найдены: обломки двух деревянных плах (вероятно, остатки рухнувшего перекрытия), мелкие обломки костей и кости ног погребенного, три фрагмента стенки и донца лепного сосуда красного цвета, мелкие древесные угольки и "спекшийся ком (не менее 20) втульчатых железных наконечников стрел с трехлопастными перьями" (рис. 2, *8–10*).

На дне могильной ямы по ее периметру прослежено 10 столбовых ямок (четыре – угловые и шесть – пристенных), одна ямка находилась в центре (центральная, слегка смещена к югу). Ямки в плане неправильно-округлые, диаметром от 0.4 м до 0.6 м, в сечении конусовидные, глубина их колеблется от 0.9 до 1.0 м от уровня дна. В заполне-

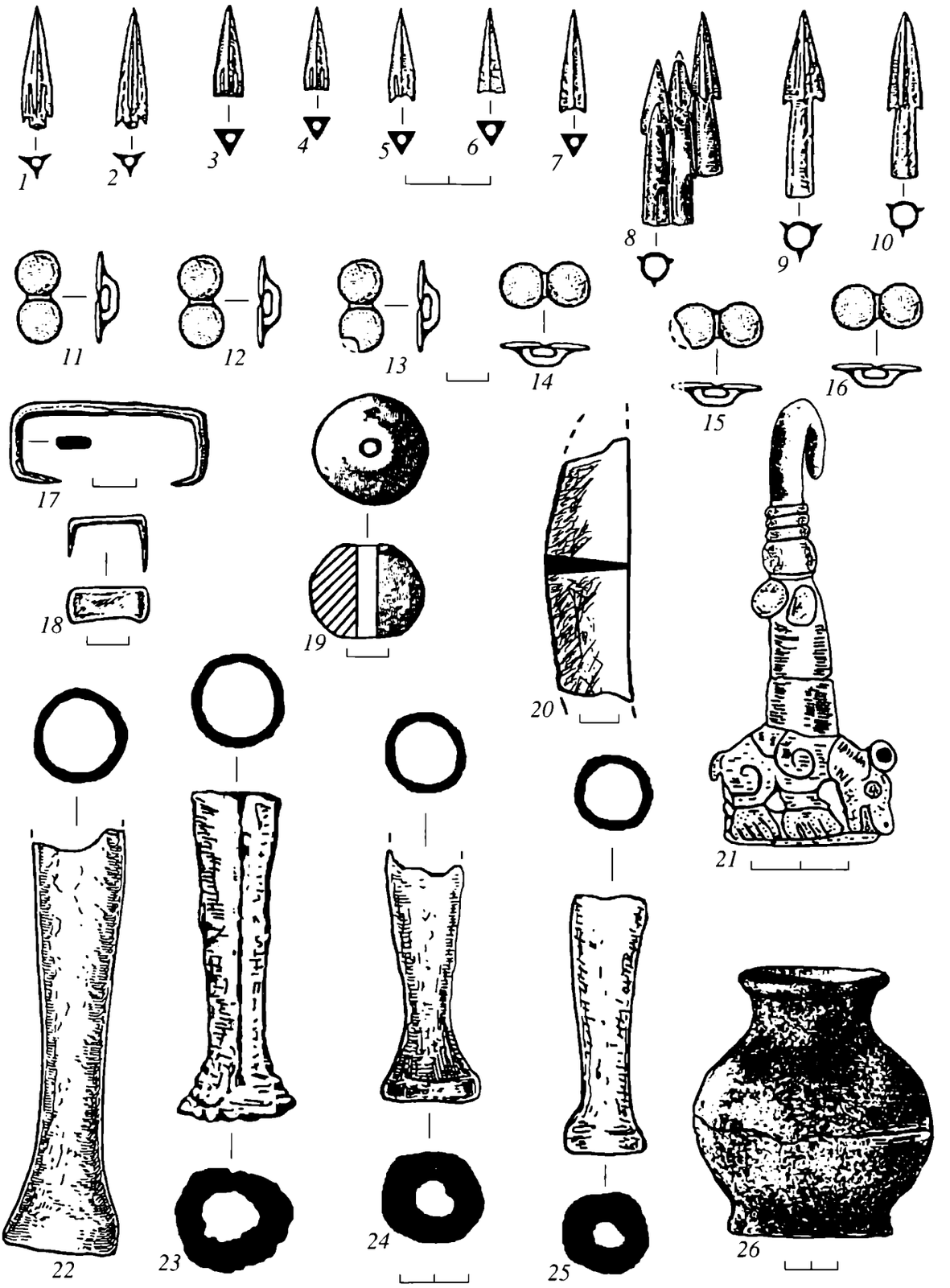


Рис. 2. Колбино 1; курган 9 (№ 1 по П.Д. Либерову). Инвентарь *1–10* – наконечники стрел; *11–16* – бляшки поясного набора; *17, 18* – скобы-обоймицы; *19* – пряслице; *20* – фрагмент лезвия ножа; *21* – поясной крючок; *22* – вток копья; *23–25* – втоки дротиков; *26* – лепной сосуд (*1–7* – бронза; *8–10, 17, 18, 20, 22–25* – железо; *11–16, 21* – серебро; *19, 26* – глина).

нии всех ямок найден древесный тлен от столбов, а в заполнении центральной столбовой ямки кроме тлена обнаружены два рюмкообразных железных втока дротиков (рис. 2, *23*). Еще одна ямка с тщательно заглаженными стенками, диаметром до 0.8 в верхней части и до 0.4 м у дна, глубиной 1 м, прослежена в северной половине гробницы, в 0.8 м от центральной столбовой ямки. Древесного

тлена в заполнении нет, на глубине 0.7 м от уровня дна могилы найден лепной желтоглиняный сосудик (рис. 2, *26*). Вполне возможно, что это не столбовая, а "ритуальная ямка-бофр".

Судя по остаткам дерева, обнаруженного на уровне древнего горизонта и в заполнении ямы, гробница имела плоское перекрытие, которое поддерживалось центральным столбом и опиралось на угловые и пристенные столбы, края его лежали на погребенной почве. Высота перекрытия, вероятно, не превышала 2.75 м от дна могилы.

На дне гробницы в юго-западном углу прослежены разбросанные обломки костей взрослого человека. Рядом с ними располагались девять "бронзовых с серебром плоских двойных бляшек от поясного набора" (рис. 2, *11–16*) и семь бронзовых трехгранных наконечников стрел (рис. 2, *1–7*). В центральной части гробницы, в 2 м от устья дромоса обнаружены: раздавленный череп взрослого человека, четыре железных рюмкообразных втока, из которых три принадлежали дротикам (рис. 2, *24*, *25*) и один – копью (рис. 2, *22*) и две железные скобы-обоймицы (рис. 2, *17*, *18*). В северо-западном углу могилы лежали "два человеческих черепа, развалившихся при изъятии". В северо-восточном углу склепа найдены "крупные кости лошади и здесь же окислившиеся в зеленый цвет кости мелкого рогатого скота, которые, вероятно, лежали в бронзовом котле, унесенном грабителями. Отдельные кости животных встречаются на всей площади ямы. При определении костей домашних животных выяснилось, что в погребальном обряде использовались лошадь, крупный и мелкий рогатый скот" (Либеров, 1972. С. 33). В центральной части гробницы, севернее "бофра", в 0.4 м от него, обнаружены серебряный поясной крючок в двух обломках (рис. 2, *21*) и глиняное шаровидное пряслице (рис. 2, *19*). Дно гробницы ровное, утрамбовано, покрыто тонким слоем "красноватого органического вещества".

В погребальном обряде описываемого кургана присутствуют черты, характерные не только для захоронений скифского времени на Среднем Дону, но и для памятников Степи и Днепровской Лесостепи. Топография и планировка могильника, в состав которого входил курган – высокий коренной берег, тяготение к реке, разделение на несколько групп (возможно, участки отдельных семей?) и расположение их в виде цепочек, а также курганный обряд захоронения, типичны для скифской эпохи и характерны для степных и лесостепных регионов (Либеров, 1965. С. 11; Моруженко, 1989. С. 277; Медведев, 1999. С. 92; Ольховский, 1999а. С. 127; Савченко, 2001). Стратиграфические наблюдения, проведенные на кургане, показывают последовательность (одновременность) строительства могилы, возведения склепа, выкладки вокруг него материкового глиняного выкида и сооружения насыпи. Подобные детали погребальной обрядности наблюдаются не только в скифских степных курганах (Ольховский, 1999а. С. 125, 126), но и в памятниках Днепровского Правобережья (Скорый, 1997. С. 16).

Особый интерес представляет материковый выкид, уложенный вокруг могилы в виде вала, имеющего форму кольца, который оконтуривал могилу, поддерживал перекрытие или служил упором для него, являлся основой первичной насыпи. Кроме этих утилитарных целей, вал, вероятно, выполнял и определенные культовые функции в "последнем пути" умершего (Ольховский, 1999а. С. 130–132). Такие вымостки вокруг могил П.Д. Либеров рассматривал как локальную черту погребального обряда населения Среднего Дона (Либеров, 1969. С. 18). Однако и в эпоху поздней бронзы (Золотарев, 1999. С. 105. Рис. 1, *1*) и в скифское время аналогичные валы хорошо известны не только в рассматриваемом регионе (Пузикова, 1969. Рис. 1, 2; Медведев, 1999. Рис. 46), но и далеко за его пределами (Граков, 1962. С. 83; Смирнов, 1964. С. 89; Вишневская, 1973. С. 28–31).

Погребальное сооружение, раскопанное в кургане (яма подпрямоугольной формы с деревянным каркасно-столбовым склепом и коридором-дромосом), относится к типу IV (по Медведеву, 1999. С. 93) и типу I (по Савченко, 2001). В могильнике "Терновое 1–Колбино 1", который исследуется Потуданской археологической экспедицией ИА РАН в течение ряда лет, подобные погребения составляют 40% всех раскопанных. Нередки они и в других могильниках скифского времени на Среднем Дону (Мастюгино, Дуровка, Староживотинное). Могилы с дромосом часто встречаются в курганах лесостепного Днепровского Правобережья, где их количество в среднескифское время достигает 37% от количества могил с деревянными конструкциями (Ковпаненко и др., 1989. С. 33). Столбовые дромосные гробницы этого времени известны и в Днепровском лесостепном Левобережье (Посулье, междуречье Псла и Ворсклы) (Кулатова, Супруненко, 1996. С. 321. Рис. 6; Кулатова и др., 1993. С. 91. Рис. 26–28, 31; Супруненко, 1996. С. 88–120. Рис. 7).

Широтная ориентировка гробницы прослежена и в соседних погребальных сооружениях могильника "Терновое 1–Колбино 1", где она встречена в семи случаях, что составляет около одной трети могил этого типа (Савченко, 2001. Табл. 3).

Интересной особенностью погребального ритуала является наличие специальной ямки – "бофра" на дне могилы. Аналогичные "бофры" в Донской Лесостепи прослежены в 13 погребениях и встречены в группе Частых курганов, в могильниках Староживотинном, Ближнем Стояновском, "Терновое 1–Колбино 1" (Медведев, 1999. С. 99). В погребальных памятниках Степи и Лесостепи подобная деталь ритуала не обнаружена. Наличие подоб-

ных ямок П.Д. Либеров считал локальной чертой погребального обряда среднедонского населения в скифское время (Либеров, 1965. С. 13).

Положение и ориентировка лиц, захороненных в кургане, а также местонахождение погребального инвентаря не прослежены, но судя по находкам трех человеческих черепов в западной части гробницы, умершие, вероятно, лежали головой в западном (или с некоторыми отклонениями от него) направлении. Пол и возраст погребенных не установлен. Вполне возможно, здесь были захоронены трое мужчин, но наиболее вероятно, что один из скелетов принадлежал женщине, на что указывает находка глиняного пряслица (Бунятин, 1985. С. 92, 93; Березуцкий, 1995. С. 8).

Мясная напутственная пища состояла из трех видов животных: лошадь, крупный рогатый скот и коза-овца. Пища располагалась в северо-западном углу гробницы, причем мясо козы-овцы лежало в бронзовом котле. Традиция сопровождения покойника мясной напутственной пищей была широко распространена у различных кочевых народов: савроматов-сарматов, саков, меотов, ананьинцев на протяжении всего раннего железного века.

Несмотря на ограбление, погребальный инвентарь гробницы достаточно разнообразен и состоит из предметов вооружений и снаряжения, посуды и орудий труда.

Предметы вооружения и снаряжения представлены: наконечниками стрел, втоками копья и дротиков, бляшками поясного набора и поясным крючком.

В состав колчанного набора входили семь бронзовых (рис. 2, *1–7*) и около 20 железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел (рис. 2, *8–10*).

Все бронзовые наконечники стрел трехгранные и подразделяются на четыре типа. Первый тип – два экз., длиной 2.9–3.1, шириной до 0.75 см (рис. 2, *1*, *2*). Грани слегка дуговидны, нижние концы заострены в виде шипов. В нижней части плоскостей располагались по две вертикальные бороздки, которые подчеркивали скрытую втулку, выступающую на 0.2–0.3 см за край граней. По классификации А.И. Мелюковой принадлежат к III отделу, пятому варианту 3-го типа (Мелюкова, 1964. Рис. 1. Табл. 8, *Р-2*). Аналогичные наконечники встречаются на Днепровском Левобережье в курганах № 11, 19 Олимфирщинского могильника (Кулатова, 1993. Рис. 11, *3–5*; 23, *2–7*). На Среднем Дону найдены в курганах № 2/23 у с. Мастюгино (Либеров, 1961. С. 45) и № 11 группы "Частых курганов" (Замятнин, 1946. С. 41). Второй тип – два экз., длиной от 2.06 см до 2.26 см, шириной 0.6–0.7 см (рис. 2, *3–5*). Они характеризуются слегка дуговидными гранями с плоско срезанным основанием и небольшими П-образными углублениями, которые подчеркивают внутреннюю втулку (по А.И. Мелюковой – III отдел, тип 7), и достаточно хорошо представлены в памятниках Днепровского Левобережья: в кургане 2 у с. Аксютинцы (Ильинская, 1968. С. 27) и в кургане 19 у с. Олифирщины (Кулатова и др., 1993. Рис. 23, *41*, *42*), в Бельском курганном некрополе "Б" (Супруненко, 1996. Рис. 25, *4*). Третий тип – один экз., длиной 2.33 см, шириной 0.65 см (рис. 2, *5*). Аналогичен второму типу, отличием является дуговидно вырезанное основание (по А.И. Мелюковой – III отдел, второй вариант типа 7). Подобные наконечники на Среднем Дону встречены в Бл. Стояновском могильнике (курганы № 8, 9, погр. 2) (Погорелов, 1985. С. 30, 32. Рис. 72, *5*, *6*; 82, *2*). Четвертый тип – два экз., длина от 2.13 до 2.53, ширина 0.65 см (рис. 2, *6*, *7*). Грани гладкие, втулка скрытая, основание дуговидно вырезано (по А.И. Мелюковой – III отдел, седьмой вариант типа 7). Область распространения подобных наконечников стрел обширна. Они найдены как в курганах Степной Скифии (Солоха, курган № 14, погр. 2 – Мелюкова, 1964. С. 26), так и в памятниках лесостепного Днепровского Правобережья (хут. Яблунов, курган № 214; с. Макеевка, курганы № 461б, 486 – Галанина, 1977. Табл. 2, *4*; 8, *7*; 9, *11*; Черненко, 1981. С. 145–150) и Левобережья (Бельский курганный некрополь "Б", курган № 2 – Супруненко, 1996. Рис. 25, *7*, *8*; Олифирщинский могильник, курган № 19 – Кулатова и др., 1993. Рис. 23, *39*, *40*). Аналогичные бронзовые наконечники стрел всех четырех типов были обнаружены при раскопках могильника "Терновое I–Колбино I" (курганы Терновое 1–5, 6, 7, 9 и Колбино 1–1, 5, 14), где они датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н.э.

Все железные наконечники стрел относятся к отделу трехлопастных, втульчатых. Длина наконечников от 3.75 до 4.4 см, ширина пера 0.75–1.0 см, диаметр втулки до 0.65 см. По размерам пера и втулки подразделяются на три типа. Первый тип (6 экз.) – перо меньше втулки, лопасти подрезаны под прямым углом к ней, соотношение пера и втулки 1 : 1.35 (рис. 2, 8 левый). Второй тип (10 экз.) – перо соразмерно втулке или слегка меньше нее, лопасти подрезаны под острым углом к ней, соотношение пера и втулки 1 : 1.05 и 1 : 1.1 (рис. 2, *8* центральный, *9*). Третий тип (4 экз.) – перо больше втулки, лопасти подрезаны под острым углом к ней, соотношение пера и втулки 1 : 0.8 и 1 : 0.7 (рис. 2, *8* правый, *10*). В степной Скифии и Днепровском лесостепном Правобережье и Левобережье эти наконечники не получили широкого распространения. В этих регионах Е.В. Черненко отмечает лишь 15 погребальных комплексов, в которых были найдены железные втульчатые наконечники стрел (Черненко, 1981. С. 145–150) и, как сообщает А.И. Мелюкова "...встречаются наряду с бронзовыми, но обычно количество их в колчанных наборах невелико" (Мелюкова, 1964.

С. 29). Более широко они представлены в комплексах междуречья Днепра и Дона (Зарайская, 1992. С. 91. Рис. 1, *5–9*), на Нижнем Дону – Елизаветовский курганный могильник (Шилов, 1962. С. 60), курганы у хут. Карнаухова (Ляпушкин, 1958. С. 332. Рис. 7) и в меотских памятниках Прикубанья (Анфимов, 1951. С. 166, 167. Рис. 4, *10*; Смирнов, 1958. С. 286. Рис. 8, *11*, *17*). Но наиболее часто они встречаются в погребальных комплексах конца V–IV в. до н.э. на Среднем Дону. А.П. Медведев подсчитал, что на 464 экз. бронзовых наконечников стрел приходится 1758 экз. железных втульчатых трехлопастных (Медведев, 1999. С. 105). Преобладание железных втульчатых наконечников стрел над бронзовыми в колчанных наборах является локальной особенностью среднедонских погребений скифского времени (Либеров, 1965. С. 16).

Втоки копья (рис. 2, *22*) и пяти дротиков (рис. 2, *23–25*) однотипные и отличаются друг от друга только размерами. В плане они рюмкообразной формы, свернуты из железного листа с незамкнутым швом по всей длине, в сечении округлые, с расширенным плоским основанием и сквозным отверстием по его центру. Длина втока копья, вероятно, превышала 12.4 см, диаметр в верхней части 2.7 см, толщина стенок до 0.4 см, диаметр основания 3.3 см. Длина втоков дротиков от 9.4 до 7.4 см, диаметр в верхней части до 2.6 см, диаметр основания от 3.4 до 2.4 см. Подобные втоки крайне редко встречаются в других регионах скифской культуры (для них типичны цилиндрические или конусовидные втоки) и поэтому многие исследователи видят в этой детали локальную особенность вооружения среднедонского населения в скифское время (Мелюкова, 1964. С. 45; Петренко, 1967. С. 49. Табл. 36, *11*; Медведев, 1999. С. 103). Сочетание одного или нескольких копий и дротиков в погребении характерно как для степной, так и лесостепной Скифии, что свидетельствует о возрастающей роли этого вида вооружения в V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 45). И действительно, на Среднем Дону в погребениях этого времени найдено 29 экз. копий и 60 экз. дротиков (Медведев, 1999. С. 102). Превалирование дротиков над копьями было отмечено еще П.Д. Либеровым: "...дротики как вид оружия были распространены на Среднем Дону более широко, чем в Скифии и лесостепном Поднепровье" (Либеров, 1969. С. 18).

Бляшки поясного набора – девять экз. (рис. 2, *11–16*). Литые, однотипные. Щиток восьмерковидной формы, в сечении плоский, с овальной в плане и округлой в сечении петлей для крепления на тыльной стороне. Длина бляшек 2.1, ширина 1.1, толщина 0.2 см, длина петли 1.5, высота 075, диаметр 0.2 см. Аналогичные бляшки были найдены в кургане № 2 у с. Мастюгино (Либеров, 1965. Табл. 24, 27; Манцевич, 1973. Рис. 7, *9*), входили они в состав поясных наборов из кургана № 11группы "Частых курганов" (Замятнин, 1946. С. 41) и кургана № 5 у с. Русская Тростянка (Либеров, 1962. С. 33. Табл. XVI. Рис. 1–6). Поясные бляшки подобной формы, но несколько больших размеров обнаружены на Нижнем Дону в кургане № 4 у хут. Сладковского (Смирнов, 1982. Рис. 6, *7*) и в погребении у с. Макеевки (Полідович, 1998. Рис. 4, *2*). В исследованных погребальных комплексах эти украшения пояса датируются IV в. до н.э. По мнению Е.В. Черненко, подобные бляшки украшали переднюю часть пояса (Черненко, 1964. С. 32).

В состав поясного набора входил и литой серебряный поясной крючок (в двух обломках) (рис. 2, *21*). Оформлен в зверином стиле: щиток представляет собой фигуру стоящего в профиль медведя, обращенного в правую сторону, морда опущена вниз до уровня лап, пасть открыта, глаз округлый, выпуклый, лоб бугристый, над ним возвышается крупное, округлое ухо, лапы мощные четырех-пятипалые, хвост короткий, на тулове – спиральные завитки. Другой конец застежки изображает стилизованную голову грифона с длинной шеей, загнутым крючком клювом и большими выпуклыми овальными глазами. Шея в сечении полуовальная, клюв – округлый. Фигура медведя от грифона отделена желобком. На обратной стороне щитка располагались две петли для крепления на ремне, "значительные остатки которого были даже в момент находки крючка" (Либеров, 1972. С. 34). Длина застежки 9.8 см, длина фигуры медведя 4.1, высота 2.4, толщина 0.7 см, длина изображения грифона с шеей 7.4 см, ширина шеи у основания 1.6, толщина 0.7, диаметр клюва 0.7 см. Рассматривая генезис и эволюцию данных предметов одежды. В.С. Ольховский относит подобные застежки к группе фигурно-пластинчатых замков (Ольховский, 1999б. С. 185), а В.И. Гуляев, рассматривая группу крючков, оформленных в зверином стиле, приходит к выводу об их многофункциональном использовании – в качестве застежки поясного ремня, одежды, для скрепления ремней портупеи и подвешивания горита (Гуляев, 1969. С. 127).

Каталог поясных крючков V–IV вв. до н.э., найденных в погребениях Среднего Дона, к настоящему времени насчитывает 23 экз. По материалу изготовления они распределяются следующим образом: бронза и железо по 9 экз., железо в золотой оковке – 2 экз., железо в бронзовой оковке, кость, рог по 1 экз. (Медведев, 1999. С. 109). Обилие поясных крючков в погребальных памятниках этого региона трактуется исследователями как локальная особенность среднедонских захоронений скифского времени (Либеров, 1965. С. 19; Гуляев, 1969. С. 111; Медведев, 1999. С. 109). По характеру изображения и трактовке деталей (правосторонняя стойка, круглое ухо, выпуклый

глаз, спиральные завитки на тулове) наиболее близка нашему крючку застежка (железо в золотой оковке) из кургана № 11/11 группы "Частых", найденная в 1954 г. (Либеров, 1955. Табл. XVII. Рис. 1). Набор вещей из этого кургана (бронзовый котел, серебряные оковки меча, набор конской узды, железные втульчатые наконечники стрел с плоским пером, "курильница") позволяет датировать его серединой IV в. до н.э. Застежки с аналогичным сюжетом, не совпадающие в деталях (отсутствуют спиральные завитки и круглое ухо, четырехпалые лапы, одна петля для крепления на ремне), найдены в "Частых курганах" (курган № 11, раскопки ВУАК) (Замятнин, 1946. Рис. 27, *2*) и в кургане № 14 у с. Дуровка (Пузикова, 1966. С. 80–91), где также датируются этим временем. В могильниках Среднего Дона скифского времени ("Частые курганы", Мастюгино, Дуровка, Русская Тростянка, Терновое-Колбино) достаточно часто встречается на серебряных или бронзовых поясных бляшках детально проработанная фигура стоящего в профиль медведя в право- или левосторонней стойке. Проанализировав зооморфные поясные крючки скифского периода, В.И. Гуляев приходит к выводу, что: "мотив медведя со всеми его специфическими особенностями и разновидностями стоит гораздо ближе к стилю восточных областей Европейской части СССР, чем к стилю собственно скифскому" (Гуляев, 1969. С. 111, 112). По представлениям финно-угорских народов медведь считается прародителем человека. Часто в мифах можно встретить сказания о превращении медведя в человека и, наоборот, человека в медведя. Кроме того, медведь внешне очень похож на человека. Вероятно, этот факт сыграл немаловажную роль в выделении медведя среди других представителей животного мира и формировании своеобразного культа этого животного у среднедонского населения скифского времени.

Посуда представлена фрагментами стенок и донца лепного сосуда (найдены в заполнении) и небольшим целым желтоглиняным лепным сосудиком (найден в "бофре") (рис. 2, *26*). Тулово шаровидной формы, полный диаметр в средней части сосуда, плечики крутые, переход к горлу через слабый перегиб, горло низкое, венчик слегка отогнут наружу, край его закруглен и плоско срезан, дно плоское, шире венчика. Поверхность горшочка хорошо заглажена, желтого цвета с темными пятнами, "на горле, тулове и дне следы красной краски", орнамент отсутствует. Глина плотная, хорошо перемешана, с примесью мелкого шамота и песка. Высота сосудика 10 см, диаметры: венчика 5.6, горла 4.4, тулова 9, дна 6.2 см, толщина: венчика 0.9, стенок 0.7, дна 0.8 см. Горшочек относится к разряду миниатюрных и использовался в ритуальных целях, на что указывают место его находки ("бофр") и следы красной краски, вероятно, реальгара. С известной долей условности его можно отнести к типу I по классификации А.И. Пузиковой и ближайшими аналогиями ему являются сосуды, найденные на городище Кировском на Тихой Сосне (Пузикова, 1969. С. 51. Рис. 12, *7*) и в погребении 2 кургана 9 Ближнего Стояновского могильника (Погорелов, 1985. С. 32. Рис. 82, *3*). Следы красной краски отмечались в степных и лесостепных погребениях скифского времени (Петренко, 1967. С. 53; Ильинская, 1968. Прил. № 2), имелись они и в савроматских погребениях Поволжья и Приуралья (Смирнов, 1964. С. 95. Табл. 5).

К орудиям труда относятся пряслице (рис. 2, *19*) и обломок лезвия железного ножа (рис. 2, *20*). Пряслице лепное, шаровидной формы, со слегка уплощенными концами и сквозным вертикальным отверстием. Диаметр изделия 2.7, высота 2.2, диаметр отверстия 0.45 см. Пряслица составляют довольно многочисленную группу орудий труда в материалах поселений и значительно реже встречаются в погребальных комплексах (одно изделие было встречено в кургане № 4 группы "Частых", раскопки В.А. Городцова (Либеров, 1965. Табл. VIII) и пять – в могильнике "Терновое 1–Колбино 1" (Савченко, 2001. Табл. 8). Так что не совсем прав А.П. Медведев, отмечающий полное отсутствие глиняных пряслиц в среднедонских курганах V–IV вв. до н.э. (Медведев, 1999. С. 109).

Лезвие железного ножа прямое, спинка горбатая. Его ширина 2 см, толщина спинки 0.5 см. Относится к первом типу (Петренко, 1967. С. 27. Табл. 17, *5*, *8*, *11*). Железные ножи с костяной, реже деревянной рукояткой в курганах Среднего Дона встречаются довольно часто и сопровождаются заупокойной мясной пищей. В 24 погребениях могильника "Терновое 1–Колбино 1", к которому относится и рассматриваемый курган, ножи найдены в 15 захоронениях (22 экз.), при этом в некоторых гробницах (Колбино 1–5, 7), количество их доходило до трех-четырех (Савченко, 2001. Табл. 8).

По погребальному обряду и сопровождающему инвентарю курган относится к среднедонскому варианту скифской культуры и датируется серединой–третьей четвертью IV в. до н.э.

Определяя социальный статус лиц, погребенных в кургане, мы исходим из тезисов Б.Н. Гракова и М.И. Артамонова о том, что ни котлы, ни предметы в зверином стиле не попадали в руки рядовых членов общества (Граков, 1954. С. 58, 170; Артамонов, 1974. С. 41. Детали погребального обряда (размеры кургана, выкид из ямы, уложенный вокруг могилы, размеры погребального сооружения, дромос и каркасно-столбовая конструкция с перекрытием, мясная напутственная пища трех видов), а также наличие в составе погребального инвентаря предметов наступательного вооружения (копье, дротики, бронзовые и железные наконечники стрел), поясного

набора (серебряные бляшки и серебряный поясной крючок, выполненный в зверином стиле), бронзовый котел, безусловно, свидетельствуют о принадлежности умершего (умерших) к высокому рангу воинского сословия (Бунатян, 1985. С. 97).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.

Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени Лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж, 1995.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973.

Галанина Л.К. Скифские древности поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. 1977. Д1-33.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36.

Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115.

Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. 1969. № 151.

Замятнин С.Н. Скифский могильник "Частые курганы" под Воронежем // СА. 1946. № VIII.

Зарайская Н.П. Погребение раннего железного века на р. Крынке // ДАС. 1992. № 2.

Золотарев П.М. Охранные раскопки кургана у с. Мастюгино // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989.

Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Полтава, 1993.

Кулатова И.Н., Супруненко А.Б. Первый Мгарский курган // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Европи. Полтава, 1996.

Либеров П.Д. Отчет о раскопках "Частых курганов" Воронежской археологической экспедицией ИИМК АН СССР в 1954 г. // Архив ИА РАН. 1955. Р-1. № 1024.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. // Архив ИА РАН. 1958. Р-1. № 1460.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИА АН СССР в 1960 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р-1. № 2118.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежской Лесостепной экспедиции ИА АН СССР в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1962. Р-1. № 2258.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Д1-311.

Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население среднего Дона в скифское время // МИА. 1969. № 151.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежской Лесостепной экспедиции ИА АН СССР в 1971 г. // Архив ИА РАН. 1972. Р-1. № 4549.

Ляпушкин И.И. Курганный могильник близ Карнауховского поселения // МИА. 1958. № 62.

Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 1973. Вып. 13.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья // Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Д1-4.

Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 4.

Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999а.

Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999б.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Д1-4.

Погорелов В.И. Отчет об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона в 1984 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 9790.

Полідович Ю.Б. Нове скіфське поховання з гривною у Донецькій області // АА. 1998. № 7.

Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. 1966. Вып. 107.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. 1969. № 151.

Савченко Е.И. Могильник скифского времени "Терновое I–Колбино I" на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001.

Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев, 1997.

Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. 1958. № 64.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Смирнов К.Ф. "Амазонка" IV века до н.э. на Дону // СА. 1982. № 1.

Супруненко О.Б. Раскопки Більского курганного некрополю "Б" // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Европи. Полтава, 1996.

Черненко Е.В. Скіфські бойові пояси // Археологія. 1964. Вип. XVI.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Шилов В.П. Золотой клад скифского времени // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.

"Forgotten" Burial Mound from the Excavations by P.D. Liberov

E. I. Savchenko

Summary

The publication discusses the material from the Scythian barrow that was undeservedly forgotten. The site was investigated by P.D. Liberov in 1971 on the Middle Don. The burial rite of the barrow described displays some features characteristic not only of the Scythain graves of the Middle Don basin, but also of steppe and Dnieper forest-steppe, such as cemetery plan, structure of virgin soil mass extracted from the gravepit, type of burial construction, its orientation, food accompanying the dead. Despite of the fact that the grave was plundered in antiquity, preserved mortuary gifts are numerous enough; they consist of weaponry and horse equipment, vessels, and tools. Those who were buried in the barrow should be ascribed tothe high stratum of military estate. The assemblage dates from the middleor the third quarter of the 4th c. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 162–167

ПУБЛИКАЦИИ

ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТА ОЧАГА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДКАВКАЗЬЯ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

© 2001 г. Ю. А. Прокопенко

Ставропольский государственный университет

В памятниках Предкавказья нередки находки фрагментов цепей, культовых сосудов с гальками и цепями и бронзовых котелковидных привесок.

Нахождение сосудов с гальками рядом с сосудами с цепью, а также наличие в ряде случаев галек и цепи внутри одного сосуда свидетельствуют о близости этих ритуалов (Абрамова, 1993. С. 32). Б.М. Керефов связывает распространение этих сосудов с культом домашнего очага, рассматривая их как его имитацию. Приведя различные этнографические параллели, подтверждающие наличие на Кавказе культа домашнего очага, автор рассматривает этот ритуал как синтез кавказских и степных языческих верований (Керефов, 1984. С. 145–152). Как справедливо отмечает М.П. Абрамова, обычай положения цепи в сосуд неизвестен на Кавказе в предшествующее время, однако случаи нахождения цепей в погребениях, кладах и культовых местах кобанского и скифского времени нередки на Северном Кавказе (Абрамова, 1993. С. 32).

Культ надочажной цепи существовал на Кавказе издревле, причем наиболее частые находки цепей зафиксированы в предгорных районах Кабардино-Балкарии – от Черных гор на юге до течения р. Малка (Виноградов В.Б., 1972. С. 252), то есть на территории, откуда происходит и большая часть сосудов с цепью последних веков до н.э. (Абрамова, 1993. С. 56–59. Рис. 19, 20).

В скифское время цепи появляются также в памятниках Пятигорья (Ольховка) и Дагестана (Берикейский могильник и др.) (Березин и др., 1993. С. 147. Рис. 7; Абакаров, Давудов, 1993. С. 57, 61. Рис. 55). В сарматский период кроме Кабардино-Балкарии они зафиксированы на территории Чечни (Ханкальский могильник (в сосуде); Бельтинский клад) (Абрамова, 1993. Рис. 56, *24*; Виноградов В.Б., 1986. С. 84–87. Рис. 9).

Кроме цепей к культу домашнего очага относятся бронзовые литые подвески – миниатюрные имитации котлов. Они представляют собой довольно точные модели оригиналов размером не более 3–5 см. Подобные миниатюры известны также в раннесарматских погребениях Нижнего Дона, Правобережья Среднего Приднепровья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья (Глебов, 1993. С. 43–45; Петренко, 1967. С. 96. Табл. 25, *14*; Виноградов Н.Б., Таиров А.Д., 1996. С. 169. Рис. 2, *6*). В погребениях носителей кара-абызской культуры Приуральской Башкирии известны поясные подвески-колокольчики в виде миниатюрных котелков (Пшеничнюк, 1976. Рис. 6, *10*). Металлические миниатюрные копии котлов "скифского типа" широко распространяются в культурах Хакасско-Минусинской котловины и Тувы конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. (Кызласов, 1960. С. 79 сл.).

На Северном Кавказе они в основном встречаются в памятниках IV–II вв. до н.э., хотя в Прикубанье амулет в виде котелка был обнаружен в одном из курганов "Золотого кладбища" первых веков н.э. (кург. 20 у ст. Тифлисской) (Гущина, Засецкая, 1994. С. 23. Табл. 33. Рис. 315).

Все привески условно можно разделить на два типа: котелки с имитацией поддона и котелки без поддонов.

В первом типе[1] по форме тулова выделяются три варианта.

Первый вариант – котелки имеют полуовальное тулово (№ 11 по С.В. Демиденко) (4 экз.).

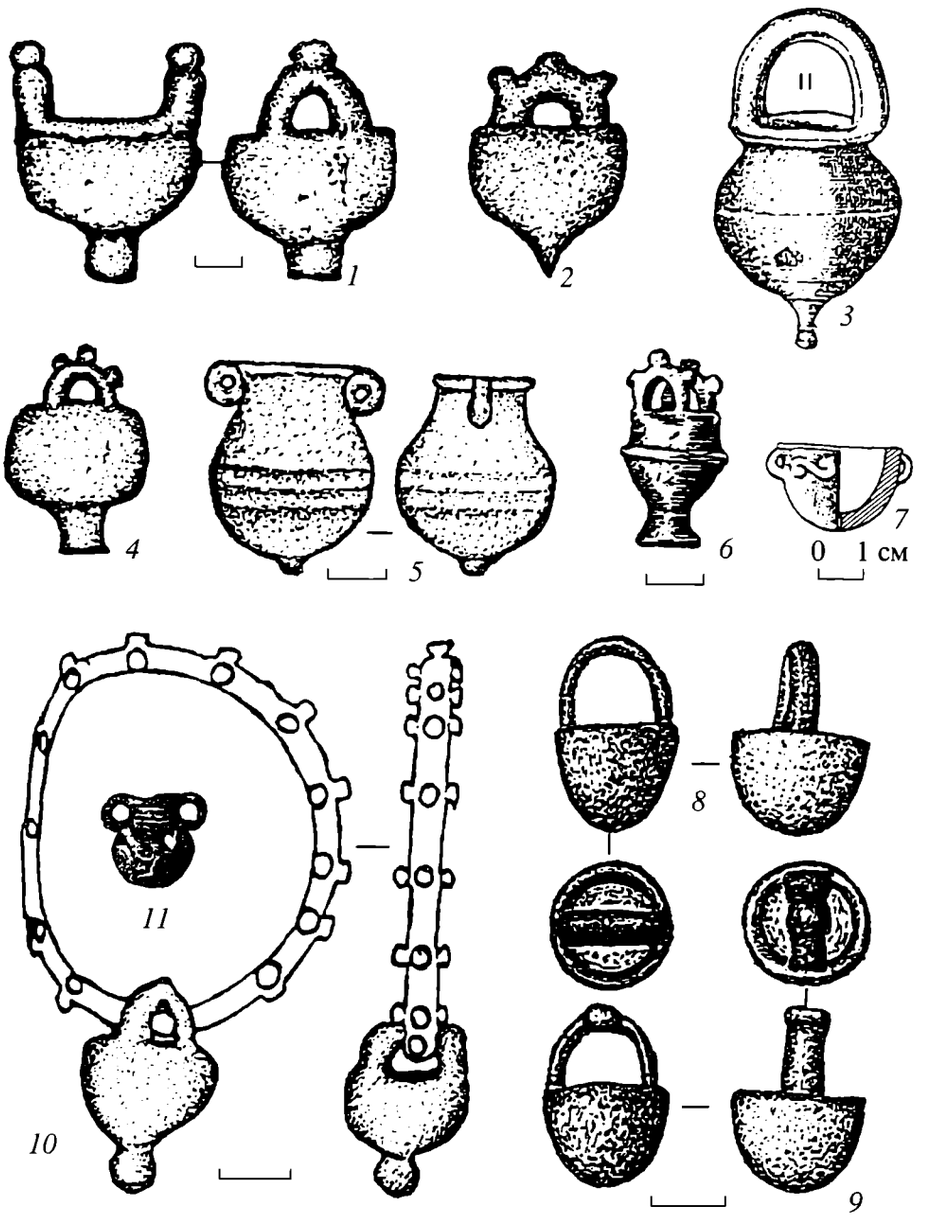
Подвариант 1 – котелки с цилиндрическим поддоном и петлевидными вертикальными ручками. Разновидности: А – с одним выступом на ручках (№ 1 по С.В. Демиденко) (Заюково) (Абрамова, 1993. Рис. 29, *55*) (рис. 1, 1); Б – с тремя выступами на ручках (№ 4 по С.В. Демиденко) (Херсонка) (Абрамова, 1993. Рис. 29, *57*) (рис. 1, 4).

Подвариант 2 – котелок с острым завершением тулова и петлевидными вертикальными ручками с тремя выступами на ручках (Чегемский мог-к, погр. 4) (Абрамова, 1993. Рис. 29, *58*) (рис. 1, *2*).

Подвариант 3 – котелок с шаровидным поддоном и петлевидными вертикальными ручками (№ 14 по С.В. Демиденко) (находится на кольце, украшенном тремя рядами шишечек) (Китаевка, кур. 6, погр. 2) (Кореняко, Найденко, 1977. С. 243. Рис. 4, *7*) (рис. 1, *10*).

Второй вариант – подвески, имеющие сферическое тулово с орнаментацией в виде горизонтальных линий (№ 7 по С.В. Демиденко) (2 экз.).

[1] За основу взята часть типологии литых котлов савроматосарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, созданной С.В. Демиденко (Демиденко, 1997. С. 120 сл. Рис. 1).



Котелковидные привески из памятников Северного Кавказа. *1* – Заюково (по М.П. Абрамовой); *2* – Чегемский мог., погр. 4 (по М.П. Абрамовой); *3* – долина р. Чегема и Баксана (по Е. Зичи); *4* – Херсонка (по М.П. Абрамовой); *5* – Усть-Джегута, кург. 3, мог. 1 (раскопки 1963 г.); *6* – ст. Тифлисская, кург. 20 (по И.И. Гущиной, И.П. Засецкой); *7* – Бельтинский клад (по В.Б. Виноградову); *8*, *9* – Татарский 1 мог., склеп № 2 (по А.А. Кудрявцеву, Ю.А. прокопенко, Р.Р. Рудницкому); *10* – Китаевка, кург. 6, погр. 2 (по В.А. Кореняко, А.В. Найденко); *11* – Чегемский могильник (сборы 1883 г. по В.Ф. Миллеру).

Подвариант 1 – с вертикальной выгнутой ручкой, соединяющей два противоположных края венчика (тулово орнаментировано одной линией в центральной части и одной в донной части), и острым завершением тулова с шаровидным утолщением (долина рек Чегема и Баксана – коллекция графа Е. Зичи) (Zichy Jeno, 1897. Pl. XXI, *11*).

Подвариант 2 – с вертикальными кольцевидным ручками, расположенными на боку сосуда (№ 13 по С.В. Демиденко) тулово орнаментировано тремя линиями в центральной части), и выступом на нижней части тулова (Усть-Джегута, раскопки 1963 г., мог. 1, кург. 3) (рис. 1, *5*).

Третий вариант (1 экз.) – тулово усеченно-биконической формы с резко выраженным ребром в центральной части и воронковидным поддоном (№ 1 по С.В. Демиденко), вертикальные ручки украшены тремя выступами (кург. 20 у ст. Тифлисской) (Гущина, Засецкая, 1994. С. 23. Табл. 33. Рис. 315) (рис. 1, *6*).

Ко второму типу следует отнести четыре котелка без поддонов. Эти подвески, видимо, являются моделями редкой формы котлов савромато-сарматского времени. По С.В. Демиденко, такие котлы относятся к трем типам: VII, VIII и XV (Демиденко, 1997. С. 128, 133). Из них самые ранние, тип XV,

имеют эллипсовидное тулово (К.Ф. Смирнов связывал эти котлы с сакским миром и датировал их V в. до н.э.) (Смирнов, 1964. С. 135). Котлы типов VII (с полусферическим туловом) и VIII (с яйцевидным туловом), близкие по форме подвескам-амулетам, происходят из памятников IV–III вв. до н.э. – первых веков н.э. (Демиденко, 1997. С. 128).

Первый вариант – подвеска, имеющая полусферическое тулово и петлевидные вертикальные ручки. Тулово в верхней части украшено орнаментом – бегущая спираль (Бельтинский клад) (Виноградов В.Б., 1986. С. 84–87. Рис. 9) (рис. 1, *7*). Наиболее близкой аналогией этому амулету является котел из кургана 8 погребения 1 могильника Бердия (№ 72), датируемый второй половиной I–первой половиной II в. н.э. С.В. Демиденко отнес его к типу VII, варианту 2, подварианту А. (Демиденко, 1997. С. 128). Сближает их форма тулова (полусферическая), наличие двух ручек-петелек под венчиком и орнамент в виде веревочки – бегущей спирали.

Второй вариант (2 экз.) – подвески, имеющие полусферическое тулово и вертикальную выгнутую ручку, соединяющую два противоположных края венчика.

Подвариант 1 – ручка в верхней части имеет уплощенно-шаровидное утолщение (татарский 1 мог., склеп №2) (Кудрявцев и др., 1999. Рис. 11, *6*).

Подвариант 2 – ручка не имеет утолщений (Татарский 1 мог-к, склеп № 2) (Кудрявцев и др., 1999. Рис. 11, *5*) (рис. 1, *8*, *9*).

По форме тулова эти подвески близки отмеченным выше котлам типов VII и VIII (по С.В. Демиденко), но среди них нет экземпляров с подобными ручками, соединяющими два противоположных края венчика. Возможно, это связано с тем, что котлы с такой формой ручек были более редкими, чем другие типы, либо мастеру, изготовлявшему отмеченные подвески, было проще отлить именно такие ручки. Следует отметить, что этот вариант расположения ручки не единственный (рис. 1, *3*). Массивность этих предметов исключает возможность другого их назначения, кроме как подвесок-амулетов.

К третьему варианту относится котелок, имеющий сферическое тулово, обозначенное горло и петлевидные вертикальные ручки. На тулове присутствует солярный орнамент в виде кругов (Миллер, 1888. Табл. XXII, *24*) (рис. 1, *11*).

Существование культа очага у скифов было отмечено Геродотом. По его словам, клятва божествами царского очага считалась священной и ее нарушение каралось смертью (Геродот, IV, 68). Исследователи сходятся на том, что центральная идея огненных ритуалов при погребении у осетин также связана с культом домашнего очага (Яценко, 1998. С. 69). Сам ритуал осетинского гостеприимства связан с уважением к святыне очага, т.е. к его божеству (Чибиров, 1963. С. 356).

Как отметил Ж. Дюмезиль, домашний очаг – вещь в религиозном смысле сложная. Одна из его частей, которой придается особая важность – это, несомненно, цепь, подвешенная на огнем (Дюмезиль, 1990. С. 111, 112). У этой цепи свой дух, свой особый покровитель мужского пола – Сафа, он часто упоминается в сказаниях. В.Ф. Миллер описывает его так: "Этого духа осетины считают покровителем цепи домашнего очага. Сафа дал первый образец для существующих на земле цепей и продолжает творить их на небе и в настоящее время... В очень недавнее время осетины, укладывая своих детей, поручали их покровительству Сафы. Поглаживая голову ребенка и обводя рукой цепь у очага, они произносили слова: "Сафа, помилуй моих бедных детей, укрепи их жизнь своей твердой силой навсегда, храни их от нечистых и злых сил". Чтобы предохранить здоровье детей, ими изготавливались амулеты в честь Сафы. Имя Сафы упоминается при присяге: принося присягу, осетин встает перед очагом и, держась за цепь, говорит: "Клянусь этим пречистым золотом Сафы". Трогать цепь нечистыми руками считается грехом – за это Сафа может наслать на детей накожную болезнь. При брачном обряде шафер трижды обводит невесту вокруг очага и на прощание дает ей коснуться цепи, затем в доме мужа таким же образом снова поручает ее покровительству Сафы"[2] (Миллер, 1882. С. 248, 249).

По Ж. Дюмезилю, Сафа – это дух основной металлической части очага, и поэтому в ритуалах и мифологии он связан с кузнецом. Но очаг – это не только цепь и металл, а прежде всего горящий в нем огонь, который близок по своей природе солнцу. По мнению Ж. Дюмезиля, солнце – часть мира людей, для которых оно не столько небесное светил, сколько прототип, прародитель любого огня, прежде всего домашнего очага (Дюмезиль, 1990. С. 111, 112).

Осетины заканчивали свои коллективные молитвы обращением к духу домашнего очага. В честь какого бы святого или духа ни давался праздник, ему посвящалось второе обращение. В конце молитвы следует фраза, которую в 1876 г. Б. Гатиев переводил так: "О Хуратхурон, у тебя есть доступ к Богу, просим тебя, умоли его послать нам свою милость и щедроты!" (Гатиев, 1876. С. 29, 30, 50; Дюмезиль, 1990. С. 112) (Хуратхурон – Огонь Солнцевич по В.И Абаеву) (Абаев, 1959. С. 182).

Согласно комментарию В.Ф. Миллера, это имя – вариант Артхурона. Под последним следует видеть земной огонь, олицетворения небесного огня солнца. Об этом свидетельствует то, что Артхурон насылает накожные болезни. Последние, по народным суевериям, находятся в связи с огнем и солнцем (Миллер, 1882. С. 226, 267).

[2] Существует мнение, что Сафа – это женское божество. См.: Гуриев, 1991. С. 150–155; Яценко, 1998. С. 69.

В связи с этим следует упомянуть двойную бронзовую цепь с подвесками из жреческого комплекса скифского времени (могильник к югу от Кисловодска на р. Ольховка). Центральное место среди предметов, прикрепленных к цепи, занимают сем (магическое число) очковидных привесок. Для нас весьма важно, что двусторонние спиральные завитки этих привесок имели, вероятно, не столько декоративное, сколько космогоническое значение, являясь символами солнца. Б.В. Техов отмечает, что спиральный орнамент приобретает большую популярность с неолитического времени и прочно держится в бронзовом и железном веках, в средневековье встречается на керамике, на жертвенниках из святилищ, на ритуальных предметах (Техов, 1977. С. 148). Ссылаясь на этнографический материал, Я.Б. Березин, С.Л. Дударев, В.А. Фоменко отнесли "очковидно-двуспиральную" схему к символам плодородия (Березин и др., 1993. С. 149, 150).

Итак, надочажная цепь является солярным символом и в то же время она близка к богу Хуратхурона, выступая связующим элементом с потусторонним миром. Использование цепи в этом качестве проявляется в ряде обрядовых действий, связанных с культом бога грома и молнии. Со ссылкой на сведения Л.Х. Акаба, Е.Н. Данилова и Л.З. Кунижева приводят описание абхазского обычая поклонения языческому божеству: "У абхазов в день гибели человека (или животного) от удара молнии старший член семьи, надев на плечи цепь от домашнего очага, обращался к божеству молнии и грома Аффы с благодарственной молитвой за "посещение" (Данилова, Кунижева, 1991. С. 13).

Другой элемент культа очага – котел (или котлы) в Нартском эпосе упоминается в ряде эпизодов жизни повелителя грозы и молнии – Батраза.

Грозоподобное "богоявление" Батраза повторяется на протяжении всей его жизни. Близостью Батраза к природе молнии объясняется то, что стальной герой один среди артов пользуется при случае своим телом как снарядом.

В одном из вариантов эпоса рассказывается о появлении на свет Батраза следующим образом. Когда наступает время рождения младенца, мудрая Сатаней водружает на седьмом ярусе башни большой стальной нож, внизу же, на уровне земли, ставит семь котлов воды. Наверху она ножом вспарывает опухоль Хамыца. Ребенок-герой (Батраз – *Ю.П.*) со стальным телом как пламенный смерч проносится вниз, и семь котлов не могут остановить его стремительного движения: уйдя по колени в землю, он вопит, требуя воды. По мнению Ж. Дюмезиля, эта сцена вдохновлена обычаем многих народов, в частности на Кавказе, принимать меры предосторожности против грозы. Это подтверждается сведениями этнографии. По словам Г. Бунатова (1893): "Во время грозы с неба падает сталь и глубоко зарывается в землю, поэтому перед молнией нужно семь войлочных ковров промочить водой и постелить где-нибудь. Если молния ударит прямо в ковры, то выпавшая сталь пробьет ковры и потеряет свою силу" (Дюмезиль, 1990. С. 16, 17). В данном случае семь котлов (вариант нартского эпоса) заменены войлочными коврами.

Котлы фигурируют и в других сценах с участием Батраза. Из абхазского варианта Нартского эпоса: "И прозвали мальчика Цвиц, что значит "Стружка" (Батраз – *Ю.П.*). Из него ничего не получится" – решили нарты. Они ошибались, и только одна Сатаней знала истину, да позднее младший из нартов, Сасрыква. Впоследствии Цвиц (Батраз) обнаружил публично, над котлом правды, чего он на самом деле стоит (Дюмезиль, 1990. С. 33).

В споре между Сасрыквой и Цвицом (Батразом), у кого больше подвигов, также фигурируют котлы. Цвиц (Батраз) сказал: "Пусть будет потвоему. Но если ты мужчина, давай поспорим: поставим рядом котлы, которые вмещают по сто мисок воды. Пусть каждый поведает всем о своей славе. И тогда мы увидим, чей закипит котел, чья слава выше!" Согласно дальнейшему повествованию, Цвиц (Батраз) победил, вода в его котле забурлила (Дюмезиль, 1990. С. 36).

Нарты сообща владели замечательным котлом для пива. Когда несколько человек одновременно хотели им воспользоваться, то часто возникали ссоры. Тогда они решили отдать его в полную собственность тому среди них, кто сумеет вскипятить там воду без огня, одними словами. Они собрались, наполнили котел льдом и с утра до вечера пытались сотворить чудо. Все терпят неудачу. Появляется Батраз и объявляет, что убил семерых Уацилла, затем семерых Уастырджи, затем семерых Макалгабырта. При каждом сообщении состояние содержимого котла ощутимо меняется: растаял лед, затем начал подниматься пар и вскоре вода в котле стала вскипать и разбрызгиваться по сторонам. Батраз берет котел и уносит его домой. К котлу не замедлил присоединиться и ковш, завоеванный сразу же по свершению подвига (Дюмезиль, 1990. С. 175).

Таким образом, в данном сюжете содержится обоснование прав Батраза на владение котлом. Этим подчеркивается непосредственная принадлежность котла к культу грозы и молнии. Интересно, что здесь же упоминается ковш, завоеванный Батразом. В связи с этим следует отметить, что в памятниках таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины котелковидные привески встречаются с миниатюрными сосудиками других форм – черпаками и ковшиками (Кызласов, 1960. С. 79–81. Рис. 28, *9*, *10*,*11*).

В погребениях Нижнего Дона котелки сопутствуют подвескам в виде горитов. Подобные миниатюры известны и в памятниках Центрального Предкавказья (Чегемский мог., погр. 10, 16) (Аб-

рамова, 1993. Рис. 29, *51*, *52*). У многих народов Сибири засвидетельствованы случаи использования лука и стрел в качестве магических культовых орудий. По мнению В.П. Глебова, те же корни имеют миниатюрные подвески-гориты. Характерно, что в Нартском эпосе Батраз неоднократно упоминается как прекрасный стрелок из лука, у которого стрела улетает дальше всех (Дюмезиль, 1990. С. 23, 24). следует предположить, что подвески-ковшики и ориты являются амулетами, дополняющими (или выполняющими) охранительную функцию котелковидных привесок.

Обычно привески в виде котелков считаются амулетами или моделями – заменителями подлинных котлов, сделанными специально для погребений (Глебов, 1993. С. 44, 45). Л.Р. Кызласов по аналогии с этнографическими данными определяет такие привески, как символ власти, родовитости, знатности. Он приводит любопытный факт из истории северных алтайцев XVIII в., которые, находясь в зависимости от Джунгарского ханства, платили джунгарам дань котлами и таганами, изготовленными ими. В то время сборщики дани носили в правом ухе особый знак власти, наподобие серьги. Знако этот тубалары – одно из племен Северного Алтая – называли "ойротон осадь" (ойротский таган), и представлял он собой миниатюрный железный трехногий таган для котла (Кызласов, 1960. С. 91).

Ближайшей аналогией сарматским котелкам-подвескам являются миниатюрные бронзовые котелки таштыкской культуры Хакасии. Это точные копии больших котлов так называемого "скифского типа". Однако, несмотря на большое сходство и почти одновременное бытование, появление сарматских миниатюр вряд ли объясняется прямым влиянием южносибирских культур. Этому противоречит отсутствие аналогий на промежуточных территориях и явный хронологический разрыв. Следует согласиться с мнением В.П. Глебова, что более правомерно говорить о сходном выражении каких-то религиозных представлений (Глебов, 1993. С. 44).

По предположению И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, культовый характер больших бронзовых котлов, служивших, как сообщают древние письменные источники, для варки мяса жертвенных животных во время погребального обряда и других культовых церемоний, а также тот факт, что они встречаются в основном в погребениях вождей и представителей племенной знати, свидетельствуют о социальной принадлежности покойного. По их мнению, миниатюрные копии котлов обладали теми же культово-престижными свойствами (Гущина, Засецкая, 1994. С. 23).

Однако, как справедливо отметил В.П. Глебов, погребения, где обнаружены котелковидные привески, богатством не отличаются. Некоторые из этих комплексов с котелками и горитами трактуются как жреческие (шаманские) (Глебов, 1993. С. 44). Очевидно не столько декоративное, сколько космогоническое значение котелков. Об этом свидетельствует отмеченная выше связь котла с культом грозы и молнии. Скорее всего такие привески являлись амулетами, призванными оберегать владельца от враждебных ему сверхъестественных сил (от удара молнии и др.). В то же время котелки имеют элементы солярной символики: различные типы ручек; орнамент в виде бегущей спирали (привеска из Бельтинского клада) и в виде кругов (Чегемский мог.), указывающие на принадлежность их к культу огня и солнца (как и надочажные цепи). Видимо, об этом свидетельствует форма привески из погребения 2, кургана 6 могильника Китаевка. В данном случае котелок подвешен к кольцу, украшенному тремя рядами шишечек. По мнению М.П. Абрамовой, такие кольца относятся к числу амулетов, связанных с местными кавказскими культурами (Абрамова, 1993. С. 91).

Кольцо символизирует солнце на основании формы и в силу кругового характера его суточного и годового движения и в тоже время круг – кольцо выступает в виде схемы мирового древа (Мифы..., 1992. С. 19). В связи с этим следует отметить, что одним из вариантов изображения мирового древа является спущенная с неба цепь. В данном случае кольцо, являясь символом солнца, видимо, одновременно выступает в роли надочажной цепи. Представляется, что взаимосвязь котелковидных привесок и цепей как элементов, относящихся к культу огня-солнца, несомненна. Например, в Бельтинском кладе миниатюрный котелок находился в комплексе с фрагментами цепей и подвесками в виде фигурок оленей и ланей, являющихся символами солнца (Виноградов В.Б., 1986. С. 86, 87).

Керамические сосуды, в которые помещались обрывки цепей, скорее всего следует рассматривать как имитацию бронзовых котлов. Наличие округлых галек в сосудах, видимо, связано с мифом о мировом яйце. Сведение всего сущего к единому и выведение всего из единого – мотив золотого зародыша, мирового – космического яйца. Антропоцентрическое понимание космоса (мирового яйца) – как вместилища жизни, человека (Мифы..., 1992. С. 7, 8, 10). Таким образом, гальки в сосуде являются вместилищем души человека, а находящуюся здесь же цепь следует рассматривать как медиатор, связывающий миры, как проводник между душами умерших, обитающих на небесах, и живущими на земле. Наличие цепи, также непременное условие благоволения богов. У осетин жертвенное животное перед закланием непременно должно было коснуться очажной цепи, лишь тогда оно будет принято богом (Магомедов, 1986. С. 267).

В заключение следует предположить, что религиозная составляющая культа очага, включаю-

щая надочажную цепь, котел и огонь, зарождается в эпоху бронзы, оформляется в скифский период, а в сарматское время выступает в качестве уже полностью сложившейся космогонической системные, которая практически без изменений доживает до позднего средневековья. Археологической реалией этого культа у алан является сцена на верхней плите задней стены "царского" дольменообразного склепа р. Кривая, где изображен висящий на надочажной цепи котел (Кузнецов, 1961. С. 108. Рис. 41, *1*). по справедливому замечанию В.А. Кузнецова, вряд ли эта сцена с двумя человеческими фигурами вокруг котла имеет чисто бытовой характер (Кузнецов, 1992. С. 295). По версии Н.А. Охонько, эта спущенная с неба цепь символизирует связь между душами умерших, обитающих на небесах, и живущими на земле людьми, которые поминают покойника (Охонько, 1994. С. 25).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1959.

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

Березин Я.Б., Дударев С.Л., Фоменко В.А. Жреческий комплекс скифского времени из Пятигорья // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1993.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Виноградов В.Б. Клад второго Бельтинского могильника // КСИА. 1986. Вып. 186.

Виноградов Н.Б., Таиров А.Д. Сарматские погребения могильника Солнце III // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.

Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876.

Глебов В.П. О некоторых типах амулетов в сарматских погребениях Нижнего Дона // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск, 1993.

Гуриев Г.А. Наследие скифов и алан (Очерки о словах и именах). Владикавказ, 1991.

Гущина И.И., Засецкая И.П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Данилова Е.Н., Кунижева Л.З. Заметки об институте "запретных дней" у абазин // Из этнографии народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1991.

Демиденко С.В. Типология литых котлов савроматосарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М., 1997.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.

Керефов Б.М. О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени // Этнография и современность. Нальчик, 1984.

Кореняко В.А., Найденко А.В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // СА. 1977. № 3.

Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь, 1999.

Кузнецов В.А. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // КСИА. 1961. Вып. 85.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографические исследования. Орджоникидзе, 1986.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882.

Миллер В.Ф. Терская область // МАК. 1888. Вып. 1.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1992.

Охонько Н.А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI века. Ставрополь, 1994.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Вып. Д1-4.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э.–III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

Чибиров А.А. Очаг осетинского жилища // Материалы по этнографии Грузии. 1963. Вып. 12–13.

Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // РА. 1998. № 3.

Zichy Jeno G. Kaukazusies kozepziai Utazasai comte eu gene die Zichy Vogages au Caucaceet en Asie Centrale. T. II. Budapest, 1897.

The Elements of Hearth Worship in Burial Rite of the Popultion of the North Caucasus' Piedmont in Sarmatian Epoch

Yu. A. Prokopenko

Summary

The Iron Age sites in the North Caucasus piedmont quite often yield the finds of chain fragments, vessels of religious purpose with attached chains and pebbles inside, as well as bronze cauldron-shaped pendants. These finds are interpreted as the evidences of hearth cult, that included chin for cauldron hanging, cauldron, and fire. Hearth worship emerged in the Bronze Age, developed during the Scythian period, and then in the Sarmatian epoch is known as anentirely formed cosmogonical system that survived practically unchanged up to the late Middle Ages. Placing roundish pebbles into the vessels is6 evidently, connected with themyth on the world egg. Reducing of the universe to a single whole and deducing everything from it represents a motif of the golden germ, the world cosmic egg.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 168–170

ИСТОРИЯ НАУКИ

НЕОБЫЧНАЯ СУДЬБА КНИГИ О ПЕРВОБЫТНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

© 2001 г. А. А. Формозов

Институт археологии РАН, Москва

Кто из нас не читал в детстве увлекательную повесть "Приключения доисторического мальчика"? Но кто из нас может что-то сказать об авторе той книги Э. д'Эрвильи? В изданиях для детей обычно нет вступительных биографических очерков. Нет имени д'Эрвильи и в русских энциклопедиях. Всего несколько строк сказано о нем в обзоре Е. Брандиса (1980. С. 182).

Занимаясь историей науки, я заинтересовался вопросом, как доходили до широкого читателя сведения об открытиях археологов, и в связи с этим вспомнил о старой книге д'Эрвильи. К моему удивлению, почти ничего не удалось узнать о нем и с помощью французских энциклопедий. К счастью, моя жена М.К. Трофимова смогла навести справки непосредственно во Франции.

В Национальной библиотеке Парижа библиографы указали на выпущенный в 1890-х годах биографический словарь, где есть колонка, посвященная Эрнесту Марии д'Эрвильи (Le Goffic) б.г. (P. 26). Он родился в Париже 26 мая 1839 г., учился в Версальском лицее, в 1858г. поступил на должность чертежника мостов в Северную железнодорожную компанию и примерно тогда же начал печататься в газетах и журналах "Диоген" и "Бульвар". Затем оставил службу и стал профессиональным литератором, сотрудником "Ревю XIX века", "Артиста", "Ревю литературы и искусства", "Луны", "Призыва", выступая иногда под псевдонимом "Прохожий". Умер д'Эрвильи в 1911 г.

Он был плодовитейшим автором, выступавшим в самых разных жанрах. Тут и поэмы, и сборники стихов: "Фонарь с цветными стеклами", "Поцелуй", "Гарем", "Великий святой Антуан Падуанский", "Звери в Париже". Еще больше прозаических произведений – повестей, романов, сборников рассказов: "Сказки для взрослых", "Парижанки", "Разнообразные истории", "История браков", "Оружие женщины", "Капризы клоуна", "Парижское", "Счастливый день", "Желтый человек", "Дамы из Антремона", "Странные парижане", "Золотое детство", "Статуя из плоти", "Кошка Нептуна", "Легендарные герои", "Слишком великий", "Джек ле Галль и его сказки". Часть из этих книг предназначалась для юношества и пользовалась успехом. Привлекал д'Эрвильи и театр. На сцене Пале-Рояля, Одеона и театра Жимназ шли его пьесы, в основном одноактные комедии в стихах: "Десять лет спустя", "Пролог парижских фантазий", "Подлинный больной", "Прекрасная Сайнара", "Магистр", "Нищета", "Бибело", "Зонтик", "Неподражаемый доктор", "Фонтан святого Мена", "Дурные волосы", "Бигуди", "Мольер в тюрьме" и т.д.

В каталоге Национальной библиотеки зарегистрировано 65 книг д'Эрвильи. В XX веке ни одна из них не переиздавалась. Автор был забыт еще при его жизни. Это касается и "Приключений доисторического мальчика". Книга, выходившая в России и в СССР более 40 раз общим тиражом свыше трех миллионов экземпляров, во Франции была издана лишь однажды – в 1888 г. и подобно другим сочинениям д'Эрвильи давно предана забвению.

Этот поразительный вывод подтвердил главный библиограф "Библиотеки Жюля Верна" в Париже – эквивалента нашей Центральной детской библиотеки. Дав такую же справку, как и Национальная библиотека, он добавил, что ни разу не видел этой книги.

Таким образом, повесть, популярнейшая у нескольких поколений юных русских читателей, на родине автора совершенно забыта. Это побуждает заняться историей книги Эрвильи во Франции, дореволюционной России, в СССР, и в России послереволюционной.

К сожалению, неизвестно, были ли у д'Эрвильи какие-либо консультанты-археологи. К моменту появления повести на французском языке о первобытном человеке и его культуре было написано уже много специальных работ. Основоположниками науки о древнекаменном веке, палеолите, были французские ученые Жак Буше де Перт, Эдуард Ларте, Эдуард Пьетт. Помимо научных исследований выходили и популярные книги по той же тематике, например, "Первобытный человек" Луи Фигье (1870).

Д'Эрвильи мог опираться на эти публикации. Но не исключено, что автор общался с кем-то из любителей древностей. Его книга, посвященная 10-летней дочери Жоржетте, открывается предисловием, опущенным в большинстве наших изданий. В нем фигурируют автор и его 12–13-летний сын Жорж. Они живут в департаменте Соммы, где отец вместе со своим другом англичанином мистером Джемсом собирает в окрестностях какие-то камни. Мальчик просит отца рассказать о жизни людей в глубокой древности. Тот начинает повествование о великих предках французов – галлах. Жорж перебивает рассказчика. Он спрашивал о гораздо более давних временах и о тех камнях, что разыскивают отец и мистер Джемс. Отец обещает удовлетворить любопытство сына и выговаривает себе право на несколько дней подготовки. В положенный срок он вручает ему рукопись "Приключений доисторического мальчика во Франции".

В предисловии воспроизведены рисунки различных каменных орудий и указаны их названия. Мы видим здесь древнепалеолитическое ручное рубило с Соммы, позднепалеолитический наконечник копья из Солютре, так называемые жезлы начальников из кости. На одном из рисунков Феликса Регаме в тексте книги показан дольмен.

В том, что вошло в предисловие к повести, чувствуется определенная реальная подоснова. Интенсивные поиски орудий каменного века во Франции со времен Буше де Перта велись именно на Сомме, так что живший в Париже автор неслучайно поселил рассказчика и его сына в этом департаменте. В исследованиях принимали участие и английские ученые Чарльз Лайелл, Джон Прествич, Генри Кристи. Отсюда и фигура мистера Джемса.

Как мы помним, автор поместил своего маленького героя Крека в некое условное "доисторическое время". Мальчик и его родичи обитают в пещере, как палеолитические люди, но в конце повести он попадает уже к народу, живущему в свайных постройках. Тем самым в рамках одной жизни совмещены этапы в развитии культуры, разделенные в реальности десятком тысячелетий. Это не результат слабой разработанности первобытной истории в конце XIX века, а сознательный прием автора, стремившегося познакомить юных читателей с первобытной культурой вообще.

Перевод книги д'Эрвильи на русский язык появился через десять лет после ее выхода во Франции, в 1898 г. Осуществлен он был Августой Владимировной Мезьер (1869–1935). В начале XIX в. ее дед – Франсуа Шарль де Мезьер был актером и режиссером французской труппы в Петер-

бурге. Здесь в конце концов он принял русское подданство. Потомство его обрусело. Отец Августы Владимировны переводил стихи Пушкина на французский. Он женился на русской женщине – Ольге Александровне Зубковой. Для их дочери и французский, и русский языки были родными.

А.В. Мезьер оставила заметный след в истории отечественного книжного дела. Более всего она известна как составитель ценных библиографических справочников: "Русская словесность с XI по XIX столетие включительно" (1899–1902) и "Словарный указатель по книговедению" (1931–1934). Ей принадлежит, кроме того, свыше трехсот публикаций. А.В. Мезьер была человеком левых взглядов. Она преподавала в школе для рабочих Нарвской заставы, созданной социал-демократами, где работали также Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай и другие деятели революционного движения. Ее книги для народа посвящены восстанию негров в Сан-Доминго под руководством Туссена-Лувертюра, выступлениям чартистов в Англии, русским просветителям XVIII века.

Как переводчик А.В. Мезьер начала свою работу в издательстве ученицы Н.В. Шелгунова Ольги Николаевны Поповой (1848–1907), сыгравшем немалую роль в развитии прогрессивной русской печати. С ним сотрудничали И.М. Сеченов, Н.А. Рубакин, В.И. Ленин, В.Д. Бонч-Бруевич, А.М. Горький. В этом издательстве в переводе А.В. Мезьер были выпущены сначала монументальная книга участника Парижской Коммуны Элизе Реклю "Земля", а затем маленькая повесть д'Эрвильи (Машкова, 1962; Берков, 1978. С. 186–191; Люблинский, 1960. С. 126–132).

Чем же привлекло внимание О.Н. Поповой и А.В. Мезьер это незатейливое повествование для детей среднего возраста? Думается, что здесь сказался традиционный интерес демократических кругов русского общества к проблеме первобытного человека, захватившей еще в 1860-х годах Д.И. Писарева, Н.В. Шелгунова, М.И. Михайлова, П.Л. Лаврова (Формозов, 1984. С. 25, 26). Эта тема казалась актуальной в связи с революционно понимаемой идеей эволюции и прогресса в связи с борьбой с религиозными догмами. В гимназических курсах истории и биологии в царской России первобытное общество почти не было отражено. Идеолог реакционного лагеря М.Н. Катков, критикуя школьный устав 1864 года, возмущался, что мальчики теперь узнают, "как человек находился в первобытном состоянии", а это "сущее зло" (Ковалевский, 1909. С. 171). Книга д'Эрвильи должна была восполнить пробел в образовании, казавшийся принципиально важным.

До революции "Приключения доисторического мальчика" в переводе А.В. Мезьер были изданы еще три раза – в 1902, 1912 и 1914 гг. Третье издание было допущено в библиотеки низших учебных заведений.

В первых четырех изданиях перевод еще мало отошел от оригинала. Воспроизводились и предисловие французского издателя (о том, как надо "учить, развлекая", маленьких читателей), и посвящение дочери Жоржетте, и предисловие автора, и рисунки Феликса Регаме. Все же одно важное изменение было сделано. Повесть д'Эрвильи называлась "Приключения доисторического мальчика **во Франции**", в ней все время говорилось о Сомме, о "наших предках на нашей земле". В своем переводе А.В. Мезьер сняла последнее слово из заголовка и упоминания знакомых только французскому читателю мест. Рассказу придано всеобщее значение. В 1904 г. в приложении к журналу "Товарищ" вышел другой перевод повести д'Эрвильи, выполненный детской писательницей Софьей Карловной Круковской.

После революции повесть д'Эрвильи в переводе А.В. Мезьер издавали еще девять раз: в 1922, 1927, 1928, 1930, 1931, 1932 (дважды), 1933 и 1934 гг. В этих изданиях посвящение и оба предисловия опущены.

В 1929 г. в Ленинграде увидел свет третий перевод той же книги. На титуле написано, что он выполнен под редакцией Софьи Самойловны Михайловой-Штерн (автора ряда книг для юношества), а рисунки созданы под редакцией известного искусствоведа Анатолия Васильевича Бакушинского (1883–1932). Как раз в эти годы он занимался проблемами игрушки и детского творчества (Бакушинский, 1951).

Это издание интересно тем, что в нем мы видим новые иллюстрации, принадлежавшие двум известным художникам-анималистам – В.А. Ватагину и М.Д. Езучевскому. Имя Василия Алексеевича Ватагина (1883–1969) – действительного члена Академии художеств, автора скульптурного оформления московского зоопарка и многих графических и скульптурных произведений, украшающих наши музеи, знакомо многим (Ватагин, 1980). Михаил Дмитриевич Езучевский (1876–1928) был художником Дарвиновского музея, иллюстратором ряда книг. Его интересные полотна и сейчас экспонируются в Дарвиновском музее (Удальцова, 1997. С. 124–126).

Перевод под редакцией С.С. Михайловой-Штерн больше не переиздавался. Должно быть, учтя опыт двух своих конкурентов, А.В. Мезьер решила несколько обновить свой перевод. В 1931 г. была сделана попытка привести текст д'Эрвильи в соответствие с современными научными данными. Для этого в качестве редактора книги был приглашен сотрудник Государственного исторического музея Павел Алексеевич Дмитриев (1902–1943). Имя этого ученого, погибшего на фронте Великой Отечественной войны, осталось в истории науки благодаря его исследованиям по первобытной археологии Урала (Бадер, 1953. С. 188–190). Дмитриев внес в текст небольшую правку, но заменил все иллюстрации Ф. Регаме рисунками подлинных изделий человека каменного века из книг о палеолите и коллекций Исторического музея. В издании 1934 г. часть иллюстраций Регаме была воспроизведена вновь, но часть рисунков, подобранных П.А. Дмитриевым, сохранена. Надо признать, что эти рисунки, уместные в научной книге, плохо согласуются с текстом повести для детей.

Многократные издания повести д'Эрвильи в 1922–1935 гг. объясняются тем, что в учебных программах советской школы тема раннего этапа истории человечества заняла заметное место. "Приключения доисторического мальчика" воспринимались как хорошее пособие для внеклассного чтения учащихся.

После смерти А.В. Мезьер ее перевод не переиздавался до 1992 года. Но менее чем через десять лет старая книга пережила второе рождение. В 1941 году Издательство детской литературы выпустило свободный пересказ повести д'Эрвильи, принадлежавший Борису Михайловичу Энгельгардту (1887–1942). Он выступил в печати еще до революции как литературовед и философ. Продолжал эту работу в 1920-х годах, но в дальнейшем, в сталинскую эпоху, вынужден был отойти от нее. Подвергался репрессиям. В 1930-х годах в Детиздате вышли его пересказы "Дон-Кихота" и "Айвенго". Б.М. Энгельгардт погиб во время блокады Ленинграда (Энгельгардт, 1979. С. 899). Рисунки для издания 1941 г. исполнила ленинградская художница Татьяна Николаевна Глебова (1900–1985), работавшая как график вместе с П.Н. Филоновым и В.В. Лебедевым (Глебова, 1976. С. 52)[1].

Этот вариант повести д'Эрвильи был переиздан после перерыва, вызванного "борьбой с космополитизмом", еще несколько раз: в 1955 г. в Смоленске, в 1973 – в Баку и в 1966, 1970, 1973 в Ленинграде. Ленинградские издания открываются предисловием нашего крупного этнографа Владимира Рафаиловича Кабо (род. в 1925 г.) – специалиста по народам Австралии, рассказавшего юным читателям о первобытном обществе (Решетов, 1995. С. 238–243). В изданиях 1966, 1970 и 1973 гг. – иллюстрации новые, выполненные Элеонорой Максимилиановной Кондиайн (1899–1986), ученицей К.С. Петрова-Водкина, работавшей в Детгизе с В.В. Лебедевым.

Тиражи книги д'Эрвильи год от года росли. Если в 1922–1928 и обоих изданиях 1932 года они достигали 10 тысяч, то в 1933 и 1934 – 17 000, в 1955 – 75 000, в 1966 – 200 000, в 1970 – 100 000, в Ленинградском издании 1973 года – 150 000, а в Бакинском – 500 000.

[1] Дополнительные сведения о Т.Н. Глебовой и биографические данные о Е.М. Кондиайн любезно сообщены мне петербургской художницей Л.А. Рончевской.

Отмечу и появившуюся в Харькове в 1924 г. инсценировку повести – пьесу "Огонь погас" в двух действиях и трех картинах. Автор переделки не указан. Может быть, по этой инсценировке ставили спектакль "Приключения доисторического мальчика" в коммуне толстовцев "Жизнь и труд", высланной в начале 1930-х годов, под Старый Кузнецк (Мазурин, 1988. С. 214).

Особая тема – переводы "Приключений доисторического мальчика" на языки народов СССР. Известны переводы на украинский (1948, 1957), белорусский (1937), латышский (1950), литовский (1970), финский (1935), молдавский (1950), узбекский (1929), казахский (1957) и татарский (Симферополь, 1930; Казань, 1953) языки. Большинство переводов сделано с русских изданий, а не с французского оригинала. Так, на белорусском и украинском 1948 года изданиях прямо указано: "перевод с русского" (переводчики не названы). Татарское (1953), казахское и литовское издания построены на пересказе Б.М. Энгельгардта, при этом в литовском переведено и предисловие В.Р. Кабо, а в казахском воспроизведены рисунки Т.Н. Глебовой. Только в украинском издании 1957 г. дан перевод Л. Шендрик с французского оригинала. Даже название здесь полное: "Приключения доисторического мальчика во Франции". Воспроизведены и предисловие французского издателя, и посвящение Жоржетте, и предисловие автора с беседами Жоржа и его отца, и рисунки Ф. Регаме.

Среди переводчиков были известные писатели. Так, на татарский повесть д'Эрвильи перевел А. Расих (псевдоним Атиллы Кадыровича Расулева (1915–1996) (Расих, 1999. С. 462). Тиражи изданий высоки: белорусского – 15 120 экз., украинского 1948 г. – 26 000, 1957 года – 30 000, татарского 1953 г., молдавского и казахского – по 10 000, литовского – 15 000.

После падения коммунистического режима книгу д'Эрвильи переиздавали на русском языке еще не раз – в Москве (в 1992 г. – три раза, а в 1994 г. еще три раза), в Петербурге (1993), Нижнем Новгороде (1993), Ставрополе (1994), Краснодаре (1990), иногда отдельно, а иногда в составе сборников повестей о первобытных людях. Первый такой сборник "Это было в каменном веке" вышел в Минске в 1989 г. и включал наряду с повестью д'Эрвильи "До Адама" Джека Лондона, "50 тысяч лет назад" Герберта Уэлса, "Борьба за огонь" и "Вамирех" Ж. Рони-старшего. В дальнейшем появилось еще несколько таких подборок: Властители темного леса" в Москве в 1994 г. с повестями д'Эрвильи, Уэлса, "Пещерами красной реки" Клода Сенака и "Руламоном" Давида Вейнланда; том, включавший "Борьбу за огонь", "Пещерного льва" и "Вамиреха" Рони-старшего и повесть д'Эрвильи в Москве в 1994 г. и в тот же год еще один том "Библиотеки исторических произведений для детей и юношества" с повестями Рони, Сенака и д'Эрвильи "Каменный век" в Нижнем Новгороде в 1993 г. Воспроизводился в основном пересказ Б.М. Энгельгардта, иногда с указанием имени, иногда без. Но, увы, издательство Союза писателей АВИБО выпустило в 1992 г. книгу "Приключения мальчика неведомого мира", обозначив "перевод А.В. Мезьера". Если тираж изданий повести д'Эрвильи в СССР за 1922–1970 гг. достиг 2 млн. экз., то за 1989–1994 вышло более 1 млн.

Такова судьба книги д'Эрвильи в России и СССР. Думается, что долголетие ей дало участие в ее переводе, переложениях и иллюстрировании таких талантливых людей, как А.В. Мезьер, Б.М. Энгельгардт, В.А. Ватагин, А.В. Бакушинский и другие. В сущности текст французского писателя стал для них лишь канвой, по которой они вышивали свои узоры.

Но не следует забывать и о другом: литература для детей о самых ранних этапах истории у нас очень бедна. За рубежом на протяжении ста лет появилось немало новых книг на эту тему, соответствовавших современным представлениям ученых о каменном веке. Число таких книг на русском языке невелико. Можно назвать две повести Сергея Викторовича Покровского (1874–1945) – "Охотники на мамонтов" (1937) и "Поселок на озере" (1940), несколько раз переиздававшиеся и переведенные в Германии и Румынии, и повесть Александра Михайловича Линевского (1902–1985) "Листы каменной книги", в журнальном варианте подготовленную в конце 1920-х годов, а в дальнейшем многократно переизданную в СССР и за рубежом.

Мне кажется, что к старой повести д'Эрвильи "Приключения доисторического мальчика" можно еще вернуться, переиздать ее с хорошими рисунками и дельным предисловием. Книга, забытая на своей родине и в течение столетия служившая нашим юным читателям, способна жить и дальше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Павел Алексеевич Дмитриев // Ученые записки Пермского гос. ун-та. 1953. Т. IX. Вып. 3.

Бакушинский А.В. Исследования и статьи. М., 1951.

Берков П.Н. А.В. Мезьер – библиограф-романтик // Избранное. М., 1978.

Брандис Е. От Эзопа до Джанни Родари. М., 1980.

Ватагин В.А. Воспоминания. Записки анималиста. Статьи. М., 1980.

Глебова Т.Н. // Художники народов СССР. Т. 3. М., 1976.

Ковалевский М.М. Средняя школа // Россия в XIX веке. Ч. III. СПб., 1909.

Люблинский С.Б. Книгоиздательство О.Н. Поповой // Книга. 1960. Т. XIII.

Мазурин В.Б. Рассказ-раздумья об истории одной толстовской коммуны "Жизнь и труд" // *Новый мир. 1988. № 9.*

Машкова М.В. А.В. Мезьер. М., 1962.

Расих А. // Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999.

Решетов А.М. Владимир Рафаилович Кабо // Кунсткамера. 1995. № 7.

Удальцова В.А. Художники-анималисты Дарвиновского музея // Труды Государственного Дарвиновского музея к 90-летию со дня основания. М., 1997.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. М., 1984.

Энгельгардт Б.М. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1979.

La Goffic Ch. Hervilly, Marie-Ernest d' // Le grande encyclopedie inventaire raisonne des sciences des letters at des arts par une Société de savants et de gens de lettres. T. Vingtiéme (Heronas–Janicki). Paris (б.г.).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 171–178

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

^{14}C ET ARCHÉOLOGY (^{14}C AND ARCHAEOLOGY). ACTES DU 3ÈME CONGRÈS INTERNATIONAL / Evin J., Oberlin C., Daugas J.-P., Salles J.-F. Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. XXVI (Supplément 1999 de la Revue d'Archéometrie). Rennes, 1999

Данный объемистый том содержит 77 статей на английском и французском языках, написанных участниками 3-го Международного симпозиума "Радиоуглерод и археология". На симпозиуме присутствовало около 170 специалистов из различных стран Европы, Азии, Африки, Америки, а также из Австралии и Новой Зеландии. Сборник докладов разбит на семь разделов по тематическому принципу. В силу труднодоступности данного издания и того факта, что радиоуглеродные (далее – ^{14}C) даты широко используются археологами России, представляется целесообразным осветить и отчасти прокомментировать те статьи, которые интересны для российских исследователей как в региональном, так и в методологическом плане.

Тон сборнику задает обзорная статья ветерана археолого-радиоуглеродных исследований Х.Т. Ватерболка (Нидерланды) "Археология и радиоуглеродное датирование в 1948–1998 гг.: золотой альянс", в которой детально представлена история применения в археологии радиоуглеродного метода, начиная с выступления его автора Уилларда Ф. Либби на конференции Викингского Фонда (в настоящее время – Фонд Веннер-Грен) в г. Нью-Йорк в январе 1948 г. с сообщением о новом методе датирования органических остатков.

В разделе **"Материалы для датирования"** освещаются вопросы использования различных углеродсодержащих соединений для получения ^{14}C-дат. Так, в статье Ж. О'Малли с соавт. (США, Россия) "Прямое радиоуглеродное датирование методом ускорительной масс-спектрометрии древнейшей керамики Дальнего Востока России и Забайкалья" приведена методика датирования керамики с органическим отощителем (в виде травы). Наиболее надежной (т.е. содержащей в основном углерод отощителя, с минимальным количеством углерода из глинистого теста), по мнению авторов, является фракция углерода, полученная в результате нагревания измельченной керамики в атмосфере кислорода до температуры 400°C в течение 30–60 мин. Для керамики громатухинской культуры получены датировки 13.300–10.400 ^{14}C-лет назад (далее – л.н.); для новопетровской культуры – около 9800–9300 л.н.; для усть-каренгоской культуры – около 11.300–10.500 л.н.; даты хорошо соответствуют археологическим данным и имеющимся ^{14}C-датам по углю из ряда памятников данных культур.

В статье Э. Валладас с соавт. (Франция) "Прямое датирование первобытной живописи радиоуглеродным методом с помощью ускорительного масс-спектрометра" освещаются результаты ^{14}C-определения возраста верхнепалеолитических рисунков из пещер Франции и Испании. Датирование проводилось по углероду, извлеченному из пигмента краски. Наиболее древними являются рисунки из грота Шоэ (Chauvet) – около 31.000 л.н. Для пещеры Коскэ (Cosquer) получены даты в интервале 27.000–16.400 л.н.: для пещеры Альтамира – около 14.800–13.100 л.н.

В сообщении А.Н. Байлисс (Великобритания) "О тафономии образцов угля, используемых для радиоуглеродного датирования" поднимается важный методический вопрос о соответствии угля, собираемого при раскопках, конкретным событиям в истории древнего поселения. На основе первичного представления о хронологической последовательности образцов (например, их залегания один над другим по вертикали), которое существует у археолога-раскопщика, с помощью методов бейесианской статистики (см. подробнее: Buck et al., 1991; Litton, Buck, 1995) можно проверять данное представление, а также получать калиброванные (т.е. календарные, от Рождества Христова) даты для каждого из образцов или событий, которые характеризуют данные образцы. Основным выводом является призыв к более тщательному анализу соотношения образцов угля с конкретными событиями, оставившими образец.

Близка по сути к этому сообщению статья П. Эшмора (Великобритания) "Датирование единичного события", в которой делается вывод о том, что только очень небольшие (единичные) кусочки либо частицы угля (из кострищ, например) могут дать надежные ^{14}C-даты по сравнению со сборным образцом. Естественно, что датирование таких малых образцов возможно только с помощью ускорительного масс-спектрометра, что является определенной проблемой для России, где такие установки до сих пор отсутствуют. Рассмотрена также проблема гетерохронности (разновременности) угля в культурном слое, относящемся к единой эпохе или культуре, на конкретных примерах археологических памятников Шотландии.

Раздел **"Калибровка и статистические исследования"** открывается статьей Й. ван дер Плихта (Нидерланды) "Калибровка радиоуглеродных дат: по направлению ко всему интервалу возможностей метода", в которой обсуждаются проблемы построения калибровочной кривой вплоть до 45.000 л.н. В настоящее время очень детальная калибровочная кривая существует до уровня около 11.000 л.н.; сравнительно полно, но все еще недостаточно изучен отрезок от 11.000 до 24.000 л.н.; очень мало данных о соотношении календарного и ^{14}C-возраста имеется для времени более 24.000 л.н. Расхождение между радиоуглеродным и календарным возрастом около 11.000 ^{14}C л.н. составляет около 2000 лет, а не около 20.000 ^{14}C л.н. – возможно, уже около 4000 лет в сторону удревнения дат календарных; эти данные собраны в очередном калибровочном выпуске журнала "Radiocarbon" (Stuiver, van der Plicht, 1998). Продолжение калибровочной кривой до 45.000 л.н. позволит более корректно интерпретировать ^{14}C-даты и события, относящиеся к позднему палеолиту.

Статья М. Имамуры с соавт. (Япония, Нидерланды) "Калибровка радиоуглеродного возраста по образцам древесины из Японии: анализ привязки по зубцам опорного образца" является примером применения методики "привязки по зубцам" ("wiggle-matching") (см., например: Aitken, 1990. P. 103–105), заключающейся в корреляции дат, полученных по образцам древесины с хорошо сохранившимися годичными кольцами, с опорной калибровочной кривой. Конечным результатом является "стыковка" ^{14}C-дат с календарной шкалой времени с очень высокой точностью, до нескольких десятков лет. С помощью последовательного ^{14}C-датирования серий по 10–20 колец деревьев из раскопок (желательно иметь не менее 5–10 образцов, т.е. не менее 100 годичных колец) возможно получить календарный возраст того момента, когда дерево было срублено, с точностью до 30–40 календарных лет и менее, что практически невозможно при обычном ^{14}C-датировании древесины. В статье приведен пример "привязки по зубцам" стволов деревьев эпох яёи (Yayoi) и ко-

фун Японии. Другим примером подобных работ является статья Н. Мартинелли и Б. Кромера (Италия, Германия) "Высокоточное радиоуглеродное датирование дендрошкалы бронзового века стоянки Феррасино 1 (Северная Италия)", где точность келендарной привязки "плавающей" дендрошкалы составила всего ±12 лет!

Статья К. Бронк Рэмзи (Великобритания) "Роль статистических методов в интерпретации радиоуглеродных дат" посвящена методическим вопросам применения статистических приемов в объяснении смысла получаемых археологами ^{14}С-дат, с обязательным использованием методов бейесианской статистики; в частности, калибровочной программы OxCal, разработанной автором и доступной для копирования через Интернет [http://www.rlaha.ox.ac.uk/oxcal/oxcal_h]). В статье К. Бак с соавт. (Великобритания, Мексика) дано детальное описание компьютерной программы BCal, также доступной для работы через Интернет [http://bcal.cf.ac.uk] и основанной на применении методов бейесианской статистики к ^{14}С-датам.

Раздел **"Использование радиоуглеродного метода для решения важных проблем археологии"** открывается статьей Л. Яковлевой (Украина) "Радиоуглеродное датирование верхнепалеолитических стоянок Восточной Европы", где на основе радиоуглеродного метода с привлечением хроностратиграфических, палеоклиматических и типологических данных дается хронология ряда культур. Так, спицынская, городцовская и ориньякская индустрии в Костенках датированы в пределах 38.000–28.000 л.н. граветт датируется около 24.000–22.000 л.н.; поздняя фаза верхнего палеолита Восточной Европы имеет возраст начиная с 15.000 л.н. приведен список из 140 ^{14}С-дат по 58 верхнепалеолитическим памятникам бассейнов Дона, Днепра и Днестра; степной зоны юга Украины; Крымского полуострова.

В статье П.М. Долуханова с соавт. (Великобритания, Россия) рассматриваются самые ранние ^{14}С-даты для неолита Европы. Авторы выделяют два типа процесса неолитизации – 1) центральноевропейский (быстрое заселение территории земледельцами, носителями культуры линейно-ленточной керамики) и 2) восточно- и североевропейский (постепенное воспринятие керамической технологии доземледельческими культурами).

В статье Ф. Джинджана (Франция) "Радиоуглеродное датирование верхнего палеолита Европы: результаты и перспективы" приводится подробный анализ ^{14}С-дат, относящихся к верхнему палеолиту Западной, Центральной и Восточной Европы; всего автор приводит и обсуждает около 130 дат по 115 памятникам. В статье П. Нуаре с соавт. (Бельгия) выделяются техно-типологические стадии граветта Центральной и Восточной Европы (7 стадий) и приводятся известные для них данные по хронологии (всего 134 ^{14}С-даты в интервале от 32.000 до 11.800 л.н.).

В статье А. Синицына (Россия) "Хронологические проблемы палеолита Костенковско-Боршевского района: геологические, палинологические и радиоуглеродные перспективы" представлен детальный анализ более чем 150 ^{14}С-дат по 35 памятникам района Костенок на Дону наряду с обсуждением сопутствующих геоархеологических (хроностратиграфия, палинология, палеогеография) данных. Автор выделяет три хронологические группы поселения: 1) 36.000–33.000 л.н. [Костенки 1 (V); Костенки 12 (III); Костенки 17 (II); Костенки 14 (IVa)]; 2) 32.000–27.000 л.н. [Костенки 1 (III); Костенки 12 (Ia); Костенки 14 (II)]; 3) 26.000–20.000 л.н. [Костенки 1 (I); Костенки 4; Костенки 8 (I); Костенки 14 (I); Костенки 21 (III) и др.][1].

В статье Р. Хеджеса и П. Петтита (Великобритания) "О надежности археологических радиоуглеродных дат древнее 30.000 л.н." делается вывод о том, что вплоть до 40.000 л.н. ^{14}С-даты в целом надежны. Авторы не отмечают серьезных расхождений при параллельном датировании костей и угля из одного слоя; правда, таких "пар" в их распоряжении всего три.

В статье П. Петтита (Великобритания) "Вымирание неандертальцев: радиоуглеродная хронология, проблемы, перспективы и интерпретация существующих данных" представлен обзор ^{14}С-дат по мустьерским переходным от мустье к верхнему палеолиту памятникам Северной Евразии. При этом автор допускает, что антропологический термин "неандерталец" соответствует археологическому термину "мустье", а "человек современного типа" – "верхнему палеолиту", что, на мой взгляд, весьма условно. Отмечается, что наиболее поздние "неандертальские" ^{14}С-даты известны для Сибири, Крыма и юга Испании. Автор считает, что процесс вымирания неандертальцев начался в Центральной Европе и распространялся радиально по всему северу Евразии.

В статье В. Тимоеева и Г. Зайцевой (Россия) "О проблемах неолитизации Восточной Европы и положении юга европейской части России в этом процессе" собраны наиболее ранние ^{14}С-даты для керамических (т.е. неолитических) комплексов региона; среди них выделяется стоянка Ракушечный Яр в низовьях Дона (около 7900–7700 л.н.), а также елшанская культура Самарского и Оренбургского Заволжья (около 8000 л.н.), которая в настоящее время является наиболее древней в неолите европейской России.

В разделе **"Радиоуглерод и проблемы европейской археологии"** интересны, на мой взгляд, две публикации. В статье К.-М. Манту (Румыния) дается обзор хронологии неолита и энеолита–халколита Румынии и Молдавии на основе ^{14}С-дат. С учетом имеющихся 180 ^{14}С-дат время существования неолита устанавливается в интервале 6000–4700 гг. до н.э., энеолита – 4700–3500 гг. до н.э.; переход от энеолита к эпохе бронзы датируется 3500–3000 гг. до н.э. В статье Г. Зайцевой с соавт. (Россия, Швеция) "Радиоуглеродное датирование скифских стоянок Европы" приводятся данные о возрасте таких известных объектов, как Келермес, Семь Братьев, Солоха и Чертомлык. Все они укладываются в календарный интервал VII–IV вв. до н.э.

В разделе **"Синтез радиоуглеродных данных для различных регионов Земли (Азия, Америка и Африка)"** для археологов интересен целый ряд сообщений. В статье И. Гёрсдорфа с соавт. (Германия, Россия) "Новые радиоуглеродные даты стоянок сибирской степной зоны и их последовательность для целей построения региональной хронологии бронзового века" опубликована сводка ^{14}С-дат преимущественно по культурам бронзового века Сибири (афанасьевская, окуневская, карасукская), а также для скифской эпохи и теинский этап тегарской культуры, связанной с хунну. Результаты датирования с последующей калибровкой дат показывают, что афанасьевская культура (могильник Суханиха) существовала в конце IV и в III тыс. до н.э.; окуневская культура (стоянки Чебаки и Уйбат) – в конце III–начале II тыс. до н.э. Карасукская культура (Суханиха, каменноложский этап) датирована концом II тыс. до н.э., что является достаточно неожиданным, так как археологические данные свидетельствуют о более раннем возрасте этой фазы. Для скифского памятника Дог-Баары 2 в Туве получены даты, соответствующие VIII–IV вв. до н.э. Сделана также попытка "привязки по зубцам" дендрошкалы для этого памятника; следует отметить, что на приведенном на с. 308 рисунке показано всего 4 даты, что недостаточно для надежной привязки "плавающей" дендрошкалы к калибровочной кривой. Даты из могильника Суханиха, относящиеся к хунну, соответствуют времени I в. до н.э.–I в. н.э.

В статье Г. Зайцевой с соавт. (Россия, Швеция) "Некоторые вопросы радиоуглеродной хронологии скифских памятников степной зоны Центральной Азии в пределах России (Южная Сибирь и Тува)" содержатся сведения о хронологии памятников уюк-саглыпского времени (Теплая, Догээ-Баары 2, Чинге, Копто). Установлено, что возраст альды-бельского комплекса кургана Копто близок к возрасту ранних курганов Догээ-Баары 2 и Теплая и соответствует концу V и IV вв. до н.э. В следующей статье Г. Зайцевой с соавт. (Россия, Нидерланды) "Новые исследования ключевых памятни-

[1] Арабскими цифрами дан номер стоянки, римскими – номер культурного слоя.

ков скифской эпохи Саяно-Алтая" приводятся данные по радиоуглеродному возрасту кургана Аржан; по результатам калибровки 20 ^{14}C-дат время его сооружения соответствует календарной дате 820–800 гг. до н.э.

Ряд публикаций посвящен хронологии древнейших стоянок Северной и Южной Америки, что напрямую связано с проблемой первичного заселения человеком этих континентов. В статье Ф. Паренти с соавт. (Италия, Франция, Бразилия) "Хроностратиграфия археологических и палеонтологических памятников Сан Раймундо Нонато (штат Пиау, Бразилия): вклад в изучение плейстоценового заселения Америки" приводится большая серия (около 40) ^{14}C-определений возраста культурных слоев скального навеса Педра Фурада в Амазонии, в интервале от 50.000 до 11.000 л.н. Для стоянки Мейо получена серия дат в интервале от 14.300 до 8100 л.н. Авторы полагают, что ранние даты этих памятников (более 11.000 л.н.) соответствуют времени заселения Южной Америки, что до сих пор не признается целым рядом ведущих геоархеологов (см., например: Meltzer et al., 1994).

В статье Т. Джалла с соавт. (США) "Радиоуглеродный возраст стоянки Мюррей Спрингс, Аризона, и влияние климатических условий на людей культуры кловис" проводится корреляция ^{14}C-дат одного из наиболее известных палеоиндейских памятников юго-запада США с климатическимим колебаниями в позднеледниковье, около 12.000–10.000 л.н. Конец культуры кловис около 10.900 л.н. соответствует концу потепления беллинг-аллеред; последующее похолодание позднего дриаса около 10.600–10.000 л.н. привело к увлажнению климата юго-запада США и формированию в долине р. Сан-Педро водорослевого мата, перекрывающего культурный слой.

Ряд статей данного раздела, а также раздел **"Точная хронология определенных культурных фаз"** целиком посвящены ^{14}C-хронологии различных древних культур таких стран, как Франция, Турция, Бельгия, Германия, Швейцария, Испания, Великобритания, Польша, Италия, Румыния, Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония, Венгрия, Греция, Бангладеш, Перу, Габон, Марокко, Мавритания, Центрально-Африканская Республика, Мали, Австралия. Это перечисление лишний раз подчеркивает как международный масштаб симпозиума, так и важность радиоуглеродного метода в археологических исследованиях.

Сборник завершается разделом, содержащим отчеты шести рабочих групп по таким проблемам, как "Пределы приложения радиоуглеродного метода в археологии", "Хронология исторического времени", "Неолитизация", "Африка", "Азия", "Америка". Среди них наиболее интересным является отчет первой группы "Что можно найти в радиоуглеродной дате" (М. ван Страйдонк с соавт.; Бельгия, Канада, Великобритания, Нидерланды). подводя итог дискуссии, авторы отметили: "...успешное применение радиоуглеродного метода подразумевает детальное рассмотрение многих сложных требований, которые должны соблюдаться и соответствовать основным теоретическим положениям метода. В то время как выполнение некоторых из требований находится в компетенции радиоуглеродных лабораторий, основная часть требований не зависит от специалистов в области датирования и должна учитываться археологами, если они хотят получить надежную хронологическую информацию. В частности, археолог должен определить, какая хронологическая проблема его интересует, и далее тщательно идентифицировать, выбрать и оценить те образцы, которые могут дать ответ на поставленный вопрос. Эта задача не может быть переадресована в радиоуглеродные лаборатории, а должна решаться самими археологами-пользователями" (^{14}C et Archéology, 1999. P. 440; перевод Я.В. Кузьмина).

В заключение хочу проинформировать российских археологов, геологов-четвертичников и геоархеологов о том, что следующая международная конференция "Радиоуглерод и археология" состоится в апреле 2002 г. в Оксфордском университете (г. Оксфорд, Великобритания).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aitken M.J. Science-based dating in archaeology. London, 1990.

Buck C.E., Kenworthy J.B., Litton C.D., Smith A.F.M. Combining archaeological and radiocarbon information: a Bayesian approach to calibration // Antiquity. 1991. V. 65.

^{14}C et Archéology (^{14}C and Archaeology). Actes du 3ème Congrès International / Evin J., Oberlin C., Daugas J.-P., Salles J.-F. Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. XXVI (Supplément 1999 de la Revue d'Archéometrie). Rennes, 1999.

Litton C.D., Buck C.E. The Bayesian approach to the interpretation of archaeological data // Archaeometry. 1995. V. 37. № 1.

Meltzer D., Adovasio J., Dillehay T. On a Pleistocene human occupation at Pedra Furada, Brazil // Antiquity. 1994. V. 68.

Stuiver M., van der Plicht J. (eds.) INTCAL98 // Radiocarbon. 1998. V. 40. № 3.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток

Я. В. Кузьмин

Н.А. Гаврилюк. ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ СТЕПНОЙ СКИФИИ VI–III вв. до н.э. Киев: Институт археологии НАН Украины, 1999. 420 с.

Монографическое исследование Н.А. Гаврилюк – одной из наиболее видных скифологов Украины – посвящено экономике древних номадов, рассмотренной на примере одного из наиболее изученных обществ этого времени – скифов. Вне всякого сомнения, данная работа вносит значительный вклад как в собственно скифологию (это действительно первое исследование, посвященное экономике скифского общества), так и ставит ряд важных вопросов для изучения экономики так называемых ранних обществ кочевников-скотоводов.

Монография состоит из введения, девяти глав, заключения, списка использованной литературы и полевых отчетов, шести приложений (предметный, именной и географический указатели, каталог клейм из Каменского городища, сводная таблица встречаемости артефактов в степном Северном Причерноморье, таблица с параметрами пряслиц).

Первая глава посвящена историографии исследования, описанию источниковой базы, методов исследования. Во второй главе вводится новый фактический материал оседлых скифских памятников из раскопок и разведок 1987–1998 гг. В третьей главе рассматриваются природные условия и ресурсы скифского общества, в четвертой – палеодемографическая ситуация в степной Скифии. Пятая глава, безусловно, основная. Она посвящена основным отраслям экономики скифов – скотоводству, земледелию, различным отраслям ремесленной деятельности, присваивающим отраслям хозяйства, быту и материальной культуре. В шестой главе рассматривается торговля и товарно-денежные отношения. Седьмая глава представляет собой обобщенное изложение итогов исследования динамики экономической структуры скифского общества. В восьмой главе рассмотрен экологический кризис III в. до н.э. в Степной Скифии. Наконец, в последней девятой главе проанализированы пути выхода скифского общества из кризиса, выразившиеся в развитии земледельческого уклада.

Монография построена на богатом фактологическом фундаменте с привлечением практически всех известных на данный момент данных. В работе использованы все известные письменные источники, материалы более чем 3000 погребений, более 100 оседлых памятников скифской культуры.

Важно отметить существенный вклад автора в пополнение новой источниковой базы. Н.А. Гаврилюк на протяжении 1980–1990-х годов проводила активные разведки оседлых скифских памятников на территории Украины, в течение десяти лет вела раскопки на одном из самых известных памятников скифской культуры – Каменском городище.

Главная заслуга автора рецензируемой монографии – это создание целостной картины палеоэкономической истории Скифии. В книге скрупулезно собраны и проанализированы всевозможные данные об экономической деятельности скифского общества. Работа поражает своим охватом, глубиной анализа, объемом привлеченного эмпирического материала. Н.А. Гаврилюк логично обосновывает, что постепенно под воздействием главным образом пастбищной дигрессии, скифское общество перешло от кочевого хозяйства к полукочевому, а также было вынуждено развивать альтернативные источники существования – переходить к частичной седентеризации и развивать земледельческий уклад за счет превращения наиболее бедных номадов в земледельцев. Эти процессы начались еще в IV в. и до н.э., однако пик кризиса пришелся на III в. до н.э. При этом автор на представительном фактическом материале показывает различные стороны данного процесса – постепенное увеличение количества поселений, мощности культурного слоя, появление оборонительных сооружений, некоторых новых видов посуды и других категорий артефактов и др.

Важным и интересным представляется анализ автором книги скифского ремесла. Проанализировав материалы большого числа археологических исследований, в том числе и своих собственных, Н.А. Гаврилюк приходит к выводу о домашнем характере большинства отраслей ремесленного производства у скифов, отмечая при этом достаточно высокий уровень скифской металлургии.

Интересные выводы получены Н.А. Гаврилюк при рассмотрении торговли в скифском обществе. Представляются обоснованными утверждения автора, что важное место в сфере скифского экспорта составляла работорговля, тогда как торговля зерном не могла играть существенной роли (если последняя вообще присутствовала у скифов). Очень интересны попытки рассчитать стоимость рабов в сопоставлении с существующими в античных колониях ценами на зерно, вино, украшения и другие необходимые номадам товары. Переведя цены золотых вещей из кургана Толстая Могила в стоимость рабов, а также оценив трудозатраты на возведение данного комплекса, Н.А. Гаврилюк установила, что эти расходы можно было покрыть двумя-тремя походами за рабами. В ценах метрополии подобные расходы выглядели достаточно скромно. Они приравнивались к стоимость среднего эргастерия или среднего дома в Афинах (С. 282–287). Однако не стоит забывать законов мир-системной экономики – уровень жизни в "центре" практически всегда выше, чем на "периферии".

Несмотря на определенный скепсис автора книги в отношении включения в свой анализ так называемых внеэкономических способов получения прибавочного продукта (С. 11, 130), к которым она отнесла грабежи, набеги и дань, я все-таки склонен полагать, что для возникновения и существования "кочевых империй" данные механизмы были принципиально важными. Безусловно, для занятия скотоводством военно-грабительская деятельность была не нужна. Номады могли прожить на основе скотоводческой экономики. Однако существование сложных надплеменных структур у кочевников было невозможно без привлечения внешней эксплуатации. Проблема здесь состоит еще и в том, что экономика архаических обществ не тождественна политэкономии обществ индустриальных. Собственно экономику в архаических обществах трудно отделить от родовых, религиозно-магических и рациональных связей. Далеко не всегда поведение архаического человека может быть интерпретировано с точки зрения рационального экономического поведения. Примером этого могут служить многочисленные обряды обмена дарами и их перераспределения, подобные "потлачу" квакиутлей или церемониям, сопутствующим институту "бигмена" в Меланезии. Большой вклад в теоретическое осмысление данных процессов внесли исследования М. Мосса, Б. Малиновского, К. Поланьи, Дж. Далтона и других исследователей. В современной социальной (культурной) антропологии это направление получило название субстантивистской "экономической антропологии".

Если же воспользоваться теоретическими достижениями "экономической антропологии" применительно к крупным кочевым обществам, подобным Скифской державе, то необходимо отметить важную роль как раз "внеэкономических источников существования". Стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение продуктов земледелия, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей от оседлых обществ. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником между причерноморскими земледельческими цивилизациями и степью, правитель номадного общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из оседло-городских обществ добычи и тем самым усиливал свою собственную власть.

При этом институты престижной экономики являлись механизмом, соединявшим "правительство" степной империи и входившие в нее племена. Манипулируя подарками и раздавая их соратникам и вождям племен, правитель кочевой империи увеличивал свое политическое влияние и престиж щедрого царя, кагана или хана. Одновременно он связывал получивших дар "обязательством" отдаривания. Племенные вожди, получая "подарки", могли, с одной стороны, удовлетворять личные аппетиты, с другой, повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, племенной вождь как бы приобретал от него часть сверхъестественной харизмы, что дополнительно способствовало увеличению его собственного престижа (подробнее обо всем этом см.: Крадин, 1992; 1996; 1999; 2000а,б и др.).

Впрочем, это один из возможных, но совсем не обязательный вариант интерпретации имеющегося материала с точки зрения сопоставимых по уровню развития скифам иных исторических и этнографических обществ. Археологические источники, к сожалению, с большим трудом поддаются расшифровке с точки зрения получения содержащейся в них социологической информации. Тем не менее представляется, что скифы подобно хуннам и иным более поздним номадам Евразии могли практиковать в отношении своих соседей несколько пограничных стратегий. которые на протяжении истории одного общества сменяли одна другую: 1) стратегия набегов и грабежей; 2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани; 3) завоевание оседло-городского государства и седентеризация; 4) установление стабильных торгово-обменных связей с земледельцами; 5) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества (Barfield T., 1981; 1992; Крадин, 1996; 2000б). Было бы интересно проследить, как менялись варианты отношений скифов с античным миром на протяжении длительного периода взаимоотношений между ними.

Очень интересно читаются страницы книги, посвященные переосмыслению роли в скифской истории выдающегося памятника данной эпохи – Каменского городища. В интерпретации Н.А. Гаврилюк оно теперь предстает перед как индикатор последствий "демографического взрыва", приведшего к крупномаштабной седентеризации.

Несомненно сильной стороной монографии является глубокий анализ технологии древних скифов. Подробные, вплоть до мельчайших операций, и убедительные реконструкции домашних промыслов (прядения и ткачества, деревообработки, обработки камня), системы питания, сельского хозяйства (скотоводства, земледелия) являются одним из самых скрупулезно разработанных в книге сюжетов. В большинстве случаев автору удалось проследить динамику этих занятий, а в ряде случаев – зафиксировать момент их зарождения или появления (исчезновения) в скифской среде.

При самой высокой положительной оценке книги Н.А. Гаврилюк, хотелось бы высказать некоторые соображения, ко-

торые только подчеркивают дискуссионность и сложность разбираемых в рецензируемой монографии вопросов. Прежде всего мне кажется, что структура скифского стада по материалам погребального обряда (С. 137, 154) лишь частично соответствовала реальности. Согласно расчетам Н.А. Гаврилюк, в структуре стада ранних скифов-кочевников 41.7% общего поголовья составляли лошади. Вне всякого сомнения, из всех видов домашнего скота лошадь имела для кочевников наиважнейшее экономическое и военное значение. Не случайно именно там, где получило распространение так называемое всадничество (в Евразии и Северной Африке; причем для афроазиатского номадизма роль лошади выполнял верблюд), кочевники играли важную роль в военной и политической истории доиндустриальных цивилизаций. Однако, думается, что погребальный обряд в данной ситуации не совсем приемлемый источник. Он, скорее отражает идеологические воззрения изучаемого общества, чем реальную ситуацию. С точки зрения продуктивности скотоводства наиболее важным видом животных в скотоводческом хозяйстве являлись овцы (или козы для переднеазиатских номадов). Исходя из многочисленных этнографических параллелей, а также согласно выводам ряда археологических исследований (см., например: Хазанов, 1975; Шилов, 1975; Массон, 1976. С. 38, 45; Khazanov, 1984; Gribb, 1991; Батуева, 1999; Динесман, Болд, 1992; Иванов, Васильев, 1995; Масанов, 1995; Акбулатов, 1999 и многие др.) основную часть стада (не менее 2/3 от общего поголовья) составлял мелкий рогатый скот. Численность лошадей колебалась от 10 до 20%. Лошади считались самым ценным видом животных. Этнографами отмечено, что процентное количество лошадей в структуре стада зависело от общей состоятельности скотовладельца. При этом для нормального выпаса животных соотношение между лошадьми и мелким рогатым скотом должно было быть не менее чем 1 : 6, поскольку такое соотношение являлось оптимальным для тебеневки пастбища.

Н.А. Гаврилюк не согласна с активно обсуждающейся в последние годы концепцией С.В. Полина, считающего, что главной причиной гибели степной Скифии были природно-климатические изменения. Она отмечает, что гибель Скифии была вызвана пастбищной дигрессией вследствие чрезмерного увеличения поголовья животных и количества населения Скифии. Тем не менее интересно, что по палеогеографическим данным смена скифской археологической культуры савроматской действительно приходится на пик аридизации в причерноморских степях и соседних аридных зонах восточноевропейских степей (см., например: Иванов, Васильев, 1995). Учитывая эти данные можно предположить, что как демографический рост, так и пастбищная дигрессия могли быть усугублены аридизацией климата.

Думается также, необходимо ввести в предлагаемую в монографии демографическую модель роста населения скифского общества (С. 126–127) дополнительные переменные. Предлагаемая Н.А. Гаврилюк кривая роста, вне всякого сомнения, полезна и отражает объективную тенденцию роста, но несколько упрощенно излагает динамику численности населения Скифии. В ней не учтено несколько таких принципиально важных показателей, как влияние локальных периодических природно-климатических стрессов (известно, что большие джуты повторяются примерно раз в 11–12 лет и, по всей видимости, связаны с солнечной активностью), которые влияли как на поголовье стад, так и опосредованно на численность населения кочевого общества или же на вероятные потери от участия мужской части населения скифов в войнах, в походах на территории соседних народов и государств. Поэтому, по всей видимости, определенный "элемент цикличности" в демографических процессах в скифском обществе присутствовал всегда и его не следует недооценивать.

Вследствие этого начальная численность скифского этноса в 15–20 тыс. человек представляется мне несколько заниженной. Несмотря на то, что архаический (переднеазиатский) период скифской истории представлен на настоящий момент гораздо меньшим числом археологических памятников, чем Скифия V–IV вв. до н.э., думается, что номадов должно было быть несколько больше. Столь немногочисленная группа (3–4 тыс. воинов) едва ли смогла бы быстро поставить под контроль всю территорию Причерноморья и вести активные наступательные военные действия против своих соседей на различных фронтах. А ведь уже в VII–VI вв. до н.э. скифы разбили киммерийцев, сокрушили Мидийское царство, терроризировали своими набегами Переднюю Азию, в конце VI в., когда, согласно табл. 1, численность скифов должна была составлять менее 100 тыс. человек, Дарий совершил свой печально знаменитый поход против скифов (см., например, Herod., I, 106; IV, 1). Очевидно, что скифов должно было быть гораздо больше. Кроме этого, необходимо учитывать, что Причерноморье осваивалось скифами не единожды (Хазанов, 1975. С. 228, 229) и данное обстоятельство также следовало бы учесть при моделировании демографических процессов в скифском обществе.

В то же время вполне логично, что численность населения степной империи скифов постепенно увеличивалась и со временем превысила пороговую величину максимально возможного количества номадов – 685 тыс. человек, что привело к активному поиску новых ресурсов существования и, как следствие, к седентеризации и превращению степной Скифии в комплексное земледельческо-скотоводческое общество. В книге убедительно показано, как номадное общество реагировало на кризисную ситуацию. В конечном счете это привело к трансформации типичной степной империи в комплексное скотоводческо-земледельческое царство.

В целом высказанные мной соображения отражают сложность поднимаемых в монографии проблем, ограниченность источниковой базы по "ранним" номадам, специфику археологических источников, дискуссионность многих проблем кочевниковедения. Вне всякого сомнения, книга Н.А. Гаврилюк – наиболее значительное исследование по экономике скифского общества, представляет большой интерес для специалистов и является существенным вкладом в мировое кочевниковедение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала. Уфа, 1999.

Батуева И.Б. История развития хозяйства Забайкальских бурят в XIX веке. Улан-Удэ, 1999.

Динесман Л.Г., Болд Г. История выпаса скота и развития пастбищной дигрессии в степях Монголии // Историческая экология диких и домашних копытных: История пастбищных экосистем. М., 1992.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. Владивосток, 1996.

Крадин Н.Н. Экономика кочевой империи: механизм власти хуннских шаньюев // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 2. Благовещенск, 1999.

Крадин Н.Н. Имперская конфедерация Хунну: социальная организация суперсложного вождества // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000а.

Крадин Н.Н. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. 2000б. № 3.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы; М., 1995.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.

Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйственных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. 1975. № 1.

Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Polyci // Journal of Asian Studies. 1981. V. XLI. № 1.

Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge, 1992.

Gribb R. Nomads in archaeology. Cambridge, 1991.

Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *Н.Н. Крадин*

В.И. Вихляев. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕМОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Саранск, 2000

Историко-социологический институт Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. 128 с.

Исследование В.И. Вихляева посвящено очень важной проблеме, без решения которой невозможно понять процесс формирования населения средневековой Европы и современных народов. Культура мордвы привлекала внимание исследователей с конца XIX в., в значительной степени благодаря своей необычайной яркости и богатству, о котором можно было судить по мордовским могильникам. В настоящее время накоплен огромный по объему материал, появилась возможность обобщить и осмыслить его на методическом уровне сегодняшнего дня. Все сказанное свидетельствует, что появление работы В.И. Вихляева закономерно и своевременно.

Книга состоит из предисловия, пяти глав и заключения. Глава I "Проблемы исследования происхождения древнемордовской культуры" включает два раздела. В первом "Основные концепции происхождения древнемордовской культуры и период ее формирования" кратко изложена история изучения проблемы (С. 7) и определен вклад каждого исследователя в ее решение. Завершая раздел, автор отмечает, что история мордовского народа начинается с первых веков нашей эры, а проблемы формирования древнемордовской культуры исследователи почти не касались (С. 9).

В разделе втором "Территория формирования древнемордовских племен и природные условия" (С. 9) автор определяет, какие группы памятников можно рассматривать как раннемордовские. В связи с этим представляет интерес карта (С. 10), где показаны памятники, связываемые автором с древней мордвой и расположенные на этой же территории памятники других племен. Бесспорно мордовскими, по его мнению, являются могильники селиксенского и армиевского типов на Верхней Суре, а также группа могильников в междуречье Оки и Суры (С. 12). Вместе с тем в этногенезе мордовского народа и другие племена сыграли заметную роль. В разделе дана характеристика природных условий: подробно описаны растительность, характер почв, животный мир, климатические колебания. Отмечено, что в целом в первые века нашей эры природные условия на рассматриваемой территории были близки к современным.

Я бы добавил, что территория, где сформировались древнемордовские племена, с севера была ограничена Окой – одной из крупнейших рек Восточной Европы. Хотя для людей той эпохи она не была преградой, она оставалась реальной границей. Даже растительность на разных берегах реки имеет различия. По этой территории довольно четко с юга на север протекает река Сура. Это был путь и по воде, и вдоль реки. Не случайно именно в бассейне Суры находится такой памятник, как Андреевский курган, в котором очень сильны южные элементы. С юга эта территория не имела естественных преград: рек или лесных массивов.

Глава 2, посвященная рассмотрению городецкой культуры, памятники которой предшествовали мордовским, включает два раздела. В разделе первом "Территория и хронология памятников в окско-сурско-цнинском междуречье" автор кратко характеризует четыре локальных варианта (С. 17) и справедливо отмечает, что их наличие свидетельствует об особенностях развития культуры в каждом регионе. Большую роль играло влияние культур бассейна Камы как в ананьинское, так и в пьяноборское время. Приступая к рассмотрению материала, автор отмечает, что на городецких поселениях обломки посуды составляют основную массу находок. Другие вещи встречаются единицами. Поэтому он, отметив, что "лишь керамическая посуда может в настоящее время лечь в основу системы относительной хронологии", провел классификацию городецкой посуды (С. 20 и далее), которая позволила ему выделить три стадии. Значение этой разработки трудно переоценить.

Надо отметить, что на протяжении всей работы исследователь уделяет огромное внимание керамическому материалу и сделанные им классификации являются новым шагом в изучении древностей этого региона.

Классификация материала позволила автору сделать очень интересное наблюдение: "Проделанная работа позволяет впервые охарактеризовать позднегородецкий комплекс керамики. Наши данные не подтверждают вывод о вытеснении гладкостенной посудой псевдорогожной и текстильной. Наоборот, они свидетельствуют о возрастании доли сетчатой и псевдорогожной керамики к концу существования памятника" (С. 27). Наблюдение в высшей степени интересное.

Автор многократно упоминает сетчатую (текстильную) керамику, но не уточняет характер "сетки". А между тем установлено, что в одних случаях она нанесена путем оттискивания ткани, в других – шнура, а в ряде случаев, – при помощи штампа типа гребенки. Подводя итог, нужно отметить, что создание классификации керамики городецкой культуры – большой успех В.И. Вихляева.

Второй раздел посвящен рассмотрению хозяйства и общественного строя племен городецкой культуры (С. 29). Автор высказывает мысль, что основой экономики городецких племен было присваивающее хозяйство, а производящее сформировалось на финальной стадии культуры. В связи с этим было бы важно установить, когда на поселениях были построены первые укрепления. Вероятно, на стадии присваивающего хозяйства крепости не строят: для этого нет возможностей и нечего защищать.

Говоря о земледелии, В.И. Вихляев отмечает, что при раскопках не были обнаружены остатки культурных растений, и делает вывод, что на основании этого можно судить о низком уровне развития земледелия (С. 30).

В связи с этим следует отметить, что на поселениях дьяковской культуры в продолжение многих лет находки злаков исчислялись единицами. Положение резко изменилось, когда были начаты целенаправленные поиски. В настоящее время есть все основания полагать, что в середине I тыс. до н.э. земледелие уже было.

По моему мнению, отсутствие находок топоров нельзя рассматривать, как аргумент против существования подсечного земледелия (С. 30). На территории дьяковской культуры топоров известно всего несколько экземпляров, хотя несколько городищ исследовано полностью. Без топора в лесной полосе жить нельзя, нельзя построить жилище или укрепление. Их не теряли, потому что это была ценная вещь и металл был дорог. Когда появились грунтовые могильники, в них стали класть наряду с другими вещами и топоры.

Касаясь обработки железа, В.И. Вихляев отмечает, что его было мало, так как при раскопках найдены отдельные единичные предметы и обломки горнов. Они присутствуют в слоях всех этапов. Автор, несомненно, прав, говоря, что железа было мало, оно высоко ценилось и в достаточном количестве его стали добывать на рубеже н.э. Но наряду с этим надо учитывать то, что получение железа из руды и его обработка связаны с огнем. Есть основания полагать, что это производство часто находилось за пределами поселений.

В.И. Вихляев, несомненно, прав, когда пишет, что первые века нашей эры были переломными в истории хозяйства населения рассматриваемого региона (С. 35). Эти изменения были вызваны кризисными явлениями в традиционной экономике, в значительной мере связанными с климатическими колебаниями.

Глава 3 посвящена анализу древностей андреевской культуры, центральным памятником которой является андреевский курган (С. 38). В разделе втором "Датировка и основные черты культуры" (С. 43) автор проанализировал находки из Андреевского кургана, который является эталонным памятником для культуры. Предложенная автором хронология памятников андреевской культуры замечаний не вызывает.

Надо отметить, что в работах А.Х. Халикова существование андреевской культуры осталось гипотезой. В.И. Вихляев доказал правомочность выделения этой культуры, четко сопоставив материалы Андреевского кургана с находками из Писеральских и Климкинского курганов. Высокой оценки заслуживает анализ керамики из Андреевского кургана. Как на важный признак автор указывает на отсутствие посуды с "сетчатой" и "рогожной" поверхностью.

В разделе третьем "Развитие культуры" автор отмечает, что появление памятников андреевской культуры связано с приходом группы населения, для которого были характерны кочевнический уклад и военный быт (С. 52). Оказавшись в окружении местного финно-угорского населения, пришельцы утратили свои черты, но вместе с тем оказали заметное влияние на местные племена.

Глава 4 "Племена Окско-Сурско-Цнинского междуречья в конце II–VII вв." включает четыре раздела. В первом разделе "Памятники и их хронология" (С. 61) автор отмечает, что могильники исследованы гораздо лучше, чем поселения этого времени. Хотя это создает определенную односторонность источников, материала для разработки хронологии достаточно.

Большой интерес представляет хронологическая шкала для могильников селиксенского типа и отдельно для могильников армиёвского типа (С. 62).

Нельзя не отметить неудачную формулировку: "Основной Кошибеевский могильник был раскопан в конце XIX–начале XX в. с методическими погрешностями" (С. 62). Вероятно, правильнее сказать: "На методическом уровне того времени".

Касаясь материалов некрополей, автор в разделе "Погребальный обряд" (С. 62) рассматривает особенности погребального обряда, характерные для различных районов, и временные изменения обряда. В разделе "Вещевые комплексы" он подробно анализирует погребальный инвентарь.

В погребальных комплексах всех территорий встречаются предметы вооружения, но по сравнению с культурой Андреевского кургана в меньшем количестве. Только в VI–VII вв. у верхнесурского населения количество погребений с оружием возрастает, что, по мнению рецензента, было обусловлено возросшей опасностью со стороны степи.

В.И. Вихляев пишет: "Предметами конского снаряжения являются удила и уздечки" (С. 64). Но удила, как известно, являются главной деталью узды.

Автор отмечает, что в погребениях встречаются орудия труда и повсеместно распространены ножи и топоры (С. 67). Это очень интересное наблюдение. Топор и нож – универсальные орудия труда и при необходимости могут использоваться как оружие. Кроме того, факт помещения в могилу массивного железного предмета в известной мере косвенно свидетельствует о том, что железа получали большое количество, достаточное для покрытия всех потребностей.

Крайне интересно, что оружие встречается не только в мужских, но и в женских погребениях (С. 67). Это главным образом наконечники копий и стрел. Встречаются и детали узды. Особенно интересна находка меча в одном из погребений Армиёвского могильника. Меч – дорогое, престижное оружие. Его находка, несомненно, свидетельствует о высоком общественном положении погребенного. Перечисленные факты показывают, что женщина в этом обществе занимала не подчиненное положение. Невольно приходят на память русские сказки, где описывается, как герой, углубившийся в бескрайние леса, встречает женщину-воина (сказка о Марье Маревне).

В четвертом разделе "Особенности племенных культур" В.И. Вихляев, проанализировав особенности погребального обряда цнинско-мокшанских (С. 75), верхнесурских (С. 76) и окско-сурских племен (С. 76), делает закономерный вывод, что специфические особенности материальной культуры каждой группы свидетельствуют о самостоятельном формировании каждой из них. Вместе с тем, как будет отмечено ниже, потомки городецких племен принимали в этом процессе активное участие.

Глава 5 "Этнокультурные процессы в Окско-сурско-цнинском междуречье в I–VII вв." включает четыре раздела. В первом "Цнинско-мокшанские племена конца II–V вв." (С. 81) подробный анализ материальной культуры и прежде всего керамики позволил автору сделать закономерный вывод, что одним из важнейших компонентов при формировании их культуры в III в. было местное население городецкой культуры. Наряду с ними большую роль сыграли коллективы андреевской культуры. Автор пишет: "Возможно, что уже к концу II в. городецкая культура утратила свои наиболее характерные черты – псевдорогожную и сетчатую керамику. Все это облегчило для местного населения переход к новому погребальному обряду" (С. 84). Материал дает основание полагать, что в конце I тыс. до н.э.–начале I тыс. н.э. на рассматриваемую территорию переселились группы населения, которые смешались с аборигенами. В связи с наступлением засушливого периода степные кочевники стали проникать в лесную зону и это привело к относительному перенаселению. Пришельцы приносили с собой элементы своей материальной и духовной культуры, в частности погребальный обряд. Когда они смешивались с местным населением, первоначально, вероятно, параллельно существовали два способа погребения, потом преобладающим стало погребение в земле. К этому надо добавить, что обряд погребения усопших выше поверхности земли, применявшийся достаточно широко, возможен, по-видимому, при однородном и редком населении.

Проанализировав материальную культуру верхнесурских племен III–VII вв. (С. 86), главным образом керамику, автор делает вывод, что "в середине III в. в Верхнем Посурье культура городецких племен перерастает в раннемордовскую" (С. 93). Аналогичный вывод был получен В.И. Вихляевым относительно древностей окско-сурских племен IV–VII вв. (С. 108). Таким образом, он доказал, что предками древнемордовских племен были племена городецкой культуры. Значение этого вывода велико.

Нельзя не отметить тот факт, что три группы древнемордовских племен соответствуют трем группам городецких. Судя по могильникам, материальная культура древнемордовских племен была необычайно яркая и нарядная. Закономерно предположить, что культура городецких племен, участвовавших в формировании древней мордвы, была такой же богатой. Как известно, погребальные памятники городецкой культуры пока неизвестны и, вероятно, то, что начиная с I–II в. изготовлялось из бронзы, до рубежа н.э. изготав-

ливалось из органических материалов. Это следует учитывать, говоря о проникновении представителей именьковской культуры на территорию древнемордовских племен, так как культура именьковцев была несравненно скромнее.

Вместе с тем вывод В.И. Вихляева, что нет оснований говорить о массовом проникновении носителей именьковской культуры в среду древнемордовских племен несомненно верен (С. 109).

Хотелось бы коснуться еще одной детали. В работе упомянуто парное погребение воина по обряду трупоположения и женщины по обряду трупосожжения (С. 110). Автор пишет: "Вполне вероятно, что это захоронение местного воина с женщиной-наложницей из чужого племени, где господствовал обряд трупосожжения. Таков один из возможных путей проникновения обряда кремации в финскую среду". То, что это был один из путей распространения обряда кремации в финской среде, несомненно верно. У меня вызывает сомнение, что эта женщина была наложницей и занимала в коллективе подчиненное положение: погребение по обычаю своих предков скорее свидетельствует о том, что ее положение в коллективе было равноправным. Не исключено, что ее дети, включая сыновей, были похоронены по обряду трупосожжения.

Раздел "Факторы этнокультурного развития населения Окско-Сурско-Цнинского междуречья в I–VII вв." посвящен изложению некоторых выводов, сделанных на основании анализа археологического материала (С. 112).

Передвижение части населения на север автор связывает с климатическими изменениями, что несомненно. Это привело к тому, что в лесной зоне создалось перенаселение. Это стимулировало все процессы и, в частности, способствовало развитию производящего хозяйства.

В Заключении кратко суммированы основные выводы.

Подводя итоги, надо отметить, что В.И. Вихляев успешно справился с поставленной задачей. Им с соблюдением требований современной методики проанализирован материал по проблеме и выявлены пути становления древнемордовской культуры. Благодаря этому труду ликвидируется пробел в истории мордовского народа и всего населения Восточной Европы. Книга В.И. Вихляева, несомненно, вызовет большой интерес у специалистов и будет способствовать решению такой важной и сложной проблемы в истории Восточной Европы, как формирование древнемордовской культуры и мордовского народа.

Институт археологии РАН, Москва

К. А. Смирнов

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 179–186

ХРОНИКА

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР "ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ"

Очередной, VIII семинар прошел во Владивостоке 15–18 сентября 2000 г. Его основными организаторами стали Омский филиал Объединенного института истории филологии и философии СО РАН и Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН при поддержке РГНФ (проект 00-01-14028г), РФФИ (проект 00-06-85067г), ФЦП "Интеграция" (проект Н 0054 и 586). Семинар был посвящен 100-летию со дня рождения А.П. Дульзона и 110-летию со дня рождения С.М. Широкогорова.

Директор Института ИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН *В.Л. Ларин*, председатель оргкомитета, открыл работу семинара и тепло приветствовал участников. Затем выступил *Н.А. Томилов*, директор Омского филиала ОИИФФ СО РАН, председатель оргкомитетов всех проведенных и проводимого семинара. В своем выступлении "О работе международного научного семинара "Интеграция археологических и этнографических исследований" в 1993–1999 гг." он вкратце изложил историю семинара и рассказал о его проблематике.

Большой интерес ученых вызвала серия мемориальных докладов. *Н.В. Кочешков* (Владивосток) прочитал доклад "выдающийся этнограф России С.М. Широкогоров", где проанализировал работы этого ученого по изучению этнографии народов Дальнего Востока. *А.М. Решетов* (Санкт-Петербург) в докладе "С.М. Широкогоров и археология" осветил биографию и археологическую деятельность ученого. *А.М. Кузнецов* (Владивосток) сообщил участникам семинара об антропологических исследованиях С.М. Широкогорова в докладе на тему "Российский антрополог С.М. Широкогоров". Таким образом, в докладах трех ученых было подробно рассказано о работах крупного русского ученого С.М. Широкогорова в различных областях науки. К этому блоку докладов были близки выступления по истории археолого-этнографической проблематики: *А.М. Решетов* (Санкт-Петербург) выступил с докладом "В.А. Куфтин – выдающийся советский этноархеолог". Некоторые концепции ученых были рассмотрены в докладах *Д.Л. Бродянского* (Владивосток) "Мифология и археология в трудах М.И. Никитина" и *Д.В. Загоскина* (Томск) "От "описательной этнографии" к "объясняющей" этнологии" (к вопросу о теоретико-методологических взглядах Л.Н. Гумилева)".

Интересной была серия докладов о методологии и методике археолого-этнографических исследований. *Н.А. Томилов* (Омск) в докладе "Об этноархеологии как научном направлении российской науки, говорил о некоторых результатах работ омских ученых. Особо он остановился на специфике подходов к исследованию этой проблемы: поиск аналогов для решения каких-либо проблем до 1960 гг., "новая археология" 1960–1970 гг., концепция исследования этнографо-археологических комплексов (с 1980 гг.). Затем он отметил необходимость условий и факторов развития этого направления. В заключение Н.А. Томилов попытался определить место этого направления в системе наук.

С.С. Тихонов (Омск) проанализировал соотношение двух научных категорий в докладе "Этнографо-археологический комплекс, археологический микрорайон и их сопоставление". Он рассмотрел возможности сопоставления этих объектов исследований по хронологической глубине, территории распространения и материалу.

Сложные вопросы интерпретации социальных структур древнего населения поднял *Н.Н. Крадин* в докладе "Социальная структура кочевников Евразии: археологическая интерпретация и этноисторические параллели". Он коснулся проблем изучения социальной дифференциации кочевников, их половозрастной структуры и ранжирования кочевых кланов.

Л.В. Татаурова и *О.А. Скрипко* (Омск) в докладе "К вопросу о методике моделирования этнографо-археологического комплекса" на материалах исследований комплексов русских поселенцев Западной Сибири XVIII в. продемонстрировали сильные и слабые стороны этого направления работ.

Н.А. Томилов (Омск) остановился на изучении этнической и социокультурной истории через изучение социокультурных систем. В докладе "Комплексные археолого-этнографические исследования омских ученых" он отметил исследования ученых-сибиреведов, занимавшихся данной проблематикой. Затем он рассказал о работе постоянно действующего в Омске семинара "Этнографо-археологические комплексы народов Западной Сибири", серии научных трудов "Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума". Свой доклад он завершил анализом проблем выделения ЭАК, возможностям его ретроспекции и информативности.

Исследовательница из Санкт-Петербурга *Е.Г. Федорова* в докладе "Орнамент: о возможностях интерпретации этнографических и археологических материалов" рассмотрела проблему поиска точек соприкосновения археологических и этнографических материалов. По ее мнению, одна из них – орнамент, который позволяет выявлять локальные, родовые, племенные различия и несет информацию о "мужских" и "женских" узорах.

Большая часть докладов и сообщений была посвящена конкретным исследованиям. *С.В. Гусев* (Москва) продемонстрировал возможность сопоставления рисунков конца XVIII в. с археологическими памятниками в докладе "Археологическое наследие в чукотских рисунках Луки Воронина (конец XVIII в.)".

С.Ф. Татауров (Омск) в докладе "Поселения и могильники" рассмотрел проблемы соотношения поселенческих и погребальных комплексов, и специфику получаемой информации.

Ю.В. Аргудяева (Владивосток) проанализировала некоторые аспекты этнической истории и особенности заселения Приморья первопоселенцами-славянами в докладе "Метрические книги как источник по этнографии восточных славян на юге Дальнего востока России".

Проблеме соотношения археологических памятников XVII–XVIII вв. и современных комплексов посвятил свой доклад "Исторический фон в археолого-этнографических реконструкциях (апробация одного методического приема)" *М.А. Корусенко* (Омск).

В докладе "Китай и прототунгусы в I тыс. н.э. в свете летописных и археологических источников" *О.В. Дьякова* рассмотрела проблемы соотношения двух типов источников при реконструкции устройства и культуры древних обществ.

Важность изучения детских игр для приобщения к этническим традициям показал *В.В. Подмаскин* (Владивосток) в докладе "Народные игры аборигенов Нижнего Амура и Сахалина как историко-этнографический *исто*чник".

Большой интерес и последующую оживленную дискуссию вызвал доклад *В.А. Тураева* (Владивосток) "Традиционное природопользование на юге Дальнего Востока (по данным археологических и этнографических источников)". Он

рассмотрел процесс формирования этой системы и обратил внимание на ее особенности в конце XIX–начале XX в.

В.М. Дьяконов (Якутск) на археологических, этнографических, фольклорных и других данных в докладе "Древние хоринцы в этногенезе якутов" рассмотрел процесс этногенеза якутов и время прибытия хоринцев на Среднюю Лену.

О результатах работы китайско-японской экспедиции на городище Цзяохэ сообщил *А.В. Варенов* (Новосибирск) в докладе "К возможности археолого-этнографического изучения памятников Цзюйши на городище Цзяохэ (по результатам раскопок 1993–1994 гг.)". Он остановился на политической истории Цзюйши (Гуши), а также описал археологические материалы могильника, располагавшегося к северу от городища.

Совместный доклад *О.В. Дьяковой* и *С.А. Сакмарова* "Куналейское городище" был посвящен оборонительным сооружениям этого памятника эпохи Восточного Ся XШ в. н. э.

Н.Г. Артемьева (Владивосток) на материалах раскопок чжурчженьского города выделила три строительных горизонта, а главное – связала их с историческими событиями. В своем докладе "Строительные горизонты Краснояровского городища" она идентифицирует памятник с городом Кайюань.

Тему чжурчженьских комплексов продолжила *Т.А. Васильева* (Владивосток). В докладе "Исследования на Екатериновском городище" она рассказала об итогах работ последних лет на этом грандиозном комплексе.

М.П. Черная (Томск) в докладе "Томский кремль середины XVII–XVIII вв. в оборонительной системе Сибири" сообщила собравшимся об укреплениях Томского кремля, их эволюции и методике исследования.

В.А. Ерохин и *Н.А. Томилов* (Омск) привели интересные материалы по археолого-этнографическому обследованию одного из поселений аялынских татар – Инцисс. В докладе "Поселение татар бассейна реки Тары – Инцисс" они охарактеризовали природно-географическую среду, проанализировали исторические предания, рассмотрели планиграфию деревни.

Н.Н. Крадин (Владивосток) в докладе "О хозяйственной деятельности населения Иволгинского городища" привел данные о результатах палеоэкономического анализа хозяйства населения этого хуннского памятника и поднял проблему изучения взаимоотношений номадов и оседлых жителей.

О проблемах преемственности культур говорила *С.М. Малиновская* (Томск) в докладе "Традиции и инновации в культурах Томского Севера".

С.В. Гусев (*Москва*) привел древнейшие свидетельства фаллического культа в докладе "Фаллические предметы в обрядовых действиях шаманов Северной Евразии (постановка вопроса)". Он рассмотрел культовые предметы от эпохи бронзы до этнографической современности и пришел к выводу, что фаллический культ играл большую роль в шаманской обрядовой практике.

С.В. Березницкий (Владивосток) в докладе "Культ скал народов Нижнего Амура (к вопросу интеграции этнографических и археологических исследований)" рассмотрел предания о скале "Медведь", содержащие информацию об этногенезе нанайцев, и считает необходимым провести здесь этнографо- археологические работы.

О проблемах исследования миграций говорил *К.Н. Тихомиров* (Омск) в докладе "Некоторые аспекты археолого-этнографического изучения миграций". В качестве примера он привел миграцию татар в низовьях Тары в XVIII–XX вв., зафиксированную в однокультурной среде (по материалам археологических и этнографических исследований).

И.С. Жищуховская (Владивосток) в докладе "К проблеме связей традиционного гончарства и технологии плетения (по материалам Дальнего Востока)" остановилась на проблемах исследования технологии керамического производства и о применении этих данных в комплексных исследованиях.

Завершил выступления доклад *Г.Л. Силантьева* "К вопросу о датировке скульптурного изображения возле с. Крауновка".

В ходе семинара состоялось несколько оживленных дискуссий о традиционном природопользовании, проблемам комплексных этнографо-археологических исследований. К сожалению, не все коллеги, заявившие о желании участвовать в семинаре, смогли на него приехать. На заседания опоздали ученые из Харбина (КНР), Чжао Ин-Чено, Чжан Цзя-Бинь и Лю Цинь-Мин, но они участвовали в других мероприятиях, экскурсии на Краснояровское городище и "полевой" части семинара. Гостеприимные хозяева организовали и ознакомительную поездку на острова Попова, где расположен морской заповедник.

Материалы семинара опубликованы в издании "Интеграция археологических и этнографических исследований": Владивосток–Омск, 2000. 226 с. / Отв. ред. М.Л. Бережнова, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Получить оперативную информацию об исследованиях в области интеграции археологии и этнографии можно по адресу:tikhonov@hist.omsu.omskreg.ru.

Омский филиал ОИИФФ СО РАН

С. С. Тихонов

ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ (ВОЛОС, 2000)

С 17 по 23 апреля в Греции проходил международный симпозиум, посвященный изучению керамики эллинистической эпохи (конец IV – I вв. до н.э.). Организаторами его были Министерство культуры Греции и 13-я Эфория доисторических и классических древностей[1]. Организационный комитет состоял из известных греческих ученых – Стелы Другу, Яниса Турацоглу, Петроса Фемелиса, Еос Зервудаки, Василики Адрими-Сисмани. На симпозиум были приглашены ученые из 20 стран Европы, Америки, Азии и Австралии. Присутствовали специалисты из России и Украины. Символично, что симпозиум проходил в Фессалии, в г. Волос, который находится в 5 км от древнего Иолка, откуда начали свое путешествие аргонавты. Метод разрешения проблемы, который когда-то предложил легендарный Ясон, – собраться всем вместе и решить трудную задачу – был принят на вооружение участниками симпозиума и оказался плодотворным. Было прочитано более 100 докладов и представлено 17 стендовых докладов-постеров. Основные направления работы и темы дискуссий были посвящены изучению эллинистической керамики различных регионов античного мира. Особое внимание было уделено ее типологии и хронологии, локальным центрам производства, местным подражаниям наиболее популярным типам эллинистической посуды, так называемой керамике "Западного склона" афинского акрополя, кухонной посуде, аналогиям в стекле и металле, особенностям классификационной терминологии керамики.

Первое направление представляли доклады, которые, по замыслу организаторов, должны были показать характер распространения такой керамики в античном мире. Большинство из них представляли собой сообщения о посуде, обнаруженной в процессе исследования памятников эллинистического времени. Особенно подробно были представлены материалы материковой и островной Греции.

В докладе *А. Дулгери-Индзесилоглу* (Греция) были охарактеризованы результаты десятилетнего изучения древних Фер: найдены керамические мастерские города, изучены осо-

[1] Региональное подразделение министерства, в функции которого входят охрана памятников и проведение охранных полевых работ.

бенности местной и импортной керамики, что позволило создать базу данных для изучения всей фессалийской керамики.

Ф. Зафиропулу (Греция) рассказала об уникальных находках, сделанных при исследовании древней Акры, на берегу Трихонитидского залива. В 1976 г. исследовались погребения эллинистического времени с богатым инвентарем. Здесь найден уникальный керамический сосуд в виде эллинистической пиксиды, внутри которой был вмонтирован псиктер.

Д. Григориаду, Е. Скерлу (Греция) в своем докладе предприняли попытку классификации эллинистической керамики из погребальных комплексов некрополей Коса. В погребальном инвентаре преобладают ольпы, чаши, унгентарии и амфориски. Наибольшее количество вещей приходится на позднеэллинистический период. К сожалению, комплексы не дают надежных оснований для датировки, поэтому типологические ряды строятся на опубликованных материалах и местных аналогиях.

А. Харами, Е. Влахогиани (Греция) охарактеризовали местную посуду из эллинистических некрополей Беотии. Керамика из эллинистических могил в основном местного производства – в каждом городе существовали свои мастерские. Влияния Аттики, Коринфа и Фтиотиды заметны, но они не смогли преодолеть местные традиции.

Д. Куркумелис (Греция) познакомил коллег с результатами исследования кораблекрушения конца IV в. до н.э. около острова Кифира. Здесь в 1993 г. под водой были найдены восемь каменных пирамидальных якорей, а также комплекс бытовой керамики – светильники, тарелки, скифосы, рыбные блюда и т.д.

Е. Трикозопулу-Салакиду (Греция) рассказала об эллинистической керамике из раскопок древнего Аканфа (Халкидики). Она датируется концом IV–II в. до н.э. В раннеэллинистический период преобладают сосуды аттического производства. В погребальных комплексах некрополя чаще встречаются сосуды повседневного пользования – скифосы, канфары, чаши, унгентарии, в то время как при раскопках городища – сосуды с рельефным декором или с орнаментом, нанесенным белой краской.

Некрополю Пидны в Македонии (исследовано 2200 могил) посвящено сообщение *З. Котица* (Греция). Памятник существовал с эпохи поздней бронзы до раннеэллинистического времени. Эллинистические могилы представляют собой обычно грунтовые сооружения с лестницей, ведущей в камеру гробницы, перекрытую деревянными балками. В могилах много керамики: канфары, килики, лекифы, алабастры. Большинство из них – местного производства.

К. Мосхакис (Греция) в местности Филотас Флоринас (Западная Македония) во время раскопок 1996–1997 гг. исследовал дом керамиста эллинистического времени и склад керамики при нем. Здесь хранилась керамика повседневного назначения – кратеры с декором типа "Западного склона", тарелки. Склад датируется временем, непосредственно предшествующим римскому.

Эллинистическая керамика Крита получила отражение в докладе *В. Ниниу-Киндели* (Греция). На северо-западной оконечности Крита в местности Омоспондия ею были проведены раскопки некрополей эллинистического времени. В конце IV в. до н.э. здесь существовало объединение городов – Лисо, Элиро, Иртакина, Тарра, Зия и Пикилассо. Их некрополи дали интересные находки, которые позволили выделить особенности как местной, так и эллинистической керамики в целом. Преобладают ойнохойи, пиксиды, сосуды с росписью накладными красками. Кроме того, найдены и редкие типы – каннелированные чернолаковые аски с фигурными ручками и расписные калафы.

В докладах были охарактеризованы и отдельные памятники с окраин античной ойкумены. Филиппополь во Фракии на протяжении многих лет исследуется болгарскими археологами. В своем докладе *М. Чичикова* и *К. Димитров* рассказали о том, что в городских слоях обнаружена импортная и местная керамика эллинистического времени, в некрополе – раннеэллинистические сосуды. Формы эллинистической посуды, датируемой серединой IV в. до н.э. – серединой III в. до н.э., говорят о приоритете аттических образцов.

Хронологии раннеэллинистической керамики Келендериса – портового города в Сицилии – был посвящен доклад *Л. Зороглу* (Турция). Расцвет города приходится на позднеклассическое и раннеэллинистическое время. Это подтверждают и городские отложения, и материалы могильника. Наиболее часто встречаются изделия типа "Западного склона", тарелки, канфары, пиксиды, унгентарии. Часть их – импортная, часть – подражания местных мастеров.

В. Крстич (Югославия) рассказала о комплексе находок из некрополя Будвы (у Монтенегро). В Национальном музее Белграда хранится 313 предметов из этого памятника, в основном керамика. Типы сосудов удивительно разнообразны: импортная керамика из Центральной и Южной Италии; амфоры, ойнохойи, гидрии типа Гнафия; девять рельефных скифосов восточно-средиземноморского производства и сосуды, изготовленные местными гончарами, подражавшими формам и декору импортной посуды. Такое количество керамики и ее разнообразие можно объяснить существованием эмпория на юго-восточном берегу Адриатики.

Эллинистическая керамика из Северного Причерноморья представлена в докладах российских, украинских и польских археологов. Доклад *В.П. Толстикова, Д.В. Журавлева* (Россия) был посвящен эллинистическим материалам Пантикапея. В 1996–1997 гг. здесь были раскопаны две цистерны в башне, которая была частью фортификационных сооружений Пантикапея. В первой цистерне прямоугольной формы было найдено 8000 фрагментов амфор IV–III вв. до н.э. (Синопа, Родос). Кроме того, найдено 100 штампованных ручек, 12 черепиц, чернолаковая керамика (тарелки, чашки, скифосы), в том числе с декором типа "Западного склона". Очень интересна группа боспорской керамики конца II – I в. до н.э. Много кухонной керамики – кастрюли, блюда, сковородки. Кроме того, найдены 24 лампы, 30 монет, терракоты, унгентарии. Вторая цистерна (грушевидной формы) содержала похожий материал. Редкая находка – пергамский рельефный скифос с изображением лягушек. Самые поздние находки – понтийская Терра Sigillata, датирующаяся началом II в. н.э.

Керамический комплекс Южного дворца Неаполя Скифского был отражен в постере *Ю.П. Зайцева* (Украина). Автор, тщательно изучив материалы раскопок предшествующих лет и проведя собственные исследования этого памятника, дал новую трактовку комплекса зданий у южных ворот города, как предполагаемой резиденции царя Скилура. Керамический комплекс Южного дворца, датирующийся второй половиной II в. до н.э., не похож на синхронные памятники Северного Причерноморья. Здесь найдено большое количество чернолаковых, буролаковых и расписных сосудов, 10 мегарских чаш, унгентарии.

И.И. Вдовиченко, Н.Ф. Федосеев (Украина) проанализировали комплекс керамики из эллинистического дома в Керкинитиде. В 1952 г. М.А. Наливкиной было раскопано подвальное помещение, построенное в IV в. до н.э. на руинах архаического здания VI в. до н.э. Подвал эллинистического дома использовался как складское помещение, поэтому здесь было найдено большое количество амфор, столовая и кухонная посуда IV–II вв. до н.э.

Е. Папучи-Владыка (Польша) на протяжении нескольких лет принимает участие в раскопках поселения Кошары, которые проводятся совместно Одесским археологическим музеем и Краковским университетом. Памятник находится на берегу Тилигульского лимана между древней Ольвией и современной Одессой. Раскопан участок городища, некрополя. Среди находок – монеты, керамика IV–III вв. до н.э. Привозная керамика – в основном аттического производства.

Отдельные типы эллинистической керамики рассмотрены в трех докладах. Внимание *А. Цука* (Греция) привлекли эллинистические глиняные светильники шаровидной и дисковидной формы со щитком в верхней части, обнаруженные при охранных раскопках центра древней Мароней. Большинство их – местного производства, собственно Мароней и окрестных городов. *Л. Хатзангелакис* (Греция) рассказал о мегарских чашах из Западной Фессалии. Во время недавних раскопок в Киерионе, Митрополисе, Гомфуске было найдено

большое количество рельефных чаш, декорированных растительным орнаментом и сценами из гомеровского эпоса. Удалось выделить продукцию местных мастерских. Доклад *П. Хацидакиса* (Греция) посвящен изучению старой коллекции фигурных ваз с Делоса, которая была собрана в 1898–1900 гг. Д.С. Ставропулу. Эти вазы, найденные в детских погребениях, сравниваются с более поздними находками на Делосе, установлена их датировка и типология.

Хронология эллинистической керамики – одна из важнейших тем симпозиума. Этой темы в той или иной степени касались во всех докладах. Тем не менее особый интерес вызывают материалы с тех памятников, даты основания или разрушения которых известны по письменным источникам. Например, доклад *С. Шмида* (Швеция), был посвящен эллинистическим чашам с элементами орнамента, изготовленными в форме из раскопок в Эретрии (остров Эвбея) в 1997–1998 гг. Находки происходят из слоя пожара, охватившего большую часть города. Присутствие монет Суллы говорит о том, что пожар связан с событиями Митридатовых войн 88–86 гг. Комплекс чаш включает продукцию Македонии, где работали афинские гончары, сероглиняную посуду ионийского производства (возможно, Эфес). Изучение этих сосудов свидетельствует о том, что в Эретрию они поступали с конца II в. – начала I в.

П. Фемелис (Греция) рассказал о закрытом комплексе из Мессины. Во время реставрации храма Асклепия здесь был обнаружен колодец с большим количеством эллинистической керамики начала III в. до н.э. Большинство находок – керамический брак местной мастерской. Время выброса керамики совпадает с военными действиями Димитрия Полиоркета против города в 295 г. Среди ярких находок – светильники типа Афинская Агора 25 А прим. Другой комплекс был исследован в Фокее во время раскопок 1995–1996 гг. О. Озиджитом. Здесь была раскопана мастерская, изготавливавшая в основном кухонную посуду с середины до конца IV в. до н.э. Разнообразные типы кухонной посуды – кастрюли, горшки, большие и малые миски, сковородки с крышками, кувшины, жаровни, таким образом, получили более точную дату.

К. Гравани (Греция) в докладе о краснолаковой керамике города Кассопи (Эпир, окрестности современного г. Янина) рассказал об интересном случае перекрестного датирования керамики при помощи использования археологических данных и сведений исторических источников. Краснолаковая керамика из Кассопи включает образцы западной sigillata, а также продукцию ранних мастерских Ареццо. Датировка керамики подтверждается данными исторических источников – воссозданием общины эпириотов в 148 г. до н.э. и оставлением Кассопи в 31 г. до н.э. после создания соседнего Никополя.

Р. Рейндерс и *К. Кришаар* (Нидерланды) охарактеризовали керамику эллинистического Алоса, погибшего во время землетрясения 265 г. до н.э. Здесь были раскопаны 6 из 1450 домов нижнего города. В каждом из них обнаружена in situ столовая и кухонная посуда, сосуды для хранения припасов, придавленные рухнувшими стенами домов.

Проблема местных керамических центров и многочисленных подражаний популярным типам эллинистических ваз была одной из самых животрепещущих. Она внушительно прозвучала благодаря находкам керамических печей в разных районах Греции. Два очень интересных сообщения на эту тему были сделаны *А. Инцесоглу* (Греция). Ею исследованы керамические печи прекрасной сохранности в ремесленном квартале древних Фер, мастерские, производившие амфоры Пипарета и древнего Икоса. Существует проект изучения этих мастерских и их продукции совместно греческими и американскими учеными.

Высоко оценен доклад *Д.В. Журавлева* "Боспорская краснолаковая керамика II–I вв. до н.э. в Понтийском регионе". Эта посуда – одна из самых многочисленных категорий находок и составляет 70–80% всей столовой керамики на территории европейского и азиатского Боспора. Преобладающие типы – чаши, тарелки и кубки. Производство ее началось не позже середины II в. до н.э. и продолжалось до конца I в. до н.э. или даже I в. н.э., когда ее вытеснила понтийская sigillata. Формы керамики сложились, возможно, под влиянием восточносредиземноморских центров. К сожалению, керамические мастерские этого времени не обнаружены.

Е. Лафли (Германия) посвятил свое выступление эллинистической керамике из Писидии. Ее изучение в Пергаме, Книде, Антиохии начались в 60-е годы. Однако многие детали оставались неизвестными. В 1987 г. бельгийской археологической экспедицией были открыты керамические мастерские в местности Писидиа (Южная Турция), которая играла важную роль в торговле керамикой в Восточном Средиземноморье. Керамика из столицы Писидии Салагассы была найдена и в небольшом городке Селевкия Сидера, основанном в начале III в. Селевком I или Антиохом I. Здесь были обнаружены единичные фрагменты сосудов, декорированных орнаментом в виде листьев плюща, ветвей и точек, – подражания керамике "Западного склона" Агоры, изготовленные, очевидно, в мастерской Сагалассы. Деятельность этой же мастерской на более позднем этапе была рассмотрена в докладе *О. Бунегру, Дж. Побломе* (Бельгия). Доказано, что terra sigillata здесь производилась с третьей четверти II в. до н.э. Бельгийские ученые занимались изучением производственных процессов в этих мастерских при помощи археометрических методов.

Ю.П. Зайцев (Украина) предложил вниманию коллег оригинальное сообщение, основанное на предположении о существовании керамической мастерской, обслуживавшей потребности высшей скифской аристократии Неаполя Скифского. Мастерская функционировала во второй половине II в. до н.э. Профессиональное гончарство не получило развития у поздних скифов из-за широкого распространения высококачественной греческой посуды и широкого использования лепной керамики. Однако во время раскопок так называемого Южного дворца обнаружено большое количество гончарной посуды: кувшины, чаши, алтари, фимиатерии, светильники, терракоты, оригинальные ритуальные сосуды. Возможно, они изготавливались малыми сериями в городе и использовались обитателями дворцового комплекса.

Очень интересна тема подражаний "высоким" образцам как в керамике, так и в других материалах. Предметом копирования служили популярные виды сосудов из разных регионов эллинистического мира. На территории материковой и островной Греции были распространены подражания апулийской керамике, очень популярной в IV в., аттической керамике, керамике стиля Гадра и Гнафия. Этот тезис подтвержден выступлениями многих археологов, представивших вниманию коллег материалы своих исследований.

Х. Карадима (Греция) рассказала о керамике с орнаментом типа "западного склона" из раскопок Маронеи (Халкидики). Находки дают возможность точно датировать слои, поскольку здесь часто находят монеты, амфорные штампованные ручки. Образцы керамики этого типа датируются от последней четверти IV в. до н.э. до II в. до н.э. Анализы показали их местное производство. *М. Енглезу* (Греция) познакомила коллег с керамикой типа Гадра из мастерской "Дафнис", найденной в окрестностях Феста (Крит). Сосуды происходят из некрополя и представляют собой ранние варианты такого типа. Среди поздних, по форме и декору выделяется маленькая гидрия (филастрон): единственная известная ей аналогия происходит из окрестностей Мегар. Мегарские чаши или, как их еще называют, "чаши с рельефным декором" были исключительно популярны и производились во многих областях эллинистического мира.

Дж. Фалко (США) посвятила свой доклад производству керамики с рельефным декором в Сицилии (Агриенто, Ликата и Моргантина). Она собрала все известные в музейных собраниях и публикациях чаши из Сицилии и доказала их местное производство. Чаши из Моргантины оказались особенно интересными, поскольку дают возможность установить хронологию и этапы развития типа – известно, что город был основан в 211 г. и разрушен в конце I в. до н.э.

Интересные данные об эллинистической керамике Палестины сообщила *Х. Хидри* (Израиль). На материалах некрополя Дирраха, крупного торгового центра эллинистического времени, были проведены петрографические анализы 335 ваз, распи-

санных в стиле краснофигурной апулийской керамики, чернолаковых сосудов, мегарских чаш. Во многих случаях доказано их местное производство.

Копирование форм стеклянных и металлических сосудов в керамическом производстве – явление довольно распространенное. Оно дает возможность более точно определять хронологию комплексов, в которых отсутствуют хорошо датируемые категории находок. Прямым доказательством этому был доклад *Б. Барр-Шеррар* (США) "Керамическая стамноидная ситула с рельефным фризом". Доклад посвящен малоизвестному сосуду с рельефным фризом из музея Метрополитен в Нью-Йорке. Ситула имеет аналогии среди металлических (бронзовых) сосудов Македонии, Фессалии, Фракии и Южной Италии. Место наибольшего их распространения и производства – материковая Греция и Пелопоннес. Характерные двойные подвижные ручки с львиными головками-масками изготавливались отдельно. Назначение керамических сосудов было, очевидно, тем же, что и у металлических.

Формы керамических и металлических сосудов послужили образом при производстве изделий из стекла. Это интересное явление было рассмотрено в докладе *Д. Игнатиду* (Греция) "Керамика и стекло из раннеэллинистической Македонии". Предположительно, Македония в IV–III вв. до н.э. была одним из центров производства стеклянной посуды, имитирующей керамические и металлические скифосы, килики, фиалы, канфары.

Эллинистические амфоры также стали объектом пристального внимания исследователей. *К. Баркер* (Австралия) сообщил о многочисленных родосских амфорах из самого крупного эллинистическо-римского могильника Кипра, расположенного в районе "Гробницы царей" у древнего Пафоса. Памятник был раскопан Софоклосом Хаджасаввасом с 1977 по 1990 гг. В погребальный инвентарь обязательно включались амфоры. Амфорные материалы позволяют уточнить хронологию памятника, отдельных погребальных комплексов, увеличить списки и уточнить хронологию родосских фабрикантов и эпонимов.

В докладе *М. Лаваля* (Канада) предпринята попытка создания типологии и хронологии неклейменных амфор Афинской агоры, найденных в слое, датируемом временем между 325 и 225 гг. Выделяется три типа амфор: 1) с грибовидным венчиком, которые производились в юго-восточной части Эгейского моря начиная с позднего V в. и существовали до III в. включительно, 2) с высоким конусообразным поддоном, производившиеся в Северной части Эгейского моря, 3) с высоким горлом, широким коническим туловом и кнопкообразной ножкой, появляющиеся в конце IV в. до н.э. и существующие до III в. до н.э. Очень часто этот тип относят к хиосскому производству, но в то же время сосуды похожи на родосские кувшины III–II вв. до н.э.

Сравнительной характеристике амфорного импорта в Северное Причерноморье (350–300 гг. до н.э.) был посвящен доклад *Г.А. Ломтадзе* (Россия). Выборка подготовлена на материалах Нижнего Днестра и Боспора. Материалы днестровской группы памятников очень разнородны, в то время как боспорские – очень близки, что объясняется контролем Спартокидской династии над экспортом и импортом вина на Боспоре. Для варварских памятников характерно преобладание винных амфор и отсутствие амфор для масла. Состав амфорной тары отражает направление торговых связей в Северном Причерноморье.

Интересные результаты дали петрографические анализы эллинистических остродонных амфор Крита. Сотрудники специальной лаборатории при Британской археологической школе в Афинах *Н. Воейкоф-Броган*, *Й. Ейринг*, *М.К. Було*, *Й. Витбред* исследовали амфорный материал позднеэллинистического времени из поселений восточного Крита Мохло Ситиас и Пирго Мирту. При раскопках здесь было найдено большое количество остродонных амфор, которые отличаются от местных изделий. Анализы образцов указали на производство амфор в мастерской около Иерапетра, где в конце III в. до н.э. находился крупный городской центр. Ранее считалось, что международная торговля вином началась после захвата острова римлянами. Теперь ясно, что интенсивное производство критского вина и торговля им относятся еще к эллинистическому времени. Петрографические анализы позволяют определить место производства сосудов: амфоры из Кносса имеют песчанистую глину, а для амфор из Мохлоса и Миртос Пиргос характерна глина с включениями вулканических пород.

Кроме тарных амфор на эллинистических памятниках встречаются столовые чернолаковые амфоры. *А. Ангели* (Греция) сообщила о чернолаковых амфорах из северо-западного некрополя Амвракии, который датируется V–I вв. до н.э. В погребальных комплексах встречаются как простые чернолаковые амфоры, так и амфоры с ручками, основания которых украшены рельефными головками, и амфоры типа "Западного склона".

На симпозиуме обсуждалась важная для археологов, занимающихся позднеклассической раннеэллинистической керамикой, проблема хронологии позднего краснофигурного стиля. Греческие исследователи склоняются к датировке поздних ваз первой четвертью III в. до н.э., приводя в доказательство закрытые комплексы с монетами. Таким образом, как будто бы вновь подтверждаются датировки М.М. Кобылиной, предложенные для поздних "боспорских пелик". В частности, доклад *В. Самбетаи* (Греция) "Чернолаковая и поздняя краснофигурная керамика из некрополя древней Акрафии" (Беотия) был посвящен погребальному комплексу с аттической расписной пеликой группы "G" и чернолаковой керамикой беотийского производства, датируемой началом III в. до н.э. На территории современной Албании В. Берети (Греция) исследует некрополь древней Амантии. Среди интересных находок – расписные краснофигурные вазы в комплексах с монетами IV–III вв. до н.э. и хорошо датируемыми металлическими изделиями.

Для дискуссионного обсуждения были предложены три темы, которые считаются сейчас наименее разработанными. Обсуждались типология и хронология кухонной посуды: формы ее были очень консервативными, а типы разнообразны и изменчивы, поскольку она изготавливалась в основном местными мастерами. Основным стал доклад *С. Ротроф* (США), с нетерпением ожидаемый всеми участниками симпозиума. Он был посвящен кухонной керамике IV–I вв. до н.э., найденной при раскопках Афинской агоры. Изучение закрытых комплексов – цистерн, хозяйственных ям – позволило разработать хронологию кухонной посуды на основании совместных находок с точностью до 50–70 лет.

В. Андерсон-Стоянович (США) поделилась с коллегами проблемами, которые возникли у нее при изучении эллинистической кухонной утвари из поселения Рачи на Истмосе (район Коринфа). Датированные отложения раннего эллинистического времени дают возможность уточнить представления о коринфской кухонной посуде. Грубые тонкостенные сосуды, такие как кастрюли и сотейники, использовались для приготовления еды; кувшины, кратеры – для хранения и переноски воды, однако качество теста, из которого изготовлена вся эта утварь – одинаково.

П. Хатцидакис (Греция) создал типологию и хронологию кухонных сосудов Делоса, определил их функциональное назначение, а также нашел им аналогии в современной греческой кухне. В современных греческих деревнях до сих пор используются те же типы кухонных сосудов, что и в древности, но уже металлические.

Д. Млинарчик (Польша) охарактеризовала некоторые типы кухонных сосудов их эллинистических слоев Шаар Ха-Амакима в Западной Галилее, испытавшего в III–I вв. до н.э. сильное финикийское влияние.

Второй темой для обсуждения была эллинистическая керамика "Западного склона" Афинского акрополя, широко известная и в то же время недостаточно четко классифицированная. С докладом об основных типах сосудов и декоративных мотивах, характерных для них, выступила *С. Ротроф*. Он вызвал большой интерес, последовало множество выступлений и реплик, суть которых сводилась к тому, что названные ею типы сосудов и орнаментов были широко распространены по всей античной ойкумене. *И. Александропулу*

(Греция) выдвинула гипотезу о происхождении этой группы керамики. Изучив материалы Эпира и Северного Пелопоннеса, она посчитала, что стилистические и технологические особенности керамики "Западного склона" указывают на ее происхождение от керамики типа Гнафия. Она отмечает, что подобное влияние апулийской керамики стало возможным благодаря тесным торговым связям между Южной Италией и Ионийскими островами.

Большие споры вызвал вопрос о типах и названиях эллинистических сосудов. До сих пор не существует единой типологии для всей эллинистической керамики. Более того, пришлось отметить полнейшую путаницу в наименованиях сосудов и даже в определении их функционального назначения. *С. Другу* (Греция) предложила проект совместного издания типа археологического словаря-справочника по эллинистической керамике, в котором были бы представлены рисунки или фотографии древних сосудов, их древние и современные названия, фрагменты сочинений древних авторов, в которых говорится о назначении и использовании этих сосудов. Ее сообщение бурно обсуждалось. Пришли к выводу, что античные источники малоинформативны, поскольку дают в основном обобщенные название для всех типов ваз. Большего внимания заслуживают граффити. Выступила Х. Вальяну (Институт археологии Крита) и сообщила, что уже готовится такой словарь по керамике, который приведет в соответствие названия древних сосудов в разных европейских языках. Вызвала споры также типология и хронология эллинистической керамики. Греческие археологи предлагают датировку по материалам конкретных погребальных комплексов материковой и островной Греции, содержащие монеты и изделия из металла. Они настаивают на том, что назрела необходимость менять устаревшие датировки, сложившиеся на основе изучения афинской агоры, поскольку Афины в это время не более чем один из торговых центров, а никак не центр мира. Западные коллеги, русские и украинские археологи в своих датировках традиционно следуют разработкам, созданным на материалах Агоры. С. Ротроф в своем выступлении заявила, что ее датировки оправдывают себя в пределах изучаемого ею памятника и являются вполне обоснованными. Очевидно, что нужна длительная совместная работа по разработке хронологии и типологии эллинистической керамики. Материалы симпозиума, которые будут опубликованы в ближайшее время, станут важнейшим вкладом в эту работу.

Естественным продолжением заседаний были выезды на памятники древней Фессалии и Магнезии – Алос, Феру, Димитриаду, Киерион. Среди самых ярких – впечатления о древней Фере. Она упомянута Гомером в "Списке кораблей", отсюда родом царь Алкест и его дочь Алкестида – символ любящей и самоотверженной жены. В ремесленном районе города А. Дулгери-Интзесилоглу были проведены охранные работы, в ходе которых были открыты пять великолепно сохранившихся гончарных печей и двор керамической мастерской эллинистического времени. Остался в памяти и храм Аполлона у древнего города Метрополис (недалеко от современной Кардицы). Раскопки под руководством Б. Интзесилоглу проводятся в течение трех последних лет. Здесь найдена бронзовая скульптура Аполлона IV в. до н.э. Она была установлена на специальном постаменте вместе с двумя другими изваяниями, от которых на постаменте сохранились вырубки в форме ступней. Ученые предполагают, что здесь находились скульптуры божественной сестры Аполлона Артемиды и его матери Лето. Во II в. до н.э. храм был разрушен землетрясением. Небольшая фигурка Аполлона была завалена мелкими обломками камня и черепицей – ее не нашли после катастрофы. Две другие скульптуры были, очевидно, найдены и перенесены в новое святилище. Старый храм был заброшен. Сейчас памятник почти полностью исследован, ведется его реставрация и реконструкция. Конечно, не все идеально в деле охраны памятников в Греции: археологи жалуются на недостаток средств, на попытки скрыть от археологических служб вновь найденные памятники. Но власти – и местные, и центральные – относятся к сохранению исторических памятников, как к делу государственной важности и национального престижа. Нужно отметить постоянное участие Европейского Союза в финансировании мероприятий по музеефикации и реставрации памятников археологии. Это благоприятно сказывается на сохранности памятников и на успешном развитии археологии.

Институт крымоведения, Симферополь

И.И. Вдовиченко

КОНФЕРЕНЦИЯ "ДРЕВНИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ ПРИУРАЛЬЯ" (Ижевск, 2000)

Конференция состоялась 21–23 ноября в Ижевске. Ее проведение стало возможным при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 00-01-14010г). Научно-организационной базой конференции стал Удмуртский институт истории языка и литературы Уральского отделения РАН. Мероприятие проводилось в целях расширения работ по проекту "Процесс становления ремесла у древних удмуртов (на примере железообрабатывающего производства)" (грант РГНФ 99-01-00008а). В задачи конференции входило всестороннее рассмотрение вопросов, связанных с историей ремесленного производства в Приуралье и на смежных территориях. Следует отметить, что конференция по такой тематике проводилась впервые. Интерес к рассмотрению процессов становления ремесла именно в данном регионе обусловлен, прежде всего, тем, что здесь происходило взаимодействие производственных традиций различных этносов: финно-угров, волжских болгар, русских. Письменные и фольклорные источники по ремесленному производству для данной территории практически отсутствуют. Поэтому основным источником для изучения истории ремесла древних обществ Приуралья являются данные археологии. Возможности археологии значительно расширяет использование методов естественных наук (металлографии, спектрального анализа, петрографии и т.д.). Данные аналитических исследований предоставляют качественно новую информацию по истории ремесла. В этом направлении, как явствует из прочитанных докладов, достигнуты определенные успехи.

Основные вопросы, обсуждавшиеся на конференции, были связаны с такими проблемами, как зарождение ремесленных традиций финно-угорских народов Приуралья, традиции и инновации в приуральском ремесле, взаимодействие ремесленного производства Древней Руси, Волжской Болгарии и финно-угорских племен, применение естественнонаучных методов в исследовании ремесла, методологические принципы подхода к изучению древнего ремесленного производства, ремесло как феномен человеческой культуры.

В работе конференции приняли участие специалисты из научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Перми, Ижевска, Екатеринбурга, Сыктывкара, Владивостока, Рязани. Было заслушано более 30 докладов и представлено 2 стендовых доклада.

Конференция открылась докладом *М.Г. Ивановой* и *К.И. Куликова* (Ижевск), которые остановились на основных достижениях археологических исследований Удмуртского ИИЯЛУрО РАН в последние десятилетия (1970–1990-е гг.) и охарактеризовали особенности научных разработок последнего времени. Были особо отмечены комплексные исследования средневековых памятников V–XVШ вв., ведущиеся с привлечением специалистов в области естественно-научных дисциплин.

Ряд докладов был посвящен обсуждению проблем методологических и методических принципов изучения древнего ремесла. *Л.В. Конькова* (Владивосток) констатировала, что новое поколение аналитической техники позволяет существенно расширить возможности изучения древнего ремесла. В докладе ею были рассмотрены проблемы интерпретации полученных аналитически данных и важность корректной постановки задач при изучении древней и средневековой техники и технологии. *Ю.Б. Цетлин* (Москва) представил эволюцию исследовательских подходов к изучению керамики в археологии, охарактеризовал и определил место основных направлений изучения древней керамики в современной науке. Автор выделяет три методологических подхода к изучению древней керамики, которые отражают три последовательные ступени или этапа в развитии процесса познания. В докладе *В.К. Рахилина* (Москва) ремесленные изделия Приуралья, в первую очередь фигурки животных из различных материалов, а также сюжеты наскальной и пещерной живописи представлены как источник изучения природных явлений прошлого. Их анализ и сопоставление позволяют проводить исторические реконструкции как отдельных элементов фауны, так и общей природной ситуации.

Серия докладов представляла итоги исследования железоделательного производства финно-угорских племен Прикамья и Приуралья в эпоху средневековья. Практически во всех выступлениях подчеркивалось значение кузнечного ремесла как основного в средневековой экономике. *Л.С. Розанова и Н.Н. Терехова* (Москва) посвятили свой доклад технологической характеристике древнейших железных изделий из Волго-Камья. На основании аналитических исследований раннеананьинских изделий из черного металла прослежено южное (кавказское) направление производственных связей восточнофинских племен. Сделан вывод, что первоначально контакты выразились в виде поступления вещей, а позднее – в приходе мастеров. *Г.В. Бельтиковой* (Екатеринбург) подведены некоторые итоги изучения зауральского иткульского очага металлургии эпохи раннего железа. *В.И. Завьяловым* (Москва) на примере археометаллографического анализа продукции железообрабатывающего ремесла поставлен вопрос и сделаны некоторые выводы о знаниях древних удмуртов о физико-химических свойствах материала. В докладе *Л.С. Розановой* (Москва) и *Н.Н. Чесноковой* (Сыктывкар) представлен систематизированный свод 200 железных предметов из 47 средневековых памятников Припечорья. Общая типологическая схема дополнена результатами металлографического анализа 66 предметов VIII–XVI вв. Выделены железные изделия, произведенные северными мастерами, а также поступавшие в ограниченном количестве в XV–XVI вв. предметы из "русского железа". В своем докладе *А.В. Бирюков* (Сыктывкар) охарактеризовал металлообрабатывающий инструментарий перми вычегодской, обнаруженный в средневековых могильниках и поселениях Европейского Северо-Востока.

Проблемам становления и развития ремесленного производства в эпоху средневековья в Прикамье, формированию ремесленных центров, производственным и торгово-экономическим связям были посвящены доклады *Р.Д. Голдиной* (Ижевск) и *А.М. Белавина* (Пермь). *А.Г. Ивановым* (Ижевск) на материале могильников VIII–XII вв. бассейна Чепцы охарактеризованы погребения так называемых ремесленников, определены специфические черты таких захоронений. О ремесленных мастерских по гончарному и металлургическому производству Вятской земли XIII–XVI вв. доложил *Л.Д. Макаров* (Ижевск).

Доклады казанских археологов были посвящены характеристике ремесленного производства, в первую очередь металлообработке, в ранней и домонгольской Волжской Булгарии. *Е.А. Беговатовым* охарактеризован ремесленный комплекс Билярского II селища. *С.И. Валиулина* и *Р.Х. Храмченкова* свое выступление посвятили химическому составу серебряных и бронзовых украшений из погребений Большетиганского могильника IX–X вв. (определения проведены на основании спектрального анализа). В докладе было проведено сопоставление полученных результатов с опубликованными материалами синхронных памятников. *К.А. Руденко* охарактеризовал булгарское ювелирное, бронзолитейное и кузнечное ремесла XI–XIV вв. с точки зрения технологических и типологических особенностей; автор остановился и на проблеме "булгарских" традиций в ремесле, роли инокультурных влияний в сфере производства и распространения ремесленной продукции. В докладе *Л.Ф. Недашковского* приведен анализ некоторых категорий предметов из цветного металла и литейных форм с золотоордынского Увекского городища.

Общей темой объединены доклады исследователей из Санкт-Петербурга. Они были посвящены изучению украшений из цветного металла из так называемых антских кладов. *А.Н. Егорьков* и *О.А. Щеглова* охарактеризовали металл "антских" кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа. В результате проведенного исследования сделан вывод об особенностях производства сплавов, среди которых особый интерес представляют свинцово-оловянные. *О.А. Щеглова* на материале кладов "древностей антов" VII в. выявила серийные, оригинальные и имитационные изделия, входящие в состав как женского парадного убора, так и мужских парадных поясов геральдического круга. Их сопоставление позволяет говорить о производстве комплектов серебряных и латунных украшений в основном на заказ, а однотипных украшений из легкоплавких сплавов – большими сериями на рынок. *Е.А. Шаблавина* на основе морфолого-трассологического анализа пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. охарактеризовала особенности изготовления латунных украшений в технике литья по восковой модели. Выявлен промежуточный этап изготовления твердого шаблона из пластичного материала.

Изучению орудий труда из состава погребального инвентаря рязано-окских могильников по коллекциям Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника было посвящено выступление *Е.в. Буланкиной* (Рязань).

В ряде докладов авторы остановились на вопросах, связанных с изучением древнего стекла и стеклоделия. *С.И. Валиулина* (Казань) рассмотрела химический состав, рецептурные нормы, номенклатуру стеклянных изделий, специфику сырьевых материалов и огнеупоров ремесленных центров Волжской Болгарии домонгольского периода. *А.Г. Векслер* и *Ю.А. Лихтер* (Москва) проанализировали изделия из стекла с венецианской нитью из культурного слоя Москвы XVII в., а *Е.К. Столяровой* (Москва) была сделана попытка уточнить происхождение стеклянных перстней эпохи средневековья из Москвы. Автор предполагает, что эти украшения изготавливались в тех мастерских, которые специализировались на эмалевой росписи по стеклу и на изготовлении глазурованных покрытий на керамических изделиях.

В выступлениях нашли также отражение и вопросы, связанные с изучением ткачества и костерезного дела. *Н.Б. Крыласова* (Пермь) охарактеризовала находки тканей из верхнекамских могильников VIII–XI вв. и некоторые особенности их производства. *Д.А. Салангин* и *С.В. Салангина* (Ижевск) на основе трассологического анализа и экспериментального изучения костяных изделий Прикамья I тыс. до н.э. – I тыс. н. э. выделили группы костяных изделий, использовавшихся в гончарном производстве. В докладе *О.Г. Богаткиной* (Казань) в результате изучения костных остатков млекопитающих, найденных на городище Иднакар, определены основные приемы обработки кости при изготовлении предметов утилитарного назначения.

На конференции были представлены доклады, тематика которых находится на стыке интересов этноархеологии, фольклористики, этнографии и семиотики. *О.В. Игнатьева* (Пермь) в своем докладе предположила существование тесной связи некоторых сюжетов пермского звериного стиля, в первую очередь образ ящера, с металлургическим (бронзолитейным) ремеслом. *Н.И. Шутова* (Ижевск) рассмотрела ритуальные функции некоторых категорий железных предметов в традиционной культуре удмуртов, ретроспективно прослеживаемые по данным археологии. *Т.Г. Владыкина* (Ижевск) предложила объяснение символу "меч-кладенец", встречающемуся в эпических преданиях удмуртов.

На конференции также было предложено два стендовых доклада: *П.Ю. Черносвитова* (Москва) "Ремесло как часть системы жизнеобеспечения социума" и *Г.Г. Король* (Москва) "Красная нить" в искусстве кочевников от скифов до сельджукидов".

Все доклады, прочитанные на конференции, вызывали оживленную дискуссию, в результате которой прошло всестороннее обсуждение ключевых проблем, озвученных в тематике конференции. Большое внимание в выступлениях было уделено непосредственной роли мастера в технологическом процессе ("человеческий фактор"). Было высказано предположение, которое поддержало большинство участников конференции, что значение личности ремесленника в керамическом производстве проявляется нагляднее, нежели в ремеслах, связанных с обработкой металла. Высокую оценку получил комплексный подход к вопросам ремесленного производства. Было высказано пожелание продолжать подобные тематические конференции. Насущной задачей становится создание информационного центра, в частности и по вопросам изучения древнего ремесла. Таким центром мог бы стать сайт в Интернете одного из приуральских археологических учреждений.

Участники отметили высокий научный уровень заслушанных докладов, выразили благодарность всем организаторам конференции за создание условий для плодотворной работы.

В конце работы конференции для участников было организовано знакомство с археологическими фондами Национального музея Удмуртской Республики, Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН и Удмуртского государственного университета. Материалы конференции подготовлены к печати отдельным сборником "Древние ремесленники Приуралья", который сдан в производство в конце 2000 г.

Институт археологии РАН, Москва *В. И. Завьялов*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 187–188

ХРОНИКА

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА КУБЫШЕВА (1938–2001)

Над украинской археологией в последние годы словно тяготеет какой-то рок. С интервалом в несколько лет ушли в Вечность начальники крупных степных экспедиций Института археологии НАН Украины, почти ровесники Николай Чередниченко, Борис Мозолевский, Василь Бидзиля. А в ранних сумерках, в канун Рождества, мы провожали в последний путь еще одного яркого представителя славной когорты археологов-полевиков Анатолия Кубышева, кончина, которого последовала 4 января 2001 г.

Известный археолог, руководитель ряда экспедиций, добрый и открытый человек, он всю свою жизнь проработал в институте археологии НАН Украины.

Анатолий Иванович Кубышев родился 26 апреля 1938 г. в Старобельске Луганской области, в семье партийного работника. Вырос на Черкащине, там же окончил среднюю школу. В 1955–1960 гг. обучался на историко-философском факультете Киевского университета им. Т.Г. Шевченко, где его сокурсниками и друзьями были В.И. Бидзиля, П.П. Толочко. Учился он очень хорошо, увлеченно занимался спортом, был членом археологического кружка при кафедре археологии. Поэтому приход его в ноябре 1960 г. в Институт археологии АН УССР был вполне закономерен.

Будучи еще старшим лаборантом, А.И. Кубышев проявил себя как чрезвычайно активный полевой исследователь. В 1964–1968 гг. он проводит свои первые самостоятельные работы – раскопки древнерусского поселения X–XV вв., уцелевшего во время татаро-монгольского нашествия, у с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого района Киевской области, являясь начальником отряда Каневской древнерусской экспедиции. Это событие стало ключевым моментом в формировании молодого археолога как полевого исследователя. Уже первые результаты исследования Комаровского поселения были впечатляющи (позднее материалы раскопок были изданы монографически) и поэтому абсолютно закономерно, что в 1966 г. Анатолия Ивановича переводят на должность младшего научного сотрудника. Этот год был в определенной степени этапным в его исследовательской судьбе. Наряду с работами на Комаровском поселении он в качестве начальника Киевской экспедиции начал раскопки крупнейшего в Среднем Поднепровье могильника зарубинецкой культуры, расположенного на живописных склонах Днепра у с. Пирогов к югу от Киева. Раскопки продолжались до 1972 г. и в итоге были получены крайне важные материалы, опубликованные А.И. Кубышевым как самостоятельно, так и в соавторстве. Следует подчеркнуть, что на территории, занимаемой Пироговским могильником, были исследованы не только доминировавшие погребения "зарубинцев", но и трипольские захоронения, и могилы скифского периода, что сделало его первоклассным комплексным памятником древней истории лесостепной части Правобережной Украины. Пироговский могильник был, если так можно сказать, первой археологической любовью Анатолия Ивановича, к его материалам он обращался и впоследствии, по прошествии лет, когда судьба его уже прочно связала с древностями причерноморских Степей.

Встреча же Кубышева с курганной археологией произошла в 1969 г. В тот период его научные интересы были еще направлены на изучение раннеславянской проблематики.

Конец 60-х годов минувшего века ознаменовался широким строительством мелиоративных систем на Юге Украины, что вызвало необходимость организации охранных археологических исследований в зоне новостроек. От Института археологии АН УССР это требовало формирования ряда новых хоздоговорных экспедиций и усиления активными кадрами уже действующих новостроечных подразделений. Именно в такой ситуации Анатолий Кубышев, уже имеющий полевой опыт, попадает в Каховскую (впоследствии Херсонскую) новостроечную экспедицию, которой в то время руководил А.М. Лесков.

Чрезвычайно напряженными для А.И. Кубышева были 1969–1972 годы: приходилось осуществлять масштабные археологические исследования и на юге, и на севере Украины. (Выручали его активность и энергия.)

В 1972 г. за активное участие в работе Херсонской экспедиции, А.И. Кубышев был награжден грамотой и денежной премией Совета министров УССР.

В 1973 г. Херсонскую экспедицию возглавил А.И. Тереножкин, а его заместителем стал Анатолий Иванович, через год он становится начальником экспедиции. Двадцать полевых сезонов Херсонская экспедиция под его руководством проводила охранные исследования курганов в зоне сооружения гигантской оросительной системы – Каховской. Работы осуществляли несколько отрядов на территории от Днепра до Азовского побережья. Взнос экспедиции в источниковую базу по изучении древней истории Восточной Европы огромен: за период ее работы раскопано не менее 1000 курганов, содержащих несколько тысяч погребений, охватывающих хронологический диапазон – от энеолита до позднего средневековья.

Понятно, что такой широкий спектр археологических памятников, оказавшихся в поле деятельности экспедиции, требовал от ее начальника основательных знаний по древностям различных эпох и, к сожалению, не способствовал сосредоточению на какой-то сравнительно узкой тематике, ра-

бота над которой могла воплотиться, например, в написание диссертации.

На рубеже 70–80-х годов Анатолий Кубышев совместно с коллегами по экспедиции совершил выдающееся открытие – зафиксировал у носителей катакомбной культуры (XXI–XVII ст. до Р.Х.) обряд моделирования человеческого лица по черепу. Позднее проявления этого ритуала стали выявлять и другие степные экспедиции на Украине, доведя количество подобных случаев до 100. Перечень важных находок и удач Херсонской экспедиции, к которым причастен А.И. Кубышев, велик: здесь и уникальный набор литейщика катакомбной культуры в Приазовье (Малая Терновка), и грунтовой могильник белозерской культуры у Черной Долины, и ряд погребальных комплексов аварских и печенежских всадников. Но как скифологи считаем необходимым отметить, что Анатолию Ивановичу, безусловно, обязано рядом важных полевых открытий и скифоведение: им вместе с соратниками по экспедиции исследованы сотни скифских захоронений, содержащих ценную информацию об одном из интереснейших периодов истории древнего Северного Причерноморья. В 1990 г., на закате новостроечного экспедиционного бума, Анатолию Ивановичу посчастливилось исследовать Братолюбовский курган V в. до н.э., золотые шедевры из тайника которого стали своеобразным венцом в череде ярких находок скифской материальной культуры.

Невзирая на большую занятость (его полевой сезон длился порой более полугода), А.И. Кубышев стремился оперативно информировать коллег о результатах работ экспедиции. Он непременный участник археологических собраний самого различного уровня – от полевых семинаров до международных конференций.

Печатное наследие Анатолия Ивановича составляет более 60 работ, в том числе 2 монографии – "Поселення Дніпровського Лівобережжя X–XV вв." (Киев, 1995, соавтор С.А. Беляева) и "Скифские курганы Утлюгского междуречья (в Северо-Западном Приазовье)" (Киев, 1997, соавтор С.В. Полин). Тематика его статей широка: от мезолита Присивашья до эпохи поздних кочевников.

А.И. Кубышев не замыкался на экспедиционной деятельности и кабинетной работе, был в добрых отношениях со многими "музейщиками" Украины, оказывая им ощутимую помощь в организации и обеспечении экспозиций многих музеев: Каховского, Херсонского, Бориспольского, Переяславль-Хмельницкого музея-заповедника и Музея исторических драгоценностей Украины. Он принимал самое активное участие в подготовке украинских археологических выставок в Германии, Италии, Японии, Польше, США, Швеции, в числе экспонатов которых ключевое место занимали находки Херсонской экспедиции, прежде всего шедевры из Братолюбовского кургана.

Коллеги большей части Украины хорошо знали А.И. Кубышева. База Херсонской экспедиции в Каховке долгие годы для многих была своеобразным центром, уютным местом для ночлега, общения и приятных встреч, обмена новостями о последних находках. На ней бывали не только археологи, но геологи и ботаники, художники, литераторы, целые киногруппы. Кстати, там завязались приятельские отношения Анатолия Ивановича с актерами и режиссерами Иваном Мыколайчуком и Леонидом Быковым. Экспедиция всегда была открытой для коллег: в ее составе в разные годы работали археологи России, Литвы, Болгарии. А в дни чернобыльской беды дети многих киевских археологов нашли убежище на базе экспедиции.

Внешне Анатолий Иванович был хорош собой, отличался крепостью сложения и физической силой, его шутливо называли "Куб", имея ввиду не только сокращенный вариант фамилии. Был он жизнелюбом в прямом смысле этого слова: любил женщин и многие представительницы прекрасного пола отвечали ему тем же, ценил хорошую мужскую компанию с неторопливыми беседами обо всем на свете.

С уходом таких людей Земля становится несомненно беднее.

Последний приют Анатолия Ивановича Кубышева – некрополь к югу от Киева, напротив которого, в отдалении, за долиной небольшой речки Вита синеют холмы любимого им археологического памятника – Пироговского могильника.

Институт археологии НАН Украины, Киев

Ю. В. Болтрик, С. А. Скорый

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 4, с. 189–192

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОМА ЗА 2001 г.

Абрамов А.П. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. № 3, 137–143.

Авилова Л.И. Древние бронзы Леванта. № 1, 15–26.

Албегова З.Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона). № 2, 83–96.

Алексеев А.Ю. Греческие амфоры из Краснокутского кургана. № 4, 69–76.

Алпаткина Т.Г. Дневники В.А. Шишкина в архиве Государственного музея Востока. № 1, 117–124.

Аль-Ма'мари А.Р. Исследования неолита на Аравийском полуострове: современное состояние и проблемы. № 1, 5–14.

Амиров Ш.Н. см. Мунчаев Р.М.

Антонова И.А. см. Зубарь В.М.

Армарчук Е.А. О журнале "Татарская археология". № 1, 133–137.

Архипова Е.И. О месте погребения Ярослава Мудрого (проблема княжеской усыпальницы). № 1, 37–44.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства?. № 2, 43–55.

Афанасьев Г.Е., Мастыкова А.В. Франко-российское сотрудничество в области раннесредневековой археологии: новые результаты. № 2, 180–182.

Баранов И.А., Майко В.В. Тюркское святилище Сугдеи. № 3, 98–110.

Белан Ю.А. см. Скорый С.А.

Болтрик Ю.В., Скорый С.А. Памяти Анатолия Ивановича Кубышева (1938–2001). № 4, 187–188.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. 40-я региональная археолого-этнографическая студенческая конференция (Новосибирск, 2000). № 3, 182–183.

Брыкина Г.А. см. Маршак Б.И.

Буров В.А. Белокаменное надгробие Михаила Озерова из Соловецкого монастыря. № 2, 132–134.

Бушмакин А.Ф. см. Таиров А.Д.

Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.). № 3, 123–131.

Вдовиченко И.И. Новые вазы "керченского стиля" в собраниях крымских музеев. № 3, 67–76.

Вдовиченко И.И. Шестой международный симпозиум по эллинистической керамике (Волос, 2000). № 4, 180–183.

Векслер А.Г. Находка каменной иконки на Старом Гостином дворе в Москве. № 1, 115–116.

Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье. № 2, 126–131.

Высотская Т.Н. К вопросу о позднескифских зольниках. № 3, 77–87.

Гаврилюк Н.А. "Великая Скифия" как показатель терминосистемы скифологии. № 2, 16–22.

Гавритухин И.О. см. Надь М.

Гобеджишвили Г.Г. см. Инанишвили Г.В.

Группа товарищей. Памяти Владислава Серафимовича Долгорукова (1940–2001). № 3, 188–189.

Гуляев В.И. О фракийских влияниях в курганных материалах скифского времени на Среднем Дону. № 4, 138–143.

Гупало В.Д. Раннесредневековые гончарные клейма (к дискуссии о назначении). № 1, 27–36.

Даркевич В.П. Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000. № 3, 144–149.

Дорфман А.М., Останина Т.И. Опыт консервации музейных коллекций археологического металла. № 2, 135–138.

Досымбаева А.М., Лошакова Т.Н. Маргулановские чтения–2000 (Алматы, 2000). № 1, 173–177.

Дремов И.И. см. Юдин А.И.

Дьячков С.В., Журавлев Д.В. Книдский ойнофор из Херсонеса. № 1, 110–114.

Дэвлет Е.Г. см. Дэвлет М.А.

Дэвлет М.А. Памяти Виталия Васильевича Волкова (1933–2000). № 2, 189–190.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. В.И. Молодин, Д.В. Черемисин. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск, 1999. № 1, 128–132.

Жилина Н.В. Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным (по материалам из раскопок в Тверском кремле). № 3, 35–45.

Журавлев Д.В. см. Дьячков С.В.

Завьялов В.И. Конференция "Древние ремесленники Приуралья" (Ижевск, 2000). № 4, 184–186.

Завьялов В.И. Технологические особенности железных изделий из древнерусских памятников Посулья. № 1, 88–97.

Захаров С.Д. Создание изображений объемных предметов с помощью планшетного сканера. № 2, 139–143.

Захарова Е.Ю. см. Пряхин А.Д.

Збенович В.Г., Сегал И.Д. Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М., 1998. № 2, 152–156.

Зубарь В.М., Антонова И.А. Бутероль ножен длинного римского меча из Херсонеса. № 2, 122–125.

Иванов А.А. Комплекс гуннского времени из дельты Дона. № 2, 119–121.

Иванов Б., Пелевина О. Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с "перевязанной" пальметтой из Болгарии. № 3, 88–97.

Иванчик А.И. Дударев Л.С. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир, 1999. № 2, 157–161.

Инанишвили Г.В., Майсурадзе В.Г., Гобеджишвили Г.Г., Муджири Т.П. К истории горно-металлургического производства Колхиды. № 3, 18–24.

Канторович А.Р. см. Ватлин А.Ю.

Карпухин А.А. см. Черных Н.Б.

Кахидзе А., Мамуладзе Ш. Погребения раннесредневекового периода из Пичвнари. № 1, 76–87.

Качалова Н.К. см. Маршак Б.И.

Кашуба М.Т. Предскифские древности Молдавии в трудах А.И. Мелюковой. № 4, 13–19.

Клепиков В.М. см. Сергацков И.В.

Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве. № 1, 98–109.

Коваль В.Ю. Конференция "Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?" (Москва, 2000). № 3, 168–171.

Козенкова В.И. см. Маршак Б.И.

Козенкова В.И., Савенко С.Н. XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (Кисловодск, 2000 г.). № 2, 167–175.

Корниенко Т.В. К вопросу о культовых постройках халафской культуры. № 3, 5–17.

Костылева Е.Л. см. Уткин А.В.

Кошман В.И. Образок Святого Матфея с перегородчатой эмалью. № 3, 118–122.

Крадин Н.Н. Н. А. Гаврилюк. История экономики степной Скифии VI–III вв. до н.э. Киев, 1999. № 4, 173–175.

Кузьмин Я.В. ^{14}C et Archéology (^{14}C and Archaeology). Actes du 3ème Congrès International / Evin J., Oberlin C., Daugas J.-P., Salles J.-F. Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. XXVI (Supplément 1999 de la Revue d'Archéometrie). Rennes, 1999. № 4, 171–172.

Кулаков В.И. Harhoiu R. Die Fruhe Volkerwanderungszeit in Rumanien. Editura Encuclopedica, Bukarest, 1998. № 1, 155–158.

Кызласов И.Л., Мылтыгашева Л.П. 50-летний юбилей Хакасской археологической экспедиции. № 3, 172–181.

Литовченко В.В. см. Ручинская О.А.

Лопатин А.П. см. Ольховский В.С.

Лошакова Т.Н. см. Досымбаева А.М.

Майко В.В. см. Баранов И.А.

Майсурадзе В.Г. см. Инанишвили Г.В.

Макаров Н.А., Суворов А.В. Новые находки каменных образков и матрицы прикладной печати из Вологды и Белоозера. № 3, 111–117.

Макарова Т.И. К 80-летию Л.В. Алексеева. № 1, 159–163.

Малышев А.А. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. № 3, 132–136.

Мамуладзе Ш. см. Кахидзе А.

Маркин С.В. С. А. Васильев. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996. № 1, 125–127.

Маршак Б.И., Качалова Н.К., Брыкина Г.А., Козенкова В.И. Памяти Натальи Григорьевны Горбуновой (1927–2000). № 3, 184–187.

Маслов В.Е. см. Волков И.В.

Мастыкова А.В. см. Афанасьев Г.Е.

Мастыкова А.В. см. Надь М.

Мастыкова А.В. Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция. № 2, 23–37.

Матвеева Н.П. Всероссийская научная конференция "Экология древних и современных обществ" (Тюмень, 1999). № 1, 164–167.

Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Чикунова И.Ю. Керамические комплексы раннего железного века – поселение Язево-1 (лесостепное Притоболье). № 4, 114–123.

Медникова М.Б. Международный коллоквиум, посвященный изучению трепанации черепа в истории человечества (Великобритания, Бирмингем, 2000). № 1, 178–179.

Мелюкова А.И. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о "Старой Скифии" Геродота). № 4, 20–32.

Мерперт Н.Я. см. Мунчаев Р.М.

Мордвинцева В.И. Декоративные пластины из Бубуеча. № 2, 108–114.

Муджири Т.П. см. Инанишвили Г.В.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Тель Хазна I: итоги новейших исследований (1997–2000 гг.). № 4, 92–113.

Мылтыгашева Л.П. см. Кызласов И.Л.

Мышкин В.Н. см. Сергацков И.В.

Надь М., Мастыкова А.В., Гавритухин И.О. Памяти Аттилы Кишша (1939–1999). № 1, 186–187.

Ольховский В.С., Лопатин А.П. Новопокровская стела эпохи раннего железа. № 2, 115–118.

Останина Т.И. см. Дорфман А.М.

Пелевина О. см. Иванов Б.

Петренко В.Г. см. Волков И.В.

Петренко В.Г., Яценко И.В. К юбилею Анны Ивановны Мелюковой. № 4, 5–12.

Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе. № 2, 97–107.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. "Уйгаракский аргумент" в контексте дискуссии о генезисе звериного стиля скифской эпохи. № 4, 45–52.

Полидович Ю.Б. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника. № 3, 25–34.

Потемкина Т.М. см. Матвеева Н.П.

Прокопенко Ю.А. Элементы культа очага в погребальной обрядности населения Предкавказья в сарматское время. № 4, 162–167.

Пряхин А.Д., Захарова Е.Ю. Международная конференция "Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи" (Воронеж, 2000). № 3, 163–167.

Пряхин А.Д., Сафонов И.Е. Памяти Владимира Ивановича Беседина (1954–2000). № 1, 183–185.

Пушкина Т.А. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands II (The Viking Age of Gotland, II). Stockholm, 1998. № 1, 148–151.

Раевский Д.С. см. Погребова М.Н.

Ручинская О.А., Литовченко В.В. Конференция "Проблемы истории и археологии Украины" (Харьков, 1999 г.). № 2, 176–179.

Савенко С.Н. см. Козенкова В.И.

Савченко Е.И. "Забытый" курган из раскопок П.Д. Либерова. № 4, 153–161.

Сафонов И.Е. см. Пряхин А.Д.

Сегал И.Д. см. Збенович В.Г.

Седов В.В. К этногенезу волжских болгар. № 2, 5–15.

Седов В.В. Arnis Radiņš. 10.–13. gadsimta senkapi latgalu apdzīvotajā teritorijā un Austramlatvijas etniskās sociālās un politiskās vēstures jautājumi. Riga, 1999. № 3, 150–153.

Седов В.В., Смирнов К.А. Памяти Нины Константиновны Лисицыной (1921–2000). № 2, 188.

Сергацков И.В., Клепиков В.М., Мышкин В.Н. IV Международная конференция "Проблемы сарматской археологии и истории". № 1, 168–172.

Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье. № 4, 77–91.

Скорый С.А. см. Болтрик Ю.В.

Скорый С.А., Солтыс О.Б., Белан Ю.А. Большой курган эпохи скифской архаики на Киевщине. № 4, 124–137.

Смирнов К.А. Археология Республики Коми. М., 1997. № 1, 141–145.

Смирнов К.А. В. И. Вихляев. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. № 4, 176–178.

Смирнов К.А. М. Г. Иванова. Иднакар. Древнеудмуртское городище XI–XIII вв. Ижевск, 1998. № 1, 152–154.

Смирнов К.А. Об издательской деятельности Института археологии РАН в 1999–2000 гг. № 2, 150–151.

Смирнов К.А. см. Седов В.В.

Смирнова Г.И. Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища). № 4, 33–44.

Советова О.С. М. А. Дэвлет. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998. № 1, 138–140.

Солтыс О.Б. см. Скорый С.А.

Сорокин А.Н. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999. № 3, 154–162.

Сорочан С.Б. Памяти Инны Анатольевны Антоновой (1928–2000). № 2, 185–187.

Ставиский Б.Я. Памяти Юрия Александровича Заднепровского (1924–1999). № 1, 180–182.

Суворов А.В. см. Макаров Н.А.

Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана и их возможное использование. № 1, 66–75.

Тихонов С.С. VIII Международный научный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" (Владивосток, 2000). № 4, 179.

Толочко П.П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева. № 2, 38–42.

Уткин А.В. Т. Б. Никитина. История населения Марийского края в I тыс. до н.э. // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола, 1999. № 1, 146–147.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Погребения на стоянке Караваиха. № 3, 55–66.

Фиалко Е.Е. По поводу реконструкции головного убора из Рыжановского кургана. № 4, 144–152.

Флеров В.С. "Семикаракоры" – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону. № 2, 56–70.

Флерова В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа?. № 2, 71–82.

Формозов А.А. Муромские исследователи каменного века. № 2, 144–149.

Формозов А.А. Необычная судьба книги о первобытном человеке. № 4, 168–170.

Худяков Ю.С. см. Борисенко А.Ю.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII–XV вв. № 3, 46–54.

Чикунова И.Ю. см. Матвеева Н.П.

Членова Н.Л. Были ли ленская и ангарская тайга прародиной скифов Причерноморья и Северного Кавказа?. № 4, 53–68.

Юдин А.И., Дремов И.И. Международная конференция "Взаимодействие и развитие древних культур пограничья Европы и Азии" (Саратов–Энгельс, 2000 г.). № 2, 162–166.

Юшко А.А. Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. (землевладение Воронцовых-Вельяминовых). № 1, 45–55.

Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века. № 1, 56–65.

Яценко И.В. см. Петренко В.Г.

Список сокращений. № 1, 188; № 2, 191.

Правила для авторов. № 1, 189; № 3, 190.

Памяти Бориса Федоровича Железчикова (1946–2000). № 2, 183.

Авторский указатель журнала "Российская археология" за 2001 г. № 4, 189.